

**ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Магия ИННО:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИКИ
И ЛИНГВОДИДАКТИКИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Том 6, № 1 (2024)

A COLLECTION OF RESEARCH PAPERS

**The Magic of Innovation:
OUTLOOK FOR LINGUISTICS AND LANGUAGE
TEACHING IN THE PRESENT CONTEXT**

Volume 6, No 1 (2024)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
"Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации"

**Магия ИННО:
перспективы развития лингвистики
и лингводидактики
в современных условиях**

**The Magic of Innovation:
Outlook for Linguistics and Language Teaching
in the Present Context**

A COLLECTION OF RESEARCH PAPERS

Volume 6, No 1

Москва
Издательство "МГИМО–Университет"
2024

ISSN 2949-6357

Журнал «Магия ИННО» является международным электронным изданием и публикует научные статьи, отражающие тематику международной научно-практической конференции «Магия ИННО», которая проводится в МГИМО МИД России один раз в два года. Авторы статей рассматривают актуальные вопросы лингвистики, теории и практики перевода, межкультурной коммуникации и языкового образования с учётом трансформаций, вызванных изменением современной образовательной среды.

Публикации журнала соответствуют следующим отраслям науки:
5.8. Педагогика; группы специальностей:

5.8.7. Методология и технология профессионального образования;

5.9. Филология; группы специальностей:

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки, языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии);

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), eLibrary.

Периодичность: один раз в год.

Языки: русский и английский.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): Эл № ФС 77-86164 от 19 октября 2023 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России, тел.: +7 (495) 225-40-47

E-mail: articles@inno.mgimo.ru, inno-conf@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: inno-conf.ru

«Магия ИННО: Перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях» / «The Magic of Innovation: Outlook for Linguistics and Language Teaching in the Present Context»: Журнал. Том 6. No 1 / Гл. ред. Д.А. Крячков; отв. ред. Е.Б. Морозова. М.: МГИМО-Университет, 2024. 630. [1] с. — [электронное издание].

Научное издание

«Магия ИННО: Перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях» / “The Magic of Innovation: Outlook for Linguistics and Language Teaching in the Present Context”. Том 6. No 1.

Выпускающий редактор: Е.Б. Морозова

Корректура: П.А. Безуглова, М.А. Иванченко,

А.-М.-В. Сапронова, К.Ю. Семенова

Компьютерная верстка и дизайн: А.С. Туманова

Подписано в печать 25.02.2024 г.

Редколлегия

Главный редактор: Д.А. Крячков

Заместители главного редактора: Д.Н. Новиков, Е.Б. Морозова

Научные редакторы: Л.В. Яроцкая, С.Н. Курбакова

Редакторы: Т.В. Алиева, Н.В. Вороневская, Д.К. Давлетшина, И.Г. Игнатьева, О.И. Корабельникова, М.Е. Коровкина, О.А. Кравцова, Е.М. Япкова, Т.Б. Сидорова, Д.И. Тер-Минасова, Н.А. Чес, П.А. Щербо, Т.Н. Яблокова, М.А. Яковлева, Е.Б. Ястребова

Администратор сайта: К.В. Лукшин

The Magic of Innovation is an international electronic publication of research papers reflecting the subject matter of the eponymous biennial research-to-practice conference, which is held at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. The authors of the articles address the current issues of linguistics, theory and practice of translation, intercultural communication and language education in the context of transformations caused by changes in the present-day educational environment.

The publications of the volume correspond to the following branches of science:

5.8. Pedagogy; specialisation groups:

5.8.7. Methodology and technology of professional education;

5.9. Philology; specialisation groups:

5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Germanic and Romance languages, languages of foreign countries of Europe, Asia, Africa, indigenous languages of America and Australia);

5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics.

Indexed / abstracted in RSCI, eLibrary.ru

Publication frequency: annual

Languages: Russian, English

Certificate of registration of mass media issued by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR): El No FS 77-86164 dated 19 October 2023.

Editorial office address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454, tel.: +7 (495) 225-40-47

E-mail: articles@inno.mgimo.ru, inno-conf@inno.mgimo.ru

Website: inno-conf.ru

“The Magic of Innovation: Outlook for Linguistics and Language Teaching in the Present Context”: Journal. Vol. 6. No 1. / Dmitry A. Kryachkov (Editor-in-Chief); Elena B. Morozova (Executive Editor). Moscow: MGIMO University, 2024. 630. [1] с. — [electronic publication].

Academic periodical

“The Magic of Innovation: Outlook for Linguistics and Language Teaching in the Present Context”. Vol. 6. No 1.

Executive editor: Elena B. Morozova

Proofreading: Polina A. Bezuglova, Maria A. Ivanchenko,

Anna-M.-V. Sapronova, Ksenia Y. Semenova

Computer layout and design: Anna S. Tumanova

Approved for publication on 25.02.2024.

Editorial Board

Editor-in-Chief: Dmitry A. Kryachkov

Deputy Editors-in-Chief: Dmitry N. Novikov, Elena B. Morozova

Academic Editors: Lyudmila V. Yarotskaya, Svetlana N. Kurbakova

Editors: Tatiana V. Alieva, Natalya V. Voronevskaya,

Dilyara K. Davletshina, Irina G. Ignatyeva, Olga I. Korabelnikova,

Marina E. Korovkina, Olga A. Kravtsova, Ekaterina M. Popkova,

Tatiana B. Sidorova, Daria I. Ter-Minasova, Natalia A. Ches,

Polina A. Scherbo, Tatiana N. Yablokova, Maria A. Yakovleva,

Elena B. Yastrebova

Website administrator: Kirill V. Lukshin

Оглавление

СЕКЦИЯ 1 ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕГРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Language Units and Speech Units in the Modern Integrated Paradigm

Прецедентные феномены в прагматической структуре японского публицистического дискурса Precedent Phenomena in the Pragmatic Structure of Japanese Publicistic Discourse <i>Е. О. Гераймович</i>	15
Прагматический потенциал хеджирования в англоязычном политическом дискурсе (на материале спонтанной речи Дж. Байдена) Pragmatic Potential of Hedging in English Political Discourse (Evidence from Joe Biden's Spontaneous Speech) <i>М. В. Гурецкая, Е. В. Перышкова</i>	23
Интенсификаторы отрицательной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка Intensifiers of Negative Evaluation in the Anglophone Analytical Review of the Foreign Exchange Market <i>О. С. Захарова</i>	30
Концептуализация опыта взаимодействия человека с природными стихиями в английских фразеологизмах Conceptualization of Human Experience of Interaction with Natural Elements in English Phraseological Units <i>К. В. Землякова</i>	38
Специфика выражения оценки в жанровых разновидностях англоязычной сетевой кинорецензии Expressing Evaluation in the Genre Varieties of English Language Online Film Review <i>И. В. Кононова, Е. А. Кленова</i>	48
Поликомпонентность в композитах немецкого и русского языков Multicomponentity in German and Russian Composites <i>Н. А. Крупнова</i>	59
Англицизм <i>digital</i> в номинациях реалий цифрового общества (на материале русскоязычных СМИ) Anglicism <i>Digital</i> in Nominations of Digital Society Realities (on the Russian Language Media Basis) <i>Е. В. Маринова</i>	69
Психолингвистическое исследование лексемы педагогика Psycholinguistical Research of the Lexeme <i>Pedagogics</i> <i>И. А. Морозова, К. О. Селезнева</i>	77

Конструкция <i>when doing</i> как репрезентация хронотопа в медицинском дискурсе <i>When Doing</i> Construction as a Representation of a Chronotope in Medical Discourse Н. С. Пак	86
Современные языковые средства репрезентации гендерной идентичности в сетевой коммуникации Modern Language Means of Gender Identity Representation in Network Communication Ф. Г. Самигулина	97
Об одушевлённости слова <i>чат-бот</i> About the Animation of the Word <i>чат-бот</i> Р. Е. Тельпов	106
Диалектные особенности английского языка в современной поэзии аборигенов Австралии Dialectal Features of English in Modern Australian Aboriginal Poetry Э. О. Тимофеева	114
Влияние личностных черт на звучащую речь. Пилотное исследование на материалах речи близкородственных дикторов The Influence of Personality Traits on Speech. Pilot Study on Speech of Closely Related Speakers А. А. Шаляпина	123
Специфика воспроизводимости фразеологизмов в мемуарном дискурсе политика (на материале мемуара М. Тэтчер) The Specifics of Phraseological Units' Reproducibility in Political Memoir Discourse (based on Margaret Thatcher's Memoir <i>The Path to Power</i>) Е. Д. Шустова	136
Стилистические особенности спортивного медиатекста (на материале интернет-публикаций о хоккее) Stylistic Features of Sports Media Text (based on the Internet Publications about Hockey) К. Р. Ямалетдинова, Г. К. Гималетдинова	149
СЕКЦИЯ 2	
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ПОЛИМОДАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ Political Discourse in a Polymodal Information Environment	
Вербализация патернализма в речах М. Ш. Шаймиева Verbalization of Paternalism in the Speeches of M. Sh. Shaimiev И. Г. Ахметзянов, Н. К. Муллағалиев, А. К. Гараева	159

Динамика образа ключевых стран Большого евразийского партнерства: информационная война через призму политического дискурса The Greater Eurasian Partnership Portrayal: Information Warfare through the Prism of Political Discourse <i>К. В. Бобылева, А. В. Галигузова</i>	167
Коннотативный вектор репрезентации премьер-министра Великобритании Риши Сунака в англоязычных карикатурах новостных изданий Connotative Vector of Representation of British Prime Minister Rishi Sunak in English-Language News Cartoons <i>А. В. Дымова, А. И. Золотайко, В. Ю. Карева</i>	175
Дискурсивные стратегии как инструмент формирования общественного мнения (на примере статей из “Экономист”) Discursive Strategies as a Tool for Forming Public Opinion Evidenced by Articles from The Economist <i>Н. И. Климович</i>	188
Медицинская метафора в медийном политическом дискурсе (на материале английского языка) Medical Metaphor in Media Political Discourse (based on the English Language) <i>И. Н. Коренецкая</i>	196
Деструктивная акциональность в этнополитическом пространстве (на примере семантической составляющей устойчивого выражения <i>крестовые походы</i>) Destructive Actionality in the Ethnopolitical Context (exemplified by the Semantic of the Set Phrase <i>Crusades</i>) <i>С. А. Коренькова</i>	205
Прагматический аспект функционирования высказываний-призывов в англоязычном политическом дискурсе The Pragmatic Aspect of Functioning of Utterances-Calls in the English Political Discourse <i>Е. Н. Корзова</i>	215
Прагматическая значимость библейских аллюзий в англоязычном общественно-политическом дискурсе The Pragmatic Significance of Biblical Allusions in English-Language Socio-Political Discourse <i>Н. С. Макаров</i>	223
Формирование образа врага в заголовках англоязычных газет Formation of Enemy Image in the Headlines of English-Language Newspapers <i>К. П. Постерняк, Н. Б. Боева-Омелечко</i>	235

Специфика восприятия прагматического плана политического медиатекста авторами интернет-комментариев

Specifics of perceiving Pragmatics and Semantics of the Political Media Text by the Authors of Internet Comments

И. В. Савельева.....243

СЕКЦИЯ 3

**КОГНИЦИЯ И КОММУНИКАЦИЯ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ**

Cognition and Communication: Constructing Reality in Discourse

Лингвокультурный и художественно-авторский концепт КРАСНЫЙ (на примере литературно-художественного творчества Анри Матисса, Эдварда Мунка и Кузьмы Петрова-Водкина)

Linguo-Cultural and Artistic-Authorial Concept RED at the Example of Literary-Artistic Works of Henry Matisse, Edvard Munch and Kuz'ma Petrov-Vodkin

К. Н. Антонова, Ю. В. Буль.....253

Драматургическая функция тональности в контексте социальных взаимодействий

Dramaturgic Function of Tonality in the Context of Social Interactions

Н. Н. Белошицкая.....265

Номинативное поле макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК

The Nominative Field of the Macroconcept AMERICAN HOLIDAY

В. В. Визаулина273

Миромоделирующий потенциал автобиографических дискурсивных практик

World Modelling Potential of Autobiographical Discursive Practices

С. В. Волошина285

Специфика проявления стереотипных представлений у носителей русского языка в деловой сфере общения (на примере коммуникации с китайскими предпринимателями)

Specifics of the Manifestation of Stereotypical Perceptions in Russian Speakers in the Business Sphere of Communication (on the Example of Communication with Chinese Entrepreneurs)

Гао Юе293

“Эффект присутствия” в АСМР-дискурсе: иммерсивные видеотексты

“Participation Effect” in ASMR-Discourse: Immersive Video Texts

Ю. А. Евграфова.....307

Метафора как инструмент преднамеренной дезинформации в современных британских СМИ Deliberate Disinformation through Modern British Mass Media Discourse Metaphors <i>Г. В. Защитина</i>	319
Метафорическая концептуализация в полимодальном дискурсе (на материале итальянской телепередачи “ <i>Che tempo che fa</i> ”) Metaphorical Conceptualization in Multimodal Discourse (the Case Study of the Italian Television Show “ <i>Che tempo che fa</i> ”) <i>И. В. Зыкова, Ф. Руджери</i>	326
Когнитивные механизмы смыслопорождения в мемах как креолизованных текстах Cognitive Mechanisms of Sense Development in Memes as Creolised Texts <i>А. А. Лепеньшева</i>	335
Особенности объективации неуверенности в англоязычном научном дискурсе: корпусный подход The Specifics of Doubt Objectification in the English Scientific Discourse: Corpus-Based Approach <i>М. Ю. Миронова</i>	344
Функции прецедентных феноменов в англоязычном кинодискурсе Functions of Precedent Phenomena in the English-Language Cinematic Discourse <i>А. Е. Мулюкина</i>	352
Контрфактивные конструкции в современном английском языке: от биосемиотики к прагматике Counterfactual Constructions in Modern English: from Biosemiotics to Pragmatics <i>Д. Н. Новиков</i>	363
Интеграция религиозного и детективного дискурсов в рассказах Г. К. Честертон The Integration of Religious and Detective Discourses in Short Stories by G. K. Chesterton <i>М. К. Оводова</i>	377
Определение направленности интерпретации реальности (на примере лингвистических конструкций философского дискурса) Determination of the Orientation of Interpretation of Reality by the Example of Linguistic Constructions of Philosophical Discourse <i>Л. Д. Петряков</i>	387
Прецедентные феномены как способ языковой репрезентации концепта TREACHERY в медиадискурсе Precedent Phenomena as Means of Language Representation of TREACHERY Concept in English Media Discourse <i>С. Ю. Рубцова, Т. Е. Доброва</i>	395

Роль метафоры в истории познания The Role of Metaphor in the History of Knowledge <i>Н. К. Седова</i>	405
Ценностная репрезентация мифа о клетке как лингвокультурного феномена Axiological Representation of the Cell Myth as a Linguocultural Phenomenon <i>Е. С. Степанова</i>	413
Лингвистические средства создания положительного образа вуза в телеграм-каналах Linguistic Means of Creating the Positive Image of a Higher Education Establishment in Telegram-Channels <i>Ю. Е. Кочнева, О. Д. Пастухова, Е. А. Тутова</i>	421
Формирование информационного континуума в рекламном дискурсе Building of Information Continuum in Advertising Discourse <i>А. Ю. Хахалева</i>	431
Китайский жестовый язык: способы проявления, структурная организация, семиотические признаки Chinese Sign Language: Types of Functioning, Structure and Semiotic Features <i>Хуан Циньянь</i>	439
Семиотика дискурсивного взаимодействия Semiotics of Discursive Interaction <i>В. Д. Шевченко</i>	450
Вариации наименования германского государства после 1949 года в политическом дискурсе Западной, Восточной и объединённой Германии Variations in the Name of the German State after 1949 in the Political Discourse of West, East and United Germany <i>А. Ю. Юсупова, С. Г. Колтакова</i>	458

СЕКЦИЯ 4

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР ОН- И ОФЛАЙН

Cross-Cultural Communication and Language Teaching On- and Offline

Проблемы и механизмы развития межкультурных профессиональных коммуникаций в целостном когнитивно-коммуникативном пространстве на основе цифровой лингвистики

Intercultural Professional Communications Development Problems and Mechanisms in a Holistic Cognitive-Communication Space based on Digital Linguistics

<i>Г. В. Абилова</i>	471
----------------------------	-----

Влияние английского на немецкий и русский языки в эпоху глобализации The Influence of English on the Russian and German Languages in the Era of Globalization <i>А.В. Витошнова</i>	479
Бытовые поклоны в невербальной культуре современного Вьетнама Everyday Bows in Modern Nonverbal Vietnamese Culture <i>С.Е. Глазунова, Е.Б. Морозова</i>	491
Англоязычный медиадискурс и его психолингвистические особенности функционирования в первой четверти XXI столетия English-Language Media Discourse and its Psycholinguistic Functioning in the First Quarter of the 21 st Century <i>А.В. Гусякова</i>	504
Использование лингводидактического потенциала детективных текстов при обучении межкультурной коммуникации на занятиях английским языком Harnessing the Linguodidactic Potential of Detective Texts in Teaching Intercultural Communication in English Classes <i>Е.В. Дворецкая</i>	515
Наименования предметов гардероба как маркер этноязыковой картины мира Names of Items of Clothing as a Marker of Ethnolinguistic Picture of the World <i>В.П. Джиоева</i>	524
Парадигмы обучения межкультурной коммуникации: новые акценты Paradigms of Teaching Intercultural Communication: New Accents <i>К.С. Лелюшкина</i>	532
Когнитивные аспекты связи перцептивной и эмоциональной сферы в русской языковой картине мира Cognitive Aspects of the Connection of the Perceptual and Emotional Spheres in the Russian Language World Picture <i>А.Л. Лось</i>	541
Концепт ДРУГ в отражении фразеологизмов как компонент русской и английской картины мира The Concept FRIEND in the Reflection of Phraseological Units as a Component of the Russian and English Worldview <i>А.И. Лызлов</i>	549
Идейно-тематическое своеобразие в разносистемных языках Ideological and Thematic Originality in Languages of Different Systems <i>А.Н. Магомедова</i>	557

Экспрессивная этнономинация в испанском языке: формирование метаобраза в “(не)диалоге” культуры Expressive Ethnonomination in the Spanish Language: Formation of a Meta-Image in the “(Non)dialogue” of Cultures <i>Е. А. Попова</i>	566
Комплексная природа речевого акта извинения <i>(на примере английской лингвокультуры)</i> Complex Nature of Apology Speech Act (basing on the English Language) <i>Е. Б. Скворцова</i>	575
Социолингвистические проблемы диалога культур и интеграция стран Великого Шёлкового пути Sociolinguistic Problems of Dialogue of Cultures and Integration of the Great Silk Road Countries <i>И. Н. Сухоручкина, А. А. Сухоручкина</i>	583
Русская литература на уроках английской грамматики Russian Literature at the Lessons of English Grammar <i>А. Н. Третьюхин</i>	591
Vientnamese-Russian Mutual and Self-Perceptions: Results of an Intercultural Research <i>I. Lenart, I. Yu. Markovina, A. A. Matyushin, N. V. Hiep, H. Pham</i>	601
Investigating Intercultural Pragmatics in International and Local English Textbooks: a Cross-Cultural Comparative Analysis <i>Z. Rahbarmah, H. Allami, A. Dehghan</i>	614
Validating Cultural Identity: Comparative Approach to EFL Teaching <i>Е. Е. Sokolova, L. I. Tararina</i>	625

**Секция 1
Единицы языка
и речи в современной
интегративной парадигме**

Section 1
Language Units
and Speech Units
in the Modern Integrated
Paradigm

Прецедентные феномены в прагматической структуре японского публицистического дискурса

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.521

Е. О. Гераймович

Аннотация

Предметом исследования являются прецедентные феномены — культурунагруженные языковые единицы как инструмент иллюкутивного воздействия на реципиента. Цель работы заключается в выделении с помощью контент-анализа японских газетных заголовков и отдельных публицистических статей прецедентных феноменов и определении их места в прагматической структуре японского публицистического текста. На основе контент-анализа японских газетных заголовков и отдельных публицистических статей были выделены прецедентные феномены этих текстов и описано их место в прагматической структуре японского публицистического дискурса. Результаты анализа свидетельствуют о том, что хотя прецедентные феномены являются прагматическим средством выражения субъективного отношения автора, формы и виды, а также частота их употребления в японском публицистическом дискурсе характеризуются особой спецификой. Данные результаты могут представлять практическую значимость не только с точки зрения прагматической лингвистики, но и с позиции лингводидактики, когда встаёт вопрос о поиске новых эффективных методов преподавания японского языка на старших этапах обучения.

Ключевые слова: прагматика, японский язык, публицистический дискурс, тексты СМИ, прецедентные феномены.

Японский публицистический дискурс является привлекательным источником материала для лингвистических исследований, поскольку особенности его языка, а также тенденции использования речевых единиц отражают актуальную картину языковой личности носителей японского языка. Необходимо принимать во внимание, что основные стратегии нарратива, а также средства иллокутивного воздействия на реципиентов публицистического текста у носителей восточных культур нередко отличаются от привычных русскоговорящему [Османов, Филиппов, Габитова и др. 2022]. Одним из таких языковых средств можно назвать лексический пласт прецедентных феноменов (ПФ), исчерпывающее владение которыми позволяет говорящим на том или ином языке считывать дополнительные интертекстуальные значения и оперировать лингвокультурологическими реалиями [Воронина 2021].

Явление прецедентности изучалось учёными в рамках теории межкультурной коммуникации (Д. Б. Гудков), лингвострановедения (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), культурологии (И. И. Ильин, Ю. М. Лотман), лингвистики (М. М. Бахтин, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Ю. Кристева, Г. Г. Слышкин и другие). Прецедентность сопряжена с интертекстуальностью, способностью текстов включать отсылки к другим широко известным текстам, и соответственно с понятием прецедентных текстов [Мозгунова 2022].

В японском научном дискурсе также используется термин *kantekisutosei* ‘интертекстуальность’, который рассматривается на примере работ Ю. Кристевой и М. М. Бахтина, однако в работах японских учёных ПФ как таковые не становятся отдельным предметом лингвистических исследований. ПФ как культурологический феномен в японском рекламном дискурсе подробно изучен на уровне кандидатской диссертации

А. Д. Мозгуновой, в которой были описаны основные виды и формы культурунагруженных языковых единиц, используемых в японской рекламе [Мозгунова 2023].

За основу для данного исследования была взята классификация прецедентных феноменов, предложенная Д. Б. Гудковым — прецедентные имена (ПИ), прецедентные тексты (ПТ), прецедентные высказывания (ПВ) и прецедентные ситуации (ПС) [Гудков 2003]. Материалом послужили японские публицистические статьи, а также новостные заголовки и рубрики на интернет-сайтах крупнейших японских газет “Асахи”, “Майнити”, “Никкэй” и “Токио”.

Проведённый контент-анализ показал, что реализованные в японских публицистических текстах языковые единицы, выполняющие функцию ПФ, характеризуются рядом особенностей. С целью их выявления были проанализированы заголовки новостей, опубликованных на сайтах крупных японских СМИ за период 19–23 августа 2023 г. Результаты приведены в таблице ниже.

Таблица 1

Количество новостных статей с заголовками, включающими прецедентные феномены, на сайтах японских газет

Название газеты	“Асахи”	“Майнити”	“Никкэй”	“Токио”
Общество	22 из 78	36 из 110	11 из 46	25 из 91
Политика	3 из 50	7 из 42	2 из 57	5 из 55
Экономика	11 из 40	17 из 56	8 из 48	22 из 65
Культура	68 из 90	52 из 98	51 из 56	12 из 13
Международные отношения	14 из 40	4 из 27	26 из 83	8 из 58

В заголовках были замечены ПФ каждого вида, однако их частотность изменялась в зависимости от темы новостной рубрики. Например, в разделах “Общество” и “Политика” из четырёх групп преобладали ПИ — имена известных общественных и политических личностей, международных, японских и китайских компаний, публицистических изданий, а также японская топонимика. В частности, за указанный период времени в заголовках каждого издания фигурировали *Densetsu no touzandou* ‘*Легендарная горная тропа*’ на Северных Японских Альпах, отсылающая к известному японскому альпинисту Ито Синдо, в честь которого она названа, и Фукусима. Под этим топонимом подразумевается не сама прецедентная ситуация аварии на АЭС Фукусима-1, а международный общественно-политический резонанс от последнего крупного спуска отработанной воды со станции в Тихий океан, которая японской стороной позиционируется как не представляющая биологической опасности. Также было замечено, что в заголовках новостей некоторых изданий, в частности либерально ориентированной “Асахи”, полностью опускалось ПИ Фукусима и оставалось одно слово *shourisui* ‘*отработанная вода*’, вероятно с целью смягчения негативной коннотации с произошедшей радиационной аварией [Fukuchi Eitarou. *Shourisui no housui kuchijikaku de torichiumu juu bekureru. Touden* “*Keikaku doori anzen*”. *Asahi Shimbun*. <https://www.asahi.com>, 01.09.2023].

Заголовки раздела “Культура” также характеризуются использованием ПИ, здесь можно увидеть имена известных исторических личностей, как японских (военачальники *Тоётоми Хидэёси* и *Токугава Иэясу*), так и западных (*Kaesaru* ‘*Цезарь*’), а также имена японских писателей, композиторов, режиссёров, актёров театра кабуки и именитых мастеров

традиционной игры сёги (*Fujii nanakan* ‘семикратный победитель Фудзии’). Отдельную подгруппу составляют названия кинематографических произведений, японских комиксов манга, игр и их персонажей. Наравне с ПИ в заголовках новостей о культуре также используются явления, относимые к ПТ, такие как персонажи всемирно известной литературной классики (*Hamuretto* ‘Гамлет’), названия литературных произведений (*Ashinaga ojisan* ‘Длинноногий дядюшка’ американской писательницы Джин Вебстер) и атрибуты буддизма (*Amida Nyourai dzadzou* ‘Статуя сидящего Амитабха’).

Заголовки раздела “Международные отношения” в большей степени характеризуются ПС, актуальными для анализируемого периода времени, однако до сих пор в них фигурирует слово *korona*, отсылающее к пандемии коронавируса.

Судя по полученным данным в таблице 1, можно заключить, что в целом меньше других ПФ использовались в заголовках газеты “Асахи” и экономической газеты “Никкэй”. Это может быть связано с тем, что ПФ, связанные со сложившимися в сознании общества стереотипами, менее привлекательны с точки зрения иллюкативного воздействия на реципиента, поскольку их эффект воспринимается как слишком резкий и навязывающий авторское мнение. Публицистические статьи, посвящённые остросоциальным темам и трагедиям, располагают метафорами, художественными описаниями, взывающими к эмоциям, а также композиционными приёмами.

Таким образом, из проанализированных заголовков японских публицистических текстов были выделены прецедентные феномены, которые удобно распределяются по четырём группам, предложенным Д.Б. Гудковым, — имена, тексты, высказывания и ситуации.

В результате проведённого исследования можно сделать общий вывод, что ПФ не являются ведущим методом иллокутивного воздействия на реципиента. Им отдаётся меньше предпочтения в вопросах избирания методов влияния на мнение читателей через японский публицистический текст, чем иным лингвистическим средствам. Нужный эффект прагматического воздействия создаётся преимущественно за счёт композиции статьи, а также при помощи художественных языковых средств, таких как метафора, игра слов или грамматические трансформации. В качестве причины можно указать сильный стереотипизированный образ ПФ, который неотделимо связан с интертекстуальной стороной, благодаря чему создаётся впечатление 'навязывания' мнения, чего принято избегать в японских публицистических статьях, предоставляя читателю сделать самостоятельный вывод.

По наблюдениям, прецедентные феномены концентрируются в самом начале прагматической структуры публицистического дискурса, начиная от новостной рубрики и заканчивая уровнем подзаголовков текста. Можно предположить, что частотность распределения ПФ от уровня новостной рубрики к уровню публицистического текста уменьшается таким образом, что рубрика, объединяющая новости конкретной тематики, несёт больший иллокутивный потенциал, чем заголовки и подзаголовки публицистических статей.

Список литературы:

1. Воронина Л.А. Роль национально-культурного компонента при обучении иностранному языку (на примере корейского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 2. С. 49–56. [Voronina,

- Lyudmila A. 2021. Rol' nacional'no-kul'turnogo komponenta pri obuchenii inostrannomu yazyku (na primere koreyskogo) (The role of the national-cultural component in teaching a foreign language (using the example of Korean)) 20 (2), 49–56.]
2. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 120 с. [Gudkov, Dmitriy B. 2003. Teoriya i praktika mezhkul'turnoy kommunikacii (Theory and practice of intercultural communication). Moscow: Gnozis.]
 3. Мозгунова А.Д. Реклама как феномен в японской культуре: лингвокультурологический подход: дис. ... канд. культурологии. Москва, 2023. 263 с. [Mozgunova, Alexandra D. 2023. Reklama kak fenomen v yaponskoy kul'ture: lingvokul'turologicheskii podkhod (Advertising as a phenomenon in Japanese culture: a linguocultural approach). Culturology Cand. Diss. Moscow.]
 4. Мозгунова А.Д. Японская реклама сквозь призму прецедентных феноменов: идеи и образы // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2022. № 2 (32). С. 112–135. [Mozgunova, Alexandra D. 2022. Yaponskaya reklama skvoz' prizmu precedentnykh fenomenov: idei i obrazy (Japanese advertising through the prism of precedent phenomena: ideas and images). Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki (Praxema. Problems of visual semiotics) 2, 112–135.]
 5. ЯПОНИЯ: цивилизация, культура, язык / Е.М. Османов, А.В. Филиппов, А.И. Габитова [и др.]. СПб.: Art-xpress, 2022. 693 с. [Osmanov, Evgeniy M., Filipov, Alexandr V., Gabitova, Arina I. et. al. 2022. YAPONIYA: civilizaciya, kul'tura, yazyk. (JAPAN: civilization, culture, language). St. Petersburg: Art-xpress.]

Сведения об авторе:

Гераймович Елизавета Олеговна, ассистент, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;
email: geraimovicheo@mgpu.ru

PRECEDENT PHENOMENA IN THE PRAGMATIC STRUCTURE OF JAPANESE PUBLICISTIC DISCOURSE

Elizaveta O. Geraimovich

Assistant, Moscow City University, Moscow, Russia;

email: geraimovicheo@mgpu.ru

Abstract

The subject of the study is precedent phenomena – culturally loaded linguistic units as a tool of illocutionary influence on the recipient. The purpose of the work is to identify precedent phenomena using content analysis of Japanese newspaper headlines and individual journalistic articles and determine their place in the pragmatic structure of the Japanese journalistic text. Based on the content analysis of Japanese newspaper headlines and individual journalistic articles, precedent phenomena of these texts were identified and their place in the pragmatic structure of Japanese journalistic discourse was described. The results of the analysis indicate that although precedent phenomena are a pragmatic means of expressing the subjective attitude of the author, the forms and types, as well as the frequency of their use in Japanese journalistic discourse, are characterized by particular specificity. These results may be of practical significance not only from the point of view of pragmatic linguistics, but also from the position of linguodidactics.

Keywords: pragmatics, Japanese language, journalistic discourse, media texts, precedent phenomena.

Прагматический потенциал хеджирования в англоязычном политическом дискурсе (на материале спонтанной речи Дж. Байдена)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

М. В. Гурецкая, Е. В. Перышкова

Аннотация

В статье рассматривается хеджирование как средство речевого страхования в политическом дискурсе и его прагматические функции. Цель работы — выявление наиболее частотных средств хеджирования, модифицирующих пропозицию высказывания адресанта посредством добавления оттенка неясности, а также анализ их прагматического потенциала в спонтанной политической речи. Методом сплошной выборки были выявлены языковые средства хеджирования с их последующим контекстуальным, а также лингвопрагматическим анализом. Как показало исследование, в спонтанной политической речи присутствует широкий спектр средств хеджирования на двух языковых уровнях: лексико-грамматическом и стилистическом. Были выявлены наиболее характерные для спонтанной политической речи хедж-маркеры. Результаты анализа свидетельствуют о том, что хеджирование позволяет адресанту достичь следующие цели: минимизировать или же полностью снять с себя ответственность за сообщаемое; сместить фокус внимания с себя на политических оппонентов или ‘обезличенные’ политические институты; избежать прямой критики; уклониться от прямого ‘неудобного’ вопроса с целью ‘сохранить лицо’; ‘разрядить’ напряжение в связи с кризисной ситуацией. Представляется, что результаты исследования могут применяться при лингвистическом анализе и интерпретации политической речи.

Ключевые слова: хеджирование, политический дискурс, маркер неясности, прагматическая функция, спонтанная речь.

Актуальность данной работы обуславливается потребностью выявления прагматического потенциала хеджирования как средства речевого страхования в спонтанной политической речи. Поскольку политика затрагивает все области деятельности современного общества, значимость политической речи и её воздействие на массового адресата трудно переоценить. В последние годы среди лингвистов растёт интерес к различным лингвопрагматическим маркерам, которые оказывают влияние на коммуникативный процесс, в том числе в контексте особенностей их функционирования в различных типах дискурса. Политический дискурс не является исключением. В ходе настоящего исследования были проанализированы фрагменты пресс-конференций, содержащие неподготовленные ответы президента США Дж. Байдена на вопросы представителей СМИ [<http://www.whitehouse.gov>, 2000]. По мнению Е. И. Шейгал, дискурс масс-медиа и политический дискурс становятся всё более взаимосвязанными, поскольку политическая коммуникация сегодня реализуется в первую очередь через медиа-дискурс [Шейгал 2000]. В ходе пресс-конференций с представителями СМИ политические деятели подходят к выбору языковых средств с особой осторожностью, поскольку данный тип коммуникации направлен, в частности, на формирование политического выбора массового адресата. Любое неаккуратное высказывание способно подорвать доверие электората, что может привести к ослаблению или полной потере политической власти. В этой связи немаловажную роль играют средства речевого страхования — хедж-маркеры.

Впервые термин ‘хеджирование’ был введен в лингвистику Дж. Лакоффом. По его мнению, к средствам хеджирования

относятся слова и обороты, “функция которых заключается в том, чтобы сделать понятия более или менее ‘неясными’” [Lakoff 1973: 471]. На сегодняшний день данное явление понимается многими лингвистами как средство модификации высказывания адресанта путём добавления оттенков неясности, неуверенности, неточности [Prince 1982]. В основу анализа в рамках настоящего исследования легла классификация средств хеджирования предложенная Г. Клемен [Clemen 1998].

Как показало исследование, Дж. Байден в своих неподготовленных ответах на вопросы журналистов использует поистине широкий арсенал лингвистических средств хеджирования на двух языковых уровнях: лексико-грамматическом и стилистическом.

Результаты тщательного контекстуального анализа позволяют причислить к средствам хеджирования стилистического уровня *риторические вопросы, вопрос-в-повествовании, а также псевдоцитирование*.

Риторические и повествовательные вопросы позволяют говорящему вовлечь слушателей в коммуникативное действие посредством диалогизации его речи. Так, постановка риторического вопроса позволяет вызвать у массового адресата интерес к сообщаемой информации, аккуратно преподнести свою точку зрения, придав сообщению оттенок сомнения. В своём ответе на вопрос журналиста о возможности применения 14-й поправки к Конституции США на фоне опасений о риске дефолта в стране, озвученных в мае 2023 года, президент США Дж. Байден обращается к данному хеджу: “*The question is: could it be done and invoked in time that it could not — would not be appealed and, as a consequence, pass the date in question **and still default on the debt?***”. Дж. Байден ‘подталкивает’ адресата к политически выгодному для него выводу, вызывая у слушателей сомнения относительно эф-

фективности подобной меры; вместе с тем, вопросительная форма предложения позволяет ему не занимать сильную позицию по данному вопросу, а также снизить свою ответственность за потенциально возможный дефолт, предупредив обвинения в бездействии. Также, отвечая на вопрос о необходимости сокращения государственных расходов, Дж. Байден начинает свой ответ с повествовательного вопроса: “*What base do you start from?*”. Президент США сразу же дает на него развёрнутый ответ, при этом повествовательный вопрос позволяет ему вовлечь слушателя в последующий процесс аргументации и представить свой вывод как совместный, тем самым ‘затушевав’ свою точку зрения.

Представляется, что псевдоцитирование как средство хеджирования заслуживает особого внимания, поскольку оно характерно именно для спонтанной устной политической речи. В настоящем исследовании псевдоцитирование понимается как устный пересказ личной беседы политика на актуальную для сложившейся коммуникативной ситуации тему, при этом установить достоверность передаваемой информации и сам факт того, что такая беседа состоялась, представляется крайне сложным. Псевдоцитирование является высокоэффективным средством хеджирования и позволяет говорящему достичь целый ряд коммуникативных целей: создать эффект доверительного общения с электоратом; сместить фокус внимания с себя на политических оппонентов; уклониться от прямого ‘неудобного’ вопроса с целью ‘сохранить лицо’; минимизировать свою ответственность за решение сложившейся кризисной ситуации и, тем самым, снизить репутационные риски. Так, продолжая отвечать на вопросы журналистов о перспективе дефолта в США, Дж. Байден процитировал фрагмент закрытых переговоров с лидерами Республиканской партии США: “*When we sat in the room with all the leaders from **Mitch McConnell** on, and **they***

said ‘We will not default. Period. We will not default.’ That’s what all, including Kevin McCarthy, said”. Дж. Байден, в частности, ссылается на слова члена Республиканской партии Митчелла Макконнелла, а также спикера Палаты представителей США и члена Республиканской партии Кевина Маккарти, тем самым перенося ответственность за решение проблемы на своих политических оппонентов.

Хеджирование на лексико-грамматическом уровне позволяет адресату, в первую очередь, минимизировать или же полностью снять с себя ответственность за сообщаемое, осуществить осторожный прогноз. Для достижения данных целей используются модальные глаголы и слова (*We **may** be able to work on something; It’s highly **unlikely**; the **expectation** and **hope** is that*); конструкции типа ‘личное местоимение I/we + глагол мыслительной деятельности’ (*I **don’t believe** that’s the case*); прогрессивные глагольные формы (*I’m **hoping** and I believe that...*); аппроксиматоры (***somewhere between \$200 billion and \$400 billion***) [Swan 2005]. Для того, чтобы ‘разрядить’ напряжение в связи с кризисной ситуацией, Дж. Байден зачастую использует гипотетические конструкции: “*If China **were to act unilaterally**, there would be a response”*. Использование условного предложения второго типа позволяет политику подчеркнуть крайне низкую вероятность такого сценария, и тем самым отреагировать на опасения электората относительно прямой конфронтации США и Китая. Ещё одним распространённым средством хеджирования является деперсонализация посредством использования безличных и пассивных конструкций. Деперсонализация позволяет говорящему дистанцироваться от сообщаемого (***There has to be** a mutually agreed outcome*).

Таким образом, в результате проведённого исследования были выявлены наиболее распространённые языковые средства хеджирования в спонтанной политической речи, а так-

же определены их прагматические функции. Представляется, что хеджирование является эффективным лингвопрагматическим средством, позволяющим адресанту оказать митигационный эффект на пропозицию высказывания и достичь широкий круг задач в ходе осуществления политической коммуникации. Результаты исследования могут применяться при лингвистическом анализе и интерпретации политической речи.

Список литературы:

1. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 45 с. [Shejgal, Elena I. 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa (Semiotics of Political Discourse)*. Phylology Cand. Diss. Volgograd.]
2. Clemen, G. 1998. Hecken in deutschen und englischen Texten der Wirtschaftskommunikation: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Fachbereichs 3 der Universität Gesamthochschule Siegen. Siegen: Universität Gesamthochschule Siegen.
3. Lakoff, George. 1973. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts, *Journal of Philosophical Logic* (2). 458–508.
4. Prince, Ellen F., Frader, Joel, Bosk, Charles L. & Di Pietro, Romeo. 1982. On Hedging in Physician — Physician Discourse. *Linguistics and the professions* (8). Norwood. New Jersey: Albex Publishing Corporation. 83–97.

Сведения об авторах:

Гурецкая Мария Вячеславовна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: meribell2009@yandex.ru

Перышкова Екатерина Вячеславовна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: cathperishkova@gmail.com

PRAGMATIC POTENTIAL OF HEDGING IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE (EVIDENCE FROM JOE BIDEN'S SPONTANEOUS SPEECH)

Maria V. Guretskaya

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia;

email: meribell2009@yandex.ru

Ekaterina V. Peryshkova

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia;

email: cathperishkova@gmail.com

Abstract

The article is concerned with hedging as a means of speech insurance in the English political discourse and its pragmatic functions. The purpose of the study is to identify the most common hedging devices and to determine their pragmatic potential in spontaneous political speech. Research methods include continuous sampling, contextual analysis, and linguo-pragmatic analysis. The findings suggest that spontaneous political speech is replete with a wide range of lexical, grammatical and stylistic hedging markers. The conducted linguo-pragmatic analysis reveals that the use of hedging devices allows politicians to minimize responsibility for what is being reported; to shift the focus onto 'impersonal' political institutions or political opponents; to avoid direct criticism; to avoid answering 'pointed' questions in order to mitigate face-threats; and to dedramatize a crisis situation. The results of the study can be applied in linguistic analysis and interpretation of political speech.

Keywords: hedging, political discourse, ambiguity marker, pragmatic function, spontaneous speech.

Интенсификаторы отрицательной оценки в англоязычном аналитическом обзоре валютного рынка

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

О. С. Захарова

Аннотация

Исследование нацелено на изучение способов репрезентации категории оценки в англоязычных обзорах валютного рынка и осуществляется на материале сайтов аналитических агентств (“Топ Брокерс”, “Форекс Стрит”) и деловых СМИ (“Форбс”, “Экономист”). В качестве предмета анализа, проводимого в данной статье с позиций прагматического и когнитивного подходов, выступают интенсификаторы отрицательной оценки в указанном жанре. Растущая экономическая, политическая и социальная значимость аналитических обзоров валютного рынка обуславливает актуальность выбранной тематики. Результаты исследования могут быть применены в методиках стилистического и комплексного лингвистического анализа текста и в преподавании английского языка для специальных целей. Анализ показал разнообразие средств актуализации интенсификаторов отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка, к которым отнесены наречия и прилагательные, в том числе, образованные аффиксальным способом и сложением двух основ, а также местоимения, выступающие в роли определяющих слов. Негативное мнение высказывается в отношении наличия крупной задолженности, отсутствия значимых новостей, сильного ослабления курса валюты, резкого повышения банковских ставок, пассивности участников рынка.

Ключевые слова: англоязычный дискурс, аналитический обзор валютного рынка, категория оценки, отрицательная оценка, интенсификаторы отрицательной оценки.

Нацеленность исследования на изучение способов презентации категории оценки в англоязычных обзорах валютного рынка в совокупности с их растущей экономической, политической и социальной значимостью определяют актуальность выбора способов интенсификации отрицательной оценки в указанном жанре в качестве предмета анализа, осуществляемого в данной статье на материале англоязычных сайтов аналитических агентств (“Топ Брокерс”, “Форекс Стрит”) и деловых СМИ (“Форбс”, “Экономист”) с лингвопрагматических, лингвокогнитивных и лингвокультурологических позиций.

Изучение оценки в когнитивной лингвистике как деятельности по освоению ценности объекта в процессе познания мира человеком [Арутюнова 1998; Баженова 2003; Вольф 1985; Шутёмова 2022] сопряжено с пониманием её в прагмалингвистике как функционально-семантической категории, представляющей собой “совокупность разноуровневых языковых единиц, объединённых оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи” [Баженова 2003: 139].

Наиболее общая классификация на основании аксиологического параметра ‘хорошо — плохо’ выделяет на общеоценочной шкале позитивную, нейтральную и негативную оценку [Арутюнова 1998; Баженова 2003; Шутёмова 2022] с возможностью передвижения в положительной или отрицательной областях в процессе интенсификации и деинтенсификации путём усиления или ослабления данного признака.

Интенсификация актуализируется посредством интенсификаторов, составляющих “длинные слабо организованные ряды из единиц, соотнесённых друг с другом неопределённым образом” [Вольф 1985: 45].

Исследование показало, что к интенсификаторам отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка могут быть отнесены наречия (*very* ‘очень’) и прилагательные, в том числе и образованные аффиксальным способом, например, формы абсолютной превосходной степени (*the lowest* ‘самый низкий’), и сложением двух основ (*highly-valued* ‘высоко ценимый’), а также эмоционально усилительные местоимения, выступающие в роли определяющих слов (*such* ‘такой’). Кроме того, интенсификация может быть обусловлена семантикой лексических единиц, например: *confused* ‘растерянный’ — *hamstrung* ‘с подрезанными сухожилиями / крыльями, находящийся в затруднительном положении, сбитый с толку’. Подтвердим сказанное примерами.

Отрицательная оценка государственного долга актуализируется нейтральным дескриптивным прилагательным *high* ‘высокий’, подчеркивающим негативную семантику существительного *debt* ‘задолженность’, усиливается наречием *very* ‘очень’: *Many countries have high levels of debt these days, but this is all relative to the strength of the underlying economy. When a country has very high debt and a shrinking economy, this can cause a flight of assets and a collapse of the currency* ‘В наши дни многие страны имеют высокий уровень долга, но всё это зависит от силы базовой экономики. Когда у страны очень высокий долг и сокращающаяся экономика, это может вызвать бегство активов и обвал валюты’ [Could The U.S. Dollar Collapse? Forbes. <https://www.forbes.com>, 29.03.2023].

Подкрепляемая предшествующей экспликацией отрицательная характеристика внезапного и значительного по-

вышения банковских ставок, выраженная нейтральным прилагательным *quick* ‘быстрый’, усиливается определяющим словом *such* ‘столь, такой’: *It’s good but there are risks of “overheating” the economy and wave-like defaults of the companies that didn’t include **such** a quick rate hike in their forecasts* ‘Это хорошо, но есть риски “перегрева” экономики и волнообразных дефолтов компаний, которые не заложили в свои прогнозы столь быстрое повышение ставок’ [NO SALVATION FOR THE EURO. Top Brokers. <https://topbrokers.com>, 26.04.2022].

Отрицательная оценка слишком сильного ослабления курса валюты, подтверждаемая предваряющей экспликацией, репрезентируется выступающим в роли интенсификатора прилагательным в форме абсолютной превосходной степени *the lowest* ‘самый низкий’, образованной аффиксальным способом: *EURUSD remains weak and continues retreating. The major currency pair hit **the lowest** levels of the month* ‘EURUSD остаётся слабым и продолжает отступать. Основная валютная пара достигла минимальных уровней месяца’ [DECLINE IN EURUSD CONTINUES. Top Brokers. <https://topbrokers.com>, 13.04.2022].

Негативное мнение, объективированное сочетанием выступающего в роли интенсификатора экспрессивного прилагательного *highly-valued*, образованного путём сложения двух основ, где первая усиливает значение второй: *highly* ‘очень, в значительной степени или на высоком уровне’ и *valued* ‘ценный, ценимый’, и интенсифицирующего его наречия *too*, с доминирующими негативными семами в значении: *more than is needed or wanted; more than is suitable or enough* ‘больше, чем нужно или желаемое; больше, чем подходит или достаточно’ [6], выражается по отношению к завышенной ценности валюты: *Sense that Dollar is simply **highly-valued** not going to be easy to shrug off. Day-to-day moves are fine, but the*

Dollar's valuation is not, Kit Juckes, Chief Global FX Strategist at Société Générale, reports. 'Чувство того, что доллар слишком высоко ценится, будет нелегко сбросить со счетов. Ежедневные движения в порядке, но оценка доллара — нет, сообщает Кит Джакс, главный глобальный форекс-стратег Société Générale' [Sense that Dollar is simply too highly-valued not going to be easy to shrug off. FXStreet. <https://www.fxstreet.com>, 12.05.2023].

Интенсификация отрицательной оценки, воплощённая в семантике метонимически переосмысленного определения *hamstrung*, в значении которого преобладают негативные семы: *limitation of the amount of something that can be done or of the ability or power of someone to do something* 'ограничение количества чего-то, что может быть сделано, или способности или власти кого-то что-то делать' [6], реализована при характеристике ситуации бездействия и пассивного ожидания участников рынка: *So long as lenders are in a stand-off, the IMF is hamstrung* 'Пока кредиторы стоят в стороне, МВФ находится в затруднительном положении' [China is paralysing global debt-forgiveness efforts. The Economist. <https://www.economist.com>, 02.02.2023). Метонимический перенос производится по аналогии с биологическим смыслом слова *hamstring*, обозначающего уязвимую часть тела, повреждение которой приводит к потере равновесия, падению или травме, ограничивающей подвижность: *any of five tendons (pieces of tissue connecting muscles to bones) at the back of the knee* 'любое из пяти сухожилий (кусочков ткани, соединяющих мышцы с костями) в задней части колена' [Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org>, 23.06.2023].

Анализ показал разнообразие средств актуализации интенсификаторов отрицательной оценки в жанре англоязычного обзора валютного рынка. Негативно воспринимается

наличие крупной задолженности, ведущей к риску невыполнения финансовых обязательств, отсутствие значительных новостей и новых цифровых показателей, приводящих рынок в движение, слишком сильное ослабление курса валюты, внезапное и значительное повышение банковских ставок, ситуация бездействия и пассивного ожидания участников рынка.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1998. 338 с. [Arutyunova, Nina D. 1998. *Tipy yazykovikh znacheniy. Ocenka. Sobitiye. Fakt* (Types of language values. Evaluation. Event. Fact). Moscow: Nauka.]
2. Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. Москва: Флинта: Наука, 2003. С. 139–146. [Bazhenova, Elena A. 2003. *Kategoriya ocenki* (Evaluation category). In: Elena A. Bazhenova (ed.), *Stilisticheskiy enciklopedicheskiy slovar russkogo yazika* (Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language). Moscow: Flinta: Nauka, 139–146.]
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с. [Volf, Elena M. 1985. *Funkcionalnaya semantika ocenki* (Functional semantics of evaluation). Moscow: Nauka.]
4. Шутёмова Н.В. Виды экспертной оценки творчества И. Наховой в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022а. Том 14, вып. 3. С. 56–68. [Shutemova, Natalia V. 2022. *Vidy ekspertnoj ocenki tvorchestva I. Nakhovoj v angloyazichnom iskusstvedcheskom diskurse* (Types of expert evaluation of I. Nakhova's creativity in the English-language art criticism discourse). In: *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* (Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology) 14 (3), 56–68.]

5. Шутёмова Н.В. Параметр значимости в реализации категории оценки в искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2022б. № 3. С. 469–472. [Shutemova, Natalia V. 2022. *Parameter znachimosti v realizacii kategorii ochenki v iskusstvedcheskom diskurse (The parameter of significance in the implementation of the evaluation category in the art criticism discourse)*. In: *Kognitivniye issledovaniya yazika (Cognitive language studies)* 3, 469–472.]
6. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>. Available from: <https://dictionary.cambridge.org> (Accessed: 23 June 2023).

Сведения об авторе:

Захарова Ольга Сергеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; email: st111446@student.spbu.ru

INTENSIFIERS OF NEGATIVE EVALUATION IN THE ANGLOPHONE ANALYTICAL REVIEW OF THE FOREIGN EXCHANGE MARKET

Olga S. Zakharova

Postgraduate Student, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; email: st111446@student.spbu.ru

Abstract

The research is aimed at studying ways of representing the evaluation category in the Anglophone reviews of the foreign exchange market and is carried out on the material of the Anglophone websites of analytical agencies (*TopBrokers, FXStreet*) and business media (*Forbes, The Economist*). The subject of the analysis carried out in the article from the standpoint of pragmatic

and cognitive approaches is the intensifiers of negative evaluation in this genre. The growing economic, political and social significance of analytical reviews of the foreign exchange market determines the relevance of the chosen topic. The results of the research can be applied in methods of stylistic and complex linguistic analysis of the text and in teaching English for special purposes. The analysis showed a variety of means of actualizing negative evaluation intensifiers in the genre of the Anglophone review of the foreign exchange market, which include adverbs and adjectives, including those formed by affixing and joining two bases, as well as pronouns acting as defining words. A negative opinion is expressed regarding the presence of large debts, the absence of significant news, a strong weakening of the currency exchange rate, a sharp increase in bank rates, and the passivity of market participants.

Keywords: anglophone discourse, analytical review of the foreign exchange market, evaluation category, negative evaluation, negative evaluation intensifiers.

Концептуализация опыта взаимодействия человека с природными стихиями в английских фразеологизмах

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

К. В. Землякова

Аннотация

Представленная работа посвящена изучению места фразеологических единиц с компонентами *land* и *water* в структуре концепта СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. Предметом являются свойства фразеологических единиц (ФЕ) вербализовать результат взаимодействия человека со стихийными материями земли и воды в английском языке. Исследование осуществлено с привлечением когнитивного подхода, то есть путём рассмотрения значений фразеологизмов как результат когнитивных процессов и их участия в конструировании концептов. В статье раскрывается как концептуализация опыта осуществляется через формирование концепта СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. Представленные в концепте знания включают результат конкретно-чувственного мышления и получены через опыт взаимодействия человека с водой и землёй. Делается предположение о том, что ‘стихийные’ единицы привнесли в общую семантику ФЕ компоненты значений, обусловленные физическими свойствами стихий: *land* — ‘твёрдь, не-жидкость, необозримость границ’, *water* — ‘текучесть, не-твёрдь, жидкая материя, не имеет чётких границ’. В результате, получена интерпретация признаков компонентов-стихий в составе ФЕ, позволяющих описывать ими круг ситуаций, относящихся к области необъяснимого, непознаваемого, неконтролируемого. Результаты могут быть применены для дальнейшего описания содержания когнитивной сферы, составляемой языковыми репрезентантами.

Ключевые слова: когнитивный подход, когнитивные процессы, концепт СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, знание, индивидуальный и коллективный опыт, концептуальные признаки.

Статья посвящена когнитивным основаниям мотивированности английских фразеологизмов (ФЕ) с компонентами-стихиями *water* и *land*. Цель исследования — выявление концептуальных признаков компонентов-стихий в составе английских фразеологизмов, полученных человеком в результате обработки знаний о мире, и закрепление этих свойств во фразеологических средствах вербализации знаний о данных явлениях. Материалом послужила выборка фразеологических единиц из электронного словаря в количестве 22 фраземы с компонентом *water* (*come hell or high water, be like a fish out of water, blow out of the water* и др.) и 23 единицы с компонентом *land* (*cloud-cuckoo land, the land of milk and honey, see how the land lies* и др.) [The Free Dictionary's Idioms dictionary]. Несомненно, фразеологизмы представляют лингвокультурологическую ценность как ключ к ментальности народа. Все компоненты языковой семантики фразеологизма “проходят через различные формы их осознания в культуре”, то есть вся семантика фразеологизма задается культурно маркированными блоками [Ковшова 2009: 5]. Однако ФЕ также представляют интерес с позиций когнитивной науки как инструменты к разгадке мыслительных процессов.

Когнитивное направление в изучении фразеологии открывает большие возможности (А. П. Бабушкин, А. Н. Баранов, В. Высочаньски, Д. О. Добровольский, Л. В. Ковалёва, Е. С. Кубрякова). В фокусе рассмотрения данной статьи находится процесс концептуализации человеческого опыта.

Современная фразеология сегодня интересует исследователей не меньше, чем полстолетия назад, она “отражает

изменения человеческого осмысления, понимания и интерпретации внешнего мира” [Белозёрова 2020: 80]. Ввиду новых оформившихся подходов к изучению языковых единиц и явлений, стало возможным размышлять о значениях фразеологизмов как о сгустках полученного опыта. Считаем, что в основе образования фразеологических значений единиц со ‘стихийными’ компонентами лежат ситуации взаимодействия с названными стихиями, что будет продемонстрировано на примере наименований *land* и *water*.

По мысли Н.Н. Болдырева, предшествующий опыт структурируется в системе знаний, и новые получаемые в результате познавательных процессов знания схематизируются в уже существующих структурах организации и языкового представления. В своем познании субъект исходит из “предданной гипотезы” устройства мира [Болдырев 2020: 27]. Новые знания основываются на предыдущем опыте, причем некоторые аспекты опыта сохраняются в новом качестве, другие же, ненужные, могут вовсе игнорироваться [Ковалёва 2004: 9].

О.В. Гусельникова делает обзор существующих подходов к изучению фразеологизмов и заключает, что “когнитивная” фразеология стремится описать всю палитру информации, которую несут фразеологические единицы. Именно в результате обработки определённых знаний о мире моделируется актуальное значение фразеологизмов. Для нашего исследования важной является мысль, что опыт и миропонимание конкретного народа заключены во фразеологическом концепте [Гусельникова 2009: 157].

По замечанию Е.Ю. Белозёровой, при восприятии и воспроизведении фразеологизмов задействуются когнитивные процессы сворачивания информации о значении единицы и размещения внутри неё неких знаний в виде свернутого текста [Белозёрова 2020: 82]. С.З. Анохина и Э.М. Латыпова

подчёркивают когнитивную ценность фразеологизмов, которая заключается в том, что данные единицы “обуславливают существенное усложнение содержания и пополнение объёма когнитивной сферы” [Анохина, Латыпова 2015: 86]. Основываясь на вышесказанном, представляется возможным отследить и зафиксировать на материале фразеологизмов с компонентом-стихией осуществление основных познавательных процессов — концептуализации и категоризации.

В результате наглядно-чувственных когнитивных процессов, направленных на восприятие предмета, вычленяются отдельные, наиболее существенные его признаки и свойства, которые фиксируют его образ. Л. В. Ковалёва добавляет, что в процессе восприятия формируется и чувственное отношение к предмету. “Наглядно-чувственный образ, служащий базисным основанием концепта, присутствует в прямом номинативном значении слова, которое является основой вербализации концепта” [Ковалёва 2004: 8]. Предполагаем, что “стихийные” единицы привнесли в общую семантику ФЕ компоненты значений, обусловленные физическими свойствами стихий. Соответственно, возможно выделить следующие концептуальные признаки: *land* — твердь, не-жидкость, непознаваемого происхождения, имеет необозримую границу; *water* — текучесть, не-твердь, жидкая материя, не имеет чётких пространственных границ.

Фразеологизмы с компонентом *land* группируются вокруг следующих центров-ситуаций взаимодействия с землёй и выведенных отсюда признаков этой стихии:

1) *land* в значении ‘царство, земля, страна, мир, край’: *the land of milk and honey* — изобилующая земля, *la-la land* — придуманная страна, страна грез (жить в придуманном мире, в своем мире, витать в облаках), *land of plenty* — земля изобилия, благодатный край, *never never land* — утопия, вымышлен-

ная страна, идеальная страна, *reach the promised land* — достичь земли обетованной, *cloud-cuckoo land* — мир грёз, сказочная страна, мир фантазий, заоблачный мир, выдуманная страна, *in the Land of Nod* — во сне, в объятиях Морфея. Данные единицы служат репрезентантами представлений о существовании вымышленного, идеального, нереального мира. В них реализуется признак недостижимости, необъяснимости возникновения и невозможности познания. Совокупность понятий о недостижимом и необъяснимом, граничащем с миром неземным, помещается в концепт СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. Фразеологизмы демонстрируют наличие некой области знаний, которая остаётся недоступной для взаимодействия, для освоения. Такие единицы, как *in la-la land, go on to a better land, reach the promised land, never never land, stranger in a strange land*, содержат указание на масштабность и неизвестность, непознанность. Единица *go on to a better land* представляет собой эвфемистическую замену и относится к табулируемой теме смерти, что также сближает её с концептом СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ. Внутри концепта есть структуры знаний, отвечающие за недоступную для познания область ситуаций, опыт проживания которых человек может только воображать.

2) *land* в значении ‘изобилие, блага’ — данные единицы передают идею благополучия и роскоши при взаимодействии с землёй как источником плодородия: *fat of the land* — роскошь (купаться в), *live off the fat of the land* — наслаждаться земными благами, жить припеваючи, *the land of milk and honey* — изобилующая земля, *the Land of Opportunity* — страна возможностей (перифраз. США). Опыт освоения земли (в значении “почва”) хоть и обеспечивает человеку сытость, но не гарантирует возможность бесконечного управления этими ресурсами. Фразеологизмы передают представление о том, что есть такой край, где возможно не прикладывать усилия и всё равно жить безбедно.

3) *land* как эвфемизм слова ‘Бог’: *Land o’Goshen!* — о боже! (устар.), *Land sakes!* — силы небесные! Батюшки светы! Ради всего святого!; (for) *land(‘s) sake(s) (alive)* — о боже! Данные единицы как элемент магического мышления восполняют в языке потребность говорящего призывать высшие силы в ситуациях удивления, страха, возмущения, негодования, то есть в моменты переживания острых, сильных эмоций. Обращение к концепту СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ сигнализирует о необходимости объяснения своего опыта столкновения с необъяснимыми явлениями в жизни как попыткой рационализировать ту область, которая находится для человека за пределами причинно-следственных связей.

4) *land* в значении ‘положение дел, ситуация, случай’ — данная группа фразеологизмов репрезентирует возможность номинировать необъяснимые ситуации: *find out / see how the land lies* — как обстоят дела, какой расклад, *land in* — угораздить, очутиться, оказаться (по стечению обстоятельств), *land up (at) (some place)* — попасть, оказаться, *land up in (something)* — угодить в, приземлиться в, очутиться в. Все единицы объединены элементом неподконтрольности, неизвестности, непросчитываемого события, что позволяет отнести их к вербализаторам концепта СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ.

Аналогично рассмотрим некоторые группы фразеологизмов с компонентом *water*:

1) *water* в значении ‘опасная стихия’ — данные единицы транслируют знания о взаимодействии с водой как необъятном объёме жидкой материи и, следовательно, опасности, которую она может принести для человека: *between wind and water* — уязвимое место, в опасном положении, *be in deep water* — оказаться в трудном положении, в беде, завязнуть в проблемах, *get head above water and have head above water* — держаться на плаву, *go through hell and high water* — пройти

испытания, *be like a fish out of water* — не в своей тарелке. Крут ситуаций столкновения с водным пространством описывается через признаки непредсказуемости и непрогнозируемости, как эта стихия себя поведёт. Компоненты *high water*, *deep water* являются символами опасности именно в результате присвоения стихии такой оценки человеческим сознанием. Антонимическая единица *in smooth water* ('гладко, без затруднений') передаёт закрепление противоположного опыта, когда стихия, предполагающая опасность, оказалась безопасной. Ещё одна ФЕ *dip a toe in the water* ('проверить обстановку, действовать осторожно, попробовать свои силы в') содержит закрепление опыта предусмотрительного взаимодействия человека с водной стихией, во избежание её непредсказуемого 'поведения'.

2) *water* в значении 'неконтролируемая материя', используемая как инструмент для обозначения опыта, в котором человек не властен над последствиями. В единице *come hell or high water* (будь хоть потоп, неважно, все равно) описывается безразличное отношение к непредсказуемости появления стихийного явления и вызванного им разрушения. Возможно, опыт сравним с бессилием сопротивления стихии и готовностью принять имущественные потери. Схожая единица *be (like) water off a duck's back* — как с гуся вода (не затронуть) выражает безразличное отношение, незаинтересованность последствиями, безразличность к будущему. "Во фразеологических концептах отражается коллективный и индивидуальный опыт человека, оценочное отношение и особенности мировоззрения, нормы и ценности" [Белозёрова 2020: 82]. Данные ФЕ вербализуют концепт СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ, а также являются репрезентантами категории ОТНОШЕНИЯ. Способность формировать оценочное отношение также характеризует фразеологизмы с компонентом-стихией.

В статье рассмотрено, какой человеческий опыт взаимодействия с названными стихиями фразеологизмы закрепляют и концептуализируют в виде совокупности концептуальных признаков: необъятность масштабов, неспособность человека объяснить их проявления, непредсказуемость возникновения, бесконтрольность, непрогнозируемость. Данное исследование позволяет заключить, что в формировании значения фразеологизмов с компонентом-стихией задействованы концептуальные процессы оформления в виде языковых знаков коллективного и индивидуального опыта человека. Фразеологизмы увеличивают когнитивный потенциал категорий (в частности, затронута категория отношения), реализуясь как средства репрезентации концептов.

Список литературы:

1. Анохина С. З., Латыпова Э. М. Фразеология в когнитивном аспекте [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 5 (36). URL: <https://research-journal.org/archive/5-36-2015-june/frazeologiya-v-kognitivnom-aspekte> (дата обращения: 20.09.2023). [Anokhina, Svetlana Z. & Latypova, Eliza M. Phraseology in cognitive aspect (Phraseology in cognitive aspect). *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal (International Research Journal)* 5 (36). Available from: <https://research-journal.org/archive/5-36-2015-june/frazeologiya-v-kognitivnom-aspekte>. (Accessed 20 September 2023).]
2. Белозёрова Е. Ю. Когнитивный аспект анализа современных фразеологических единиц английского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (211). С. 80–87. [Belozerova, Ekaterina Yu. 2020. Kognitivnyy aspekt analiza sovremennykh frazeologicheskikh edinit angliyskogo yazyka (Cognitive aspect of analysis of modern English phraseological units). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo peda-*

gogicheskogo universiteta (Bulletin of Tomsk State Pedagogical University) 5 (211), 80–87.]

3. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка, 2020. № 4 (43). С. 21–79. [Boldyrev, Nikolay N. 2020. Dominantnyy printsip organizatsii yazyka i yazykovogo soznaniya (Dominant principle of the organization of language and linguistic consciousness). *Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive studies of language) 4 (43). 21–79.*]
4. Гусельникова О.В. Когнитивный аспект изучения фразеологии // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 5–2. С. 155–162. [Gusel'nikova, Olesya V. 2009. Kognitivnyy aspekt izucheniya frazeologii (Cognitive aspect of the study of phraseology). *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki (Topical issues of modern science) 5–2. 155–162.*]
5. Ковалёва Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2004. 40 с. [Kovaleva, Lyudmila V. 2004. *Frazeologizatsiya kak kognitivnyy protsess (Phraseologization as a cognitive process)*. Abstract of Philology Doct. Diss. Voronezh.]
6. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2009. 49 с. [Kovshova, Mariya L. 2009. *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskiy aspekt) (Semantics and pragmatics of phraseologisms (linguocultural aspect))*. Abstract of Philology Doct. Diss. Moscow.]
7. The Free Dictionary's Idioms dictionary by Farlex. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com>. Available from: <https://idioms.thefreedictionary.com> (Accessed 12 June 2023).

Сведения об авторе:

Землякова Ксения Владимировна, к. филол. н., Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуника-

ций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия; email: zemlyakova.kv@sut.ru

CONCEPTUALIZATION OF HUMAN EXPERIENCE OF INTERACTION WITH NATURAL ELEMENTS IN ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS

Ksenia V. Zemlyakova

Candidate of Philology, The Bonch-Bruevich Saint-Petersburg State University of Telecommunications, Saint-Petersburg, Russia; email: zemlyakova.kv@sut.ru

Abstract

The paper is devoted to phraseological units with the components *land* and *water* in the structure of the concept SUPERNATURAL. The subject is the properties of phraseological units to verbalize the result of human interaction with the elemental matter of land and water. The research is carried out using the cognitive approach. The paper reveals how the conceptualization of experience is carried out through the formation of the concept SUPERNATURAL. The assumption is made that “elemental” units have brought to the general semantics of phrasemes physical properties of elements: land (solid, non-liquid, boundary immensity), water (fluidity, non-solid, liquid matter, has no clear boundaries). We obtained an interpretation of the attributes of the components-elements, allowing them to describe the range of situations belonging to the sphere of the unexplainable, unrecognizable, uncontrollable. The results can be applied to further describe the content of the cognitive sphere constituted by linguistic representants.

Keywords: cognitive approach, cognitive processes, concept SUPERNATURAL, knowledge, individual and collective experience, conceptual attributes.

Специфика выражения оценки в жанровых разновидностях англоязычной сетевой кинорецензии

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

И. В. Кононова, Е. А. Кленова

Аннотация

Статья посвящена проблеме лингвистического описания новых интернет-опосредованных жанров и форматов общения и представляет результаты исследования, направленного на выявление специфики реализации оценочных значений в жанровых разновидностях англоязычной сетевой кинорецензии. С использованием интерпретативного метода, методов контекстуального анализа и количественного подсчёта на материале корпусов текстов экспертных кинорецензий, медийных кинорецензий и любительских отзывов о кино сопоставляются аспекты объекта оценки и соотносимые с ними типы оценки в трёх жанровых форматах англоязычной сетевой кинорецензии. Показано, что доминирование тех или иных аспектов объекта оценки и типов оценки в жанровых разновидностях сетевой кинорецензии определяется ценностными ориентирами субъекта дискурса. Установлено, что в экспертных сетевых кинорецензиях ведущими типами оценки являются интеллектуальная, эмоциональная и нормативная. Медийные кинорецензии характеризуются доминированием эмоциональной, эстетической и общей оценки. В любительских отзывах о кино реализуются в первую очередь эмоциональный и общий типы оценки. Результаты исследования вносят вклад в развитие теории жанров сетевой коммуникации.

Ключевые слова: кинорецензия, сетевой дискурс, жанр, оценка, типы оценки.

В последние годы проблема развития жанра кинокритики в условиях сетевой коммуникации всё чаще привлекает внимание отечественных лингвистов. К настоящему моменту рассматривалось развитие традиционного жанра кинокритики в сети Интернет [Стопа 2020], описывались способы выражения позиции автора [Кононова, Клепикова, Кленова, 2021] и средства реализации категории аргументативности [Галиуллина, Дубинин, 2022] в жанре англоязычной сетевой кинокритики, исследовались средства языковой репрезентации оценки [Трубченинова 2015] и способы реализации отношений адресанта и адресата [Эрман, Звонарёва, 2021] в текстах немецкоязычных сетевых кинокритик. Несмотря на то, что по данной проблематике накоплен обширный опыт исследований, сопоставительного описания способов выражения оценки в жанровых разновидностях англоязычной сетевой кинокритики не проводилось.

Основной характеристикой *рецензии* как жанра является её принадлежность к сфере оценочного дискурса [Шильникова 2017: 66]. По мнению Т. И. Синдеевой, в основу структурного ядра рецензии входят четыре коммуникативные стратегии: информирование, оценка, обоснование оценки и оказание требуемого суггестивного воздействия на читателя [Синдеева 1984: 7], однако именно оценка выступает первичной коммуникативной интенцией рецензента, позволяя ему интерпретировать произведение с критической позиции стороннего наблюдателя.

Материалом для исследования послужили корпуса текстов экспертных, медийных и любительских сетевых кинокритик. Тексты экспертных кинокритик общим объёмом 62 737 слов отобраны с сайта рецензируемого сетевого издания “Film Criticism”, ориентированного на адресата, который обладает экспертными знаниями в области теории

киноискусства. Тексты медийных кинокритических рецензий (объёмом 77 051 слово), автором которых является профессиональный журналист, а целевой аудиторией — массовый адресат, отобранные на порталах газетных онлайн-изданий “The Boston Globe”, “Seattle Times”, “Chicago Tribune”. Пользовательские сетевые отзывы о кино (18 562 слова), адресованные кинолюбителям, получены с интернет-платформы metacritic.com, посвящённой рецензированию продуктов современной индустрии развлечений.

С использованием интерпретативного метода, методов контекстуального анализа и количественного подсчёта были выявлены основные аспекты объекта оценки и ведущие типы оценки в каждой жанровой разновидности англоязычной сетевой кинокритической рецензии. Опираясь на положение, что оценочные смыслы передаются в тексте в первую очередь словами признаковой семантики, эксплицирующими *качества* оцениваемого предмета [Кукля, Соловьёва 2017: 64], мы исследовали способы реализации оценки в рассматриваемых жанровых форматах сетевой кинокритической рецензии на основе анализа контекстов, содержащих оценочные прилагательные и наречия.

В результате анализа корпуса текстов экспертных кинокритических рецензий было установлено, что к ведущим аспектам объекта оценки в данном формате относятся: 1) выразительность средств режиссуры (24 контекста, 43%); 2) использование инновационных подходов к режиссуре и операторской работе (13 контекстов, 24%); 3) способность режиссёра раскрывать конфликтные темы (12 контекстов, 22%); 4) эстетика нарратива (6 контекстов, 11%).

Ведущими типами оценки в экспертных сетевых кинокритических рецензиях являются интеллектуальная (29 ед.), эмоциональная (15 ед.) и нормативная (14 ед.). Единицы интеллектуальной оценки характеризуют объект оценки в отношении

аспектов “выразительность средств режиссуры”, “использование инновационных подходов к режиссуре и операторской работе” и “способность режиссёра раскрывать конфликтные темы”, номинируя оценочные признаки, связанные со сферой интеллектуально-когнитивного восприятия (*conflicting, interesting, contradictory, critically, nuanced, profound, consequential* и пр.). Объектом оценки в данном случае могут становиться отдельные элементы фильма, например, качество монтирования кадров. Ср.: *Such a stylistic borrowing is felt most keenly in a famous moment early in the film in which **clever** editing animates one of Van Gogh’s elderly peasant figures* [Thomas Jackson. Tracing a Lineage: Alan Resnais’s Painting Films and the Animated Aesthetic. Film Criticism. <https://journals.publishing.umich.edu/fc/>, 01.2020]. Прилагательные и наречия эмоциональной оценки (*surprising, aggressive, overwhelming, melancholic, nauseating, ecstatic* и др.) служат главным образом характеристикой выразительности средств режиссуры. Ср.: *...but his **aggressive** montage stamps correspondences onto the surface of mise-en-scène that stifle some of Hunter’s imaginative play* [Amy Skjerseth. Multiplying Mise-en-Scène: Found Sounds of The Night of the Hunter in Lewis Klahr’s Daylight Moon and Jean-Luc Godard’s Histoire(s) du cinéma. Film Criticism. <https://journals.publishing.umich.edu/fc/>, 01.2020]. Прилагательные и наречия нормативной оценки описывают преимущественно аспекты объекта оценки “способность режиссёра раскрывать конфликтные темы” и “использование инновационных подходов в режиссуре и операторской работе”. Единицы нормативной оценки ориентированы на передачу значений, связанных с соответствием или несоответствием объекта оценки установленным стандартам (*usual, acceptable, normal, conventional, traditional, extraordinary, atypical, orthodox* и др.). Ср.: *It is his later feature work that will develop this notion, that will*

defy orthodox means of visualising consciousness [Thomas Jackson. Tracing a Lineage: Alan Resnais's Painting Films and the Animated Aesthetic. Film Criticism. <https://journals.publishing.umich.edu/fc/>, 01.2020].

Доминантными аспектами объекта оценки в медийных сетевых кинокритических отзывах являются: 1) способность режиссёра формировать эмоциональный фон кинокартины (63 контекста, 27%); 2) способность режиссёра раскрывать конфликтные темы (62 контекста, 27%); 3) эстетика кадра (44 контекста, 19%); 4) качество сценария (34 контекста, 15%); 5) качество актёрской игры (27 контекстов, 12%).

К ведущим типам оценки, свойственным данному жанровому формату сетевой кинокритики, принадлежат эмоциональная (401 ед.), общая (183 ед.) и эстетическая (67 ед.). Единицы эмоциональной оценки характеризуют преимущественно аспект объекта оценки “способность режиссёра формировать эмоциональный фон кинокартины” (*hilariously, heartbreaking, depressing, infuriating, unsettlingly, woefully, moving* др.). Ср.: *Charming, hardworking, committed, compassionate, and earnest, she and this haunting, depressing, infuriating film are reminders that every time a politician slings mud at the “lamestream press” ...* [Richard Whittaker. A Thousand Cuts. The Austin Chronicle. <https://www.austinchronicle.com/>, 07.08.2020]. Общая оценка реализуется в семантике прилагательных *good, bad* и их экспрессивно-стилистических синонимов (*grand, glorious, brilliantly, fantastic* и др.). Более высокий в сравнении с экспертным корпусом процент единиц общей оценки указывает на тенденцию к унификации и генерализации оценочных значений в данном жанровом формате рецензии. Значения общей оценки могут распространяться на любой из аспектов объекта оценки, выступая в качестве универсального средства передачи авторского восприятия. Так, лексемы данной группы

могут использоваться для оценки качества актёрской игры (*Nicole hires Nora (Laura Dern, wonderful as always) a sleekly smiling divorce attorney who clearly enjoys the process of extracting all she can get* [Moira Macdonald. 'Marriage Story' review: Scarlett Johansson, Adam Driver are riveting as a marital cyclone hits. The Seattle Times. <https://www.seattletimes.com/>, 27.11.2019].), эстетики кадра (*The stunningly gorgeous black-and-white visuals* [Richard Roeper. In Alfonso Cuarón's deeply personal 'Roma', every moment a masterpiece. Chicago Sun Times. <https://chicago.suntimes.com/>, 05.12.2018]) и других элементов фильма. Единицы эстетической оценки (*gracefully, elegant, beautifully, ugly, handsome, glamorously* и др.) направлены на описание аспектов объекта оценки “актёрская игра” и “эстетика кадра”, а также экспликацию ценностно-оценочных представлений об эстетических качествах фильма в целом. Ср.: *The movie is also, intermittently, startlingly beautiful, with shots that echo old master paintings* [Liam Lacey. Beanpole: Intense and Affecting Russian Drama Sees War from Women's Side. Original Cin. <https://www.original-cin.ca/>, 27.02.2020]. Так, в данном примере автор рецензии высоко оценивает визуальную структуру фильма, сравнивая его с живописью старых мастеров.

К ведущим аспектам объекта оценки в любительских сетевых отзывах о кино относятся: 1) качество сценария (56 контекстов, 30%); 2) качество актёрской игры (34 контекста, 18,5%); 3) способность режиссёра формировать эмоциональный фон кинокартины (33 контекста, 17,5 %); 4) способность режиссёра раскрывать конфликтные темы (33 контекста, 17,5%); 5) эстетика кадра (31 контекст, 16,5%).

В любительских отзывах реализуются в первую очередь общий (94 ед.), эмоциональный (79 ед.) и интеллектуальный (23 ед.) типы оценки. Категория эмоциональной оценки в данном жанровом формате коррелирует главным образом

с аспектом объекта оценки “способность режиссёра формировать эмоциональный фон кинокартины”. Ср.: *It’s irritating with its annoying edgy humor that’s telling you that this is story is for “adults”* [Luis_001. Metacritic.com. <https://www.metacritic.com/>, 25.07.2020]. Единицы общей оценки используются авторами для формирования оценочного суждения о качестве актёрской игры (*Despite the good directing and the good acting (not amazing!) The movie is very poor* [mshawly. Metacritic.com. <https://www.metacritic.com/>, 07.02.2019]), оценки эстетики кадра (*Good cinematography* [DarrylTan. Metacritic.com. <https://www.metacritic.com/>, 06.01.2019]) и способности режиссёра раскрывать конфликтные темы (*As raising a topic this is good* [Shepard-Alex. Metacritic.com. <https://www.metacritic.com/>, 02.07.2020]).

Проведённое исследование позволило заключить, что каждая из жанровых разновидностей англоязычной сетевой кинорецензии отличается спецификой реализации категории оценки. Доминирование в экспертной кинорецензии аспектов объекта оценки “выразительность средств режиссуры”, “инновационность подходов к режиссуре” и “способность режиссёра раскрывать конфликтные темы” в сочетании с ведущим характером интеллектуального и нормативного типов оценки свидетельствует о намерении авторов осуществлять подробный анализ кинокартины в рамках искусствоведческой парадигмы. Сравнительно низкое в сопоставлении с другими жанровыми форматами рецензии количество оценочных единиц говорит о направленности экспертной рецензии не только на оценку кинопродукции, но в первую очередь на информирование сообщества специалистов в области теории кино о результатах проведённого автором искусствоведческого или семиотического анализа кинофильма. Данная тенденция свидетельствует о близости экспертной кинорецензии жанру научной статьи. Преобла-

дание в медийных рецензиях эмоционально-оценочных и общеоценочных единиц указывает на высокую экспрессивность данного жанрового формата, что говорит о высокой суггестивности текстов и сближении медийной сетевой кинорецензии с рекламой. В любительских отзывах о кино основными аспектами объекта оценки являются “качество сценария” и “актёрская игра”. Высокая доля слов общей и эмоциональной оценки в числе оценочных единиц текстов в сочетании с тенденцией к отсутствию конкретизации оснований оценки свидетельствует о том, что данному жанровому формату свойственна наиболее высокая степень субъективности оценки и диффузности оценочных значений.

Список литературы:

1. Галиуллина О. Р., Дубинин С. И. Способы реализации категории аргументативности в англоязычной сетевой кинорецензии // Ученые записки Казанского университета, 2022. С. 101–115. [Galiullina, Olesja R. & Dubinin, Sergej I. 2022. Sposoby realizacii kategorii argumentativnosti v anglojazyčnoj setevoj kinorecenzii (On the Ways of Implementing the Category of Argumentativeness in Online English-Language Movie Reviews). *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (Proceedings of Kazan University)*, 101–115.]
2. Кононова И. В., Клепикова Т. А., Кленова Е. А. Способы выражения позиции автора в англоязычной сетевой кинорецензии // ДИСКУРС, 2021. С. 132–145. [Kononova, Inna V., Klepikova, Tat'jana A. & Klenova, Ekaterina A. 2021. Sposoby vyrazhenija pozicii avtora v anglojazyčnoj setevoj kinorecenzii (Expressing the Author's Position in the English-Language Network Film Review). *DISKURS (DISCOURSE)*, 132–145.]
3. Кукля, Е. Г., Соловьева, Н. В. Оценка в современном английском лингвистическом тексте: характер, виды, типы, средства объективации и функции // Наука о человеке: гуманитарные исследе-

- дования, 2017. С.62–68. [Kuklja, Evgenij G. & Solov'eva, Natal'ja V. 2017. Ocenka v sovremennom anglijskom lingvisticheskom tekste: karakter, vidy, tipy, sredstva objektivacii i funkcii (Evaluation in Modern English Linguistic Text: Character, Kinds, Types, Means of Objectivation and Functions). *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovanija (Russian Journal of Social Sciences and Humanities)*, 62–68.]
4. Синдеева Т.И. Речевой жанр “газетная рецензия” и его лингвотекстовые характеристики (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук, 10.02.04 / Т.И. Синдеева. М., 1984. 25 с. [Sindeeva, Tat'jana I. 1984. *Rechevoj zhanr “gazetnaja recenzija” i ego lingvotekstovye harakteristiki (na materiale anglijskogo jazyka (The Speech Genre of “Newspaper criticism” and its linguistic characteristics (on the material of English))*. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.]
 5. Стопа А.В. Жанровые особенности рецензии и интернет-отзыва: сравнительно-сопоставительный анализ // *Ratio et Natura*. 2020. №2 [Stopa, A. V. 2020. Zhanrovye osobennosti recenzii i internet-otzyva: sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz (Genre-related characteristics of film criticism and online movie reviews: comparative and contrastive analysis). *Ratio et Natura*. #2]
 6. Трубченинова А.А. Языковая репрезентация оценки в немецкоязычной сетевой кинорецензии // *ИСОМ*, 2015. С. 323–327. [Trubcheninova, Anna A. 2015. Jazykovaja reprezentacija ocenki v nemeckojazyčnoj setevoj kinorecenzii (The Language Representation of Evaluation in the German-language Online Movie Criticism). *ISOM*, 323–327.]
 7. Шильникова О.Г. Рецензия как жанр литературной критики: генезис, формирование структурно-функциональных параметров // *Вестник Волгоградского государственного университета*, 2017. С.55–67. [Shil'nikova, Ol'ga G. 2017. Recenzija kak zhanr literaturnoj kritiki: genezis, formirovanie strukturno-funkcional'nyh parametrov (The Review as a Genre of Literary Criticism:

The Genesis, Formation of Structural-Functional Parameters). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta (The Bulletin of Volgograd State University)*, 55–67.]

8. Эрман В. А., Звонарева А. С. Особенности реализации адресантно-адресатных отношений в текстах немецкоязычных сетевых кинокритик // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 2021. С. 96–108. [Jerman, Valerija A. & Zvonareva, Anastasija S. 2021. Osobennosti realizacii adresantno-adresatnyh otnoshenij v tekstah nemeckojazychnyh setevyh kinorecenzij (Peculiarities of the Addresser's and the Addressee's Interaction in Online Movie Reviews). *Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, jazyk (Crede Experto: transport, society, education, language)*, 96–108.]

Сведения об авторах:

Кононова Инна Владимировна, д. филол. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия; email: inkon_71@mail.ru

Кленова Екатерина Андреевна, ассистент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия; email: messerwerferin@mail.ru

EXPRESSING EVALUATION IN THE GENRE VARIETIES OF ENGLISH LANGUAGE ONLINE FILM REVIEW

Inna V. Kononova

Doctor of Philology, Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia; email: inkon_71@mail.ru

Ekaterina A. Klenova

Assistant lecturer, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia; email: messerwerferin@mail.ru

Abstract

The paper addresses the problem of linguistic description of new digitalized genres and communication formats providing the results of the study aimed at identifying the specific features of expressing evaluation in the subgenres of the English-language online film review. Using the interpretational, quantitative and contextual analysis based on the corpus compiled of expert online film reviews, public media film reviews and online movie reviews written by Internet users, the specifics of evaluative meanings and evaluation types is identified in three genre formats of English-language online film criticism. The results show that the prevalence of certain aspects of the evaluation object and types of evaluation in the genre varieties of online film reviews is determined by the author's values. It is revealed that in peer-reviewed online film criticism the leading evaluation types are intellectual, emotional and normative. Public media film reviews are characterized by prevalence of emotional, aesthetic and general evaluation. In online movie reviews written by Internet users emotional and general types of evaluation are mostly realized. The results of the study contribute to the development of the theory of online communication genres.

Keywords: film criticism, online discourse, genre, evaluation, evaluation types.

Поликомпонентность в композитах немецкого и русского языков

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.112.2

Н. А. Крупнова

Аннотация

Автором статьи рассмотрены и описаны многокомпонентные образования в составе двух языков: русского и немецкого. Автор проводит сравнительный анализ подобных композит, рассматривая многоступенчатый характер формирования их словообразовательной структуры, выявляя основную сферу их функционирования, а также он демонстрирует общие и отличительные черты явления поликомпонентности в обоих языках. В ходе исследования было установлено, что это явление для немецкого языка является более обыденным и привычным, так как слова-гиганты можно встретить и в повседневной речи обычных немцев. Но наибольшее распространение они все же получили в немецком языке именно в области законодательства и официально-делового стиля. Для русского языка данные образования менее характерны. Их структура состоит из меньшего количества компонентов, по сравнению с немецким языком. Также зачастую они являются либо устаревшими словами или терминами разных областей науки, в частности химии.

Ключевые слова: многокомпонентность, полиструктурность, композиты, словообразовательный анализ, термины, сфера функционирования.

В русском и немецком языках встречаются многокомпонентные композиты, внешняя словообразовательная структура которых велика и поэтому зачастую трудна для произ-

ношения. В лингвистике понятие многокомпонентности зачастую путается с таким термином, как полиструктурность. На наш взгляд, следует разводить эти два понятия. Проясним это, опираясь на проверенные источники. А. Н. Тихонов, впервые употребивший термин 'полиструктурность' в лингвистике, понимал под ним "способность слова иметь более одного производящего и в соответствии с этим способность его члениваться по-разному, выделять в своём составе разные формальные элементы" [Тихонов 1970: 43]. Подобное понимание данного термина, на наш взгляд, напрямую связано с явлениями производности и полимотивированности, которые обращены в большей мере к значению слова, к его производящей основе, которая может быть и не одна. Явление полимотивированности композит изучали такие лингвисты, как И. А. Ширшов, В. Е. Зиньковская и другие. Степеньям мотивированности слов со сложными основами посвящены научно-исследовательские труды И. А. Ширшова [Ширшов 1995: 48]. В. Е. Зиньковская в основном уделяет внимание полимотивированности композит в таких частях речи, как существительные и прилагательные. Она связывает это явление с "асимметрией языкового знака" [Зиньковская 1984: 53]. Таким образом, под полиструктурными композитами, мы понимаем такие композиты, которые имеют не один, а более одного производящего и в связи с этим их структура определяется, членивается по-разному. Многокомпонентность исключает наличие нескольких производящих основ у сложного слова. Такая основа всегда одна, но многоуровневая по своему словообразовательному строению. Поэтому под многокомпонентными композитами мы понимаем сложные слова, структура которых состоит из нескольких компонентов, и обладающих одной, хотя и сложной, а не несколькими, что очень важно, производящими основами.

Цель нашей работы — рассмотреть примеры отдельных поликомпонентных образований, провести сравнительный анализ их представленности в русском и немецком языках, рассмотреть многоступенчатый характер их словообразовательной структуры, выявить основную сферу их функционирования и продемонстрировать общие и отличительные черты явления поликомпонентности в обоих языках. В этом мы видим и актуальность нашего исследования.

Сложные многокомпонентные слова, как показывает практика, часто встречаются в газетных статьях, в законодательной или профессиональной терминологии. В простой бытовой речи они мало распространены, так как обладают тяжеловесной, трудной для произношения структурой. Чаще всего эти слова имеют один лексико-семантический вариант, который, как правило, складывается из значения составляющих их многочисленных частей. Поэтому при переводе такие единицы звучат, как поэма или целый рассказ, передавая общее содержание выражаемого ими понятия ярко и красочно.

Многокомпонентные композиты весьма характерны для немецкого языка. Композиты из трёх и четырёх компонентов можно встретить даже в обыденной речи немцев, где они выражают привычные, повседневные понятия, такие как *das Lebensmittelgeschäft* ‘магазин продуктов’, *die Ansichtspostkarte* ‘почтовая открытка’, *das Eisenbahnnetz* ‘железнодорожная сеть’, *das Geburtstagskind* ‘именинник’, *die Hauptbahnhof* ‘главный вокзал’, *das Vergissmeinnicht* ‘незабудка’ и другие. Также нередко в самой обыкновенной жизненной ситуации можно услышать слово *die Geburtstagsglückwunschkarte*, которое состоит уже из пяти компонентов, где слово *die Karte* является основным, а все, что стоит перед ним, определяющим. Процесс словообразования данного композита носит многоступенчатый характер и выглядит таким образом:

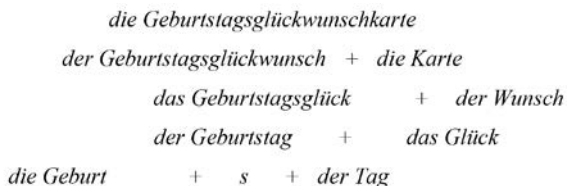

Схема 1. Процесс словообразования композита
die Geburtstagsglückwunschkarte

Общее значение этого слова мы получаем, переводя каждый из составляющих его элементов. Это ни что иное, как *открытка на день рождения с пожеланиями счастья*. В русском языке нам понадобилось бы целое предложение, чтобы сформулировать данное пожелание имениннику, в немецком же — достаточно одного слова для выражения того же. Кроме концентрации смысла в рамках одного слова, полиструктурные слова значительно облегчают грамматический процесс построения фразы. Если бы мы выражали то же самое понятие, используя отдельные слова, то каждое слово мы должны были бы согласовать по падежам, поставить правильные артикли, глагол поставить в правильной форме и выглядело бы это так: *Ich wunsche dir Glück zu deinem Geburtstag* ‘Я желаю тебе счастья в твой день рождения’. И в этом случае мы бы не избежали использования сложного слова *Geburtstag*, потому что *день рождения* в немецком языке — это сложное слово. Таким образом, используя многоструктурные слова в повседневной речи немецкого языка, мы экономим время на грамматические правила, избегаем употребление артиклей в нужных падежах при согласовании слов и выражаем более ёмко и глубоко с их помощью нужное нам понятие и желаемый смысл.

В сфере законодательства многокомпонентные композиты также нашли своё применение именно благодаря своей

способности вмещать в структуру одного слова богатое, насыщенное разными оттенками содержание. В качестве примера приведём название такого закона в немецком законодательстве, как *das Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz* (сокращённо *RflEttÜAÜG*) — ‘закон о передаче обязанностей контроля маркировки говядины’ [https://www.de-online.ru/news/10_samykh_dlennykh_slov_nemeckogo_jazyka/2013-11-19-190,04.09.2023]. Данное слово состоит из семи компонентов: *Rind-fleisch-etikettierungs-überwachungsaufgaben-übertragungs-gesetz* и имеет многоступенчатый характер образования. Наглядно это выглядит так:

das Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz
 die Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragung+ s + das Gesetz
 die Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabe+ n + die Übertragung
 die Rindfleischetikettierungsüberwachung+ s +die Aufgabe
 die Rindfleischetikettierung+ s +die Überwachung
 das Rindfleisch +die Etikettierung
 das Rind + das Fleisch

Схема 2. Процесс формирования композита *das Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetz*

Другое поликомпонентное образование подобного плана можно встретить в языке канцелярского стиля. Оно не является названием закона, а называет ведомство, точнее здание, где речь также может идти о законах. Это слово *Die Donaudampfschiffahrtskapitenswitwenversicherungsgesellschaftshauptgebäudeseiteneingangstür*. Оно состоит из 13-ти компонентов, которые путём сращения с помощью и без помощи соединительных элементов образуют структуру данного слова. Переводя каждый элемент его структуры, мы получаем такое значение этого гиганта: ‘вход в основное здание обще-

ства страхования вдов капитанов, совершавших свои поездки на теплоходах по Дунаю'. В качестве соединительного элемента в структуре данного слова пять раз встретился согласный *s* и два раза — согласный *n*; пять раз соединение было сделано без помощи соединительного элемента.

Таким образом, подводя итог словообразовательному анализу многокомпонентных композит немецкого языка, можно увидеть одну объединяющую их особенность. Все рассмотренные нами выше слова-гиганты имеют ступенчатое словообразование и смоделированы по одной схеме, в соответствии с которой новое слово формируется путем сложения или сдвига основ других слов с помощью или без соединительных элементов. Общество изучения немецкого языка искусственно придумало слово, состоящее из 140 букв, чтобы показать наглядно данный процесс, имеющий место в немецком языке. Это слово звучит так: *Rindfleischetikettierungsüberwachungsaufgabenübertragungsgesetzesentwurfsdebattierklubdiskussionsstandsberichterstattungs geldantragsformular*. В переводе на русский оно означает 'бланк заявления о получении денег на предоставление отчета о состоянии обсуждений в дискуссионном клубе по законопроекту о распределении обязанностей по надзору за маркировкой говядины' [<https://gfds.de/?id=11#>, 08.07.2023].

Русский язык в отличие от немецкого не может похвастаться таким количеством букв и компонентов в составе одного, пусть даже созданного искусственным путем, слова. Для нашего языка сложные, многокомпонентные образования также характерны, но не в таком количестве. В Книге рекордов Гиннеса на период 1933 года длинным словом русского языка считалось слово *рентгеноэлектрокардиографический*, в нем — 32 знака [<https://sinonim.org/t>, 08.07.2023]. По своей словообразовательной структуре этот компо-

зит-прилагательное образован сложением четырёх компонентов, таких как *рентген-о-электро-кардио-графический*. Семантический словарь дает такое его значение — “относящийся к исследованию сердца при помощи рентгена и ЭКГ” [<https://sinonim.org/t>, 08.07.2023]. Данный технический, а точнее медицинский, термин в 2003 году уже был заменён на другое более длинное слово, состоящее из 35 символов, композит *превысокомногорассмотрительствующий*. По части речи — это действительное причастие настоящего времени, образовано сращением трёх компонентов: *превысоко-много-рассмотрительствующий*. Первый и последний компоненты этого слова являются словами производными, имеющими в своём составе приставки *пре-*, *рас-* и суффиксы *-и-*, *-тель-*, *-ств-*, *-у-*, *-ющ-*. По своей сути это слово является, на наш взгляд, образцом канцелярского жанра несовременной эпохи, а скорее всего XVIII–XIX веков. Пытаясь понять его значение, мы склоняемся к такому его толкованию — ‘человек, который с высока много раз смотрит на людей, то есть гордый человек’. Слово в современном языке неупотребительно и, можно сказать, забыто. Приведём ещё несколько примеров длинных слов русского языка, которые упоминаются в Грамматическом словаре А.А. Зализняка, это *человеконенавистничество*, *высокопревосходительство*, *делопроизводительница*, *одинадцатиклассница* и другие [Зализняк 1980]. Как мы видим, все эти примеры образованы путём сложения только двух, хотя и сложных по своей структуре компонентов.

В русском языке есть еще одна область, которая является непосредственным ‘поставщиком’ и ‘производителем’ самых длинных слов, — это химия. Примеров химических терминов и формул можно приводить бесконечное множество, но мы остановимся лишь на трёх: *тетрагидропиранилциклопентил-*

тетрагидропиридопиридиновые (содержит 55 букв), *гидразин-окарбонилметилбромфенилдигидробенздиазепин* (50 букв) и *кокамидопропилпропиленгликольдимонийхлоридфосфат* (48 букв). Все три слова — это реально существующие химические вещества. Первый является модулятором, который стимулирует активность рецепторов и определяет движение лейкоцитов по крови. Второе вещество — это транквилизатор гидазепам, оно является запатентованным лекарством противосудорожного действия. И, наконец, третье вещество, это компонент шампуней и кремов, которое выделяют из кокосового масла. По своей словообразовательной структуре данные композиты являются производными словосложения тех компонентов, которые и определяют их химический состав.

Таким образом, поликомпонентные образования имеют место в обоих языках. Для немецкого языка они, несмотря на громоздкость своей структуры, более привычны, естественны и употребительны даже в бытовой сфере. На уровне повседневной речи данные слова широко используются носителями языка, так как объём заключённого в них содержания велик и многообразен. Они удобны в употреблении и с грамматической точки зрения. Для русского языка многокомпонентные композиты менее характерны. В основном они встречаются в узко специальных сферах, таких как, канцелярский стиль, технические термины или в области химии. В быту при повседневном общении более распространены двухкомпонентные композиты, имеющие сложную производную структуру. С семантической точки зрения данные образования в обоих языках являются моносемантами, значение которых складывается из значения составляющих их частей.

Список литературы:

1. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. URL: <https://gramdict.ru>. (дата обращения: 10.10.2023). [Zaliznyak, Andrej A. 1980. *Grammaticeskij slovar' russkogo yazyka (Russian grammar dictionary)*. [Online] Available from: <https://gramdict.ru>. (Accessed: 10.10.2023).]
2. Зиньковская В.Е. Полимотивированные сложные существительные и прилагательные в современном русском языке. Дис... канд. филол.наук. — Краснодар, 1984. С. 53 [Zin'kovskaya, Valentina V. 1984. *Polimotivirovannye slozhnye sushchestvitel'nye I prilagatel'nye v sovremennom russkom yazyke (Polymotivated compound nouns and adjectives in modern Russian)* Philology Cand. Diss. Krasnodar.]
3. Тихонов А.Н. Множественность словообразовательной структуры в русском языке // Русский язык в школе. 1970. № 4. С. 43. [Tikhonov, Aleksander N. 1970. *Mnozhestvennost' slovoobrazovatel'noj struktury v russkom yazyke (Plurality of word-formation structure in the Russian language)*. In: *Russkij yazyk v shkole (Russian at school)*. Moscow: Prosveshchenie (4), 43.]
4. Толковый словарь русского языка онлайн. URL: <https://sinonim.org/t> (дата обращения: 08.07.2023). [*Tolkovyi slovar' russkogo yazyka onlain (Explanatory dictionary of the Russian language online)*]. [Online] Available from: <https://sinonim.org/t> (Accessed: 08.07.2023).]
5. Ширшов И.А. Типы словообразовательной мотивированности // Филологические науки. 1995. № 1. С. 48. [Shirshov, Ivan A. 1995. *Tipy slovoobrazovatel'noj motivirovannosti (Types of word-formation motivation)*. In: *Philologicheskie nauki (philological sciences)* (1), 48.]

Сведения об авторе:

Крупнова Наталия Александровна, к. филол. н., доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, Арзамас, Россия; email: krupnova.n.a@yandex.ru

MULTICOMPONENTITY IN GERMAN AND RUSSIAN COMPOSITES

Nataliya A. Krupnova

Candidate of Philology, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Arzamas branch, Arzamas, Russia; email: krupnova.n.a@yandex.ru

Abstract

The author of the article examined and described multicomponent formations consisting of two languages: Russian and German. The author conducts a comparative analysis of such composites, considering the multi-stage nature of the formation of their word-formation structure, identifying the main sphere of their functioning, and he also demonstrates the common and distinctive features of the phenomenon of polycomponentism in both languages. The study found that this phenomenon is more common and familiar for the German language, since giant words can also be found in the everyday speech of ordinary Germans. But they still became most widespread in the German language precisely in the field of legislation and official business style. For the Russian language, these formations are less typical. Their structure consists of fewer components compared to the German language. Also, they are often either outdated words or terms from different fields of science, in particular chemistry.

Keywords: multicomponentity, polystructurality, composites, word-formation analysis, terms, sphere of functioning.

Англицизм *digital* в номинациях реалий цифрового общества

(на материале русскоязычных СМИ)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

Е. В. Маринова

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991>

Аннотация

Рассматривается роль ключевого терминоэлемента языка цифровой эпохи — английского прилагательного *digital* в процессе создания номинаций реалий и понятий цифрового общества в русскоязычном дискурсе. Исследование выполнено в рамках функциональной социолингвистики. Источник исследования — сервис “Архив СМИ” электронного медиабанка “Интегрум”. С помощью объектного поиска по материалам данного сервиса извлечено свыше 300 сочетаний, включающих англицизм *digital* в различных вариантах его использования: *диджитал-*, *дигитальный*, *дигитал-*, *digital-*. Зафиксированы производные, созданные на базе заимствования: *дигилект*, *фиджитал*; установлена его грамматическая функция. Выявлены прагматические различия вариантов, восходящих к англицизму: составные термины, отражающие концепцию цифрового общества, в официальном дискурсе включают кальку *цифровой*; в текстах официальных правительственных документов, представленных на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, *диджитал-*, *дигитальный*, *дигитал-*, *digital-* не используются, сфера их употребления — преимущественно профессиональная речь в области бизнеса, менеджмента и т. п. Калька *цифровой* и прямые заимствования отличаются также наличием / отсутствием идеологического компонента,

что определяет своеобразие формирующейся в настоящее время терминологии цифрового общества.

Ключевые слова: терминология цифрового общества, русский язык, медиатексты, заимствование, калькирование, терминологический элемент digital.

Модель цифрового общества (ЦО) предполагает функционирование всех социальных институтов, институций и общественных практик посредством компьютерно-интернетовских технологий [Selvyn 2019]. Не случайно ядро формирующейся на наших глазах терминологии ЦО составляют номинации, являющиеся по своему исходному значению **техницизмами**, как например, *цифровой* — ‘переводящий сигнал в двоичный код’. Ещё одной особенностью терминологии ЦО является её генезис — все ключевые номинации представляют собой либо заимствования, либо кальки английских лексем. С этой точки зрения представляет интерес процесс освоения и закрепления в русском языке иноязычных элементов. Особое место среди них занимает техницизм *digital*, поскольку он не только послужил источником для калькирования главного ключевого слова новой эпохи — прилагательного *цифровой*, но и “внедрился” в русскоязычный дискурс в качестве вкрапления (e.g., *digital-технологии*), а также в виде адаптированных разными способами вариантов, конкуренцию которых мы наблюдаем в настоящее время.

Итак, цель исследования — определить роль английского прилагательного *digital* в процессе создания номинаций реалий и понятий ЦО в русскоязычном дискурсе. Источник исследования — сервис “Архив СМИ” (1996–2023) электронного медиабанка “Интегрум”. С помощью объектного поиска по материалам данного сервиса извлечено свыше 300 сочетаний,

включающих англицизм *digital* в различных вариантах его использования: транслитерированный вариант *digital*-; вариант, переданный на русской почве практической транскрипцией: *диджитал*-; русифицированное заимствование *дигитальный*; вкрапление *digital*-. В ходе наблюдений за выявленной лексикой привлекались также: “Национальный корпус русского языка” (газетный подкорпус); тексты официальных правительственных документов, представленных на сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (Минцифры); научные статьи. Часть собранного материала (наиболее частотные номинации) в ходе исследования была представлена в виде тематического словаря [Маринова, Волочек 2023].

Рассмотрим особенности употребления заимствованного англицизма *digital* в русских текстах. Первым (не считая кальки *цифровой*) в русском языке появился транслитерированный, грамматически оформленный вариант *дигитальный* — конец XX в. Первые словарные фиксации находим в “Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном” [Ефремова 2000] — в значении ‘числовой, цифровой; в числовом выражении (в информатике)’ и в “Словаре иностранных слов” в составе номинации *дигитальные* (= электронные) *часы* [Комлев 2000]. В настоящее время прилагательное является дублетом слова *цифровой*. Вот характерный пример: *Звук в новом “Амадее” переведён в модный сейчас цифровой, дигитальный формат* (Комсомольская правда, 11.12.2022).

Наши материалы показывают, что, несмотря на нередкие случаи использования *дигитальный* в медиа- и научном дискурсе (*дигитальная революция, дигитальная эпоха, дигитальный язык* — о языке интернет-коммуникации и т. п.), заимствование всё же значительно уступает кальке *цифровой*,

во-первых, и не используется вовсе в официальных текстах, размещённых на сайте Минцифры, во-вторых. Можно предположить, что в “момент” вхождения в русский язык слово *дигитальный* претендовало на роль основного ключевого элемента новой терминологии (см., к примеру, в некоторых других языках: чеш. *digitální technologie*; венг. *digitális technológiák*; итал. *tecnologia digitale*, порт. *tecnologias digitais*, рум. *tehnologii digitale*, серб. *дигиталне технологије*), однако не выдержало конкуренции с калькой *цифровой*.

В то же время слово сохраняется в языке и даже послужило дериватом для новообразования *дигилект* (ср. *дигитальный язык*).

Ещё одним дублетом по отношению к слову *цифровой* выступает атрибутивный элемент *диджитал-*, используемый преимущественно в профессиональной сфере, связанной с бизнесом, и причём довольно активно. Например, *диджитал-компания, диджитал-агентство, диджитал-профессии, диджитал-специалист, диджитал-маркетолог* и т. п. Некоторые номинации представляются уже вполне устоявшимися, они, как напр., *диджитал-маркетинг*, вытесняют из употребления синонимичные номинации, образованные с помощью кальки (*цифровой маркетинг*), а также с помощью транслитерированного вариант *дигитал-*. Сохраняется лишь вариантность терминоэлемента *диджитал-* и вкрапления *digital-* с разным написанием начальной буквы, наблюдаемая иногда и в пределах одного и того же текста: *В digital-маркетинге могут использоваться инструменты, основанные на цифровых технологиях: от рекламного предложения при инсталляции программ до рассылки на e-mail или мелодий, которые используются для удержания абонентов на линии. Такие традиционные средства, как газеты или флаеры... — это также диджитал-маркетинг* (<https://blog.ingate.ru/seo-wikipedia/digital-marketing/>).

Возможно, следствием закрепления номинации *диджитал-маркетинг* в русском языке стало появление её компактного варианта *диджитал* (как в своё время возникли *кавер* из *кавер-версия*, *прайс* из *прайс-лист* и др.). В Сети распространены такие обороты, как *уйти* (*прийти*, *перейти*) *в диджитал*. На тематических сайтах слово используется как полностью русифицированное (склоняемое) имя существительное: *Профессии в диджитале можно разделить на пять направлений* (<https://practicum.yandex.ru/blog/rabota-v-digital-sfere/>), чего нельзя пока сказать о другом существительном, связанном генетически с *digital*.

Мы имеем в виду слово *фиджитал*, созданном контаминацией на базе двух английских слов *physical* и *digital*. *Фиджитал-спорт* — официальное название нового вида спорта, соревнования по которому совмещают элементы физического спорта (страйкбол, напр.) и киберспорта (гейминг). Используется новое слово и в более широком значении ‘новейшая технология, соединяющая онлайн- и офлайн-формат межличностного взаимодействия’. Неологизм встретился нам как несклоняемое существительное, что скорее всего объясняется новизной слова, его непривычным обликом. См.: ...*в фиджитал посидеть не получится* (Артем Щепотьев: “Киберспортсмены подолгу сидят за компьютерами, в фиджитал посидеть не получится”. Новости Сургута и Югры. СИА-ПРЕСС, 06.03.2023); *Мир фиджитал, в котором наше физическое тело входит в тесный контакт с цифровым пространством, — это будущее индустрии развлечений...* (Игорь Лютенко на Event-прорыве: *убьёт ли диджитал ивент?* EventNN.ru, 6.06.2019). Отметим также, что чаще всего неологизм используется в функции атрибута, присоединяясь к различным существительным, как то: *аттракцион, зал, инсталляция, инструмент, коммуникация, обучение, поколение, технологии* и др. [Новое в русской лексике: Словарные материалы 2019].

Таким образом, заимствования, восходящие к *digital*, как и их производные, занимают свою нишу в русском языке цифровой эпохи. Сосуществование в современной речи дублетов *цифровой* и *дигитальный*, *цифровой* и *диджитал*- (см. также *цифровизация* и *дигитализация*) объясняется прагматическими различиями лексем. Нельзя не заметить, что кальки, в отличие от прямых заимствований, проявляют явные признаки лингвистических идеологем — в том случае, когда для формирования смысла текста значимым оказывается не связь номинации со специальными понятиями ИТ-сферы, а её идеологический компонент, то есть связь с приоритетной для государственной власти политической линией относительно неуклонной реализации в стране модели ЦО. Существование этой связи наглядно передают ставшие газетными штампами заголовки: *Победа цифры неизбежна. Мир победившей цифры. Всеобщая цифровизация страны. Полная цифровизация России* и под., а также чрезвычайно широкая сочетаемость слова *цифровой*, сопоставимая разве что с сочетаемостью идеологемы *советский* в прошлом веке. Прямые заимствования лишены идеологической коннотации. В этом проявляется своеобразие формирующейся в настоящее время терминологии ЦО.

Список литературы:

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. [Efremova, Tatjana F. 2000. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy. V 2 tomah (New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and word-formation. In 2 Volumes)*. Moscow: Russkiy yazyk.]
2. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. [Komlev, Nikolaj G. 2000. *Slovar' inostrannyh slov (Dictionary of Foreign Words)*. Moscow: EKSMO-Press.]

3. Маринова Е. В., Волочек Е. А. Тематический словарь терминологии цифрового общества RU: Проспект // Альманах Говор. 2023. № 8. 196 с. [Marinova, Elena V. & Volocheck, Elizaveta A. 2023. *Tematicheskii slovar' terminologii tsifrovogo obschestva RU: Prospekt (Thematic Dictionary of Digital Society Terminology RU: Prospect)*. № 8. Al'manah Govor.]
4. Новое в русской лексике: Словарные материалы — 2019 / отв. ред. Ю. С. Ридецкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. [Ridetskaya, Juliya S. (ed.). 2019. *Novoe v russkoy leksike: Slovarnye materialy (New in Russian vocabulary: Dictionary materials)*. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN.]
5. Neil, Selwyn. 2019. *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press.

Сведения об авторе:

Маринова Елена Вячеславовна, д. филол. н., профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия; email: marinova@list.ru

ANGLICISM *DIGITAL* IN NOMINATIONS OF DIGITAL SOCIETY REALITIES (ON THE RUSSIAN LANGUAGE MEDIA BASIS)

Elena V. Marinova

Doctor of Philology, Professor, Linguistic University of Nizhny Novgorod, Russia; email: marinova@list.ru

Abstract

The article considers the role of the key term element in the language of the digital age — the English adjective *digital* in the word formation of realities and concepts of the Digital Society in the Russian language discourse. The research conducts in function-

al sociolinguistics field. The research source is a mass-media sources archive of the media bank “Integrum”. Upon the search on the materials of this service there were extracted more than 300 phrases with the anglicism *digital* in different variants of its use: *didzhital-*, *digital’nyy*, *digital-*, *digital-*. The article indicates following derivatives based on borrowing: *digilekt*, *fidzhital*; its grammatical function was established. The study shows pragmatic differences of variants derived from anglicism: in the official discourse compound terms include the calque *digital* reflecting the concept of Digital Society. The word combinations with *didzhital-*, *digital’nyy*, *digital-*, *digital-* are not used in the texts of government documents presented on the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation website; they are mainly used in professional speech of business, management, etc. The calque *digital* and direct borrowings are also differ in the presence or lack of an ideological component that determines the feature of the currently emerging terminology of the digital society.

Keywords: Digital Society terminology, the Russian language, media texts, borrowing, loan translation, term element.

Психолингвистическое исследование лексемы педагогика

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`23

И. А. Морозова, К. О. Селезнева

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению в психолингвистическом аспекте одной из лексем, относящихся к педагогической лексике. Цель исследования — определить и описать психолингвистическое значение (далее — ПЛЗ) лексемы *педагогика* в русском языковом сознании. В качестве материала исследования были использованы словарные дефиниции и результаты психолингвистического эксперимента, участниками которого в 2022 году стали 120 человек (женщины и мужчины разного социального статуса в возрасте от 20 до 75 лет). В ходе изучения лексемы *педагогика* применялись разнообразные методы: анализ словарных дефиниций, метод субъективных дефиниций, описательный, сравнительный и количественный методы. Результатом проведенного исследования стало определение и характеристика 4 психолингвистических значений лексемы *педагогика* в сознании носителей современного русского языка. Полученная экспериментальным путем семантема шире и объёмнее своего лексикографического варианта, внутри семантемы ПЛЗ были ранжированы по уровню яркости, среди них были установлены ядерные и периферийные значения.

Ключевые слова: языковое сознание, психолингвистическое значение, лексема, семема, семантема, ядерные и периферийные значения.

Текущий Год педагога и наставника привлёк внимание не только к самим работникам сферы образования, но и к

педагогике в целом. В настоящее время это слово стало активно использоваться в повседневной жизни. Обращение к “Большому толковому словарю русского языка” С. А. Кузнецова (далее — БТС) показывает, что лексема *педагогика* является моносемантической: (греч. *paidagogike*). Наука о воспитании, образовании и обучении [БТС, 2006].

Возникает ряд вопросов: что подразумевают современные носители русского языка под этим словом? совпадает ли то, что они вкладывают в это значение, с лексикографическим толкованием? Для получения ответов на данные вопросы нами было проведено психолингвистическое исследование. Цель нашей работы — определить и описать психолингвистическое значение лексемы *педагогика* в русском языковом сознании. Вслед за И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой под психолингвистическим значением мы понимаем “упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объём семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов — более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психолингвистическое значение — это психологически реальное значение слова” [Стернин, Рудакова 2011: 99].

Данная работа выполнена в русле современных психолингвистических исследований [Морозова, Селезнева 2022; Рудакова 2022; Селезнева 2021; Тарасов 2004; Уфимцева 2016; Шаманова 2008 и др.].

Для достижения поставленной цели нами был проведён направленный ассоциативный эксперимент, в рамках которого испытуемым предлагалось закончить фразу “Педагогика — это...”. Участниками являлись 120 носителей (мужчины и женщины) русского языка разных профессий (возраст — 20–75 лет).

Полученные экспериментальные данные были нами систематизированы и представлены в виде ассоциативного поля.

Всего было зафиксировано: 281 реакция; из них различных — 136. Методом семантической интерпретации результатов экспериментальных исследований [см. Стернин, Рудакова 2011: 102]. были сформулированы психолингвистические значения слова *педагогика* в современном русском языковом сознании.

1. **Наука о воспитании, обучении, образовании человека 99** (*наука о воспитании и обучении человека 20; наука 18; наука об обучении 9; наука о воспитании 5; знания 4; наука о сущности, методах и формах обучения 3; знания; наука об образовании; наука, которая изучает, как обучать людей; наука, направленная на воспитание людей 2; взаимоотношение между учеником и взрослыми, рассмотренное в трудах учёных; знания о ребёнке и умения, передаваемые из поколения в поколение; наука о воспитании детей и т.д. 1*).
2. **Воспитание и обучение человека как целенаправленный процесс 91** (*обучение 14; воспитание 11; искусство воспитания и обучения 6; общение 5; процесс обучения; процесс передачи своих знаний, опыта 4; образование; передача знаний и опыта; привитие; развитие 3; методика обучения человека; передача жизненного опыта от старшего поколения к младшему; процесс направленного развития и формирования личности 2; включает в себя воспитание, образование, развитие; влияние; воспитание и обучение как целенаправленный процесс; воспитание человека и т.д. 1*).
3. **Сфера профессиональной деятельности, подразумевающая обучающего и обучаемого 70** (*труд 9; призвание 7; ответственность; профессия 5; преподавание;*

работа; учёба 3; образ жизни; преподаватель; пример 2; дети; деятельность; деятельность, направленная на приобщение человека к жизни в социуме и т. д. 1).

4. **Дисциплина / предмет, изучающая / изучающий воспитание и обучение человека 9** (*дисциплина 3; предмет 2; дисциплина, изучающая правильное отношение между ребёнком и взрослым; дисциплина, направленная на привитие человеку обучающих качеств; изучение и т. д. 1).*

Не интерпретируются (нельзя понять, в каком смысле эта реакция характеризует слово, к какому ПЛЗ оно относится) 11: *важная часть, внимание, выдержка, жизнь, культура, разум, сила духа, стимул, умный, усердие, характер.*

Полученные данные позволяют сделать ряд выводов. В сознании носителей русского языка, в отличие от словаря, исследуемая лексическая единица является полисемантической с четырьмя ПЛЗ. Интересным является тот факт, что самое яркое ПЛЗ (*Наука о воспитании, обучении, образовании человека*) полностью совпадает с лексикографической дефиницией.

Обращает на себя внимание второе по яркости ПЛЗ (*Воспитание и обучение человека как целенаправленный процесс*), которое всего на несколько реакций меньше по сравнению с первым (99 и 91 реакция соответственно). Между тем, стоит отметить, что второе значение не фиксируется в словарных источниках. Данный факт требует дальнейшего наблюдения, более детального рассмотрения и осмысления. Мы, в свою очередь, предполагаем, что это может быть связано с некой путаницей в сознании носителей русского языка двух лексем — *воспитание* и *педагогика*. К данному выводу мы пришли на основе результатов проведённого экспериментального исследования лексемы *воспитание* в русском языковом сознании [Морозова, Селезнева 2023]. Указанная лексическая

единица имеет ПЛЗ *Целенаправленное педагогическое воздействие на личность при помощи семьи и социальных институтов*, которое является у неё самым ярким.

Наличие третьего и четвёртого ПЛЗ (*Сфера профессиональной деятельности, подразумевающая обучающего и обучаемого* и *Дисциплина / предмет, изучающая / изучающий воспитание и обучение человека* — 70 и 9 реакций соответственно), на наш взгляд, можно объяснить тем, что участниками эксперимента являлись в основном студенты-бакалавры, обучающиеся по направлению “Педагогическое образование” и преподавательский состав образовательных организаций. Данная категория респондентов имеет непосредственное отношение к педагогике, поскольку для одних она является профессиональной сферой деятельности, а для других — одной из главных изучаемых дисциплин на протяжении нескольких лет. Исходя из этого, перспективным представляется дальнейшее экспериментальное исследование лексемы *педагогика* в сознании носителей русского языка разных профессий.

Таким образом, мы можем констатировать, что ПЛЗ лексемы *педагогика* шире лексикографического толкования. Дальнейшее исследование в данном ключе позволит ответить на ряд вопросов: произойдёт ли фиксация выявленных ПЛЗ в толковых словарях русского языка? как изменятся данные ПЛЗ со временем? появится ли у лексемы *педагогика* при наличии значения с семой “процесс” однокоренной глагол (по аналогии с *Воспитание* — *Воспитывать* и *Образование* — *Образовывать*) со значением “деятельность педагога” (например, *педагогить*)?

Результаты психолингвистических исследований позволяют нам обозначать возможные семантические изменения рассматриваемой лексемы и дают широчайшее поле для дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: “Норинт”, 2006. 1536 с. [Kuznetsov, Sergey A. 2006. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (Large Explanatory Dictionary of the Russian Language)*. Saint Petersburg: Norint.]
2. Морозова И. А., Селезнева К. О. Сопоставительный анализ психолингвистических значений лексем *образование* и *воспитание* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Психолингвистика и лексикография. Сборник научных трудов. ФГБОУ ВО “Воронежский государственный университет”; Воронежская психолингвистическая ассоциация. Москва, 2022. С. 55–64. [Morozova, Iraidia A. & Selezneva, Kristina O. 2022. *Sopostavitel'nyi analiz psikholingvisticheskikh znachenii lexem obrazovanie i vospitanie po rezul'tatam napravlennoogo assotsiativnogo eksperimenta (Contrastive analysis of the psycholinguistic meaning's of the lexemes Education & Upbringing, using the results of directional associative experiment)*, *Psikholingvistika i lexikografiya (Psycholinguistic & lexicography)*, 55–64. Moskva.]
3. Морозова И. А., Селезнева К. О. Лексема *ВОСПИТАНИЕ* в сознании носителей русского языка // Вопросы психолингвистики. 2023. № 1 (55). С. 69–77. [Morozova, Iraidia A. & Selezneva, Kristina O. 2023. *Lexema vospitanie v soznanii nositelei russkogo yazyka (Lexeme Upbringing in the language consciousness of Russian speakers)*. *Voprosi psikholingvistiki (Journal of psycholinguistics)* 1(55), 69–77.]
4. Рудакова А. В. Теоретические и прикладные проблемы психолингвистической семасиологии и лексикографии: автореф. дис. ... доктора филол. наук. Воронеж, 2022. 51 с. [Rudakova, Alexandra V. 2022. *Teoreticheskie i prikladnie problem psikholingvisticheskoi semasiologii i lexikografii (Theoretic & applicative problems of psycholinguistic semasiology & lexicography)*. Abstract of Philology Ph. D. Diss. Voronezh.]

5. Селезнева К. О. Психолингвистическое исследование лексемы *образование* (по результатам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 60–62. [Selezneva, Kristina O. 2021. *Psikholingvisticheskoe issledovanie lexemy Obrazovanie po rezul'tatam napravlenno-go assotsiativnogo eksperimenta* (Psycholinguistic research of the lexeme *education*, using the results of directional associative experiment). *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya i zhurnalistika (Proceedings of Voronezh State University Series: Philology, Journalism)* 4, 60–62.]
6. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH Co.KG: Saarbrücken, 2011. 192 с. [Sternin, Iosif A. & Rudakova, Alexandra V. 2011. *Psikholingvisticheskoe znachenie slova I yego opisanie. Teoreticheskie problem* (Psycholinguistic word meaning & its description. Theoretic problems). LAP LAMBERT Academic Publishin GmbH Co. KG: Saarbrücken.]
7. Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 34–47. [Tarasov, Evgenii F. 2004. *Yazikovoe soznanie* (Linguistic consciousness). *Voprosi psikholingvistiki (Journal of psycholinguistics)* 2, 34–47.]
8. Уфимцева Н. В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // Вопросы психолингвистики. 2016. № 27. С. 238–249. [Ufimtseva, Natalia V. 2016. *Yazikovaya kartina mira: problemy modelirovaniya* (Linguistic worldview: simulation problems). *Voprosi psikholingvistiki (Journal of psycholinguistics)* 27, 238–249.]
9. Шаманова М. В. Общение как коммуникативная категория в русском языковом сознании: монография. Воронеж, 2008. 227 с. [Shamanova, Marina V. 2008. *Obshchenie kak kommunikativnaya kategoriya v russkom yazikovom soznanii* (Communication as communicative category in Russian language consciousness). Voronezh.]

Сведения об авторах:

Морозова Ираида Алексеевна, к. филол. н., доцент, Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета, Борисоглебск, Россия; email: iraida_morozova@mail.ru

Селезнева Кристина Олеговна, к. филол. н., ст. преподаватель, Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков, Борисоглебск, Россия; email: kireeva_kristina@mail.ru

PSYCHOLINGUISTICAL RESEARCH OF THE LEXEME PEDAGOGICS

Iraida A. Morozova

Candidate of Philology, Associate Professor, Borisoglebsk Branch of the Voronezh State University, Borisoglebsk, Russia; email: iraida_morozova@mail.ru

Kristina O. Selezneva

Candidate of Philology, Senior Lecturer, Krasnodar Air Force Institute for Pilots, Borisoglebsk, Russia; email: kireeva_kristina@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the consideration of a pedagogical lexeme *pedagogics* in psycholinguistic aspect. The aim of the research is to reveal and describe psycholinguistic meaning (PM) of the lexeme *pedagogics* in Russian language consciousness. Lexicographic definitions and the results of the psycholinguistic experiment were used as the material of the study. 120 people (men and woman of different social status from 20 to 75 years old) were participants of the experiment in 2022. Different methods (lexicographic definitions' analysis, subjective definitions' method, descriptive, comparative and quantitative ones) were used during the research of the lexeme *pedagogics*. The research

result was revealing and description of 4 Psycholinguistic definitions of the lexeme *pedagogics* in modern Russian language consciousness. The semanteme derived after the results' analysis is wider and more volumetric than lexicographic one. Psycholinguistic meanings of this semanteme were processed and distributed. Meanings of the main body and of the periphery were determined.

Keywords: linguistic consciousness, psycholinguistic meaning, lexeme, sememe, semanteme, main body and peripheral meanings.

Конструкция *when doing* как репрезентация хронотопа в медицинском дискурсе

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`3

Н.С. Пак

Аннотация

Английское осложнённое предложение с вторично-предикативными структурами представляет собой особый, отличный от простого и сложного предложения, способ репрезентации ситуаций внеязыковой действительности. Основания выбора между осложнённым предложением и сложным (или несколькими простыми) для репрезентации связанных между собой ситуаций представляют интерес для исследований в когнитивно-дискурсивной парадигме. В данной работе осложнённое предложение с конструкцией WHEN DOING рассматривается как репрезентация ситуаций, связанных со спецификой хронотопа в медицинском дискурсе. На основании лексико-семантического анализа материала с применением искусственного интеллекта (“Облако слов”) предлагается семантическая модель наиболее типичных ситуаций, регулярно репрезентируемых конструкцией WHEN DOING. В результате исследования выявляется и обосновывается функционирование нескольких подтипов конструкций WHEN DOING, репрезентирующих хронотоп в медицинском дискурсе, предлагаются основания для их классификации. Подчёркивается интегративность формирования смысла осложнённых предложений с конструкцией WHEN DOING и его не тождественность соответствующим сложноподчинённым предложениям.

Ключевые слова: вторично-предикативные структуры, английский язык, осложнённое предложение, медицинский дискурс, хронотоп.

Английское осложнённое предложение с вторично-предикативными структурами (“small clause”, структуры с неканонической предикативностью, неполной предикативностью) [Bowers 2001; Николаева 2019 и др.] представляет интерес для исследований в структурно-семантическом, функциональном, логико-синтаксическом аспектах, а также является объектом сравнительно-сопоставительных исследований и исследований в области перевода. Любопытно отметить, что эта “маргинальная” [Худяков 2005: 74] структура рассматривается и в рамках исследований простого предложения, как усложнение его членов [Почепцов 1971; Швец (Петрова) 2006 и др.], и в качестве компрессированного сложного предложения [Саурбаев 1998; Шипилова 2007 и др.].

В рамках настоящей работы вторично-предикативная структура — английская конструкция WHEN DOING — рассматривается как особый способ репрезентации ситуаций внеязыковой действительности, не тождественный ни усложнённому члену простого предложения, ни придаточному предложению в составе сложного [Кобрина 1973; Николаева 2019 и др.]. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить возможные основания выбора между предложением, осложнённым конструкцией WHEN DOING и сложным предложением (или несколькими простыми) для репрезентации связанных между собой ситуаций.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто положение о том, что осложнённое предложение с конструкцией WHEN DOING выбирается как предпочтительный способ репрезентации нескольких типов ситуаций, связанных со спецификой хронотопа в медицинском дискурсе. К значимым характеристикам хронотопа в данной работе мы относим локализованность и временную соотнесённость (единство места и времени) [Бейлинсон 2000; Карасик 2002 и др.]. На основа-

Рисунок 2. Облако слов по корпусу конструкций WHEN DOING

Сопоставляя облако слов — результат обработки всего объёма текстов, и облако слов по результатам обработки корпуса конструкций WHEN DOING, можно отметить, что наиболее частотными участниками ситуации в обоих случаях являются *patient* — ‘пациент’, *health* — ‘здоровье’, *body* — ‘тело’ (туда же мы отнесли и *blood* — ‘кровь’) и некоторые другие, менее частотные, но тоже значимые. В качестве наиболее типичных предикатов, регулярно функционирующих в конструкциях WHEN DOING были отмечены *use(-ing)* — ‘использовать’, *perform(-ing)* — ‘выполнять’, *compare(-ing)* — ‘сравнивать’, *assess(-ing)* — ‘оценивать’ и другие.

Определив наиболее типичных участников ситуации (актанты) и частотные предикаты, мы составили модели ситуаций, регулярно репрезентируемых конструкциями WHEN DOING в медицинском дискурсе. Для моделирования ситуаций использовались ресурсы проекта FrameNet [FrameNet Data. FrameNet. <https://framenet.icsi.berkeley.edu/frameIndex>, 2023]. В результате построения и сопоставления моделей было выделено три типа ситуаций, которые могут стать основой для классификации конструкций WHEN DOING в медицинском дискурсе:

Ситуация 1. Одушевлённый агент, как правило, содержится в конструкции WHEN DOING имплицитно, в виде отсылки к субъекту главного предложения. С точки зрения прототипической семантики, вторичный предикат конструкции WHEN DOING первого типа относится к акциональным представлен причастием, образованным от активного волитивного глагола [Болдырев 2016]. Специфика конструкции WHEN DOING первого типа с точки зрения репрезентации хронотопа состоит в отсутствии чёткой отнесённости к определённому месту и времени. Таким образом, конструкции такого типа могут репрезентировать как однократно происходящие ситуации, так и неоднократные, где WHEN лишь эксплицирует наличие временной связи с ситуацией, репрезентированной главным предложением (полная одновременность [Храковский 2009]), но не её характер: *These principles must be strictly applied when **performing any aseptic procedures*** — ‘Эти принципы необходимо строго соблюдать при выполнении любых процедур с применением правил асептики’ [G.R. Doyle. *Clinical procedures for safer patient care*. BCcampus. <https://opentextbc.ca>, 2015].

Можно предположить, что именно необходимость репрезентации отношений полной одновременности и является основанием выбора конструкции WHEN DOING первого типа, так как она обладает потенциалом репрезентации более глубокой связи между ситуациями.

Ситуация 2. Конструкция WHEN DOING второго типа также имеет в качестве предикативного центра акциональный вторичный предикат, эксплицированный причастием, образованным от активного волитивного глагола [Болдырев 2016 и др.]. С точки зрения репрезентации хронотопа конструкция второго типа отличается от конструкции первого типа тем, что место и время ситуации определяется местом и време-

нем существования объекта. В то же время, отношения полной одновременности с ситуацией, репрезентированной главным предложением, уже не являются облигаторными (оценить объект можно и до, и после того, как реализована ситуация, репрезентируемая главным предложением). Так, в следующем примере очевидно, что убедиться, что тяжёлая одежда снята, необходимо перед тем, как приступить к оценке дыхания пациента:

*When **assessing respiration**, ensure that thick and bulky clothing is removed so you can clearly see the rise and fall of the chest or abdomen — ‘При оценке дыхания убедитесь, что толстая и громоздкая одежда снята, чтобы вы могли четко видеть подъем и опускание грудной клетки или живота’* [J. L. Lapum et al. Vital Sign Measurement Across the Lifespan. BCcampus. <https://opentextbc.ca>, 2021].

В качестве основания выбора конструкции WHEN DOING второго типа лежит необходимость репрезентации контактного следования или предшествования [Храковский 2009] и отграничения контактного следования или предшествования от дистантного.

Ситуация 3. Предикативным центром конструкции WHEN DOING третьего типа является стальной вторичной предикат, представленный стальным глаголом, или глаголом-свойством [Болдырев 2016]. Конструкции такого типа характеризуются наиболее слабой временной соотнесённостью и ограниченным потенциальном репрезентации характеристик хронотопа в медицинском дискурсе. Объекты могут быть удалены друг от друга на любое расстояние и относиться к разным временным промежуткам. WHEN в таких ситуациях эксплицирует, скорее, условную связь, чем временную, что сближает конструкции WHEN DOING третьего типа с конструкциями IF DOING/ DONE:

When comparing SGA to endotracheal intubation, SGA was superior in terms of multiple insertion attempts; endotracheal intubation was superior in terms of inadequate ventilation — ‘При сравнении введения надгортанной дыхательной трубки с эндотрахеальной интубацией надгортанная трубка превосходила по количеству попыток введения; эндотрахеальная интубация превосходила по количеству случаев неадекватной вентилиации’ [Dominik A. Jakob et al. Prehospital and Emergency Room Airway Management in Traumatic Brain Injury. IntechOpen. <https://www.intechopen.com>, 2022].

К возможным основаниям выбора конструкции WHEN DOING третьего типа можно отнести не связанные с репрезентацией хронотопа в медицинском дискурсе цели обезличивания (не важно, кто сравнивает) и компрессии (сжать информацию о самом факте сравнения, сконцентрировавшись вместо этого на конкретных выводах).

Таким образом, исследование позволило сделать предположения об основаниях для выбора трёх наиболее типично репрезентируемых конструкцией WHEN DOING ситуаций в медицинском дискурсе. В двух из трёх ситуаций основания выбора напрямую связаны с репрезентацией ключевых характеристик хронотопа в медицинском дискурсе (полная одновременность как единство времени двух ситуаций в первом случае, единство места и контактное следование/предшествование для второго случая). В третьей же ситуации не было выявлено значимых особенностей функционирования конструкции WHEN DOING как носителя особой по сравнению с придаточным предложением “хроно-” информации.

Проведенное исследование частично подтвердило нашу гипотезу: в ряде случаев WHEN конструкция действительно выступает как носитель ключевых характеристик хронотопа в медицинском дискурсе. Тем не менее, не во всех ситуациях,

репрезентированных WHEN конструкциями “хроно-” компонент смысла играет настолько важную роль, чтобы это могло стать основанием выбора этих конструкций по сравнению с другими способами репрезентации ситуаций.

Список литературы:

1. Бейлинсон Л.С. Медицинский дискурс // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов, 2000. С. 103–117. [Bejlinson, Ljubov' S. 2000. Medicinskij diskurs (Medical discourse). *Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. trudov (Linguistic identity: institutional and personal discourse)*. Collection of scientific papers. 103–117.]
2. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. Москва — Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с. [Boldyrev, Nikolaj N. 2016. *Kognitivnaja lingvistika (Cognitive linguistics)*. Moscow-Berlin: Direct-Media.]
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik, Vladimir I. 2002. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs (Linguistic circle: personality, concepts, discourse)*. Volgograd: Peremena.]
4. Кобрина Н.А. Вставные предикативные единицы, оформленные по типу части сложноподчинённого предложения // Синтаксис сложного предложения германских языков. Л., 1973. С. 3–102. [Kobrina, Novella A. 1973. *Vstavnye predikativnye edinicy, oformlennye po tipu chasti slozhnopodchinennogo predlozhenija (Inserted predicative units, designed like a part of a complex sentence)*. In: *Sintaksis slozhnogo predlozhenija germanskih jazykov (Syntax of complex sentences in Germanic languages)*. Leningrad. 3–102.]
5. Николаева Т.Г. Предложения английского языка с конструкциями незавершённой предикации: семиологический подход: дис. на соискан. учен. степ. докт. филол. наук. Самара, 2019. 392 с. [Nikolaeva, Tat'jana G. 2019. *Predlozhenija anglijskogo jazyka s konstrukcijami nezavershjonnoj predikacii: semiologičeskij podhod*

- (*English sentences with constructions of incomplete predication: a semiological approach*). Philology Cand. Diss. Samara.]
6. Почепцов Г.Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев: Вища школа, 1971. 193 с. [Počerpcov, Georgij G. 1971. *Konstruktivnyj analiz struktury predlozhenija (Constructive analysis of sentence structure)*. Kiev: Vishha shkola.]
 7. Саурбаев Р.Ж. Парадигматика осложнённого предложения современного английского и татарского языков: автореф. дис. на соискан. учен. степ. канд. филол. наук. Казань, 1998. 25 с. [Saurbaev, Rishat Zh. 1998. *Paradigmatika oslozhnennogo predlozhenija sovremennogo anglijskogo i tatarskogo jazykov (Paradigmatics of the semi-complex sentence of modern English and Tatar languages)*. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan'.]
 8. Храковский В.С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Типология таксисных конструкций. РАН. Ин-т лингв. исслед. ; отв. ред. Храковский В.С. М.: Знак, 2009. 906 с. [Hrakovskij, Victor. 2009. *Taksis: semantika, sintaksis, tipologija (Taxis: semantics, syntax, typology)*. *Tipologija taksisnyh konstrukcij (Typology of taxis structures)*. Edited by Hrakovskij, V.S. Moscow: Znak. 11–116.]
 9. Худяков А.А. Теоретическая грамматика английского языка. Учеб. пособие для студ. филол. фак. и фак. ин. яз. высших учеб. заведений. М.: Академия, 2005. 256 с. [Khudjakov, Andrej A. 2005. *Teoreticheskaja grammatika anglijskogo jazyka (Theoretical grammar of the English language)*. Textbook manual for higher education students. Moscow: Academia.]
 10. Шипилова Е.А. Нейтрализация в системе простого и сложного предложений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2007. Вып. 10 (54). С. 63–67. [Shipilova, Ekaterina A. 2007. *Nejtralizacija v sisteme prostogo i slozhnogo predlozhenij (Neutralization in the system of simple and complex sentences)*. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki (Bulletin of Tambov University. Series: Humanities)*. 10 (54). 63–67.]

11. Швец (Петрова) А.Г. Формально-синтаксическое осложнение предложения: на материале русского и английского языков: дис. ...канд. филол. наук. Саратов: СГУ им. Чернышевского, 2006. 228 с. [Shvec (Petrova), Antonina G. 2006. *Formal'no-sintaksicheskoe oslozhenie predlozhenija: na materiale russkogo i anglijskogo jazykov* (*Formal-syntactic complication of a sentence: based on the material of Russian and English languages*). Philology Cand. Diss. Saratov.]
12. Bowers, John. 2001. Predication. In: Mark Baltin & Chris Collins (eds), *The Handbook of Contemporary Syntactic Theory*, 299–333. Blackwell Publishers Ltd.

Сведения об авторе:

Пак Наталья Санг Дуковна, старший преподаватель, Северный (Арктический) федеральный университет, Архангельск, Россия; email: n.pak@narfu.ru

**WHEN DOING CONSTRUCTION AS A REPRESENTATION
OF A CHRONOTOPE IN MEDICAL DISCOURSE**

Natalya S. Pak

Senior Lecturer, Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russia; email: n,pak@narfu.ru

Abstract

The English semi-complex sentence with secondary-predicative structures is a particular way of representing situations of extra-linguistic reality, different from simple and complex sentences. The reasons for choosing between a semi-complex sentence and a complex sentence (or several simple ones) to represent related situations are of interest for research in the cognitive-discourse paradigm. In this paper, the semi-complex sen-

tence with the WHEN DOING construction is approached as a representation of situations related to the features of the chronotope in medical discourse. On the basis of lexical and semantic analysis of the material using artificial intelligence (“Word cloud”), a semantic model of the most typical situations regularly represented by the WHEN DOING construction is proposed. The study reveals and substantiates the functioning of several subtypes of WHEN-DOING constructions representing the chronotope in medical discourse, and proposes the basis for their classification. The integrativity of meaning formation of semi-complex sentences with the WHEN DOING construction and its non-identity to the corresponding compound sentences are emphasised.

Keywords: secondary predicative structures, English language, semi-complex sentence, medical discourse, chronotope.

Современные языковые средства репрезентации гендерной идентичности в сетевой коммуникации

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

Ф. Г. Самигулина

Аннотация

В статье анализируются средства выражения гендера в русском языке на материале сетевого интернет-общения. С этой целью описываются варианты наиболее актуальных суффиксов, используемых при создании окказиональных феминитивов, а также рассматриваются особенности строения гендергэпа как альтернативного средства гендерной репрезентации в сетевой коммуникации в рамках русской лингвокультуры. Гендергэп, не относящийся к феминитивам, поскольку содержит в себе два слова — мужского рода и женского, рассматривается как новая словообразовательная модель, предлагаемая в качестве нового способа экспликации гендера в сетевой коммуникации. Результаты исследования демонстрируют реализацию в рамках русскоязычного сетевого общения преимущественно двух коммуникативных гендерно ориентированных стратегий: гендерной спецификации и гендерной нейтрализации, первая из которых осуществляется за счёт употребления окказиональных феминитивов, вторая — с помощью использования гендергэпов в электронном сетевом дискурсе.

Ключевые слова: русский язык, сетевая коммуникация, гендер, окказиональный феминитив, маскулятив, гендергэп.

Наблюдаемый в настоящее время рост значимости виртуального коммуникативного пространства для современ-

ного носителя русского языка в процессе прохождения им вторичной языковой социализации обязывает социолингвистов исследовать специфику интернет-общения, в частности особенности гендерной самопрезентации в электронном дискурсе, которые зачастую связаны с преимущественно письменной формой сетевой коммуникации, и её отличия от реализации гендера в традиционном контактном устном взаимодействии. В связи с этим в статье анализируются такие языковые средства выражения гендера, как окказиональные феминитивы, создание которых более привычно для носителей русского языка, и гендергэпы, в большей степени заимствованные из немецкой дискурсивной практики. В качестве языкового материала для изучения и анализа послужила лексика, взятая методом сплошной выборки из интернет-общения носителей русского языка в различных социальных сетях (“Вконтакте”, “Телеграм”, “Твиттер” и т.д.). В данной статье примеры приведены из сетевой коммуникации в социальной сети “Твиттер”.

В русскоязычном сетевом дискурсе наблюдается реализация двух коммуникативных гендерно ориентированных стратегий: гендерной спецификации и гендерной нейтрализации. Экспликация гендерной спецификации в сетевой коммуникации осуществляется с помощью использования феминитивов-неологизмов, или окказиональных феминитивов (*окказионализм* от латин. *occasio* ‘случайность’). Следует отметить, что в устной речевом общении данная стратегия осуществляется при помощи употребления феминитивов, то есть слов женского рода, являющихся альтернативными или парными аналогичным существительным мужского рода и обозначающих профессию или род занятий [Федотова 2016: 67]. По сравнению со словарными феминитивами окказиональные встречаются в разговорном стиле общения,

а также в интернет-коммуникации. Они не закрепляются в словарях и “носят непостоянный характер употребления” [Филатов 2022: 346].

Как показывает анализ сетевого дискурса (“ВКонтакте”, “Телеграм”, “Твиттер” и т.д.), чаще всего используется суффикс: *-к(а)*, например, *партнёрка*, *адвокатка*, *блогерка*, *юристка*, *директорка* и т. п., что связано скорее всего с его применением в общеупотребительных феминитивах: *студентка*, *скрипачка*, *официантка*. Однако данный суффикс является многозначным, с одной стороны, он употребляется при образовании слов с уменьшительно-ласкательным значением (*зайка*, *умничка*), а с другой — при формировании слов, несущих негативную коннотацию, в связи с чем не всеми коммуникантами в сетевом взаимодействии он принимается и поэтому заменяется на другие форманты. Вторым по продуктивности в сетевом общении можно назвать суффикс *-ш(а)*: *авторша*, *стримерша*, *блогерша* и др., однако он характеризуется тем же “недостатком”, что и суффикс *-к(а)*, в частности данный формант образует слова со значением ‘жена деятеля’, что препятствует его активному использованию: “*Авторша это жена автора как генеральша жена генерала...*” (из обсуждения в социальной сети “Твиттер”). Несмотря на это, не все участники сетевого общения согласны с подобным мнением и могут даже предпочитать данный суффикс *-ш(а)* суффиксу *-к(а)*: “*Я лично думаю, что авторша и блоггерша гораздо более по-русски...*”. Аналогичного мнения придерживаются и некоторые лингвисты, считая словообразовательное значение ‘жена деятеля’ уже не настолько актуальным в современном русском языке [Гузаерова, Косова 2019]. Суффиксы *-ис(а)* и *-есс(а)* при создании окказиональных феминитивов в интернет-общении можно назвать даже более продуктивными, нежели в устной речевой коммуни-

кации, так как указанные форманты, с одной стороны, не имеют негативных коннотаций, а с другой — нравятся некоторым людям с эстетической точки зрения: *“Лично мне все равно больше нравится **авторесса**, чем **авторица**...”*. В меньшей степени употребляется суффикс *-иц* (*а*), например, *физик — физица*, в названиях ряда профессий и должностей. Формант *-ин'* (*а*): *стоматологиня, педагогиня* встречается еще реже и в целом является более спорным по сравнению с предыдущими аналогами из-за усложнения артикулирования подобного феминитива. Существует также редкий формант *-ј*, использование которого было обнаружено только в словах *фотографя, врачя*, например: *“Надеюсь, по мнению первой комментаторки феминитив к слову ‘фотограф’ это ‘фотографиня’ или ХОТЯ БЫ фотографя”*. Или: *“Моя врачя решила поменять мне таблетки”*. Как видим, основным способом, которым пользуются участники сетевого общения при создании новых феминитивов, является суффиксальный. Гораздо реже используются такие способы, как супплетивизм и изменение склонения соответствующего маскулятива. Однако в данном случае супплетивный способ используется для образования не различных форм одного и того же слова, а новой лексической единицы, например, феминитива *людия*: *“Спасибо, важная **людия** очень довольна”*. При изменении склонения маскулятива (из первого во второе) у слова искусственно меняется род, например: *“Я тоже очень надеюсь, **ребенка** вообще очень талантливая, умная и милая...”*. Также достаточно редко вместо образования форм *авторка / авторица / авторесса* предлагается употребление варианта: *автора*. В данном случае возникает проблема омоформии, так как подобные окказиональные феминитивы будут по звучанию и написанию совпадать с маскулятивами в родительном падеже: *ребёнка, автора* (ж. р. 2-е скл. им. п.) — *ребёнка, ав-*

тора (м. р. 1-е скл. р. п.). Заметим, что данный способ образования новых феминитивов является довольно сложным, соответственно, используется крайне редко. Еще реже наблюдается перевод слова из 2-го скл. м. р. в 3-е скл. ж. р.: *авторь, инженерь*.

Как было сказано ранее, в сетевом дискурсе реализуется две коммуникативные гендерно ориентированные стратегии, первую из которых (стратегию гендерной спецификации) мы рассмотрели выше, стоит представить и противоположную стратегию, а именно: стратегию гендерной нейтрализации. При осуществлении второй гендерно ориентированной коммуникативной стратегии в качестве альтернативного способа репрезентации гендерной принадлежности в русском сетевом языке по аналогии с немецкоязычным дискурсом предлагается новая словообразовательная модель — гендергэп, которая была сформирована в немецком языке, а позднее нашла свое применение в русскоязычной сетевой коммуникации. Заметим, что данная модель (от англ. *gender gap, gender_gap* — ‘гендерный пробел’; ‘гендерный разрыв’) по своей основной функции противостоит окказиональным феминитивам, в которых эксплицируется женский пол при существовании парных маскулятивов, поскольку в ней одновременно репрезентируются форма и значение мужского и женского рода. По сути, гендергэпом называлось нижнее подчёркивание, отделяющее от основы лексемы ту часть слова, которая содержит в себе признаки грамматического рода (*ютубер_ша*). Теперь гендергэпами обозначаются формы слов, которые включают в себя маскулятив + суффикс + окончание феминитива, которые пишутся через нижнее подчёркивание или “звёздочку” (типографский знак, от греч. ἀστέρισκος), двоеточие, например: *актёр, актриса — актр_иса / актр*иса/ актр:иса; писатель, писа-*

*тель_ница / писатель*ница/ пиатель:ница*. Подобные новообразования в настоящее время популярны в Европе в дискурсивной практике носителей немецкого языка, в частности в университетской среде с целью сглаживания гендерной асимметрии в языке. При этом большее распространение получило использование “звёздочки”: “ср. *Studentinnen und Studenten* (полная форма), *Student*innen, Mitarbeiter*in, Kolleg*innen*” [Буренкова 2020: 62]. Как считают некоторые участники сетевого интернет-общения, подобное одновременное использование двух вариантов слова в процессе взаимодействия в интернет-среде формирует более гендерно нейтральную коммуникацию, так называемое толерантное общение. Отметим, что ряд гендергэров, используемых в русском языке, формируется по аналогии с немецкими. При этом в русскоязычном сетевом общении более распространённым является способ их написания с помощью нижнего подчеркивания: “**Агент_есса** (надеюсь я правильно использовала гендерген)...”. Иногда при образовании описываемых форм применяется двоеточие: “**дорогие студент:ки и преподаватель:ницы..**”, скобки: *студент(ки)* и слэш (*доктор/ка*). При сборе языкового материала нам встретился также один пример формирования гендергэпа с помощью знака равенства: *поджигатель=ница*. При этом в гендергэпах могут использоваться основы как устоявшихся феминитивов (*читатель_ница*), так и окказиональных (*директор_ка*). Кроме того, в данной словообразовательной модели могут встречаться существительные в косвенных падежах: “**Художника_цу** колумбо инофд затравил по выдуманнным причинам за арты”. Встречаются гендергэпы, сформированные и на базе других частей речи (*обнаружил_а, нов_ую, такой_ая, эт_ой, входящ_ая* и др.). Таким образом, гендергэп объединяет основу маскулятива, а далее, после нижнего подчёрки-

вания, астериска, двоеточия, скобок, штриха или знака равенства, следуют формант и окончание, принадлежащие форме соответствующего феминитива. Можно заметить, что гендергэп является ещё одной возможностью конструирования гендера в сетевом общении на русском языке, однако, в отличие от феминитива, подобная структура не предлагает новый вариант слова в женском роде. Применение гендергэпа демонстрирует иной подход: наличие показателей обоих грамматических родов внутри одного слова. Если в настоящее время в русскоязычной сетевой коммуникации ведётся множество споров об окказиональных феминитивах, то гендергэпы тоже сложно назвать устоявшимися формами, поскольку в их написании предлагаются самые различные варианты.

Подводя итоги, отметим тот факт, что настоящее время представленные языковые средства находятся на этапе становления и являются важным предметом исследования в социолингвистике. На выбор языкового средства репрезентации гендера в речевой практике влияют как лингвистические, так и социокультурные факторы. При этом применение в интернет-пространстве гендергэпов с целью экспликации гендера в современной русской лингвокультуре в большей степени характерно для письменной сетевой коммуникации, что связано с их сложной структурой, трудно реализуемой в устной спонтанном речевом общении.

Список литературы:

1. Буренкова С. В. Неологизмы немецкого языка: тематика, лингвистические особенности, перевод // Вестник ОмПГУ. Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (26). С. 59–63. [Burenkova, Svetlana V. 2020. Neologizmy nemeckogo yazyka: tematika, lingvisticheskie osobennosti, perevod (German neologisms: topics,

- linguistic features, translation). *Vestnik OmPGU. Gumanitarnye issledovaniya (Vestnik OmPSU. Humanitarian researches)* 1 (26). 59–63.]
2. Гузаерова Р. Р., Косова В.А. Специфика феминитивов в современном русском медиа-пространстве // *Филология и культура*. 2017. № 4. С. 11–15. [Guzaerova, Regina R. & Kosova, Vera A. 2017. Specifika feminitivov v sovremennom russkom media-prostranstve (Specificity of feminitives in modern Russian media space). *Filologiya i kul'tura (Philology and culture)* 4, 11–15.]
 3. Федотова Т. В., Кулик И.В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // *Евразийский Союз Ученых*. 2016. № 7–2 (28). С. 67–69. [Fedotova, Tat'yana V. & Kulik, Inna V. 2016. Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i anglijskom yazykah (Paradigmatics and pragmatics of feminitives in Russian and English languages). *Evrazijskij Soyuz Uchenyh (Eurasian Union of Scientists)* 7–2 (28). 67–69.]
 4. Филатов К. М. К вопросу об устойчивости употребления феминитивов на материале текстов средств массовой информации [Электронный ресурс] // *Молодой ученый*. 2022. № 15 (410). С. 346–348. URL: <https://moluch.ru/archive/410/90249/> (дата обращения: 15.09.2023). [Filatov, Konstantin M. 2022. K voprosu ob ustojchivosti upotrebleniya feminitivov na materiale tekstov sredstv massovoj informacii (To the question of sustainability of feminitives use on the material of mass media texts). *Molodoj uchenyj: elektronnyj nauchnyj zhurnal (Young Scientist: Electronic Scientific Journal)* 15 (410). 346–348. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/410/90249/>. (Accessed: 15.09.2023).]

Сведения об авторе:

Самигулина Фанира Габдулловна, к. филол. н., доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону,
Россия; email: fanira@mail.ru

**MODERN LANGUAGE MEANS OF GENDER IDENTITY
REPRESENTATION IN NETWORK COMMUNICATION**

Fanira G. Samigulina

Candidate of Philology, Associate Professor, Southern Federal
University, Rostov-on-Don, Russia; email: fanira@mail.ru

Abstract

The article analyzes the means of gender expression in the Russian language on the material of Internet network communication. For this purpose, the variants of the most relevant suffixes used in the creation of occasional feminatives are described, and the peculiarities of the structure of gendergap as an alternative means of gender representation in network communication within the framework of Russian linguoculture are considered. Gendergap, which does not belong to feminatives because it contains two words — masculine and feminine, is considered as a new word-formation model proposed as a new way of gender explanation in network communication. The results of the study demonstrate the implementation of two communicative gender-oriented strategies in Russian-language network communication: gender specification and gender neutralization, the first of which is carried out through the use of occasional feminatives, the second — through the use of gendergenders in electronic network discourse.

Keywords: Russian language, network communication, gender, occasional feminine, masculative, gendergap.

Об одушевлённости слова *чат-бот*

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.161.1

Р. Е. Тельпов

Аннотация

В статье рассматривается слово *чат-бот* в аспекте его места в категории одушевлённости. На примерах, взятых из Национального корпуса русского языка, были проанализированы разные контексты, в которых употребляется слово *чат-бот*. Анализ примеров позволяет прийти к выводу о неопределённой позиции данного слова относительно категории одушевлённости. Семантика слова *чат-бот* и его деривационные связи заставляют отнести его к группе, условно именуемой “подобие живого”, представляющей собою неоднородное образование и содержащей лексемы, находящиеся в разных соотношениях с категорией одушевлённости. В данном аспекте подлинное место слова *чат-бот* в группе “подобие живого” представляет интерес и нуждается в уточнении. Анализ письменных источников позволил нам предположить, что слово *чат-бот* занимает место в немногочисленной группе слов типа *вирус*, *призрак* или *эмбрион*, для которых характерна неопределённость ментальных и физических характеристик, обуславливающая их способность относиться как к одушевлённым, так и к неодушевлённым словам. Слово *чат-бот* от данного типа слов отличает склонность сочетаться с модальными глаголами, а также со словами, обладающими значением общения и обучения.

Ключевые слова: категория одушевлённости, *чат-бот*, Национальный корпус русского языка, портрет слова.

К традиционному набору слов, занимающих расплывчатую позицию в аспекте категории одушевлённости, в отно-

сительно недавнее время добавилось новое слово — *чат-бот*. Исходя из его словообразовательных характеристик, соотносящих его со словом *робот*, логично было бы предположить, что *чат-бот* относится к категории слов, не обозначающих живое, но обладающих характеристиками одушевлённости. На наш взгляд, место слова *чат-бот* относительно категории одушевлённости (как и манера написания — слитно, отдельно или через дефис, которую в примерах мы сохраняем вслед за источником) пока окончательно не определено. Во вкладке “Портрет слова” Национального корпуса русского языка данное слово маркируется как ‘существительное, неодушевлённое, мужской’ [НКРЯ 2023]. Однако примеры его употребления, представленные в Национальном корпусе русского языка, свидетельствуют об обратном (далее, за исключением специально оговорённых случаев, примеры контекстов цитируются по [НКРЯ 2023] с указанием в круглых скобках выходных данных текста, ставшего источником примера, но без ссылки на корпус).

Проанализируем употребление слова *чат-бот* по самому главному критерию, позволяющему определить его место относительно категории одушевлённости — по форме винительного падежа. В данном аспекте примеры употребления слова *чат-бот* в винительном падеже в большинстве случаев свидетельствует о его одушевлённости, что выражается в совпадении формы винительного падежа с родительным. Данная особенность получает свое отражение как в употреблениях, извлечённых из основного корпуса: *Внедрять чат-ботов на основе искусственного интеллекта очень сложно* ([...] сокращение наше. — Р. Т.). *Чтобы обучить бота, потребуется масса исходных данных, времени и знаний* (“5 проблем, о которых никогда не расскажут поставщики умных чат-ботов для контакт-центра”, 2019) — так и в корпусе, отра-

жающем более разговорную стихию — корпусе социальных сетей: *Улучшаем генеративных чатботов на нейросети ruGPT3: умный ранжировщик ответов* (vk, 15.11.2021); *Друг делает чатбота* (vk, 29.04.2016) и др. Наряду с представленными выше примерами встречаются и примеры, демонстрирующие неодушевлённость слова *чат-бот*: *Подтвердив факт нахождения дома через чатбот*. (Онлайн-кинотеатры открыли доступ // Коммерсант, 16.03.2020); *Есть возможность поставить пинкоды на чатбот...* (Владельцы банковских карт научились распознавать мошенников // Ведомости, 21.01.2021) — возможно, в данных примерах неодушевлённость слова *чат-бот* объясняется аналогией с другими устройствами, в контексте с которыми упоминается рассматриваемое нами слово. В электронной среде встречаются и примеры употребления слова *чат-бот* в характерном для неодушевлённых слов винительном падеже равном имени-тельному (*Русскоязычный сервис, в котором можно создавать умные чат-боты* [13 крутых онлайн-сервисов для создания чат-ботов / Click.ru. — URL: <https://habr.com/ru/companies/click/articles/567446/> (Дата обращения: 29.09.2023)]), которое в рамках одной страницы может чередоваться с винительным падежом равном родительному (*Можно обучать бота на примере реальных фраз (например, можно создать интен-ты и добавить несколько примеров фраз пользователей, с помощью машинного обучения бот будет распознавать большинство фраз, которые относятся к этой теме)*) [там же].

В качестве иных формальных показателей, выводящих слово *чат-бот* за рамки одушевлённых существительных, следует назвать его достаточно последовательное употребление в местном значении: *ИИ может быть использован и для дистанционного наблюдения за больными, видеоаналитики, использоваться в специализированных чатботах, добавляет*

руководитель направления цифровой медицины сети лабораторных центров “Инвитро” Борис Зингерман (Как искусственный интеллект помогает бороться с эпидемией COVID-19 // Ведомости, 21.05.2020).

Также о месте слова *чат-бот* относительно категории одушевлённости может свидетельствовать его сочетаемость с глаголами и прилагательными определённых тематических групп [Нарушевич 1996]. Если рассматривать глаголы, с которыми сочетается слово *чат-бот* в примерах, извлечённых из НКРЯ, то это, прежде всего, глаголы, скрытно или явно указывающие на возможности данного устройства: *Автоматические чат-боты для поддержки пациентов могут оказать существенную помощь в приобщении пациентов к здоровому образу жизни и следовании назначенному лечению* (А.В. Гусев, С.Л. Добридюк. Искусственный интеллект в медицине и здравоохранении // “Информационное общество”, 2017) — данное употребление характерно для конструкций, в которых *чат-бот* используется в значении субъекта деятельности. Как мы уже сказали выше, указание на потенциальные возможности может быть представлено и в подспудном виде — в качестве примера можно привести следующий контекст, извлечённый из НКРЯ: *Мой любимый пример — чат-бот Margot из немецкой сети супермаркетов Lidl. Margot отлично отвечает на вопросы, какое вино лучше подавать к какому блюду* (5 проблем, о которых никогда не расскажут поставщики “умных” чат-ботов для контакт-центров (2019)) — во втором предложении данного примера имплицитно представлен смысл ‘может отвечать на вопросы’. Если верить материалам Национального корпуса русского языка, то подобные контексты примерно в равной мере распределены по одушевлённым и неодушевлённым существительным, что ставит их в позицию нейтрализующего контекста для данной категории. Значение возможно-

сти, на наш взгляд, является ключевой и скрытно представленной в значении подавляющего большинства предикатов, которые могут определять слово *чат-бот*.

В качестве другого распространённого предиката, сопутствующего слову *чат-бот*, можно привести глагол *работать*, который также, на наш взгляд, является нейтрализующим для категории “одушевлённость-неодушевлённость”. Что касается определений, то в контекстах НКРЯ нам встречались определения *умный, говорящий, продвинутый, специализированный, генеративный*, среди которых также можно видеть характеристики, которые в равной степени подходят для одушевлённого и неодушевлённого.

Таким образом, мы можем видеть наличие контекстов, демонстрирующих отнесённость слова *чат-бот* как к одушевлённым, так и неодушевлённым существительным, и данная аморфность прослеживается как на морфологическом уровне, так и на семантическом уровне, проявляющем себя в возможности определяться достаточно ограниченным числом глаголов и прилагательных. Подобная неопределённость, видимо, будет являться неотъемлемым элементом значения данного слова с его расположением в середине шкалы, где “обнаруживаются слова типа *призрак, микроб*, которые могут иметь как характеристику [+ANIM I], так и характеристику [-ANIM I]” [Циммерлинг 2020: 47]. Интерес представляет в данном случае более точное отнесение слова *чат-бот* к разным уже устоявшимся типам слов, традиционно понимаемым как “подобие живого”: бывшие живыми (*мертвец, покойник, усопший* и др.); будущие живые (*эмбрион, зародыш, плод*); мысленно представляемые живыми (*русалка, леший, вампир, киборг*) и др. — А. Г. Нарушевич распределял слова подобного типа по 6-ти позициям [Нарушевич 1996]. Внутри данной достаточно стройной и устоявшейся картины с сущ-

ностями, способными служить “подобиями живого”, выделяются как классические случаи “неживого, но одушевлённого”, проявляющего себя в нормативной форме винительного падежа, совпадающего с родительным (ср. *вижу мертвеца* при неправильном **вижу мертвец* или *вижу робота* при неправильном **вижу робот*), так и случаи типа *призрак*, *микроб*, *эмбрион*, *вибрион*, место которых в аспекте категории одушевлённости — неодушевлённости не является определённым.

На наш взгляд, место слова *чат-бот* должно быть с той группой слов, которая, по определению Н. Ю. Шведовой “не отвечают бытовым представлениям о живом и неживом” [Грамматика 1970: 322]. К данной группе однозначно относятся названия микроорганизмов (*вирус*, *микроб*), неродившихся созданий (*эмбрион*, *зародыш*), сверхъестественных существ (*призрак*), объединённых, на наш взгляд, одним качеством — отсутствием физических и ментальных характеристик, легко воспринимаемых массовым сознанием и проявляющим себя, на наш взгляд, в ограниченности контекстов, предикатов и определений, с которыми могут взаимодействовать подобные слова (если исключить неспециализированные контексты). Слово *чат-бот* выделяется из числа подобных слов, прежде всего, склонностью к сочетанию с модальными глаголами, а также со словами, относящимися к лексическим группам “интеллектуальные способности”, “обучение”, “возможности”, “коммуникация”.

Список литературы:

1. Грамматика современного русского литературного языка / Н. Ю. Шведова. М.: Издательство “Наука”, 1970. 770 с. [Shvedova, Natalia YU. 1970. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (Grammar of the modern Russian literary language)*. М.: Publishing house “Nauka”.]

2. Нарушевич А.Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Таганрог, 1996. [Narushevich, Andrey. G. 1996. *Kategoriya odushevlenosti-neodushevlenosti v svete teorii polya (The category of animate-inanimate in the light of field theory)*. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Taganrog, 1996.]
3. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (Дата обращения: 29.09.2023) [*Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (National Corpus of the Russian Language)*]. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed: 29.09.2023).]
4. Циммерлинг А.В. Одушевлённость. Русский язык / Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2020, С. 43–57. [Tsimmerling, Anton V. 2020. *Odushevlenost'. Russkiy yazyk (Animation. Russian language)*. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova (Proceedings of the Russian Language Institute named after. V. V. Vinogradova.)* № 2(24). 43–57.]

Сведения об авторе:

Тельпов Роман Евгеньевич, к. филол. н., доцент,
Государственный институт русского языка
имени А. С. Пушкина, Москва, Россия;
e-mail: roman-telpov@yandex.ru

ABOUT THE ANIMATION OF THE WORD

ЧАТ-БОТ

Roman E. Telpov

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pushkin
Institute of the Russian Language;
e-mail: roman-telpov@yandex.ru

Abstract

The article examines the word *чат-бот* in terms of its place in the category of animation. Using examples taken from the National Corpus of the Russian Language, different contexts in which the word *чат-бот* is used were analyzed. Analysis of the examples allows us to come to the conclusion about the uncertain position of this word relative to the category of animation. The semantics of the word *чат-бот* and its derivational connections force it to be classified into a group conventionally called “life-like”, which is a heterogeneous formation and contains lexemes that are in different relationships with the category of animation. In this aspect, the true place of the word *чат-бот* in the “life-like” group is of interest and needs clarification. Analysis of written sources allowed us to assume that the word *чатбот* occupies a place in a small group of words such as *вирус*, *призрак* or *эмбрион*, which are characterized by the uncertainty of mental and physical characteristics, which determines their ability to apply to both animate and inanimate words. The word *чат-бот* is distinguished from this type of word by its tendency to be combined with modal verbs, as well as with words that have the meaning of communication and learning.

Keywords: category of animation, chat bot, National Corpus of the Russian Language, portrait of a word.

Диалектные особенности английского языка в современной поэзии аборигенов Австралии

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81` 42

Э. О. Тимофеева

Исследование выполнено при поддержке темы № 056123-0-000 на базе Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы

Аннотация

Предметом работы стали лексические особенности английского языка аборигенов Австралии в песнях жанре хип-хоп, созданных молодёжью аборигенного происхождения. Источник материала — сборник песен “Хоумлэнд Коллинг” (*Homeland Calling*). Исследование продолжает уже начатую работу, посвящённую анализу лингвистических особенностей в разножанровых текстах, объединяемых тем, что их создали австралийские аборигены. Если ранее целью работы было доказать, что одинаковые черты встречаются в текстах разной природы, то цель данного исследования — описать лексические особенности английского языка аборигенов Австралии, сосредоточившись на поэтических текстах, созданных молодыми авторами, сопоставляя исследуемый диалект со стандартным австралийским английским. Выяснилось, что некоторые лексемы могут присутствовать как в английском языке аборигенов, так и в других вариантах английского, но иметь в них разное (иногда противоположное) значение. Понимание того, как аборигены Австралии говорят по-английски, ведёт к осмыслению их идентичности (самосознания), к преодолению трудностей, возникающих при межкультурной коммуникации. Поскольку этот диалект существует примерно 200 лет, а лингвистами стал изучаться только в 1960-х гг., в нём остаётся множество явлений, требующих описания.

Ключевые слова: английский язык, полинациональный язык, английский язык аборигенов Австралии, лингвистическая категоризация.

Английский язык аборигенов Австралии (АЯАА) — относительно молодая разновидность английского языка. Его история начинается в 1788 году, когда британские мореплаватели впервые прибыли в Сиднейскую гавань и встретились с местным населением. Благодаря взаимодействию аборигенов и поселенцев возник особый диалект английского языка, который сейчас 80% аборигенов используют в повседневной жизни [Тимофеева 2023]. Однако долгое время (с момента появления до 1960-х годов) АЯАА расценивался англоавстралийцами как ‘неправильный’ английский и не привлекал особого внимания лингвистов. Сейчас, отчасти благодаря преобладанию дескриптивизма над прескриптивизмом в лингвистике, большинство учёных считает, что АЯАА не менее эффективен с коммуникативной точки зрения, чем другие разновидности английского языка [Butcher 2008: 625]. Исследования АЯАА начались в 1960-х годах и достаточно немногочисленны: [Butcher 2008; Eades 2013; Koch 2000; Ощепкова 2014; Malcolm 2018] и др. Многие его аспекты пока не изучены подробно.

Данная работа представляет собой исследование лексических особенностей АЯАА, опирающееся на коллекцию текстов, представленную в сборнике стихов “Хоумлэнд Коллинг” (*Homeland Calling*). Стихи отредактированы писательницей аборигенного происхождения Эллен ван Неервен и изданы благотворительной организацией “Дезерт Пи Медиа” (*Desert Pea Media*). Ориентируясь на этот сборник, мы исследовали особенности идиома молодёжи коренного австралийского происхождения, проявляющиеся в песнях жанре хип-хоп. В то же время мы имеем возможность выявить характерные черты

английского языка, встречающиеся в разных регионах Австралии. Чтобы сравнить АЯАА с другими региональными вариантами английского языка, мы сопоставляли особенности, найденные в текстах, с данными словарей. В основном мы опирались на словарь стандартного австралийского английского “Macquarie Dictionary” (MD), в котором иногда встречаются пометы о том, как то или иное слово используется аборигенами Австралии, но также использовались “Longman Dictionary of Contemporary English” (LDOCE), “Cambridge Dictionary” (CamD), “Collins Dictionary” (CollD), в которых предоставляется информация о британском, американском и некоторых других вариантах (например, южноафриканском и новозеландском). Кроме того, мы обращались к глоссарию в конце сборника “Хоумлэнд Коллинг”, в котором представлены толкования встретившихся в песнях слов из разнообразных идиомов, используемых аборигенами Австралии (исконно австралийские языки, АЯАА, австралийский креольский и др.).

Обратим внимание на следующий пример:

*Burnt out cars and broken glass This country needs respect My people sick, so clean this tip Check out and **cash collect*** (группа “Wilcannia Barkindji Soldiers”, песня “Heartbeat”, этническая группа Barkindji, запад штата Новый Южный Уэльс).

Исходя из контекста, можно предположить, что словосочетание *cash collect* означает здесь ‘собирать денежные средства (для приведения земли в порядок)’. Однако такое значение этого словосочетания не зафиксировано в словарях (CamD, LDOCE, MD).

В словаре CamD есть определение устойчивого словосочетания *cash collections*: ‘a method of calculating the amount of money a company has received during a particular month, in which the amount of money from customers who paid immediately during that month is added to the amount of money still to

be received by customers who bought something the previous month and agreed to pay later' ('способ расчёта суммы денег, полученной компанией в течение определённого месяца, при котором сумма денег от клиентов, которые заплатили немедленно в течение этого месяца, добавляется к сумме денег, которую ещё предстоит получить клиентам, купившим что-то в предыдущем месяце с рассрочкой' (*авторский перевод*)).

Также существует такое определение словосочетания *cash collection*, приведённое в глоссарии на сайте компании "Кантокс" (*Kantox*), занимающейся автоматизацией управления валютными операциями:

'The process whereby a company recovers cash from other businesses (or individuals) to whom it has previously issued an invoice' ('процесс, посредством которого компания возвращает денежные средства от других предприятий или физических лиц, которым она ранее выставляла счета' (*авторский перевод*)). То есть это определённый вид инкассации.

Следует отметить, что в песне словосочетание выполняет функцию глагола, хотя в стандартном варианте языка может использоваться только как существительное, то есть меняет не только лексическое, но и морфологическое значение.

Ещё одна лексическая особенность АЯАА, встретившаяся в проанализированных нами песнях, — это слова, имеющие отрицательную коннотацию в других вариациях английского языка, но в данном диалекте приобретающие положительную. Рассмотрим следующий отрывок:

*My **deadly** aunties over Muli there /Made a decision /Seen the old fellas /Resting up the back of the mission* (группа "Githabul Next Generation", песня "Breaking Habits", этническая группа Githabul, северо-восток штата Новый Южный Уэльс).

Согласно CamD, слово *deadly* означает 'смертоносный' и никакой позитивной коннотации не имеет. Однако в [Eades

2013: 88] отмечено, что слово *deadly* в АЯАА означает ‘очень хороший, отличный’ и что это значение постепенно переходит из английского, используемого коренными народами, в неаборигенный молодёжный сленг. Согласно [Butcher 2008: 638], значения некоторых оценочных лексических единиц в АЯАА отличаются от значений этих единиц в стандартном австралийском английском. Среди них есть слово *deadly*, означающее ‘превосходный’, которое можно сравнить с *wicked* в английском языке афроамериканцев, то есть в АЯАА это слово приобретает явную позитивную коннотацию. Но иногда происходит и противоположное. Например, слово *cheeky*, согласно словарю CamD, можно толковать как ‘слегка грубый и неуважительный, но часто в забавном ключе’. Однако в АЯАА это слово означает ‘опасный’, ‘болезненный’ и, особенно в контексте растений и животных, ‘ядовитый’ (например, *cheeky snake*) [Butcher 2008: 638]. *Deadly* является одним из самых известных слов АЯАА и нередко используется в названиях организаций, которые стремятся подчеркнуть свою связь с коренным населением Австралии (например, программа по продвижению здорового образа жизни среди аборигенов называется *Deadly Choices*, а национальная премия в области музыки, спорта и искусства для аборигенов именуется *Deadly Awards*).

Подобное изменение лексического значения и коннотации слова наблюдается также в следующем примере:

Recycling's a mad trick Re-use some plastic Tap it together, and like magic It's clap sticks. (Группа “Githabul Next Generation”, песня “Breaking Habits” этническая группа Githabul, северо-восток штата Новый Южный Уэльс)

Здесь слово *mad* означает ‘отличный’, ‘удивительный’, ‘превосходный’, хотя подобное значение не фигурирует в словарях CamD, LDOCE и MD. Все эти словари выделяют три значения этого слова: ‘сумасшедший’, ‘очень злой’ и ‘возбуж-

дённый'. Ни в одном из этих словарей не отмечено, что с помощью этого слова можно передавать положительную оценку. Даже в MD, где часто присутствуют комментарии по поводу различий между АЯАА и стандартным австралийским английским, не говорится об этой особенности.

В приведённом ниже отрывке встретилось слово *bred*, значение которого можно трактовать двумя путями. *No matter which opportunities, I'm takin', bred /Where my relations from the start of creation/Come together ... we one nation ... yet?* (Группа "Coomie Crew", песня "Where the Eagle Roams", этническая группа *Barkindji*, запад штата Новый Южный Уэльс).

В глоссарии, представленном в конце сборника "Хоумлэнд Коллинг", встретилось следующее определение: 'bred' (SLANG): *brother*'.

Согласно MD, CamD и LDOCE, *bred* может быть только причастием прошедшего времени от глагола *breed*. Однако в CollD приводится такое определение:

Bred (noun) Australian derogatory, slang. A person who lives in a small remote place. Origin: diminutive form of inbred' (Bred *суц., Австрал. презрум., сленг.* Человек, живущий в отдалённом от цивилизации месте, в глубинке. *Происхождение:* уменьшительная форма от *inbred* — 'вырожденец' (авторский перевод).

Хотя в этом толковании отмечено, что это австралийское слэнговое слово, данное значение всё равно не совсем соответствует тому, которое мы видим в отрывке песни. Возможно, в данном отрывке слово, обычно являющееся пейоративом, используется с целью подчеркнуть близость, а не унижить. Но есть и другая версия происхождения данного значения слова *bred*. В АЯАА существует слово *tidda*, образованное от *sister* и означающее 'сестра' [Butcher 2008: 637] и в глоссарии в сборнике "Хоумлэнд Коллинг". Возможно, *bred* в значении 'брат' образовалось подобным путём от слова *brother*,

тогда оно семантически и этимологически не связано со словом, приведённым в CallD.

Теоретическая значимость результатов нашего исследования заключается в том, что в нём отмечаются лексические особенности АЯАА, не отмеченные в словарях и подробно не изучавшиеся ранее. С практической точки зрения эти результаты могут быть использованы преподавателями английского и популяризаторами культуры аборигенов Австралии. Результаты этого исследования можно будет включить в электронный корпус, в котором будут размечены особенности АЯАА. Он будет полезен не только лингвистам-теоретикам, но и преподавателям английского.

В ходе исследования были проанализированы значения и особенности употребления лексических единиц АЯАА, проведено сопоставление значений этих единиц в исследуемом диалекте и других вариантах английского языка. Выяснилось, что нередко одна и та же лексическая единица может присутствовать в разных региональных вариантах, но иметь в АЯАА более широкое или вовсе противоположное значение. Также была обнаружена тенденция к смене коннотации, особенно отрицательной или нейтральной на положительную (*deadly, mad*, вероятно, *bred*).

Список литературы:

1. Тимофеева Э. О. Английский язык аборигенов Австралии как некодифицированный вариант английского языка: курсовая работа бакалавра. М., 2023. 33 с. [Timofeeva, Evelina O. 2023. *Angliyskiy yazyk aborigenov Avstralii kak nekodifitsirovanny variant angliyskogo yazyka (Australian Aboriginal English as an Uncodified Variety of English)*. Bachelor's coursework. Moscow.]
2. Ощепкова В.В. Англо-аборигенные культурно-языковые контакты и их влияние на формирование языковой ситуации

- в Австралии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 116–122. [Oshchepkova, Victoria V. 2014. Anglo-aborigennyye kul'turno-yazykovyye kontakty i ikh vliyaniye na formirovaniye yazykovoy situatsii v Avstralii (English-Aboriginal Cultural and Linguistic Contact and Its Influence on the Formation of the Australian Linguistic Landscape). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika (Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics)* 2, 116–122.]
3. Butcher, Andrew. 2008. Linguistic Aspects of Australian Aboriginal English. *Clinical Linguistics & Phonetics* 22 (8). 625–642.
 4. Eades, Diana. 2013. *Aboriginal Ways of Using English*. Canberra: Aboriginal Studies Press.
 5. Koch, Harold. 2000. Central Australian Aboriginal English: In comparison with the morphosyntactic categories of Kaytetye. *Asian Englishes* 3 (2). 32–58.
 6. Malcolm, Ian G. 2013. Aboriginal English: Some grammatical features and their implications. *Australian Review of Applied Linguistics* 36 (3). 267–284.

Сведения об авторе:

Тимофеева Эвелина Олеговна, студент, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия; email: 1132222047@rudn.ru

DIALECTAL FEATURES OF ENGLISH IN MODERN AUSTRALIAN ABORIGINAL POETRY

Evelina O. Timofeeva

Student, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia; email: 1132222047@rudn.ru

Abstract

The paper analyses lexical features of Australian Aboriginal English found in hip-hop songs written by Australian Aboriginal youth. The study is based on *Homeland Calling*, a collection of such songs. We extend our previous work, which explored linguistic features in Australian Aboriginal English texts of various genres. Although our earlier studies aimed to prove that similar characteristics could be found in radically different contexts, this study scrutinises poetic texts created by young authors while comparing Australian Aboriginal English to Standard Australian English. It was found that certain lexemes could be present both in Aboriginal English and other English varieties while having non-identical (sometimes opposite) meanings. A profound understanding of Aboriginal English leads to a better comprehension of the Aboriginal identity and helps overcome intercultural communication barriers. Because this dialect has existed for approximately 200 years and became of interest to linguists only in the 1960s, it still contains undescribed phenomena.

Keywords: English, world language, Australian Aboriginal English, linguistic categorization.

Влияние личностных черт на звучащую речь. Пилотное исследование на материалах речи близкородственных дикторов

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`23

А. А. Шаляпина

Аннотация

Работа посвящена изучению особенностей речи дикторов в контексте комплексного психолого-лингвистического исследования. Целью исследования была разработка подхода к идентификации близкородственных дикторов в фоноскопической экспертизе на основе комплексного психолого-лингвистического анализа особенностей речи. В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о превалирующем влиянии личностных черт на особенности речи по сравнению с другими факторами. В рамках пилотного исследования в качестве информантов выступили пары родных братьев и родных сестёр. В дизайн эксперимента был включён метод формантного анализа для получения численных параметров частот звучащей речи информантов, тест TCI-140 для характеристики личностных черт испытуемых, а также многомерный ковариационный анализ 2B-PLS для выявления имплицитных связей между результатами вышеперечисленных методов. В результате был разработан дизайн эксперимента, в ходе которого возможно комплексное изучение речи и личностных черт дикторов. В контексте продолжения эксперимента планируется работа со смешанными парами сиблингов.

Ключевые слова: формантный анализ, личностные черты, 2B-PLS, имплицитные особенности речи, фоноскопическая экспертиза, TCI-140.

В настоящий момент фоноскопическая экспертиза является одним из самых активно развивающихся видов криминалистических экспертиз. Рост популярности фоноскопии в последние годы напрямую связан с внесением поправок в ст. 64 АПК РФ: в 2011 году аудио- и видеозаписи были включены в ряд принимаемых арбитражным судом доказательств, в 2021 году было разрешено использование в качестве доказательств аудио- и видеозаписей показаний участников арбитражного процесса, полученных путём использования систем видеоконференц-связи либо системы веб-конференции. Вместе с новыми возможностями у экспертов-фоноскопистов появляются и новые идентификационные задачи: наряду с установлением пола диктора, его возраста, уровня образования и региона проживания встает вопрос установления родства дикторов. В настоящее время не установлено, могут ли схожие на уровне перцепции голоса близких родственников быть определены как идентичные в ходе проведения экспертизы. В связи с этим перед экспертами встает и проблема определения критериев разграничения схожих голосов.

На данный момент не установлено, существуют ли общие закономерности речи родственников, а в случае их существования не объяснена природа этих закономерностей. Предположительно, общность характеристик речи может базироваться как на схожести строения артикуляционных механизмов, так и на общих усваиваемых психических паттернах (например, детьми в одной семье).

В настоящий момент известно, что человек наследует не просто гены, но норму реакции генов — вариативность результата активации гена на воздействия окружающей среды. В контексте данного исследования предполагается поиск психологических механизмов братьев и сестёр, влияющих на формирование их общих особенностей речи.

Для обработки речевого сигнала в нашем исследовании был выбран метод формантного анализа. Форманты — это резонансные частоты речевого тракта определённой формы и объема [Князев, Пожарицкая 2011: 93]. Частоты формант, их ширина и динамика являются систематизированным комплексом характеристик, индивидуальным для каждого говорящего, что позволяет с высокой точностью идентифицировать диктора при использовании формантного анализа. Сам метод и его особенности подробно описаны в наших предшествующих работах [Шаляпина 2023].

В поле проблем идентификации личности по голосу и речи существуют исследования, посвящённые определению наличия родственных связей между дикторами. Так, было выявлено, что наиболее ярко выраженная зависимость наблюдается при сравнении голосов братьев, сравнение же голосов детей и родителей менее репрезентативно [Грачев 2012: 316-320]. Автор утверждает, что такие результаты свидетельствуют о схожем влиянии неких генетически заданных особенностей артикуляционного аппарата на речь. Так как сёстры генетически находятся в аналогичных родственных отношениях, можно предположить, что голоса сестёр также будут схожи в силу влияния генетически заданных особенностей артикуляционных аппаратов.

При проведении междисциплинарных исследований особенно важен выбор метода анализа результатов: он должен не только интерпретировать результаты, но и быть функциональным при обработке разных типов данных в одном исследовании. Эффективным в таких исследованиях может быть анализ одного из видов компонентов (факторов, латентных структур (ЛС) и т. д.). Такие методы базируются на анализе корреляционных или ковариационных матриц и позволяют искать имплицитные связи между показателями,

которые тесно связаны друг с другом, однако, не могут быть оценены одними и теми же единицами измерения [Резник, Резник 2016: 298–299]. Исследователь предполагает, что имеющиеся группы данных являются проекциями некоторого неизвестного фактора, который существует в системе данных, но неизвестен на данном этапе исследования. В таком случае, задача состоит в установлении этого фактора на основе доступных проекций и корреляций (ковариаций) между ними. Найденный имплицитный фактор объясняет имеющиеся в исходной системе данных закономерности.

В качестве метода анализа в данном исследовании был выбран PLS-анализ (метод получения проекций на латентные структуры (Projection to Latent Structure). Эффективным инструментом PLS-анализа являются модели 2B-PLS (Two block PLS), эффективность которых при изучении имплицитных процессов различной природы через выявление глубоких ЛС (независимых механизмов) доказана во множестве исследований [Овчинникова, Вергунов 2023].

В начале нашего исследования мы предполагали, что формантные картины близких родственников будут практически идентичны в силу влияния на речь общих генетических механизмов. В результате проведения пилотного эксперимента с парой сестёр с похожими росто-весовыми характеристиками и оптимальной для исследования разницей в возрасте [Шаляпина 2023] было выявлено, что формантные картины пары различны, и ЛС обуславливают не все обнаруженные закономерности. Так как речь как высшая психическая функция регулируется центральной нервной системой наряду с другими механизмами психики, мы предположили, что различия особенностей речи сиблингов могут быть обусловлены разницей их психологических характеристик.

В качестве устойчивых параметров, описывающих психику, для взрослого человека могут быть приняты темперамент и характер: темперамент формируется в первые пять лет жизни и остается относительно стабильным комплексом личностных черт, характер, в свою очередь, подвержен влиянию социальной среды и может меняться; одновременное рассмотрение этих составляющих позволяет наиболее полно охватить картину личностных черт испытуемых. Для изучения комплекса личностных черт испытуемых оптимальна русскоязычная адаптация опросника темперамента и характера Роберта Клонинджера (Temperament and Character Inventory (TCI)), которая была создана Н. А. Алмаевым и Л. Д. Островской [Алмаев, Островская 2005]. В адаптированную версию вошли 140 вопросов, отобразившие все базовые шкалы. Такой опросник позволит в компактном для исследователя и удобном для информанта формате собрать необходимые данные.

При обработке данных опросника с помощью использования пермутационного критерия был совершён переход к генеральной совокупности (ГС) (популяции того же возраста, что и информанты).

Для участия в эксперименте к информантам предъявлялся ряд требований:

- возраст от 15 до 27 лет;
- в исследуемых семьях либо только 2 ребёнка, либо испытуемые являются старшими детьми, и разница с ближайшим по возрасту младшим ребёнком составляет более 10 лет;
- испытуемые не имеют хронических заболеваний органов артикуляционного аппарата и щитовидной железы;
- испытуемые не претерпевали хирургических вмешательств, повлекших за собой какие-либо изменения органов артикуляционного аппарата;

— испытуемые готовы сотрудничать с исследователем в долгосрочной перспективе.

В качестве испытуемых в исследовании приняли участие 8 человек (две пары родных сестёр, две пары родных братьев) в возрасте от 15 до 25 лет.

Эксперимент по выявлению имплицитных особенностей функционально-динамических комплексов речи сиблингов проводится следующим образом:

- 1) у информантов были запрошены две аудиозаписи, на которых было зафиксировано произнесение подготовленного и спонтанного текста соответственно;
- 2) была проведена шумочистка каждой аудиозаписи в программе Audacity;
- 3) с помощью программы Praat в аудиозаписях были выделены слова, содержащие гласные фонемы /a/, /o/, /и/, /y/ в сигнификативно сильной позиции;
- 4) для каждой гласной были определены количественные значения формант F1, F2, F3, F4;
- 5) был проведён многомерный PLS-анализ полученных данных, определены статистически значимые ЛС, выявлены общие закономерности для ГС испытуемых;
- 6) была составлена гугл-форма, представляющая собой тест TCI-140 с фиксацией времени прохождения теста испытуемыми;
- 7) Для сравнения наших малых выборок использовался пермутационный (перестановочный) тест — непараметрический тест с 10 000 рандомизированными перестановками (если изучаемые выборки принадлежат одной и той же ГС, то их статистики относятся тоже к одной ГС; в пермутационном тесте не требуется коррекция уровня значимости α или полученных значений p , тест не чувствителен к несбалансированности выбо-

рок или закону их распределения [Files, Lawhern, Ries, Marathe 2016: 345].

Для 2В-PLS и пермутационного теста был использован пакет JACOBI 4 [см. Polunin, Shtaiiger, Efimov 2019].

Результатом многомерного анализа формантных данных стала бикомпонентная (2В-PLS) модель, в блоки которой вошли переменные, представляющие собой ряды формант и продолжительность фонем и ряды признаков-вопросов. Соответственно, модель описывает 5 латентных структур.

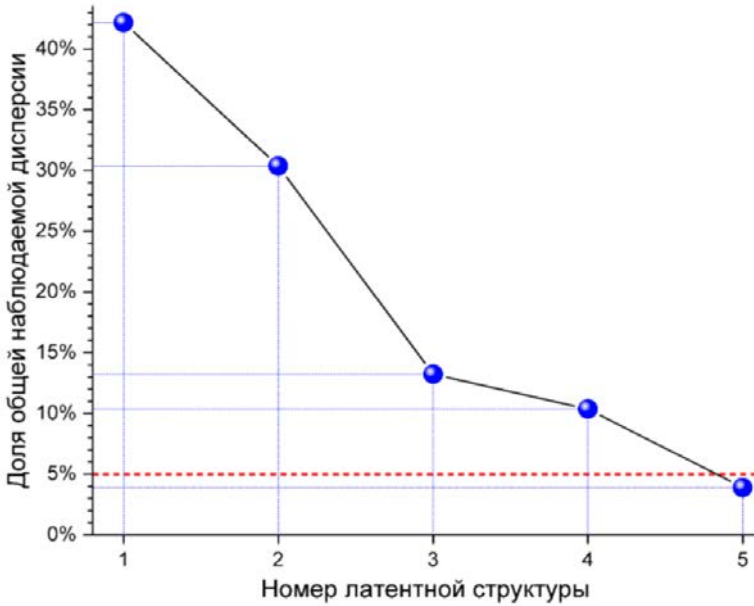

Схема 1. График осыпи (Scree plot) латентных структур 2В-PLS.

Ниже линии красного пунктира — выход за границу статистической значимости

Как следует из графика осыпи 2В-PLS (Схема 1), четыре первые ЛС показали статистическую значимость (структу-

ры 1 и 2 описывают общие особенности (описывают 43% и 30% данных соответственно), структуры 3 и 4 описывают частную специфику (описывают 13% и 10% данных соответственно). Структура 5 описывает менее 5% данных, следовательно, статистически значимой она не является, поэтому далее мы её не рассматриваем.

Результаты анализа ЛС 1-4 представлен на Схеме 2.

Схема 2. Латентные структуры 1–4

Продолжительность фонем и пол испытуемых, в отличие от порядка рождения, оказались статистически не значимыми для системы.

Отдельно отметим, что проявились связи между структурами общих особенностей и частной спецификой. На основании этих связей можно утверждать, что при рассмотрении отдельных структур не нарушается целостность всей системы данных, так как связи между общими особенностями всех

информантов с частной спецификой отдельных групп сохранны и закономерны.

При проведении теста ТСИ-140 полученные от респондентов ответы оценивались по перечню шкал, соответствующих темпераменту и характеру.

Анализ данных по шкалам темперамента дал следующие результаты:

- 1) Первенцы в парах сестёр и братьев по сравнению со вторыми детьми и популяцией показывают больше чувствительности к окружающим: они активно ищут общения и открыты ему, легче поддаются чужому влиянию, более зависимы от мнения и оценок других.
- 2) Вторые дети в парах сестёр и братьев по сравнению с первенцами и популяцией менее чувствительны к похвале или неодобрению, проявляют больше эмоциональной холодности, практичности, твёрдости.
- 3) Выборка в целом показывает отсутствие невротизации и выраженной тревожности, как черты личности.
- 4) По сравнению с популяцией выборка показывает больше толерантности к монотонной работе, умеренности, индифферентности, медлительности, бережливости, сдержанности и меньше энтузиазма.

Анализ данных по шкалам характера дал следующие результаты:

- 1) По сравнению с популяцией выборка склонна давать позитивные ответы достоверно чаще. В данном случае это хороший признак того, что к выполнению теста испытуемые отнеслись ответственно.
- 2) Первенцы в парах сестёр и братьев по сравнению со вторыми детьми и популяцией показывают меньше самодисциплины, а также полезных привычек и навыков, которые бы достигали уровня автоматизма.

- 3) Наша выборка по сравнению с популяцией показывает большую ориентированность на достижения; их деятельность в большей степени определяется стратегическими или отдаленными во времени целями.

Полученные в ходе эксперимента результаты позволяют предположить, что разработанный подход к комплексному психолого-лингвистическому исследованию особенностей речи близкородственных дикторов эффективен, а выбранные нами типы анализа позволяют получить качественные и статистически значимые данные (здесь отдельно отметим, что психолингвистические данные в контексте нашего эксперимента обрабатываются многомерной статистикой, что исключает 'шумовые' данные и позволяет детально исследовать необходимые компоненты данных).

Гипотеза о том, что личностные черты оказывают преобладающее влияние на общие особенности фонации близкородственных дикторов по сравнению с другими факторами, подтверждена. На результатах данной работы строится новая гипотеза о достижении схожих результатов при работе со смешанными парами.

Список литературы:

1. Алмаев Н.А., Островская Л.Д. Адаптация опросника темперамента и характера Р. Клонинджера на русскоязычной выборке // Психологический журнал. 2005. Т. 26. №6. С. 77–86. [Almaev, Nikolay A. & Ostrovskaya, Ludmila D. 2005. Adaptatsiya oprosnika temperamenta i kharaktera R. Klonindzhera na russko-yazychnoj vyborke (Adaptation of R. Kloninger's temperament and character questionnaire to Russian sample). *Psichologicheskij Jurnal (Psychological Journal)*, 26(6), 77–86.]
2. Грачев А.М. К вопросу об идентификации речи дикторов по родственному признаку // Вестник Нижегородского универ-

- ситета. Математика и информатика. №5(2). 2012. С. 316–320. [Grachev, Alexander M. 2012. K voprosu ob identifikatsii rechi diktorov po rodstvennomu priznaku (On the question of identifying the voice of narrators by affinity). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Matematika i informatika (The Bulletin of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Mathematics and computer science)*, 5(2), 316–320.]
3. Князев С.В., Пожарицкая, С.К. Современный русский литературный язык. Фонетика, орфоэпия, графика и орфография: учебное пособие для вузов. М.: Академический проект. 2011. 432 с. [Knyazev, Sergey V. & Pozharitskaya, Sofya K. 2011. *Sovremennyy russkiy literaturnyy yazyk. Fonetika, orfoepiya, grafika i orfografiya: uchebnoe posobie dlya vuzov (Modern Russian Literary Language. Phonetics, Spelling, Graphics and Orthography: Teaching Manual for Universities)*. Moscow: Akademicheskij projekt.]
 4. Овчинникова К.А., Вергунов Е.Г. (2023) Механизмы как понятие в науке и инструменты их выявления, изучение механизмов в лингвистическом исследовании как пример применения психофизиологического инструментария моделирования в междисциплинарном анализе // Комплексные исследования детства. 2023. Т. 5. № 1. С. 14–25. [Ovchinnikova, Kristina A. & Vergunov, Evgeniy G. 2023. *Mekhanizmy kak ponyatie v nauke i instrumenty ikh vyyavleniya, izuchenie mekhanizmov v lingvisticheskom issledovanii kak primer primeneniya psikhofiziologicheskogo instrumentariya modelirovaniya v mezhdistsiplinarnom analize (Mechanisms as a concept in science and tools for their identification, the study of mechanisms in linguistic research as an example of the use of psychophysiological modeling tools in interdisciplinary analysis)*. *Kompleksnyye issledovaniya detstva (Comprehensive Child Studies)*, 5(1), 14–25.]
 5. Резник А.Д., Резник Д.А. Элементарное введение в статистику (от практики к теории). М.: Горячая линия — Телеком. 2016. 358 с. [Reznik, Alexander D. & Reznik, Daniil A. 2016. *Elementarnoe vvedenie v statistiku (ot praktiki k teorii)*. M.: Goryachaya liniya — Telekom. 2016. 358 s.]

- denie v statistiku (ot praktiki k teorii) (Basic Introduction to Statistics (From Practice to Theory))*. Moscow: Goryachaya liniya — Telekom.]
6. Шаляпина А.А. Определение близкого родства дикторов посредством проведения фоноскопической экспертизы // “Цифра” в социально-гуманитарных исследованиях: метод, поле, реальность: материалы конференции молодых ученых (Иркутск, 14–16 ноября 2022 г.) / под ред. С.Н. Гафаровой. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2023. С. 62–68. [Shaliapina, Anna A. 2023. Opredelenie blizkogo rodstva diktorov posredstvom provedeniya fonoskopicheskoy ekspertizy (Identification of Speakers’ Close Relationship Through Phonoscopic Expertise). In: Svetlana Gafarova (ed.), “*TSifra*” v social’no-gumanitarnykh issledovaniyakh: metod, pole, real’nost’ (“*Digitality*” in social and humanitarian studies: method, field, reality), 62–68. Irkutsk: ISU Publishing.]
 7. Files, Benjamin T., Lawhern, Vernon J., Ries, Anthony J. & Marathe, Amar R. 2016. A Permutation Test for Unbalanced Paired Comparisons of Global Field Power. *Brain Topography* 29 (3). 345–357.
 8. Polunin, Denis A., Shtaiger, Irina & Efimov, Vadim. 2019. JACOBI4 software for multivariate analysis of biological data. bioRxiv. [Online] Available from: <https://www.biorxiv.org/content/10.1101/803684v1> (Accessed: 27.09.2023).

Сведения об авторе:

Шаляпина Анна Александровна, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия;
email: a.shalyapina@g.nsu.ru

THE INFLUENCE OF PERSONALITY TRAITS ON SPEECH. PILOT STUDY ON SPEECH OF CLOSELY RELATED SPEAKERS

Anna A. Shaliapina

Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia;
email: a.shalyapina@g.nsu.ru

Abstract

The work is devoted to the study of the features of voice speakers in the context of complex psychological and linguistic research. The aim of the study was to develop an approach to the identification of closely related announcers in phonoscopic expertise on the basis of a complex psychological and linguistic analysis of speech features. It has been hypothesized that personality traits predominate over other anthropological factors in speech. For the pilot study there were chosen couples of siblings as informants. The design of the experiment included the formant analysis method for obtaining numerical parameters informants' voices, the TCI-140 test for characterizing the personality traits, and multidimensional covariance analysis 2B-PLS to identify implicit connections between the results of the two above-mentioned analysis methods. As a result, there was developed a design of an experiment, which could be used for complex study of speech and personality features. The next step this experiment will be work with mixed sibling pairs.

Keywords: formant analysis, personality traits, 2B-PLS, implicit speech features, phonoscopic examination, TCI-140.

Специфика воспроизводимости фразеологизмов в мемуарном дискурсе политика (на материале мемуара М. Тэтчер)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

Е. Д. Шустова

Аннотация

Настоящее исследование посвящено изучению специфики воспроизводимости фразеологических единиц (далее — ФЕ) в мемуарном тексте политика. Политический мемуар, обладая набором определённых субстанциальных характеристик, является субъектно-ориентированным жанром и находится на пересечении между политическим дискурсом и дискурсом автобиографии [Езан, Ковтунова 2014: 91]. В качестве источника материала выступает мемуар премьер-министра XX века Маргарет Тэтчер “Путь к власти” (*The Path to Power*), 1995. Исследование проводилось с опорой на концепции отечественных учёных-фразеологов: А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, И. В. Зыковой, М. Л. Ковшовой, В. В. Кунина, В. Н. Телия. Идентификация ФЕ осуществлялась на базе лексикографических данных интернет-справочника “The Free Dictionary by Farlex”. Отобранные посредством сплошной выборки ФЕ были систематизированы по структурно-функциональным классам (классификация А. В. Кунина). Особое внимание уделялось модифицированным формам ФЕ. Их изучение осуществлялось с опорой на подход И. В. Зыковой (2014). В результате анализа были выявлены основные когнитивные стратегии модификации ФЕ. Представленные результаты в дальнейшем будут сравниваться с данными, полученными из мемуаров других политических деятелей.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, политический мемуарный дискурс, воспроизводимость, модификация, корпусно-ориентированный дискурсивный анализ.

В истории развития лингвистической науки мемуарный дискурс всегда представлял интерес для исследователей и часто рассматривался в рамках более обширной парадигмы анализа дискурса или в контексте нарративной лингвистики [Bakhtin 1981; van Dijk 2008 и др.]. Фразеологические единицы, охватывая целый спектр языковых явлений, играют значительную роль в построении повествования мемуарного текста. Воспроизводимость фразеологизмов в политических мемуарах является перспективной областью исследования, поскольку позволяет изучать механизмы конструирования языковой личности в процессе использования языка прагматики для передачи политических посланий. Фразеологические единицы служат инструментом оформления идиостиля автора, обусловленного качеством, количеством, частотой использования фразеологизмов, авторскими модификациями и способом актуализации ФЕ в контексте.

В вопросе определения мемуара и места мемуарного дискурса в типологии дискурсов существует некоторая трудность. М. Ю. Михеев, рассматривая мемуар как часть системы дневниковых текстов, объединённых общим понятием мемуарного жанра, вводит понятие “эго-текст” (текст с позиции субъективной авторской точки зрения) или “пред-текст” (перво-текст, незавершённый). Мемуар, имея временной отступ от повествуемых событий, является эго-текстом [Михеев 2007]. В дневнике событие описывается без оценки, а в мемуарах автор стремится дать критическую оценку происходящему [Мокряк 1977]. Для мемуара характерно яркое

авторское начало, пространственно-временной континуум отношений с повествованием изнутри и извне (“проспекция и ретроспекция”), раскрытие индивидуальности в субъективности мировосприятия, главенство ассоциативного мышления над причинно-следственным размышлением [Колядич 1998: 164].

С одной стороны, мемуарный дискурс политика находится между политическим дискурсом и дискурсом автобиографии [Езан, Ковтунова 2014: 91]. С другой стороны, отмечается “гибридный характер” мемуара: личностно-ориентированный бытийный характер автобиографического дискурса сочетается с характеристиками других видов институционального дискурса, например, с политическим [Кованова 2005].

Во фразеологии также существует трудность в связи с отсутствием в лингвистической науке единого определения ФЕ, приведём наиболее актуальные варианты, акцентируя внимание на воспроизводимости.

Согласно точке зрения В. В. Виноградова, ФЕ есть готовые, не конструируемые в процессе речи фразеологизмы [Виноградов 1986: 160]. Н. М. Шанский также настаивает на воспроизводимости как главном свойстве ФЕ [Шанский 1969: 4]. В. Н. Телия определяет ФЕ как семантически связанное сочетание слов либо предложений, обладающих свойством воспроизводимости в речи в чётком соотношении семантической и лексико-грамматической структуры [Телия 1996: 48]. В. М. Мокиенко наделяет ФЕ признаками устойчивости, воспроизводимости, экспрессивности и семантической целостности [Мокиенко 2001: 735]. А. В. Кунин говорит об устойчивом словосочетании с осложнённой семантической структурой переосмысленного значения [Кунин 1996: 210].

В данной работе мы ориентируемся на предложенные определения и подтверждаем на практическом материале

определяющее значение воспроизводимости как одного из главных свойств ФЕ.

Отобранные посредством сплошной выборки ФЕ были систематизированы по структурно-функциональным классам (классификация А.В. Кунина), например:

“субстантивные” — rank and file:

*‘I don’t think they are being fair to trade union leaders who at the moment are trying to give good advice to **the rank and file**, and **the rank and file** is quite often rejecting it.’ (M. Thatcher. *The Path to Power*).*

“адъективные” — off-the-cuff:

*Above all, it taught me some verses which I still use in **off-the-cuff** speeches because they came to embody for me so much of what I was brought up to feel (M. Thatcher. *The Path to Power*).*

“адвербиальные” — in retrospect:

*Education: A Framework for Advance was the original suggestion but, in a change which appears **in retrospect** to be all too typical of these over-ambitious, high-spending years, this became Education: A Framework for Expansion strike (M. Thatcher. *The Path to Power*).*

“глагольные” — to come to grips with:

*One of the few things I still regret about the timing of my departure from Downing Street was that it prevented my **coming to grips with** the rapidly changing scene in Europe (M. Thatcher. *The Path to Power*).*

“предложные” — for the sake of:

*But all too often the comfortable notion of a ‘clean break’ **for the sake of** the children conceals a large amount of adult selfishness (M. Thatcher. *The Path to Power*).*

Объём языкового материала, отобранного для исследования из мемуарного текста М. Тэтчер, составил свыше 1600 дискурсивных употреблений английских ФЕ. В резуль-

тате проведённого анализа были получены данные, иллюстрация которых представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Соотношение структурно-функциональных классов ФЕ в процентах

Из рисунка 1 следует, что не все классы ФЕ присутствуют в мемуарном тексте. Адвербиальные, глагольные и субстантивные ФЕ характеризуются наибольшим процентом частотности употребления. Адъективные и предложные ФЕ составляют меньшую часть. Цельнопредикативные и междометные ФЕ практически не присутствуют в рассматриваемом дискурсе.

Особое внимание в исследовании направлено также на изучение видов модификации ФЕ в конкретном типе дискурса. Значительное количество работ отечественных и зарубежных ученых посвящено изучению механизмов модификации на примере различного типа текстов и дискурсов [Кунин 1996; Телия 1996; Мелерович, Мокиенко 2001; Добровольский 2007; Ковшова 2009; Дронов 2021]. Существует некоторая разница в представлении понятия “модификация”. Так, Д. О. Добровольский использует данный термин в качестве окказиональ-

ного варианта [Добровольский 2013]. Для модификации идиомы характерно “изменение плана выражения с изменением плана содержания”, в результате, значение идиомы становится контекстно-мотивированным, что способствует появлению самостоятельной единицы с новым значением [Дронов 2021].

Исследование модификаций ФЕ производится на основе подхода И.В. Зыковой, согласно которому существует 5 основных когнитивных стратегий модификации английских ФЕ, направленных на коммуникативную адаптацию их образов к дискурсу, а именно “Встраивание”, “Приращение”, “Перекомпозиция”, “Разбиение”, “Комбинирование” [Зыкова 2014: 31].

Стратегия “Встраивание” представляет собой “внутри-позиционное расширение образа ФЕ” [Зыкова 2014: 31]. Как было установлено, в образ базовой формы ФЕ может встраиваться как один дополнительный структурный компонент, так и несколько компонентов или даже цельная фраза [Зыкова 2014: 31]. В качестве примера рассмотрим следующие модификации, созданные в мемуарном дискурсе посредством данной стратегии:

to take / pursue an interest in

*Pleasant though married life was in London, I still had time enough after housework **to pursue a long-standing intellectual interest in the law** (M. Thatcher. The Path to Power).*

“Приращение” делает возможным появление новых модификаций в результате “препозиционного и/или постпозиционного расширения образа ФЕ” [Зыкова 2014: 31]. Проведенное исследование выявило следующие модификации ФЕ в мемуарном дискурсе посредством данной стратегии:

to chime in

*At this time Edward, the wealthy and cultivated son of a Liberal MP, was himself a classical liberal whose views **chimed in pretty***

well with my own provincial middle-class conservatism (M. Thatcher. *The Path to Power*).

“Перекомпозиция” — намеренное изменение порядка расположения компонентов в базовой форме образа ФЕ [Зыкова 2014]. Исследование показало, что модификация с помощью изменения расположения компонентов в базовой форме ФЕ обычно сопровождается непосредственным появлением дополнительных компонентов, например:

to pay attention to:

For the more attention was paid to my arguments, the more seriously they were taken (M. Thatcher. *The Path to Power*).

“Разбиение” — намеренное нарушение целостной структуры базовой формы образа ФЕ [Зыкова 2014: 31]. Было выявлено, что данная стратегия часто приводит к возникновению на основе базового образа одной ФЕ двух альтернативных ФО и, следовательно, двух совершенно новых “фразеологизированных оборотов”, например:

to fall on one’s feet <= to fall under u to find one’s feet

‘Although I have toppled over I have fallen on my feet (M. Thatcher. *The Path to Power*).

Second, since even a cultured, developed, Christian country like Germany had fallen under Hitler’s sway, civilization could never be taken for granted and had constantly to be nurtured, which meant that good people had to stand up for the things they believed in (M. Thatcher. *The Path to Power*).

By the end of that first year as Leader of the Opposition I felt that I had found my feet (M. Thatcher. *The Path to Power*).

“Комбинирование” — введение и интеграция нескольких ФЕ в одном сегменте дискурса [Зыкова 2014: 31]. Подлежащие интегрированию ФЕ, могут восходить как к одной “макрометафорической концептуальной модели”, так и к разным, например:

to come home + to bring home to

Whatever happens, you must always be able to come home.

It was an invited Congregationalist minister, the Rev. Childe, who brought home to me the somewhat advanced notion for those days that whatever the sins of the fathers (and mothers) they must never be visited on the children (M. Thatcher. The Path to Power).

В процессе анализа были выявлены все ключевые когнитивные стратегии модификации ФЕ. Результаты исследования графически представлены на рисунке 2.

Рисунок 2. Когнитивные стратегии модификаций ФЕ в процентах

Согласно рисунку 2, наиболее частотными в мемуаре М. Тэтчер оказались когнитивные стратегии “Приращение”, “Встраивание”, “Перекомпозиция” и “Комбинирование”. В свою очередь, модификация “Разбиение” составляет наименьший процент. Представленные результаты в дальнейшем будут рассматриваться и сопоставляться с данными, полученными из мемуаров других политических деятелей.

Список литературы:

1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. Москва: Высшая школа, 1986, 639 с. [Vinogradov, Viktor V. 1986. *Russkij yazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove. (Russian language: Grammatical teaching about the word.)*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.]
2. Добровольский Д. О. Беседы о немецком слове. Москва: Языки славянской культуры, 2013, 752 с. [Dobrovol'skij, Dmitriy O. 2013. *Besedy o nemeckom slove (Conversation about the German word)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ.]
3. Добровольский Д. О. Лексико-синтаксическое варьирование во фразеологии: ввод определения в структуру идиомы [Электронный ресурс] / Д. О. Добровольский // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 18–47. URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2007-2/18-47?ysclid=ln882z41r2733352607> (дата обращения: 30.09.2023). [Dobrovol'ski, Dmitriy O. 2007. *Leksiko-sintaksicheskoye var'irovanie vo frazeolog'ii: vvod opredeleniya v strukturu idiomi (Lexicon-Syntax Variation in Phraseology: the Introduction of Description into Idiom Structure)* 2 (14). 18–47. [Online] Available from: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2007-2/18-47?ysclid=ln882z41r2733352607>. (Accessed: 30.09.2023).]
4. Дронов П. С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий [Электронный ресурс] // Вестник ННГУ. 2021. № 4. С 200–209. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/varirovanie-transformatsiya-modifikatsiya-idiom-utochnenie-ponyatiy> (дата обращения: 30.09.2023). [Dronov, Pavel S. 2021. *Var'irovanie, transformatsiya, modifikatsiya idiom: utochnenie ponyatij (Idiom Variants, Transformations, and modifications: specifying the terms)*. Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. № 4. 200–209. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/varirovanie-transformatsiya-modifikatsiya-idiom-utochnenie-ponyatiy>. (Accessed: 30.09.2023).]

5. Езан И.Е., Ковтунова Е.А. Лингвопрагматическая характеристика политических текстов мемуарно-автобиографической направленности [Электронный ресурс]. URL: <http://hdl.handle.net/11701/1646> (дата обращения: 30.09.2023). [Jesan, Irina J., Kovtunova, Elena A. 2014. *Lingvopragsmaticheskaya harakteristika politicheskikh tekstov memuarно-avtobiograficheskoy napravlenosti (Pragsmalinguistic Characteristic of Political Memoir-Autobiographical Texts)*. [Online] Available from: <http://hdl.handle.net/11701/1646>. (Accessed: 30.09.2023).]
6. Зыкова И.В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2014. 52 с. [Zykova, Irina V. 2014. *Rol' konceptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-yazykovykh znakov (The role of the concept sphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs)*. Abstract of Philology Doct. Diss. Moscow.]
7. Кованова Е.А. Риторика автобиографического дискурса (на материале автобиографий американских деятелей политики и искусства): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 19 с. [Kovanova, Evgeniya A. 2005. *Ritorika avtobiograficheskogo diskursa (na materiale avtobiografij amerikanskih deyatelej politiki i iskusstva) (The rhetoric of autobiographical discourse (based on the autobiographies of American politicians and artists))*. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint-Petersburg.]
8. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дисс. ... докт. филол. наук / М.Л. Ковшова. Москва: Институт языкознания РАН, 2009. 654 с. [Kovshova, Mariya L. 2009. *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskij aspekt) (Semantics and pragmatics of phraseological units (linguoculturological aspect))*. Philology Doct. Diss. Moscow.]

9. Колядич Т.М. Воспоминания писателей. Проблемы поэтики жанра. Москва: Мегатрон, 1998, с. 37 [Kolyadich, Tat'yana M. 1998. *Vospominaniya pisatelej. Problemy poetiki zhanra (Memoirs of writers. Problems of genre poetics)*. Moscow: Megatron Publ.]
10. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. 2-е изд., перераб. Москва: Высшая школа; Дубна: Феникс, 1996. 381 с. [Kunin, Aleksandr V. 1996. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka (The course of modern English phraseology)*. Moscow: Vysshaya shkola Publ.; Dubna: Feniks Publ.]
11. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь [Электронный ресурс]. / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко. Москва: Русские словари, Астрель, 2001. 856 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000563081?ysclid=ln88jhpkt2992601867> (дата обращения: 30.09.2023). [Melerovich, Alexey, Mokiyenko, Vasiliy. 2001. *Frazeologismi v russkoy rechi. Slovar'* (*Phraseologisms in Russian Speech. Dictionary*). [Online] Available from: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000563081?ysclid=ln88jhpkt2992601867>. (Accessed: 30.09.2023).]
12. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) / Михаил Михеев. Москва: Водолей Publishers, 2007. 262 с. [Miheev, Mikhail Yu. 2007. *Dnevnik kak ego-tekst (Rossiya, XIX-XX) (Diary as an ego-text (Russia, XIX-XX))*. Moscow: Vodoley Publ.]
13. Мокряк Е.И. Дневники и мемуары как источник для изучения социальной психологии дворянства России 2-й половины XIX — начала XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1977. 11 с. [Mokryak, Elena I. 1977. *Dnevniki i memuary kak istochnik dlya izucheniya social'noj psihologii dvoryanstva Rossii 2-j poloviny XIX — nachala XX veka (Diaries and memoirs as a source for studying the social psychology of the nobility of Russia of the 2nd half of the XIX — early XX century)*. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.]
14. Теля В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки

- русской культуры, 1996. 288 с. [Telia, Veronika N. 1996. *Russkaya frazeologiya: semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* (Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguo-culturological aspects). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ.]
15. Bakhtin, Mikhail M. 1981. *The Dialogic Imagination: Four Essays*. Austin: University of Texas Press.
 16. Dijk, van Teun A. 2010. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
 17. The Free Dictionary by Farlex. URL: <https://www.thefreedictionary.com>. Available from: <https://www.thefreedictionary.com>. (Accessed 01 October 2023).

Сведения об авторе:

Шустова Елена Дмитриевна, аспирант,
Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
email: e.shustova@iling-ran.ru

THE SPECIFICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS' REPRODUCIBILITY IN POLITICAL MEMOIR DISCOURSE (BASED ON MARGARET THATCHER'S MEMOIR *THE PATH TO POWER*)

Elena D. Shustova

Postgraduate Student, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
email: e.shustova@iling-ran.ru

Abstract

The research aims to scrutinise the specifics of the reproducibility of phraseological units in the political memoir by Margaret Thatcher "The Path to Power" (1995). The concepts of prominent Russian-speaking phraseologists: A.N. Baranov and D.O. Dobrovolsky, I.V. Zykova, M.L. Kovshova, V.V. Kunin, and

V.N. Teliia constitute the foundation of the study. The analysis of memoir's phraseology was carried out by virtue of lexicographic data derived from The Free Dictionary by Farlex. The phraseological units discerned by means of a continuous sampling method were systematised by structural and functional classes (A.V. Kunin's classification). Specific importance was attached to their modified forms. The research into modifications was performed according to the approach by I.V. Zykova (2014). As a result, the main cognitive strategies of phraseological units' modifications were identified and processed. The presented results will be further compared with the data obtained from the memoirs of other political figures.

Keywords: phraseology, phraseological unit, political memoir discourse, reproducibility, modification, corpus-based discourse analysis.

Стилистические особенности спортивного медиатекста

(на материале интернет-публикаций о хоккее)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

К. Р. Ямалетдинова, Г. К. Гималетдинова

Аннотация

Статья посвящена изучению современного спортивного медиадискурса, а именно, рассмотрению стилистических особенностей медиатекста о хоккее. Материалом исследования послужили интернет-публикации хоккейного клуба “Миннесота Уайлд” (N=60) и интернет-комментарии (N=10) к ним. Методом сплошной выборки отобрано 38 постов и изучены лингвистические средства, повышающие эмоциональность высказывания. Применение методов лингвистического и сопоставительного анализа позволило выделить средства, повышающие выразительность медиатекста: фонетические, грамматические, графические и лексические. Наиболее частотным определено использование стилистически окрашенных лексических средств (71,05%). Распространение графических средств является одной из современных тенденций спортивного медиатекста, в частности, использование эмодзи (10,52%). Фонетические средства (7,89%) способствуют созданию ритма и упрощают восприятие текста. Значительное распространение имеет блендинг (7,89%). Авторы пришли к выводу о целесообразности изучения лингвистической составляющей интернет-публикаций в сфере спорта в русле дискурсивных исследований, так как погружение текста в жизнь позволяет верно интерпретировать текстовую информацию и раскрыть своеобразие спорта как важного социального феномена.

Ключевые слова: дискурс, спортивный медиадискурс, медиатекст, лингвистические средства, стилистические приёмы.

В исследованиях, посвящённых спортивному дискурсу и его жанровой дифференциации, отмечается противоречивость терминологии [Малышева 2011: 19; Тарасова 2020: 83]. Согласно К. В. Сняткову, “спортивный дискурс — разновидность национального языка, соотнесённая с такой социокультурной сферой, как спорт, а также речь (устная и письменная) как ‘трансляция’ спортивной ментальности — трансляция, которая характеризуется особой речевой системностью, представленной в корпусе текстов” [Снятков 2007: 191].

Жанровая дифференциации спортивного медиадискурса основана на различиях в функциональных особенностях текстов. Отсутствие чётко установленных границ между жанрами и их подвижность свидетельствуют о необходимости рассмотрения гибридных жанров. Спортивные интернет-блоги относят к информационно-оценочным жанрам, авторы публикуют короткие записи, чтобы заинтересовать читателей и получить от них отклик-комментарий. Лингвопрагматическая особенность блогов на тему спорта — стремление автора представить своё мнение как “наиболее авторитетное” посредством специальной лексики и художественных средств выразительности [Никонов 2017: 182–183].

Наша исследовательская задача состоит в изучении художественно-выразительных средств, используемых читателями англоязычных спортивных интернет-блогов. На основе интернет-публикаций хоккейного клуба “Миннесота Уайлд” определены современные тенденции употребления тропов как средств повышения выразительности, выявлена их частотность.

Из 60 проанализированных публикаций и 10 комментариев значимыми для дальнейшего анализа выделены 38 постов, содержащих фонетические, графические, стилистически окрашенные средства и примеры словообразования. Лингвистический анализ текста осуществлялся с применением методов сплошной выборки, сопоставительного и контекстуального анализа. Исследование выявило частотность стилистически окрашенных *лексических* средств (71,05%) в текстах спортивных интернет-блогов. Ниже приведены приёмы и иллюстративные примеры.

1. Игра слов, основанная на переосмыслении семантики лексической единицы или её отдельных частей. Для выражения признательности хоккеисту Райану Хартману (Ryan Hartman) используется фраза “*Special place in our HARTS for no.38*” [Minnesota Wild. <https://www.instagram.com>, 26.03.2023* (*Запрещена на территории РФ. Здесь и далее примеры из социальной сети используются исключительно в научных целях и не затрагивают политический аспект)]. Эмоциональное воздействие достигается благодаря вычленению морфемы *hart* из фамилии хоккеиста и использованию графически выделенной лексики *HARTS*, совпадающей по звучанию со словом *hearts* (*сердца*). Понимание игры слов позволяет трактовать значение поста: болельщики выделяют игроку отдельное место в своих сердцах.
2. Аллюзия. В тексте поста “Wherever you go and whatever you do, may the luck of the WILD be there with you” [Minnesota Wild. <https://www.instagram.com>*, 18.03.2023] используется аллюзия на популярную песню Ричарда Маркса “Right here waiting”, где есть строки “Wherever you go/ whatever you do/ I will be right here waiting for you”. Отсылка призвана поднять боевой дух болельщиков.

3. Метонимия. В посте о результатах матча с командой Аризона Койотис используется метонимия “*Snagged a point in the desert*” [Minnesota Wild. https://www.instagram.com, 13.03.2023*] для обозначения успешной игры. Фраза *in the desert* в данном контексте — это метонимический перенос, указывающий на Аризону, известную своими пустынями. Толкование метонимии затруднено из-за необходимости учёта экстралингвистических факторов.
4. Эпитет. “*New nickname: unlocked (F)hone booth Fred*” [Minnesota Wild. https://www.instagram.com, 07.03.2023*] в сочетании с графическим выделением буквы F в *(F)hone booth* выражает положительную оценку Фредерика Годро, за ловкость получившего прозвище *(F)hone booth Fred*. Приведена ассоциация с телефонной будкой, ограниченного пространства, в котором он мог бы забить гол.
5. Окказионализмы. “*STATE(ofhockey)MENT*” [Minnesota Wild. https://www.instagram.com, 22.02.2023*] (дословно: ‘состояние хоккея’) передаёт радостные эмоции команды и болельщиков после победы Миннесоты.
6. Метафора. “*Keeping this train rollin’ to Toronto*” [Minnesota Wild. https://www.instagram.com, 24.02.2023*] метафорически символизирует путь проигравшей команды к себе домой в Торонто.

Анализ материала свидетельствует о распространении *графических* средств как особенности медиатекста. Использование эмодзи (10,52%) заменяет лексические единицы, привлекая внимание читателя к спортивному событию. Написание слов и морфем заглавными буквами сопровождается игрой слов и окказиональным словообразованием. Например, графическое оформление повышает эмоциональность креативного сочетания “*Powering up Kapriz-ON*” [Minnesota Wild. https://www.instagram.com, 11.01.2023*]. Конечная мор-

фема в фамилии хоккеиста Капризова (Kaprizov) ‘ov’ созвучна в английском языке с предлогом *off*. Автор использовал возможность замены морфемы на антоним предлога *off* (предлог *on*) и выделил её графически. В результате фразу можно трактовать как ‘Капризов включён, он в игре’.

Фонетические средства (7,89%) способствуют созданию ритма, упрощают восприятие текста и повышают персуазивность. Фраза “*No law with Mason Shaw*” построена на рифме, подпись “*Ready to rock in Toronto*” содержит аллитерацию, фраза “*Ba DUB tsss*” представляет собой пример использования звукоподражания (имитация барабанной дроби), сокращение *dub* (от *double*) означает, что два игрока разыграли шайбу [Minnesota Wild. <https://www.instagram.com>, 20.02.2023*].

Анализ словообразовательных средств выявил значительное распространение блендинга (7,89%). В команде Миннесота Уайлд много игроков из Швеции, что обыгрывается в бленде *Minneswede* (Minnesota + Swede), бленд *goal*dy (goal + Boldy) в контексте “*He should change his last name to Matt GOALdy*” эмоционально окрашивает отношение болельщика к Мэтью Болди, забившего желанный гол [Minnesota Wild. <https://www.instagram.com>, 28.03.2023].

Мы проанализировали подписи к постам, посвящённым разным темам: чествование игрока, анонсирование и подведение итогов матчей, поддержание бодрости духа болельщиков. Выявлено, что большинство публикаций 1) носит развлекательный характер, 2) нацелено на взаимодействие с болельщиками и 3) ориентировано на ответную реакцию в виде комментария. Это определяет выбор лексических, стилистических и иных средств повышения выразительности. Текст спортивного медиадискурса в жанре интернет-блога характеризуется как креативный, а его трактовка сопряжена

с необходимостью вовлечённости читателя в спортивное медиапространство (медиадискурс). Отсутствие фоновых знаний, игнорирование экстралингвистических факторов, неосведомлённость в вопросах спортивных событий приводят к неверной трактовке или непониманию содержания текста интернет-блогов.

Таким образом, необходимо рассматривать лингвистическую составляющую интернет-публикаций в сфере спорта в русле дискурсивных исследований, так как погружение текста в жизнь позволяет читателю адекватно интерпретировать информацию, раскрывает своеобразие спорта как важного социального феномена и вносит вклад в изучение дискурса.

Список литературы:

1. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование: монография. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 324 с. [Malysheva, Elena G. 2011. *Russkij sportivny`j diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie: monografiya*. (Russian Sports Discourse: Linguocognitive research: monograph). Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta.]
2. Никонов А. А. Спортивный блог как жанр интернет-дискурса // Язык: категории, функции, речевое действие: Материалы X юбилейной международной научной конференции к 75-летию В. С. Борисова. (Москва — Коломна 13–14 апреля 2017 г.). М.; Коломна: Моск. пед. гос. ун-т; Гос. соц.-гуманитар. ун-т, 2017. С. 181–183. [Nikonov, Andrej A. 2017. Sportivny`j blog kak zhanr internet-diskursa. (Sports blog as a genre of Internet discourse). *Yazyk: Kategorii, Funkcii, Rechevoe dejstvie. Materialy` X yubilejnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii k 75-letiyu V. S. Borisova* (Language: Categories, Functions, Speech Act: Proceedings of the 10th Jubilee International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of V. Borisov), 181–183.]

3. Снятков К.В. Телевизионный спортивный дискурс: аспекты коммуникативно-прагматического анализа // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. Вып. 14(37). СПб., 2007. С. 189–194. [Snyatkov, Konstantin V. 2007. *Televizionny`j sportivny`j diskurs: aspekty` kommunikativno-pragmaticheskogo analiza* (TV sports discourse: aspects of communicative and pragmatic analysis). *Izvestiya Rossijskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena* (Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University), V. 14 (37), 189–194.]
4. Тарасова Е.Е. Спортивный дискурс и проблема интердискурсивности // Вестник военного образования. Вып. 3(24). М., 2020. С. 80–83. [Tarasova, Elena E. 2020. *Sportivny`j diskurs i problema interdiskursivnosti* (Sports discourse and the problem of interdiscursivity). *Vestnik voennogo obrazovaniya* (Bulletin of Military Education), V. 3(24), 80–83.]

Сведения об авторах:

Ямалетдинова Карина Руслановна,
студент, Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия;
email: karinayam@mail.ru

Гималетдинова Гульнара Камилевна, к. филол. н.,
доцент, Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия;
email: gim-nar@yandex.ru

**STYLISTIC FEATURES OF SPORTS MEDIA TEXT
(BASED ON THE INTERNET PUBLICATIONS ABOUT HOCKEY)**

Karina R. Yamaletdinova

Student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia;
email: karinayam@mail.ru

Gulnara K. Gimaletdinova

Candidate of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia;
email: gim-nar@yandex.ru

Abstract

The article is aimed to study modern sports media discourse, namely, the stylistic features of media text about hockey. We analyzed the Internet publications of the Minnesota Wild hockey club (N=60) and Internet comments (N=10) to them. Using the method of continuous sampling, we selected expressive and emotional posts (N=38). Linguistic and comparative analysis of the data made it possible to differentiate the means that increase the expressiveness of the media text; phonetic, grammatical, graphic and lexical means were revealed. The most frequent is the use of stylistically colored vocabulary (71.05%). Graphic means is one of the modern trends in sports media, in particular, the use of emojis (10.52%). Phonetic means (7.89%) contribute to the creation of rhythm, making text perception easier. Blending has a significant spread (7.89%) in sports discourse. The authors claim that it is advisable to study the Internet publications in the field of sports in line with discursive research, since the immersion of the text in life allows to interpret textual information and reveal the unique genre features of sports as an important social phenomenon.

Keywords: discourse, sports media discourse, media text, linguistic means, stylistic devices.

Секция 2
Политический дискурс
в полимодальной
информационной среде

Section 2
Political Discourse
in a Polymodal Information
Environment

Вербализация патернализма в речах М. Ш. Шаймиева

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

И. Г. Ахметзянов, Н. К. Муллагалиев, А. К. Гараева

Аннотация

Статья рассматривает вербализацию патернализма в речах президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева на примере татароязычных выступлений политика. В современных исследованиях ключевую роль играет анализ языковых материалов с точки зрения антропоцентризма, когда не только лингвистические данные, но и сам фактор говорящего имеет определённую важность. Цель настоящего исследования заключается в анализе лексико-грамматических особенностей татарского языка, к которым политик прибегает в ходе своих публичных выступлений. В своих обращениях к депутатам М. Ш. Шаймиев формирует особенный формат общения, основывающийся на специфическом для своего региона взаимоотношении, где принято уважительно относиться к старшим. Авторы, используя метод интертекстуального анализа, выявляют случаи репрезентации патернализма посредством проявления отеческой заботы, отцовской твердости, призыва и наказа. При рассмотрении вопросов патернализма в речах М. Ш. Шаймиева, помимо языковых явлений, авторы обращаются к вопросам исторического формирования и ментального различия народов России. Результаты и выводы проведённого исследования выявляют языковые явления, которые политики используют в своих речах для воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: политическая лингвистика, патернализм, призыв, напутствие, лексические единицы.

Минтимер Шарипович Шаймиев, первый президент Республики Татарстан, родился в деревне Аняково нынешнего Актанышского района Республики Татарстан 20 января 1937 г. [Биография. Минтимер Шарипович Шаймиев. <https://shaimiev.tatarstan.ru/biography>, 01.02.2023]. Примечательно то, что имя президента *Минтимер*, возможно, состоит из двух частей: первый компонент *'мин'* — личное местоимение татарского языка, что в русском языке означает местоимение я, и второй компонент *'тимер'* — тюрко-татарское слово, которое в древнетюркском словаре имеет значение *'железный, крепкий'* [ДТС 1969: 551]. В книге “Татарская антропонимика” Г. Ф. Саттаров констатирует “чтобы ребенок был сильным, крепким и здоровым, как железо, ему давали имя, в состав которого входило слово тимер” [Саттаров 1990: 41].

Материалами для проведения исследования послужили многочисленные текстовые данные выступлений М. Ш. Шаймиева. В 2000 годах издается 4-х томный сборник “Татарстан — прогресс через стабильность”, где собраны избранные статьи, выступления, интервью, материалы пресс-конференции, приветствия. Основными методами в ходе исследования явились интертекстуальный и дискурсный анализ для выявления способов выражения патернализма в речах М. Ш. Шаймиева.

В силу региональных особенностей, также, как и духовно-нравственных ценностей, в Республике Татарстан принято уважать старших и прислушиваться к их советам и рекомендациям, что можно рассматривать как феномен патернализма во взаимоотношениях между индивидуумами и иерархии во властных структурах.

В. Н. Вовк отмечает, что “патернализм предполагает функционирование особого вида доверительной связи между властью имущими и зависимым от них населением. Доверие возможно лишь в том случае, если все участники поли-

тико-правового действия, вне зависимости от статуса, используют один и тот же язык, высказывают сходные суждения, руководствуются едиными представлениями о допустимом и осуждаемом” [Вовк 2010: 21].

Данное явление находит широкое отражение в речах первого президента Республики Татарстан М. Ш. Шаймиева. Патернализм в данной ситуации выражается как отеческая забота, отцовская твердость, отцовский призыв, отцовском напутствие. В качестве материала для анализа вербализации патернализма послужил доклад Президента ТССР на пятой сессии Верховного Совета ТССР от 5 июля 1991 года [Татарстан тотрыклы усештә, 2001].

В докладе отцовский призыв вербализуется посредством слова *әйдәгез* (*давайте* на русском языке). Например, “*әйдәгез әле, күз алдына китерик, әгәр без Яңа Огарево ...*”. Отцовский призыв в данном контексте выражается лексическими единицами *‘әйдәгез әле, күз алдына китерик’*, посредством которых М. Ш. Шаймиев призывает депутатов подумать над его словами. В следующем примере, также использовано слово *әйдәгез*: “*Әйдәгез, бу проблемага икътисадый суверенитет күзлегенән карыйк*”. В примерах, выражающих отцовский призыв к действию, также использованы глаголы татарского языка в желательном наклонении с формой на *-ыйк/-ик* [Татар грамматикасы, 2016], например, *карыйк* и *китерик*. В татарском языке глагол в форме первого лица множественного числа может содержать в себе оттенок призыва или приказа, такие формы глагола очень близки к форме глагола повелительного наклонения [Теләк фигыль (глаголы желания). <https://lingvoforum.net/index.php?topic=78863.0>, 29.08.2015].

Патернализм присущ всем тюркским народам, в том числе и народу Татарстана, когда отец как глава семейства берет на себя обязательства защищать, кормить, опекать, воспи-

тать сыновей и т. д. И если данное явление перевести в политико-правовую плоскость, то можно его проследить во взаимоотношениях власти и населения, главы и подчинённых. По традиции в татарском народе дети получают напутствие от родителей, главным образом, напутствие главы семейства к началу каких-либо дел. В данном случае, можно также указывать на региональные особенности Республики Татарстан, на менталитет татар, которые веками формировались после принятия Ислама в 922 году.

Таким образом, отеческая забота в вышеупомянутой речи М. Ш. Шаймиева представлена в следующем примере: *“Бу... бирер иде, без аны халыкны социаль яклауга, икътисадны тотрыклы итүгә, ..., үзбезне тәэмин итү проблемаларын хал итүгә юналдерә алыр идек”*. Лексические единицы *социаль яклау* (‘социальная защита’), *икътисадны тотрыклы итү* (‘стабилизировать экономику’), *тәэмин итү* (‘снабжение’) выражают желание помочь и позаботиться не только о населении, но и в целом о республике. Исползованные в данном контексте татарские глаголы *бирер иде* и *алыр идек* на *-ыр/-ир иде* указывают на сослагательное наклонение, которое выражает потенциально возможные действия [Зиннатуллина 2013].

Отцовская твердость в контексте речей М. Ш. Шаймиева встречается в достаточном количестве, ибо как лидер нации, первому президенту Республики Татарстан необходимо было показать свою уверенность и решительность в решении щепетильных вопросов. В своем докладе на пятой сессии Верховного Совета ТССР от 5 июля 1991 года М. Ш. Шаймиев по многим вопросам суверенитета Татарстана выражает свою твердость и решимость в выбранном пути. Например, *‘Хәте-регездәдер, без аны өченче сессиядә караган идек. Үз фикерләребезне әйттек, аның аерым положениеләре буенча конкрет тәкъдимнәр керттек һәм карар кабул иттек. Шул сессиядә ...*

тәртибен билгеләдек'. В данном контексте вполне очевидно, что М. Ш. Шаймиев твердо намерен продолжить намеченный путь в развитии республики. Отцовская твердость выражается в поставленном риторическом вопросе *"Ни өчен без тагың бер мартәбә Союз килешүе проектны карауга кире әйләнен кайтабыз?"* а также в использовании глагола в прошедшем определенном времени *керттек* ('внесли'), *расладык* ('подтвердили'), *билгеләдек* ('определили'), которые указывают на очевидные однократные действия в прошлом.

М. Ш. Шаймиев, как глава государства, по отечески дает напутствие депутатам Верховного Совета ТССР в своём докладе от 5 июля 1991, в котором говорится: *"Мин бүгенге ачыктан-ачык сөйләшү барышында халык депутатлары тәкъдим ителгән проектны баетырдай һәм яңартылган Союзда Татарстан позициясен ныгытуга ярдәм итәрдәй байтак конструктив һәм файдалы фикерләр әйтелер дип өметләнәм"*. В приведенном контексте очевидно, что Президент даёт напутствие на открытый и конструктивный диалог и обмен мнениями, что выражается причастием будущего времени на форму *-рдай/-рдәй*, например, в словосочетаниях *баетырдай фикерләр* ('идеи, способные обогатить'), *ярдәм итәрдәй фикерләр* ('идеи, способные помочь'). В сочетании с глаголом неопределённого будущего времени на *-ыр/-ер*, который указывает на вероятностный характер действия, *әйтелер дип өметләнәм* ('надеюсь выскажут') выражается также надежда на выполнение данного напутствия [Татар грамматикасы, 2016].

Несмотря на то, что "патернализм государства ослабляет необходимость в собственных усилиях, и люди отказываются принимать ответственные решения, требуют от властей заботы, социальной защиты и других гарантий" [Вовк 2010: 26], в исследуемом докладе данное явление выражается в несколько ином аспекте.

Из представленных примеров становится очевидным, что патернализм в речах М. Ш. Шаймиева представлен как отеческая забота, отцовская твёрдость, отцовский призыв, отцовское напутствие, что еще раз подчеркивает региональную особенность Республики Татарстан.

Список литературы:

1. Вовк В.Н. Патернализм в Российском правовом менталитете. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2010. 30 с. [Vovk, Viktor N. 2010. *Paternalizm v Rossijskom pravovom mentalitete (Paternalizm in Russian Legal Mentality)*. Abstract of Juridical Cand. Diss. Krasnodar.]
2. Древнетюркский словарь. М-Л.: Наука, 1969. 676 с. [*Drevnetjurkskij slovar (Ancient Turkic Dictionary)*. 1969. Moscow, Leningrad: Nauka.]
3. Зиннатуллина Г.Х., Зиннатуллина Г.Ф. Татарский язык для технических специальностей: (учебно-методическое пособие для студентов технических специальностей Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева). Казань: Издательство Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева, 2013. 204 с. [Zinnatullina, Gulshat H., Zinnatullina, Gulzara F. 2013. *Tatarskij jazyk dlja tehničkih special'nostej: (učebno-metodičeskoe posobie dlja studentov tehničkih special'nostej Kazanskogo nacional'nogo issledovatel'skogo tehničeskogo universiteta im. A.N. Tupoleva)* (Tatar for technical specialties: (educational and methodical manual for students of technical specialties of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev)). Kazan: Publishing House of Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev.]
4. Саттаров Г.Ф. Татарская антропонимика. Казань: изд-ство КГУ, 1990. 276 с. [Sattarov, Gumar F. 1990. *Tatarskaja antroponimika (Tatar Anthroponomy)*. Kazan: Kazan University Press.]

5. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. М.З. Зәкиев. Тулыландырылган 2 нче басма. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Т. II. 432 б. [*Tatar grammatikasy: өch tomda (Tatar Grammar: in 3 volumes)*. Chief compiler M.Z. Zәkiev. 2016. 2nd edition. Extended. Kazan: Institute of Language, Literature and Art of Tatarstan Academy of Sciences Press.]
6. Минтимер Шәймиев: Сайланма мәкаләләр, чыгышлар, интервьюлар, матбугат конф. материаллары, котлаулар / Минтимер Шәймиев. Кит. 1.; Сайланма мәкаләләр, чыгышлар, интервьюлар, матбугат конференцияләре материаллары, котлаулар, (1990–1992 ее.) = Избранные статьи, выступления, интервью, материалы пресс-конференций, приветствия, (1990–1992 гг.). Казан: ИделПресс, 2001. 614 с. [Mintimer Shәjmiiev: Sajlanma mjekäljeljer, chygyshtar, intervjular, matbugat konf. materiallary, kotlaular / Mintimer Shәjmiiev. Kit. 1.; Sajlanma mjekälälär, chygyshtar, intervjular, matbugat konferencijäläre materiallary, kotlaular, (1990–1992) (Tatarstan in sustainable development: Selected articles, speeches, interviews, materials of press conferences, congratulations/ Mintimer Shaimiev. Book 1: Selected articles, speeches, interviews, materials of press conferences, congratulations (1990–1992)) Kazan: Idel Press.]

Сведения об авторах:

Ахметзянов Ильдар Габдрашитович, к. филол н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; email: ildar-rashit@yandex.ru

Муллағалиев Наркиз Камилевич, к. филол н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; email: narkizmoullagaliev@mail.ru

Гараева Альмира Кадыровна, к. филол н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; email: almiragaraeva09@yandex.ru

VERBALIZATION OF PATERNALISM IN THE SPEECHES OF M. SH. SHAIMIEV

Ildar G. Akhmetzyanov

Candidate of Philology, Associate Professor, Kazan Federal University,
Kazan, Russia; email: ildar-rashit@yandex.ru

Narkiz K. Mullagaliev

Candidate of Philology, Associate Professor, Kazan Federal University,
Kazan, Russia; email: narkizmoullagaliev@mail.ru

Almira K. Garaeva

Candidate of Philology, Associate Professor, Kazan Federal University,
Kazan, Russia; email: almiragaraeva09@yandex.ru

Abstract

This article examines paternalism verbalization in the speeches of the first President of Tatarstan. In modern linguistic research, language materials from the point of view of anthropocentrism plays an important role, when not only linguistic data, but the factor of speaker has a certain importance. The purpose of study is to analyze lexical and grammatical features to which the politician resorts during his public speeches. M. Shaimiev forms a special format of communication based on relationship specific to his region, where it is customary to treat elders with respect. The authors, using intertextual analysis, identify cases of paternalism representation through the manifestation of paternal care, firmness, appeal and command. Considering the issues of paternalism, the authors turn to the issues of historical formation and mental differences of the peoples of Russia. The results of study reveal the linguistic phenomena politicians use in their speeches to influence the audience.

Keywords: political linguistics, paternalism, appeal, parting words, lexical units.

Динамика образа ключевых стран Большого евразийского партнерства: информационная война через призму политического дискурса

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

К. В. Бобылева, А. В. Галигузова

Аннотация

В статье исследуется динамика образов России и Китая в представлении разведывательных ведомств Соединённых Штатов Америки. Целью настоящего исследования является лингвополитический анализ ежегодных отчётов Разведывательного сообщества США по оценке угроз безопасности США за последние восемь лет. В результате были выявлены ключевые слова, характеризующие отношение политических элит США к России и Китаю, и обозначена динамика репрезентации вышеуказанных стран в американском политическом дискурсе первой четверти XXI века. Россия и Китай в представлении разведывательных ведомств США перешли из разряда стран, вызывающих беспокойство, в разряд стран прямо угрожающих безопасности мирового сообщества в целом и США в частности, и в настоящее время рассматриваются последними как серьёзные конкуренты в борьбе за мировое влияние. Данное представление событий является частью масштабной когнитивной войны, развёрнутой западными странами в отношении России и Китая, и, как любые недружественные действия, должно быть подвергнуто соответствующей оценке с целью оказания противодействия в дальнейшем.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, разведывательные ведомства, политический дискурс, когнитивная война.

Настоящая статья отражает ключевые моменты исследования динамики образов России и Китая в представлении разведывательных ведомств Соединённых Штатов Америки на материале сводных ежегодных отчетов Разведывательного сообщества США (United States Intelligence Community) по оценке угроз безопасности США (Annual Threat Assessment Reports) за 2016–2023 годы. В исследовании были использованы методы компаративного, эмпирического и семантического анализа с привлечением автоматических систем анализа и обработки текста. Актуальность исследования обусловлена, с одной стороны, укреплением связей России с другими странами Большой Евразии, в первую очередь, с Китаем, а с другой — ростом напряжённости международной обстановки и необходимостью понимания того, как воспринимают нашу страну и дружественную нам КНР в ряде ключевых правительственных учреждений Соединённых Штатов.

Разведывательное сообщество США представляет собой единый организм в системе национальной безопасности США, состоящий, тем не менее, из целого ряда отдельных учреждений, каждое из которых собирает и обрабатывает данные по своему профилю. Учрежденное в 1981 г., сообщество несколько раз реформировалось, а стратегии национальной разведки и контрразведки регулярно обновляются. Тем не менее, цели и приоритеты сообщества практически не меняются. Они включают в себя: стратегическую разведку и предупреждение об угрозах, противодействие экстремизму, нераспространение оружия массового поражения, усиление информационной и кибербезопасности. А.А. Зайцев отмечает, что “в современных условиях главной задачей РС США является превращение большого количества его подразделений в единую организацию способную противостоять беспрецедентному числу вызовов современности” [Зайцев, 2015: 71].

С целью выявления, описания и анализа основных вызовов и угроз национальной безопасности США практически ежегодно начиная с 2006 года на официальном сайте американского разведывательного сообщества публикуется отчёт спецслужб США о мировых рисках, как имеющихся, так и прогнозируемых. Данные отчёты предназначены для высокопоставленных политиков, должностных лиц, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. В пояснении к отчёту говорится, что порядок, в котором угрозы представлены в отчёте, не является прямым отражением важности и масштаба данной проблемы. Однако, по нашим наблюдениям, очередность и объём информации, посвящённой той или иной стране или угрозе, не случаен.

Настоящее исследование ограничено временным отрезком в восемь лет с 2016 по 2023 год. На протяжении этого периода чётко прослеживается смена в выборе и порядке представления актуальных вопросов. В 2016–2019 годах первая часть отчёта фокусировалась на мировых угрозах (кибербезопасность, разрушительные технологии, оружие массового поражения, использование космоса, контрразведка, международные преступные организации, экономическая безопасность, безопасность личности), а вторая часть — на региональных угрозах (Восточная Азия, Россия и Евразия, Европа, Ближний Восток, Африка, Латинская Америка).

В 2021–2023 гг. привычное деление на мировые и региональные угрозы исчезает, и на первый план выходят исключительно объёмные разделы (суммарно до 50% отчета), посвящённые Китаю, России, Ирану и Северной Корее (в порядке перечисления), причём удельный объём разделов по Ирану и Корее за этот период сокращается (в среднем, с 1300 слов до 850), а по Китаю и России увеличивается (в среднем, с 1300 до 2700 по Китаю и до 2200 по России). Даже вопросы, свя-

занные с пандемией, которая, казалось бы, в 2020–2022 гг. занимала первое место среди угроз мировому сообществу, отходят на второй план. После них дается анализ угрозы биологического оружия, а разделы, посвященные использованию новейших технологий, международному терроризму, кибербезопасности, изменениям климата, миграции, ядерному оружию, обороту оружия и наркотических веществ, организованной преступности и экстремистским организациям идут в самом конце списка, и зачастую занимают не больше одного абзаца.

Явная тенденция к увеличению объема информации, посвященной России и Китаю, по отношению к общему количеству слов в отчёте, которая прослеживается с 2019 года, отражена в таблице 1.

В течение анализируемого периода наблюдаются не только количественные и структурные изменения в тексте отчётов, но также и качественные. Так, во-первых, если говорить о Китае, страна переходит из разряда “региональных угроз” в “глобальную угрозу № 1”. Например, в отчёте 2021 года первой среди угроз национальной безопасности США называется стремление Китая к мировому господству (*China’s push for global power*). При этом само слово *threat* в 2016–2019 гг. используется только для описания действий Китая, которые могут угрожать, например, лидерству США в какой-либо области. А в последующие годы уже сам Китай рассматривается не только как конкурент (*adversary and strategic competitor, major / primary / global / near-peer competitor*), но и как непосредственная угроза США (*top threat to US technological competitiveness / prolific and effective cyber-espionage threat / a growing influence threat / threat actor*). В 2022–2023 гг. к существительному “threat” добавляются прилагательные в превосходной степени (e.g. *the broadest, most active, and per-*

Таблица 1

**Количество слов в отчётах по годам
в абсолютном и процентном соотношении**

	2016	2017	2018	2019	2021	2022	2023
количество слов в отчёте	14 150	13 290	10 356	13 962	9563	11 361	15 472
количество слов посвящённых России	1644 (12%)	1754 (13%)	1473 (14,2%)	2431 (17%)	1726 (18%)	2041 (18%)	3030 (19,6%)
количество слов посвящённых Китаю	957 (6,8%)	1068 (8%)	861 (8,3%)	2657 (19%)	1781 (18,6%)	1876 (16,5%)	3458 (22,4%)

sistent ... threat). Анализ текста отчётов показывает, что наряду с признанием всё возрастающей мощи Китая в различных областях (*growing influence / capability / power*), авторы открыто очерняют действия этой страны, высказываясь весьма категорично (e.g. *China leads the world in applying surveillance and censorship to monitor its population and repress dissent / Beijing conducts cyber intrusions / China is attempting to sow doubts about U. S. leadership, undermine democracy / China's false narrative / malign influence etc.*).

Что касается представления России через призму разведанных США, то в данном вопросе тоже прослеживается явная тенденция к сгущению красок. В отчёте 2016 года наряду с упоминанием России как фактора, вызывающего беспокойство (*Russia's willingness to use military forces continues to cause anxieties*), также встречались эпитеты *напористый* и *изощрённый* для описания действий России (*assertive foreign policy approach, sophisticated satellite operations*). В переломном

2019 году всё настойчивее Россия описывается как угроза (*a cyber espionage, influence, and attack threat to the United States and our allies*), конкурент (*strategic competitor*) и противник (*a highly capable and effective adversary*). Данное видение подкрепляется использованием ряда глагольных словосочетаний с негативной коннотацией (*eroding once well-established security norms and increasing the risk of regional conflicts, spreading disinformation, or manipulating data*) для характеристики целей России. В отчёте 2023 года используется всё больше эмоционально окрашенных слов для характеристики России и её действий (*remains a revanchist power, to promote authoritarianism, to presage further Russian escalation*). Существительное *соперничество / конкуренция*, используемое для определения взаимодействия России и США, постепенно уступает место таким словам как *агрессия* и *противостояние*, которые в свою очередь описываются как событие давно не имевшее аналогов (*a tectonic event; the greater risk, which the world has not faced in decades*).

Моделирование в общественном сознании негативного образа других стран, потенциально конкурирующих с США за влияние на мировой арене, таких как Китай и Россия — один из излюбленных приёмов политической элиты США. Использование лексических средств и стилистических приёмов для сознательного создания угрозы — часть относительно нового вида войны, разворачивающейся в сфере человеческого сознания. Это когнитивная война, которая, по мнению В. А. Артамонова и Е. В. Артамоновой, “имеет универсальный охват — от отдельных лиц до государств и многонациональных организаций” [Артамонов, Артамонова 2023: 48]. Несомненно, подобные враждебные действия нужно анализировать и соответственно оценивать. Рассмотрение информационных процессов в глобальных контекстах и дис-

курсах, частным случаем чего является настоящее исследование, и есть первая ступень подобной оценки.

Список литературы:

1. Артамонов В. А., Артамонова Е. В. Гибридные войны: новые вызовы XXI века // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. №6–1. 2023. С. 43–51. [Artamonov, Vladimir A., Artamonova, Elena V. 2023. Gibrnidnye voini: novie vizovi XXI veka (Hybrid wars: new challenges of the XXI century). *Bolshaya Evrasia: razvitie, bezopasnost, sotrudnichestvo* (Greater Eurasia: development, security, cooperation). №6–1. 43–51]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-novye-vyzovy-xxi-veka> (дата обращения: 29.09.2023).]
2. Зайцев А. А. Реформирование разведывательного сообщества США в XXI веке // Труды БГТУ. № 5: История, философия, филология. Минск, 2015. С. 71–74. [Zaitsev, Aleksandr A. 2015. Reformirovanie razvedivatel'nogo soobshehestva SSHA v XXI veke (The Reforms of the Intelligence Community of the USA in the XXI century). *Trudi BGTU № 5: Istoriya, filosofiya, filologiya* (Works by BGTU №5: History, philosophy, philology). 71–74]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformirovanie-razvedivatel'nogo-soobschestva-ssha-v-xxi-veke> (дата обращения: 29.09.2023).]
3. Annual Threat Assessment of the Intelligence Community. URL: <https://www.intelligence.gov/annual-threat-assessment>

Сведения об авторах:

Бобылева Ксения Владимировна, ст. преподаватель,
МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: still_waters@rambler.ru

Галигузова Анна Вадимовна, преподаватель,
МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: anna-galiguzova@yandex.ru

**THE GREATER EURASIAN PARTNERSHIP PORTRAYAL:
INFORMATION WARFARE THROUGH THE PRISM OF POLITICAL
DISCOURSE**

Ksenia V. Bobileva

Senior Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia;
email: still_waters@rambler.ru

Anna V. Galiguzova

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia;
email: anna-galiguzova@mail.ru

Abstract

This article explores the dynamics of Russian and Chinese images as portrayed by the intelligence agencies of the United States of America. The aim of this study was to analyze Annual Security Threat Assessment Reports of the U.S. Intelligence Community from a lingvo-political perspective. Russia and China, as presented by the US intelligence agencies, have moved from the category of countries of concern to the category of countries directly threatening the security of the global community and are now viewed as serious competitors to the USA in the struggle for global influence. This representation of events is part of a large-scale cognitive war launched by Western countries against Russia and China and, like any unfriendly actions, should be subjected to an appropriate assessment in order to counteract them in the future.

Keywords: Russia, China, the USA, intelligence agencies, political discourse, cognitive warfare.

Коннотативный вектор репрезентации премьер-министра Великобритании Риши Сунака в англоязычных карикатурах новостных изданий

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

А. В. Дымова, А. И. Золотайко, В. Ю. Карева

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию репрезентации премьер-министра Великобритании Риши Сунака, а именно коннотативного вектора восприятия этого образа, задаваемого англоязычными новостными изданиями. Цель исследования — изучить образ данного политика, формируемый в англоязычных СМИ при помощи карикатур, и оценить направленность транслируемых идей. В исследовании были задействованы следующие методы: описание, сравнение, контент-анализ, когнитивно-дискурсивный анализ. Материалом послужили 152 карикатуры, отобранные при помощи сплошной выборки и разделённые на две группы — выпущенные до 25 октября 2022 (вступление в должность) и после этой даты. Общими для двух групп являются метафорические образы “богач”, “должник”, “щит”. Типичные образы, идентифицированные только в первой группе — “фокусник”; а во второй — “атакуемый монстрами”, “убийца”, “математик”. Примечательно, что коннотативный вектор репрезентации Риши Сунака носит преимущественно негативный характер. Так, политик наиболее часто изображается с гипертрофированными чертами лица (нос, подбородок, уши и проч.), выражением лица (злой, надменный, самодовольный и прочее) и, при этом, в отношении него применяется когнитивная антитеза “большой — маленький”, благодаря которой Риши Сунак представлен незначительным на фоне других объектов.

Ключевые слова: креолизованный текст, карикатура, Риши Сунак, коннотация, метафорический образ, новостные издания.

Интеграция нескольких каналов восприятия для достижения определённого прагматического воздействия стала неотъемлемой частью информационного окружения современного человека. Особую значимость представляет упрощение и ускорение процессов интерпретации закладываемых смыслов, и визуализация является одним из способов решения этих задач. Исследователи Бойко М. А., Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Иванова С. В., Магера Т. С., Сподарец О. О., Чудакова Н. М., Шустрова Е. В. и др. подчеркивают, что и в современной политической коммуникации особую значимость приобретают семиотически осложнённые, или креолизованные, тексты, в структуре которых на содержательном и прагматическом уровнях взаимодействуют коды разных семиотических систем, интегрирующихся получателем информации в единое целое. Креолизация политических реалий достигается в таких явлениях как политическая карикатура или иллюстрация, агитационный плакат или листовка, комиксы на политические и околополитические темы и даже динамический аудио- и видеоряд в виде клипов или рекламы.

Настоящее исследование основывается на определении креолизованного текста, предложенного Ворошиловой М. Б., под которым понимается текст, обладающий сложной формой, то есть основанный на сочетании единиц двух и более различных семиотических систем, которые вступают в отношения взаимосвязи, взаимодополнения, взаимовлияния, что обуславливает комплексное воздействие на адресата [Ворошилова 2013: 22]. Дзюба Е. В. отмечает, что “в настоящее время в сфере изучения политических креолизованных текстов

наблюдается чрезвычайная разноплановость: хронологическая ...; методологическая ...; дискурсивная ...; жанровая ...” [Дзюба 2016: 255]. Исследователь объясняет разноплановость лингвосемиотических исследований политического дискурса сложностью структуры креолизованного текста, что определяет разнообразие аспектов и методик его изучения.

В данной работе в центре внимания находится политическая реальность Великобритании в зеркале карикатур, а именно образ Риши Сунака до и после его вступления в должность премьер-министра страны. Следует отметить, что исследовательский интерес к политическим карикатурам объясняется множеством факторов. Как отмечает Балакина Ю. В., “лингвистические исследования с использованием количественных и качественных методов демонстрируют реализуемые в авторских карикатурах стереотипы и клише, циркулирующие в обществе, а также акцентируют внимание на глобальных проблемах, выходящих за рамки национальных контекстов” [Балакина 2021: 104].

Таким образом, **цель исследования определяется** изучением репрезентации премьер-министра Великобритании Риши Сунака в политических карикатурах, а именно коннотативного вектора восприятия этого образа, задаваемого англоязычными новостными изданиями. Актуальность настоящей работы связана не только с обращением к креолизованному тексту и мультимодальной метафоре, но и с ролью премьер-министра на политической арене, неоднозначностью общественного отношения к нему, в частности, основанной на этнической принадлежности Риши Сунака, а также с недостаточной изученностью этой темы в целом.

Материалом послужили 152 карикатуры таких англоязычных новостных изданий, как “The Guardian”, “Independent”, “Financial Times”, “iNews”, “The Sun” и прочие. Все про-

анализированные карикатуры были отобраны при помощи сплошной выборки и разделены на две группы:

1) карикатуры, выпущенные до 25 октября 2022, когда Риши Сунак занимал должность главного секретаря, а затем канцлера казначейства;

2) карикатуры, выпущенные после 25 октября 2022, то есть после назначения на должность премьер-министра.

Подобное разделение на группы обусловлено как попыткой установить различия в метафорическом моделировании образа новоиспечённого премьер-министра Великобритании, так и с необходимостью установить изменения в коннотативном векторе его репрезентации. Учитывая изначально неоднозначное, часто негативное, отношение общественности в стране к кандидатуре Риши Сунака до его вступления на пост премьер-министра, подтверждаемое не самыми высокими рейтингами [Smith 2022] и постоянным снижением уровня одобрения его кандидатуры [Smith 2023], и нежелание многих видеть его в этой должности [см. Mansoor 2022; Soni 2022 и др.], сформировалась исследовательская гипотеза: *метафорические образы карикатур англоязычных СМИ, применяемые к Риши Сунаку после его вступления в должность премьер-министра Великобритании, становятся более провокационными и приобретают более выраженную отрицательную коннотацию.*

Декодирование прагматического смысла изображений происходило посредством синтеза информации, полученной от интерпретации компонентов двух каналов восприятия: текстового и иконического. При работе с практическим материалом авторы опирались на следующие методы: описание, сравнение, контент-анализ, когнитивно-дискурсивный анализ.

По итогам анализа этих двух групп были обнаружены следующие общие метафорические образы, реализуемые в контексте англоязычных карикатур на Риши Сунака:

1. **“Богач”**. Ввиду его политики жесткой экономии, из-за которой пострадали самые бедные слои населения, премьер-министр изображается с “added malice” / *добавленной злобой* (рис. 2). Сам Риши Сунак одет в дорогие одежды на фоне призывов избегать излишних трат, подкрепляя его статус хорошо обеспеченного человека: два худи от Гуччи (рис. 1), костюм лорда (рис. 2). На рис. 3 он делает комплимент самому Карлу III, представляя более обеспеченным человеком, чем король — дорогие сверкающие часы, белоснежная улыбка, сияющие запонки. В большинстве карикатур данной группы вербальные и невербальные компоненты находятся в поддерживающей корреляции, где визуальная часть слабо способна донести вкладываемый автором смысл без текстовой части.

Рисунок 1.

Рисунок 2.

Рисунок 3.

2. **“Должник”**. До назначения на должность премьер-министра (рис. 4) Риши Сунак изображён маленьким представителем партии во времена кризиса: многие хотят обещанных выплат от государства. Этот образ контрастирует с рис. 5 (после назначения), где он показывает нецензурный жест, транслируя идею, что обещанных денег не будет. На рис. 6 слова Риши Сунака о стремлении сломать барьеры для нуждающихся, тем самым помочь им, противопоставляются действиям Британской газовой корпорации, которая готова

в прямом смысле сломать двери к неплательщикам в дом. Карикатуры в данной группе отличаются разнообразием корреляционных отношений: представлены как параллельные, интерпретационные и поддерживающие отношения.

Рисунок 4.

Рисунок 5.

Рисунок 6.

3. “Щит”. В контекстах рис. 7 и 8 до назначения на должность премьер-министра, Риши Сунак изображается пассивным щитом Бориса Джонсона, премьер-министра Великобритании на тот момент. На рис. 7 эта роль подчеркивается также на вербальном уровне — *to cover my delivery shortfalls* (‘скрыть слабые стороны’, а на рис. 8 в Риши Сунака брошены пироги со словами *hypocrisy* (‘лицемерие’), и *conflict of interest* (‘конфликт интересов’) (см. дуэт комиков Лорел и Харди). После же избрания на новый пост (рис. 9), Риши Сунак занимает активную позицию щита в рамках спортивной метафоры — игры в крикет. Он быстро отбивает все несущиеся на него проблемы, представленные в виде мячей, таким образом, становясь успешным защитником. Корреляция в данной группе в основном носит интерпретационный и поддерживающий характер.

Рисунок 7.

Рисунок 8.

Рисунок 9.

Также был установлен один типичный образ, идентифицированный исключительно в первой группе карикатур:

4. **“Фокусник”**. В рамках данного метафорического образа Риши Сунак представлен, с одной стороны, как неумелый фокусник, когда дело касается решения сложных проблем: трудности с системой снабжения (рис. 10), создание рабочих мест, связанных с производством экологически чистых источников энергии (рис. 12) и проч. С другой же стороны, на Рис. 11 он ловко, как по волшебству, завладел ключами от резиденции премьер-министра Даунинг-стрит, 10 со словами *a budget for future employment* (‘бюджет для будущей должности’), предрекая своё будущее избрание на пост премьер-министра. Характерными для отобранных карикатур были параллельные и интерпретационные корреляционные связи между вербальными и невербальными компонентами.

Рисунок 10.

Рисунок 11.

Рисунок 12.

В свою очередь, исключительными образами для второй группы были определены:

5. **“Атакуемый монстрами”**. Монстры представляют собой все проблемы, с которыми столкнулся новый премьер-министр. В контексте рис. 13 этими огромными “монстрами” являются расследования разных направлений, которые преследуют Риши Сунака даже во сне. На рис. 14 мы видим призраков прошлых премьер-министров Лиз Трасс и Бориса Джонсона, которые, воспользовавшись образо-

вавшимся новостным вакуумом, которого Риши Сунак и добивался, начали давать массу интервью. Рис. 15 фокусируется на экологической повестке, в преддверии саммита ООН COP27, который уходит на второй план, ведь на горизонте осеннее обращение к народу и проблема бюджетной *black hole* ('черной дыры'). Во многих карикатурах в данной группе прагматический потенциал вербального и невербального компонентов совпадают практически полностью, также встречаются изображения с нулевой корреляцией.

6. **“Убийца”**. Риши Сунак предстает в образе убийцы в разных ситуациях, будь то его “захват” резиденции премьер-министра (рис. 16), или отказ поддержать Майкла Гоува в запрете на продажу автомобилей, работающих на ископаемом топливе, к концу десятилетия (рис. 17). На рис. 18

Рисунок 13.

Рисунок 14.

Рисунок 15.

премьер-министр представляет нового заместителя председателя партии, чьи неоднозначные взгляды изображены как куски мяса, которые Риши Сунак продает со словами *cheap red meat* ('дешевое сырое мясо'). Интересна игра слов, так как идиома *red meat* также означает политические темы, которые наверняка вызовут бурную реакцию публики. Для данной группы характерны карикатуры с параллельной, интерпретационной, реже с оппозитивной корреляцией, что способствует достижению комического эффекта.

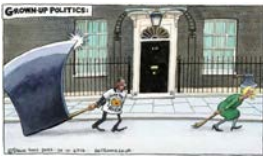

Рисунок 16.

Рисунок 17.

Рисунок 18.

7. **‘Математик’**. Образы в рамках данной модели связаны с кризисами в системе образования и здравоохранения, с которыми после избрания Риши Сунаку пришлось столкнуться. Так на рис. 19 Риши Сунак не может решить проблемы с забастовками, национальной системой здравоохранения и образованием, о чём свидетельствуют разбитые счеты и его грустный вид. На рис. 20 его поставили в угол за неэффективное решение примера на сложение, которое символизирует его пустые обещания решить проблему с нехваткой учителей. На рис. 21 он находится в своём офисе, где вместо традиционных счетов он передвигает черепа, в то время как за окном проходят забастовки в сферах уже упомянутых ранее. В данной группе частотными являются креолизованные тексты с нулевой, поддерживающей и интерпретационной корреляцией.

Рисунок 19.

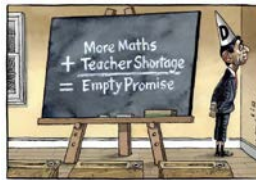

Рисунок 20.

Рисунок 21.

Можем сделать вывод, что метафорические образы карикатур англоязычных СМИ, применяемые к Риши Сунаку после его вступления в должность премьер-министра Великобритании, действительно становятся более провокационными и приобретают более выраженную отрицательную

коннотацию. В рамках моделей, присущих обоим периодам, образы становятся более эксплицитными и гипертрофированными. А частотная модель до избрания “фокусник” сменяется на “атакуемый монстрами”, “убийца” и “математик” после, показывая неспособность премьер-министра справиться со многими трудностями в ключевых областях.

Большинство обнаруженных карикатур транслирует корреляционные отношения семантического дополнения и поддержки, при этом один из компонентов (как вербальный, так и невербальный) способен акцентировать внимание реципиента на каком-либо наиболее значимом для понимания аспекте. Также достаточно широко представлены креолизованные тексты, в которых между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе, то есть интерпретационная корреляция. Несколько реже встречаются карикатуры с оппозитивной корреляцией, и в подобных случаях деятельность Риши Сунака преподносится с точки зрения сатиры или иронии за счет комического эффекта. Самыми малопредставленными оказались карикатуры с нулевой корреляцией, в которых визуальный компонент играет доминирующую роль, но позволяет в полной мере донести прагматический смысл до реципиента.

Список литературы:

1. Балакина Ю.В. Политическая карикатура в зарубежных медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 2021. С. 95–115. [Balakina, Julia. V. 2021. Politicheskaja karikatura v zarubezhnyh media (Political cartoons in foreign media). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika (Bulletin of Moscow University: Journalism)*, 95–115.]
2. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 194 с.

- [Voroshilova, Maria B. 2013. *Politicheskij kreolizovannyj tekst: kljuchi k prochteniju (Political creolized text: keys to understanding)*. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.]
3. Дзюба Е. В. Образы представления мигрантов в чешском политическом плакате // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике, 2016. С. 254–260. [Dziuba, Elena. V. 2016. *Obrazy predstavlenija migrantov v cheshskom politicheskom plakate (Images of migrants in the Czech political poster)*. *Vizual'naja komunikacija v sociokul'turnoj dinamike (Visual communication in sociocultural dynamics)*, 254–260.]
 4. Mansoor, S. *How the World is Reacting to Rishi Sunak, the U.K.'s Next Prime Minister*. 2022. URL: <https://time.com/6224407/rishi-sunak-prime-minister-world-reactions/>. [Online] Available from: <https://time.com/6224407/rishi-sunak-prime-minister-world-reactions/>. (Accessed: 15.09.2023).
 5. Smith, M. *As he becomes PM, what do people think of Rishi Sunak?* 2022. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2022/10/25/he-becomes-pm-what-do-people-think-rishi-sunak>. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2022/10/25/he-becomes-pm-what-do-people-think-rishi-sunak>. (Accessed: 15.09.2023).
 6. Smith, M. *Late August saw Rishi Sunak's favourability slip to lowest level as PM*. 2023. URL: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2023/09/11/late-august-saw-rishi-sunaks-favourability-slip-lo>. [Online] Available from: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2023/09/11/late-august-saw-rishi-sunaks-favourability-slip-lo>. (Accessed: 15.09.2023).
 7. Soni, M. *Watch: 'Rishi Sunak not British' says 'racist' caller on UK show. Host responds*. 2022. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/indianorigin-rishi-sunak-racism-boris-johnson-racism-uk-prime-minister-news-watch-rishi-sunak-not-british-says-racist-caller-on-uk-show-host-responds-101666544313887.html>. [Online]

Available from: <https://www.hindustantimes.com/world-news/indian-origin-rishi-sunak-racism-boris-johnson-racism-uk-prime-minister-news-watch-rishi-sunak-not-british-says-racist-caller-on-uk-show-host-responds-101666544313887.html>. (Accessed: 15.09.2023).

Сведения об авторах:

Дымова Алена Вячеславовна, к. филол. н., доцент,
Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия;
email: dym.alyona@yandex.ru

Золотайко Анастасия Игоревна, к. филол. н.,
преподаватель, Уральский юридический институт МВД
России, Екатеринбург, Россия; email: liani@list.ru

Карева Виктория Юрьевна, ст. преподаватель, Уральский
федеральный университет, Екатеринбург, Россия; аспирант,
Университет Йювяскюля, Йювяскюля, Финляндия;
email: viktoriya-aksy@yandex.ru

**CONNOTATIVE VECTOR OF REPRESENTATION OF BRITISH
PRIME MINISTER RISHI SUNAK IN ENGLISH-LANGUAGE
NEWS CARTOONS**

Alyona V. Dymova

Candidate of Philology, Associate Professor, Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia; email: dym.alyona@yandex.ru

Anastasia I. Zolotaiko

Candidate of Philology, Lecturer, Ural Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg, Russia;
email: liani@list.ru

Victoria Yu. Kareva

Senior Lecturer, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia;
Postgraduate Student, University of Jyväskylä, Jyväskylä, Finland;
email: viktoriya-aksy@yandex.ru

Abstract

This article is devoted to the study of the representation of British Prime Minister Rishi Sunak, namely the connotative vector of perception of this image set by English news publications. The purpose of the research is to study the image of this politician formed in the English-language media with the help of political cartoons and to evaluate the direction of the transmitted ideas. The methods used in the study: description, comparison, content analysis, cognitive-discourse analysis. The practical material includes 152 political cartoons selected by continuous sampling and divided into two groups — those released before October 25, 2022 (taking office) and those after this date. Common to both groups are the metaphorical images of “rich man”, “debtor”, and “shield”. The typical images identified only in the first group are “magician”, and in the second — “attacked by monsters”, “killer”, “mathematician”. It is noteworthy that the connotative vector of Rishi Sunak’s representation is predominantly negative. Thus, a politician is most often depicted with exaggerated facial features (nose, chin, ears, etc.), facial expression (angry, arrogant, smug, etc.) and, at the same time, the cognitive antithesis “big — small” is applied to him which makes Rishi Sunak seem insignificant compared to other objects.

Keywords: creolized text, cartoons, Rishi Sunak, connotation, metaphorical image, news publications.

Дискурсивные стратегии как инструмент формирования общественного мнения

(на примере статей из “Экономист”)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

Н. И. Климович

Аннотация

Цель исследования состоит в выявлении общего и особенного в лингвистической основе коммуникационно-прагматической направленности политического дискурса, формирующего общественное мнение. Материалом для работы являются тексты, тематически объединённые семей ‘протест’. Исследовательский инструментарий включает методы сопоставления, анализа дискурсивных стратегий, лексико-семантических полей, лингвостатистики. Дискурсивные стратегии составляют предмет исследования. Референциальная стратегия включает событийно-фактический план описываемых событий. Коннотативная стратегия оперирует эмоционально-экспрессивной и оценочной лексикой. Стратегии усиления, нейтрализации и умолчания обеспечивают желаемый баланс фактов, эмоций и оценок. Исследование начинается с определения центральных лексико-семантических полей (ЛСП) на основе заголовков и подзаголовков и сопоставления их номенклатуры. Затем сравниваются референциальные и коннотативные компоненты ЛСП и способы достижения целевого воздействия на аудиторию. Результаты работы позволяют сделать два вывода: осуждение или одобрение протеста и действий правительства определяется степенью дружелюбности-недружелюбности между странами; западная журналистика перестаёт следовать принципам объективности и равноудалённости при описании событий и превращается в инструмент манипулирования обще-

ственным мнением. Данная методика применяется в преподавании курсов политологии, международных отношений.

Ключевые слова: политический дискурс, дискурсивные стратегии, сопоставительная лингвистика.

Сопоставительные исследования дискурсивных стратегий, используемых при описании схожих событий в разных странах, позволяют исследовать сходства и различия в лингвистической основе прагматического функционала политического дискурса.

Методологическую основу составляют положения о нераздельности идеологии и дискурса [Dijk 2002], теория дискурсивных стратегий [Reisigl, Wodak 2017], исследования коммуникационной стратегии новостного дискурса [Dijk 1985], теория лексико-семантических полей, принципы лингвостатистики.

Результаты исследования. Первая статья “The rule of law in Hong Kong” опубликована 13.06.2019 под рубрикой “People v power” и имеет подзаголовок “Huge demonstrations have rattled the territory’s government—and the leadership in Beijing”. Название статьи и подзаголовок называют два главных лексико-семантических поля (ЛСП) статьи: ‘demonstrations’, ‘rule of law’.

Вторая статья “Protest against Emmanuel Macron’s pension reform turn violent” опубликована 24.03.2023 под рубрикой “Europe | Ugliness is in the street” и имеет подзаголовок “Why the French are in revolt? “. Название статьи определяет два главных ЛСП: ‘protests’, ‘Emmanuel Macron’.

Сопоставление текстов по номенклатуре ЛСП свидетельствует о сходстве их смысловых структур: протест и закон. Президент Франции как высшее должностное лицо государства является гарантом верховенства закона.

Сравнение ЛСП 'demonstrations' и 'protests'.

Первая статья. Референциальная стратегия ЛСП 'demonstrations' включает в текст следующие факты: hundreds of thousands 'количество участников', rocked Hong-Kong 'нарушение функционирования городской инфраструктуры', young 'возраст участников протестов', this week 'время протестов', their unhappiness at Beijing's heavy hand 'недовольство молодёжи правлением Пекина', rubber bullets, tear gas and legal retribution 'насилие со стороны властей'.

Коннотативная стратегия подчеркивает массовость и ожесточённость протеста: *the biggest demonstration since ... 1997, the protests have turned possibly more violent since ... 1967*. Стратегия усиления проявляется в употреблении прилагательных в сравнительной и превосходной степени и указании периодов времени. Текст восхищается храбростью демонстрантов: *demonstrators braved rubber bullets*. Но, и здесь вступает в действие стратегия умолчания, текст ничего не говорит о том, что вынудило правоохранителей применить спецсредства.

Вторая статья. Референциальная стратегия ЛСП 'protest' выделяет следующие черты протеста: March the 23rd 'дата протеста', 903 acts of arson in Paris 'количество случаев поджога в Париже', 457 people were arrested 'количество арестованных участников протестов', 441 policemen and gendarmes injured in clashes 'количество раненых правоохранителей' и ряд других. Стратегия усиления проявляется в виде статистической информации об актах и результатах насилия.

Коннотативная стратегия рисует жестокую и отталкивающую картину того, что происходило на улицах городов Франции во время беспорядков. Стратегия описывает формы протеста: *protest, riot, strike, unrest, mob, clashes*; виды насилия: *arson, torch, set alight, arrest, injure, destruction*. Коннотативная

стратегия выражает отношение к событиям тремя лексемами: *ugliness* включена в рубрику, *violent* в заголовок, *nasty* в последнем абзаце завершает картину.

Текст описывает настроение протестующих и общественное мнение, используя лексемы *fury, angry, anger, revolt*. Текст применяет средства усиления негативного образа: если *destruction, to willful*; если *agitators, to hardcore*.

Стратегия усиления проявляет себя в виде синонимических рядов при описании ситуации на улицах, протеста, насилия и настроений в обществе.

Выводы. Сопоставление коммуникационно-прагматических функционалов ЛСП ‘demonstrations’ и ‘protest’ свидетельствует об их полном несовпадении. Текст о протестах в Гонконге обходит молчанием факты протестного насилия, акцентирует внимание на жёстких действиях правоохранителей и оправдывает протест. Текст о протестах во Франции изобилует фактами протестного насилия, рисует неприглядную картину городских улиц и осуждает протест.

Сравнение ЛСП ‘rule of law’ и ‘Emmanuel Macron’.

Первая статья. Референциальная стратегия ЛСП ‘rule of law’ включает в текст два события: *murder* ‘резидент Гонконга якобы убил свою девушку на Тайване’ и *extradition* ‘закон о выдаче Гонконгом лиц, подозреваемых в совершении преступлений другим странам, включая КНР’. Последнее послужило поводом для массовых протестов.

Коннотативная стратегия оперирует тремя ключевыми лексемами *implications, disastrous, threat*. Стратегия усиления проявляется в том, что каждая из них получает смысловое развитие в отдельном абзаце, и в том, что текст использует исключительно сильную в эмоционально-оценочном отношении лексику для создания максимально негативного образа правовой системы и руководства КНР. Последствия при-

нения закона будут катастрофическими. Дискурс доказывает существование такой угрозы, наделяя правовую систему Китая следующими чертами: Communist Party ... will tolerate no more insubordination ‘нетерпимость’; vagaries of the Chinese legal system ‘непредсказуемость’; the rule of law ranks below the rule of the party ‘подчинённость КПК’; silence, harass, detain independent lawyers and activists; send thugs to other jurisdictions to abduct people ‘использование неправовых методов’. Mr Xi ...cares little for the rule of law ‘Китай игнорирует верховенство права’ — вывод, к которому подводит читателя текст.

Вторая статья. Событийно-фактический арсенал, которым оперирует референциальная стратегия ЛСП ‘Emmanuel Macron’, обширен: Macron’s decision to raise the retirement age from 62 years to 64 ‘решение о повышении пенсионного возраста’; Mr Macron decided to bypass a regular vote, using article 49.3 of the constitution ‘применение статьи 49.3 конституции, чтобы избежать парламентского голосования по пенсионной реформе’; it survived two parliamentary votes of no-confidence ‘победа правительства в двух парламентских голосованиях по вопросу о недоверии правительству’; Macron vowed not to give in to violence ‘обещание президента не уступать давлению протестующих’; Macron’s popularity rating had fallen to 28%, its lowest point since 2019 ‘самый низкий уровень популярности президента с 2019 г.’.

Коннотативная стратегия подчёркивает, что большинство французов возмущены пенсионной реформой и её инициатором: the French are simply rejecting *en masse* the idea that they should retire later ‘народ отвергает её’; public opinion is against Mr Macron’s proposal ‘общественное мнение против пенсионной реформы’; the fury is directed above all against the way that the legislation was forced through parliament ‘гнев народа направлен против парламентской процедуры принятия

закона'; a leader who is often seen as disconnected and out of touch 'президент далёк от народа'.

При описании негативных характеристик вступает в действие стратегия нейтрализации эмоционального воздействия: many European countries with similarly ageing populations have already increased their pension ages 'многие европейские страны уже увеличили пенсионный возраст'; the use of article 49.3 is perfectly legal 'применение статьи 49.3 абсолютно законно'; Macron seems set to try to ride it out 'президент контролирует ситуацию', the president needs to make a better effort at reconnecting with people, and showing them that he can listen 'президенту надо приложить больше усилий, чтобы стать ближе к народу'.

Выводы. Коммуникативно-прагматические функционалы ЛСП 'rule of law' и 'Emmanuel Macron' противоположны. Поводом для протеста в обеих странах стали новые законы. Закон об экстрадиции был инициирован администрацией Гонконга, однако текст подвергает порицанию и критике правовую систему и правительство Китая, не причастных к этому закону и насилию, связанному с его принятием. Во Франции пенсионный закон также был предложен высшей властью, и текст считает действия президента по принятию закона и подавлению протестов, вызванных им, легитимными и одобряет их.

Проведённое исследование свидетельствует, что западная журналистика перестаёт следовать принципам объективности при описании событий и превращается в инструмент манипулирования общественным мнением.

Список литературы:

1. Dijk, Teun A. Van. 2002. Political discourse and ideology. In: *Doxa Comunicación Revista interdisciplinar de estudios de comunicación*

- y *ciencias sociales*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/238523472_Political_discourse_and_ideology (accessed: 12.01. 2023).
2. Dijk, Teun A. Van. 1985. Structures of News in the Press. In: *Discourse and Communication: New Approaches to the Analysis of Mass Media Discourse and Communication*, edited by Teun A. van Dijk, Berlin, New York: De Gruyter, pp. 69–93. Available from: <https://doi.org/10.1515/9783110852141.69> (accessed: 15.01.2023).
 3. Reisigl, Martin, Wodak, Ruth. 2017. The Discourse-Historical Approach (DHA). In: *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies*. / Ed. John Flowerdew, John E. Richardson. 2018, p. 87–121.

Сведения об авторе:

Климович Николай Иванович, к. филол. наук, доцент,
доцент, МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: n.klimovich@inno.mgimo.ru

DISCURSIVE STRATEGIES AS A TOOL FOR FORMING PUBLIC OPINION EVIDENCED BY ARTICLES FROM THE ECONOMIST Nikolay N. Klimovich

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University,
Moscow, Russia;
email: n.klimovich@inno.mgimo.ru

Abstract

The purpose of the research is to identify the general and special in the linguistic basis of the communication and pragmatic orientation of the political discourse that shapes public opinion. The work is based on the texts thematically united by the theme 'protest'. Research tools include methods of comparison, analysis of discourse strategies, lexical-semantic fields, and linguistic statistics. The re-

search focuses on discursive strategies. The referential strategy includes an event-factual plan of the events being described. The connotative strategy works with emotionally expressive and evaluative vocabulary. Strategies of amplification, neutralization and silence provide the desired balance of facts, emotions and assessments. The study begins with identifying central lexical-semantic fields (LSFs) based on headings and subheadings and comparing their nomenclature. Then the referential and connotative components of the LSF and the ways to achieve the target impact on the audience are compared. The results of the work allow us to draw two conclusions: condemnation or approval of protest and government actions is determined by the degree of friendliness or unfriendliness between countries; Western journalism ceases to follow the principles of objectivity and equidistance when describing events and turns into a tool for manipulating public opinion. This methodology is used in teaching courses in political science, international relations.

Keywords: political discourse, discursive strategies, comparative linguistics.

Медицинская метафора в медийном политическом дискурсе

(на материале английского языка)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

И. Н. Коренецкая

Аннотация

В статье рассматривается медицинская лексика, которая формирует метафорическую систему современного политического медийного дискурса. Цель исследования — установить специфику функционирования медицинских метафор в англоязычном политическом дискурсе СМИ и их роль в формировании и репрезентации картины мира. Материалом исследования послужили новостные тексты интернет-изданий “CNN”, “Global Times”, “The Economist”, “CGTN” и др. Методами исследования стали следующие: метод сплошной выборки, метод семантического, стилистического анализа и дискурс-анализ, дескриптивные методы системного анализа языковых явлений, компонентный анализ лексического значения. В рамках данного исследования принята попытка классифицировать медицинские метафоры медийного дискурса по нескольким семантическим группам. Выявлено, что медицинская лексика является существенной базой для формирования политических метафор. Результаты исследования подтверждают активное использование медицинской метафоры в политическом дискурсе, где она выступает в качестве сильного коммуникативного инструмента, освещающего социальные проблемы и способствующего влиянию на общественное мнение.

Ключевые слова: медицинская метафора, медийный политический дискурс, заболевания и лечение, операции

и хирургические процедуры, лекарства и дозировка, вирусы и заражения.

Медицинская метафора в медийном политическом дискурсе на английском языке широко используется как эффективная стратегия коммуникации. Она позволяет описывать и анализировать политические процессы, проблемы и действия, перенося значения и концепции из медицинской сферы на политический контекст.

Работы Дж. Лакоффа [Лакофф 1990], Дж. Чартерис-Блэка [Чартерис-Блэк 2006], А. П. Чудинова [Чудинов 2013] и др. подчёркивают значимость метафоры как инструмента понимания политических процессов и эффективного воздействия на аудиторию.

Медицинская метафора в медийном политическом дискурсе используется для оценки политических процессов с позиции здоровья, болезни, диагноза и лечения. Она создает эмоциональную окраску и эффективно воздействует на аудиторию, подчеркивая проблемность и способы решения политических вопросов.

В медийном политическом дискурсе на английском языке можно выделить две основные модели медицинской метафоры: 'политика — болезнь' и 'политика — медицина' [Стоянова 2011].

Метафора из сферы медицины стала активным инструментом в политическом дискурсе, как в работах отечественных, так и в работах зарубежных авторов.

В межкультурном сравнении, в исследовании Ш. Такаши рассматривается применение медицинской метафоры в политических текстах позднесредневековой Европы и Токугава Японии [Такаси 2008]. Европейская концепция медицинского лечения, рассматриваемая как искоренение причин

болезней, расширяла принудительные и наказательные аспекты правления. С другой стороны, японское понимание медицинского лечения как искусства ежедневного здравоохранения подчеркивало роль правительства в предотвращении конфликтов и поддержании стабильности.

Отечественные исследования также подтверждают активное использование медицинской метафоры в современных медиа и политическом дискурсе. Е. Стоянова подчеркивает, что медицинская метафора сегодня демонстрирует проблемы и болезненные условия общества, предлагает диагностику и назначает лечение [Стоянова 2011]. В исследовании А.Д. Фоминых рассматриваются особенности функционирования медицинской терминологии в общественно-политическом дискурсе, ключевой функцией которой является убеждение и эмоциональное воздействие [Фоминых 2018].

В качестве первоначального этапа нашего исследования был выполнен анализ текстов, содержащих политические выступления, интервью, статьи и комментарии для выявления метафорических выражений, связанных с медицинской тематикой.

В ходе исследования была проведена классификация медицинских метафор, используемых в политическом дискурсе на английском языке. Основываясь на анализе англоязычных медиатекстов, была выделена следующая классификация медицинских метафор в политическом дискурсе: 1) метафоры, связанные с заболеваниями и лечением, 2) метафоры, связанные с операциями и хирургическими процедурами, 3) лекарства и дозировка, 4) вирусы и заражения, 5) метафоры, связанные с диагнозом и оценкой состояния.

Приведем примеры метафор по каждой из выделенных групп классификации, представленной выше, и подробно рассмотрим по одному из примеров каждой группы:

1. Метафоры, связанные с заболеваниями и лечением:
Например, метафора “Injecting funds into the system” [China cuts benchmark lending rate LPR to stimulate economic growth. Global Times. <https://www.globaltimes.cn/page/202306/1292906.shtml>, 20.06.2023] используется для описания действий китайского правительства по снижению процентных ставок в целях стимулирования экономического роста. Метафора создает ассоциацию с медицинскими инъекциями, подчеркивая неотложность и силу действия.
2. Метафоры, связанные с операциями и хирургическими процедурами:
Например, метафора “Surgical precision” [North Carolina voter ID law is struck down as racially discriminatory. Economist. <https://www.economist.com/democracy-in-america/2016/08/01/north-carolina-voter-id-law-is-struck-down-as-racially-discriminatory>, 01.08.2016] используется для описания законодательных мер, направленных на подавление голосов чернокожих избирателей в Северной Каролине. Судебное решение отмечает, что множество положений закона “целенаправленно нацелены на афроамериканцев с почти хирургической точностью”. Данная метафора создает образ точности и целенаправленности, подчеркивает негативные последствия и расовую дискриминацию.
3. Метафоры, связанные с лекарствами и дозировкой:
Пример метафоры “Dose of reality” из текста, опубликованного на сайте CNN [Lowry, B. Tony Awards collide with ‘a hideous dose of reality’. CNN. <https://money.cnn.com/2016/06/13/media/tony-awards-orlando-shooting/index.html>, 13.06.2016], используется для описания ситуации, когда противостояние реальной трагедии сталкивается

с праздничной атмосферой церемонии вручения премий Тони. В связи с терактом в Орландо, организаторы церемонии посвятили её жертвам. Метафора создает образ ситуации, когда реальная трагедия встречается с поверхностной банальностью, подчёркивая неприятность и несоответствие данных двух аспектов.

4. Метафоры, связанные с вирусами и заражением: Метафора “Political virus” [‘Political virus’ is as harmful as coronavirus. CGTN. <https://news.cgtn.com/news/2021-08-11/-Political-virus-is-as-harmful-as-coronavirus-12Dni3TOMjC/index.html>, 11.08.2021] используется для подчеркивания опасности идеологического предубеждения и двойных стандартов, которые могут быть также вредны, как и физический вирус. В данном контексте, метафора создает образ политического вируса, который разделяет общество и оказывает негативное влияние.
5. Метафоры, связанные с диагнозом и оценкой состояния: Метафора “Diagnosing the problems” [Lowry, B. Tony Awards collide with ‘a hideous dose of reality’. CNN. <https://money.cnn.com/2016/06/13/media/tony-awards-orlando-shooting/index.html>, 13.06.2016], подчёркивает выявление и анализ проблем для улучшения экологии и окружающей среды. В данном тексте описывается кампания по проведению экологических инспекций в Китае, которая помогает выявить проблемы, связанные с влиянием местных правительств на природные экосистемы.

Анализ контекстуального значения данных метафор позволил выявить их эффекты и воздействие на аудиторию. Метафоры, связанные с заболеваниями и лечением, используются для описания опасных и разрушительных явлений, требующих немедленного вмешательства и борьбы. Они создают образы заболеваний, которые подрывают стабильность

и вызывают негативные последствия, акцентируя внимание на необходимости принятия мер для их устранения и восстановления здоровья.

В контексте точности и целенаправленности действий активно применяются метафоры, связанные с операциями и хирургическими процедурами. Они подчёркивают осуществление тщательно продуманных и целенаправленных мер для достижения конкретных целей, помогая создать образы хирургической точности и осознанности в принятии решений.

Метафоры, связанные с лекарствами и дозировкой, акцентируют значение адекватной дозировки и применения правильных средств для решения проблем и достижения желаемых результатов, формируя представление о необходимости точного подхода к решению проблемы и правильного выбора стратегии.

Метафоры, связанные с вирусами и заражениями, служат для описания распространения и влияния определённых идей, практик или явлений. Создавая образы заразных болезней, которые могут быстро распространяться и оказывать отрицательное влияние на общество или систему, данные метафоры подчёркивают необходимость принятия мер для предотвращения распространения и негативного влияния таких 'вирусов'.

Наконец, метафоры, связанные с диагнозом и оценкой состояния, помогают в анализе проблем и оценке текущего состояния для определения дальнейших действий. Они отмечают значение аналитического подхода и выработки конкретных рекомендаций на основе оценки ситуации, формируя образы диагностики и оценки состояния, которые способствуют принятию информированных и обоснованных решений.

Так, медицинская метафора в медийном политическом дискурсе на английском языке помогает образно и эффек-

тивно передавать сложные концепции и вызывать эмоциональные реакции у аудитории. Понимание и анализ данных метафор позволяет лучше понять воздействие политического языка и использование метафор в формировании общественного мнения и восприятия политических процессов.

Список литературы:

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. Под ред. Н.Д. Арутиновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415. [Lakoff, Dzh. Metaforы, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. *Teoria Metaforы (Metaphor theory)*; edited by N.D. Arutjunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow: Progress, 1990. 387–415.]
2. Стоянова Е. Медицинская метафора в медийном дискурсе (на материале русского и болгарского языков) // Филологические заметки. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-metafora-v-mediynom-diskurse-na-materiale-russkogo-i-bolgarskogo-yazykov> (дата обращения: 04.07.2023). [Stoyanova, Elena 2011. Medicinskaya metafora v medijnom diskurse (na materiale russkogo i bolgarskogo yazykov) (Medical metaphor in media discourse (based on the Russian and Bulgarian languages). *Filologicheskie zametki (Philological notes)*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-metafora-v-mediynom-diskurse-na-materiale-russkogo-i-bolgarskogo-yazykov>. (Accessed: 04.07.2023).]
3. Фоминых А.Д. Медицинская терминология как способ метафоризации в общественно-политическом дискурсе английского языка // Казанский лингвистический журнал. 2018. №3 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-terminologiya-kak-sposob-metaforizatsii-v-obschestvenno-politicheskom-diskurse-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 04.07.2023). [Fominyh, Anna D. 2018. Medicinskaya terminologiya kak sposob metaforizatsii v obshchestvenno-politicheskom di-

skurse anglijskogo yazyka (Medical terminology as a way of metaphorization in the socio-political discourse of the English language). *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal (Kazan linguistic journal)*. [Online] Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-terminologiya-kak-sposob-metaforizatsii-v-obshchestvenno-politicheskom-diskurse-anglijskogo-yazyka> (Accessed: 04.07.2023).]

4. Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с. [Chudinov, Alexander P. 2013. *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii: Monografiya (Essays on modern political metaphorology: Monograph)*. Ural. gos. ped. un-t. Ekaterinburg.]
5. Charteris-Black, J. *Politicians and Rhetoric: The Persuasive Power of Metaphor*. London: Palgrave Macmillan, 2006.
6. Shogimen, Takashi. Treating the Body Politic: The Medical Metaphor of Political Rule in Late Medieval Europe and Tokugawa Japan. *The Review of Politics*, vol. 70, no. 1, 2008, pp. 77–104. JSTOR. [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/20452958>. Accessed: 04.08.2023.

Сведения об авторе:

Коренецкая Ирина Николаевна, к. пед. н., доцент,
Псковский государственный университет, Псков, Россия;
email: i.korenetskaya@pskgu.ru

MEDICAL METAPHOR IN MEDIA POLITICAL DISCOURSE (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Irina N. Korenetskaya

Korenetskaya Irina Nikolaevna, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Pskov State University, Pskov, Russia;
email: i.korenetskaya@pskgu.ru

Abstract

This article explores medical vocabulary, which forms the metaphorical system of modern political media discourse. The purpose of the study is to establish the specifics of functioning of medical metaphors in the English-language political discourse of the media and their role in the formation and representation of the image of the world. The research material was newspaper texts from the Internet publications “CNN”, “Global Times”, “The Economist”, “CGTN”, etc. The research methods were the following: continuous sampling method, semantic method, stylistic method analysis and discourse analysis, descriptive methods of systemic analysis of linguistic phenomena, component analysis of lexical meaning. This study makes an attempt to classify medical metaphors in media discourse into several semantic groups. It has been revealed that medical vocabulary is an essential basis for the formation of political metaphors. The results of the study confirm the active use of the medical metaphor in political discourse, where it acts as a powerful communication tool emphasizing the role of government, highlighting social problems and helping to influence public opinion. The research findings confirm the active usage of medical metaphor in political discourse, where it serves as a powerful communicative tool, addressing social issues, and influencing public opinion.

Key words: medical metaphor, media political discourse, diseases and treatment, surgeries and surgical procedures, medications and dosage, viruses and infections.

Деструктивная акциональность в этнополитическом пространстве

(на примере семантической составляющей
устойчивого выражения **крестовые походы**)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.161.1

С. А. Коренькова

Аннотация

В данной статье рассматривается метафорическая проекция деструктивной акциональности на фоне этнополитических процессов, полноту которых раскрывают геополитонимы, так как в них заложены характеристики сразу нескольких сфер: терпимость, идеология, менталитет, история и т. д. Цель данной работы — раскрыть метафорические образования деструктивности в этнополитическом пространстве на примере устойчивого выражения *крестовые походы*. Предметом исследования являются особенности проявления деструктивной семантики акциональности в этнополитическом коде культуры в результате модификации исторически сложившейся метафоризации. Применяемый метод исследования, базирующийся на лингвокультурологическом анализе фразеологических единиц, раскрывает семантическую акциональность деструктивности в этнополитическом пространстве. Анализируя образ деструктивной акциональности в этнополитическом пространстве, наблюдается метафорическая проекция в плане выражения. Исследование позволило выделить модификация метафоры исторически сложившегося ассоциативного образа устойчивого оборота *крестовые походы*. Результаты исследования могут быть апробированы в рамках курсов по языкознанию и приведены в учебно-методических / методических пособиях.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое выражение, метафора, деструктивность, акциональность, модификация.

Суммарный потенциал этнополитических процессов, происходящих на протяжении истории человечества, способен влиять на этнополитическую ситуацию в мире, так как в таких процессах заложены факторы различного характера: терпимость, идеология, менталитет, история и т. д. Как правило, этнополитическое течение раскрывается в следующих направлениях: *конструктивность* (призыв к мирному урегулированию сложившейся конфликтной ситуации) и *деструктивность* (призыв к конкретным превентивным мерам при разрешении противоречий). В данной статье делается акцент на *деструктивную* акциональность в этнополитических процессах, чья семантика раскрывается благодаря фразеологическим оборотам, в силу того, что они несут закодированную информацию о специфике модели и жизненного уклада этноса с течением времени [Телия 1996: 217].

Специфику этнополитических процессов раскрывает такой термин как *геополитоним* — многомерный конструкт реалий современного мира. Опираясь на тот факт, что исходное значение определённого устойчивого оборота может модифицироваться с течением времени или полностью исчезнуть, а его ассоциативное значение будет продолжать порождать новые ономапространства [Карбулатова 2014: 488], стоит отметить, что данный вопрос в области фразеологии является малоизученным и актуальным. Образование таких пространств на основе исходных ассоциативных образов возникает на фоне метафорических проекций, которые отражают элементы источника в элементы цели [Лакофф, Джонсон 2004: 120].

Анализ образа деструктивной акциональности в этнополитическом пространстве, который служит второстепенным

разъяснением того, что создано фразеологической картиной мира, позволил выделить метафорическую проекцию в плане выражения [Василенко 2022: 13–14].

Фразеологизм *крестовые походы* [Погорелый 2010: 289] берёт свое начало в XI–XIII вв. во время освобождения западно-европейских христианских святынь от покровительства мусульман (далее от еретиков и язычников) на Востоке [Евгеньева 1986: 128] и включает в себя два адъективных компонента *крестовый* — образованный от имени существительного *крест* [там же] и *поход(ы)* — передвижение групп(ы) людей с определёнными целями [Евгеньева 1986: 340]. Следовательно, устойчивое выражение *крестовый(е) поход(ы)* раскрывает перемещение из точки А в точку В с конкретными стремлениями, отражая концептуальное содержание ‘путешествие’. Отметим, что исходный фразеологический оборот *крестовые походы* тесно связан и прокламирует ассоциативные образы церкви. Вследствие этого, устойчивое выражение *крестовые походы* исторически раскрывает подчинение стороны Y стороне X посредством преследования духовных (церковных) целей, вероисповедания в ответ на сложившуюся на фоне конфликтную ситуацию. Здесь ключевым аспектом концептуального содержания ‘путешествие’ является путь, который преследует определённую цель, направленную на получение конкретного результата.

На современном этапе исторического развития фразеологизм *крестовые походы* отражает гиперболизацию образа с квантифицированным расширением исходных характеристик, раскрывая семантику ‘борьбы против чего-то’ на данном этапе продвижения. Так, глава МИД РФ выразил свою обеспокоенность по поводу современной ситуации в мире, а в точности, деструктивными действиями США по отношению к РФ (апрель, 2023 г.), прибегая к использованию фразеологического оборота *крестовый поход* [Лавров заявил, что

США объявили крестовый поход против России. РИА Новости. <https://ria.ru/20230420/ssha-1866737994.html?ysclid=lk-wubtl112452305992>, 20.04.2023]. В данном контексте употребления устойчивое выражение *крестовый поход* не имеет ассоциативной связи с церковью, а раскрывает деструктивность действий против культуры и законных интересов РФ, тем самым гиперболизируя образ исторически сложившегося фразеологизма, расширяя при этом духовные характеристики, акцентируя внимание на политических интересах и увеличивая ареал, распространяясь на многонациональную культуру РФ (в частности — христианство).

Анализируя устойчивый оборот *крестовый поход* на современном этапе его модификации, стоит отметить, что при расширении его концептуального содержания метафоры ‘путешествие — путь’ преобразовалось в ‘путешествие — вместилище’, транслируя акциональность на содержании конфликтной ситуации, а не её конечного развития. Исходя из речи главы МИД РФ “...избрав в качестве боевого наконечника киевский нацистский режим...” [там же], следует подчеркнуть тот факт, что в данной сложившейся ситуации также наблюдается семантика ‘увеливания/манипуляции’, которая отражается в устойчивом выражении *боевой наконечник* [там же]. Здесь сторона X страшит сторону Y посредством манипулирования стороной Z, призывая сторону Z к конкретным действиям, преследуя цели имплицитно.

В англоязычной культуре существует схожий фразеологический оборот, имеющий деструктивную направленность *holy war/crusades* (англ.: священная война / крестовые походы). Устойчивый оборот *holy war* состоит из двух компонентов: *holy* — относящийся к какой-либо религии [Collins 2015: 324] и *war* — вооружённое столкновение между государствами, сопровождаемое жертвами [там же: 758]. Следовательно, исходный фразе-

ологизм *holy war* несет в себе семантику ‘вооружённого столкновения во имя духовных целей’ (путешествие — путь), а именно: сторона X подчиняет сторону Y, не скрывая своих намерений. Аналогичное выражение *crusades* (англ.: ‘компания в защиту’, крестовые походы) произошло от испанского *cruzar* (исп.: ‘братъ крест’), исторически отражает экспедиции по возвращению Святой Земли из-под эгиды мусульман (путешествие — путь) [там же: 163], раскрывая при этом метафоризацию ‘освобождения’. Наблюдается схожий сценарий, как и с устойчивым выражением *holy war*, но в данном случае задействован ассоциативный образ не ‘пленения’, а ‘избавления’.

В примере *Prigozhin’s bitter public crusade against Shoigu* (букв.: ‘ожесточённый публичный крестовый поход Пригожина против Шойгу’) [Luke Hardin. The Wagner rebellion has been called off but Putin has never looked weaker. The Guardian. <https://www.theguardian.com/world/2023/jun/24/even-if-wagner-rebellion-fails-putins-presidency-has-never-looked-weaker>, 24.07.2023] на первый взгляд раскрывается семантика ‘узурпации’ или ‘абдикации’, но контекст данного устойчивого оборота несёт антитезу уничтожения и раскрывает метафоризацию ‘защиты и отстаивания интересов’. В данном случае не задействованы сторонние акторы, следовательно, концептосфера такого устойчивого оборота существенно сужается, приобретая метафорическое значение ‘путешествие — путь + путешествие — вместилище’.

Политический и стратегический аналитик Китая А. Азам в своем интервью газете “Чайна Дэйли” (China Daily) затронул употребление фразеологического оборота *imperial crusades* [Azhar Azam. World has had enough of US imperial crusades. China Daily. <https://www.chinadaily.com.cn/a/202303/29/WS6423a6efa31057c47ebb7359.html>, 29.03.2023]. Данное устойчивое выражение имеет два субстантивных компонента: *imperial* — ‘связан-

ный с империей' (величественный) [Oxford Dictionary], и *crusades* — 'прекращение чего-то, что считается неверным' [там же]. Следовательно, в широком смысле, оборот *imperial crusades* захватывает обильный ареал распространения и является тем самым незаменимым винтиком в системе, что хорошо отражается в высказывания политического аналитика Китая. Анализируя фразеологический оборот *imperial crusades* в таком контексте, стоит отметить, что здесь он употребляется достаточно распространённо. Например, с одной стороны, устойчивый оборот *imperial crusades* несёт семантику 'достижения глобальных внешнеполитических целей любой ценой' стороной X во всем мире, сравнивая данное выражение с другим устойчивым оборотом *Arsenal of Democracy* (англ.: Арсенал демократии), что сопоставимо с планами Наполеона (путешествие — путь). С другой стороны — отражение персонификации 'справедливости' (путешествие — вместилище), принимая объективные меры при помощи стороне Y в конфликтной ситуации. Рассматривая данный устойчивый оборот *imperial crusades* с третьей точки зрения следует отметить, что, здесь сторона X раскрывает коннотативный образ 'угрозы/проблемы' стороны Y (где находится конфликтная ситуация) (путешествие — поверхность). Несмотря на то, что фразеологический оборот *imperial crusades* передает разные метафорические структуры — путешествие — путь, путешествие — вместилище и путешествие — поверхность, данный геополитоним *imperial crusades* транслирует ассоциативный образ глобальной гегемонии в разной степени давления стороны X.

Таким образом, приведённый анализ раскрывает метафорические проекции устойчивого оборота *крестовые походы*, которые отражают превращение элементов источника в элементы достижения цели в конфликтной ситуации на фоне современных этнополитических процессов. Такие элементы достижения цели зависят от стёртости метафориче-

ского изначально сложившегося ассоциативного образа устойчивого оборота определённой культуры или народа, накладывая пережитый исторический опыт.

Основная метафора, заложенная в устойчивом обороте *крестовые походы* — путешествие, в которой отражается направление, развитие процесса и достижение цели. Такая метафора образует структуры: путешествие — путь (движение к цели), путешествие — вместилище (детали события) и путешествие — поверхность (акцент на центр и периферию). Каждая структура акцентирует внимание на одном аспекте спора/конфликтной ситуации.

Стоит отметить, что исторически сложившаяся концептуальная метафора фразеологизма *крестовые походы* — это ‘путешествие — путь’, где был важен конечный результат (освобождение христианских святынь/земель).

Переходя на современный этап исторического развития этнополитических процессов, заметим, что в русскоязычной культуре концептуальная метафора путешествие — путь устойчивого оборота *крестовые походы* в большой степени модифицировалась в ‘путешествие — вместилище’, гиперболизируя образ.

В англоязычной культуре наблюдается пересечение метафор ‘путешествие — путь’ + ‘путешествие — вместилище’, обращая внимание на развитие и содержание предмета спора одновременно, показывая важность между формой (внешняя сторона, охватывающая пространство спорной ситуации) и следствием (внутренняя сторона, раскрывает пройденное пространство, само содержание конфликта). Следует отметить, что внутренняя и внешняя стороны такой модифицированной согласованной метафоры взаимосвязаны и ограничивают друг друга. По мере того как растёт акцент на содержании конфликтной ситуации, возрастает и сама

поверхность, расширяясь и в ширь, и в глубь одновременно. В китайской культуре наблюдается метафорическое отражение цели сразу в трёх проекциях: ‘путешествие — путь’ + ‘путешествие — вместилище’ + ‘путешествие — поверхность’, раскрывая при этом акцент одновременно и на направлении ситуации, и развитии процесса, и достижении цели.

Список литературы:

1. Василенко А.П. Тропеические механизмы фразеобразования (на примере французского и русского языков). Иностранные языки: лингвопрагматические и лингводидактические исследования // Монография. Брянск: Новый проект, 2022. С. 13–20. [Vasilenko, Anatolii P. 2022. Tropeicheskie mehanixmy frazeobrazovaniya (na primere frantsuzskogo i russkogo yazykov) (Tropeic mechanisms of phraseology (using the example of French and Russian). *Inostrannye yazyki: lingvopragmaticheskie i lingvodidakticheskie issledovaniya // Monografiya (Foreign languages: linguopragmatic and linguodidactic studies // Monograph)*, 13–20. Bryansk: New project Publ.]
2. Евгеньева А.П. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 2. М.: Русский язык, 1986. 736 с. [Evgenyeva, Anastasiya P. 1986. *Slovar russkogo yazyka v chetyreh tomah. T. 2 (Dictionary of the Russian language in four volumes. Vol. 2)*. Moscow: Russkii yazyk.]
3. Евгеньева А.П. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 3. М.: Русский язык, 1986. 751 с. [Evgenyeva, Anastasiya P. 1986. *Slovar russkogo yazyka v chetyreh tomah. T. 3 (Dictionary of the Russian language in four volumes. Vol. 3)*. Moscow: Russkii yazyk.]
4. Карбулатова И.С. Основные проблемы имиджевой политики региона в дискурсе визуальной коммуникации // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сборник статей международной научно-практической конференции (23 октября 2014 г.). С. 487–495. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=172048> (Дата обращения: 04.08.2023). [Karbulatova, Iri-

- na S. 2014. Osnovnye problem imidzhevoi politiki regiona v diskurse vizualnoi kommunikatsii // Vizualnaya kommunikatsiya v sotsiokulturnoy dinamike: sbornik statey mezhdunarodnoii nauchno-prakticheskoi konferentsii (23 oktybrya 2014) (The main problems of the image policy of the region in the discourse of visual communication. *Visual communication in socio-cultural dynamics: Collection of articles of the International scientific and practical conference (October 23, 2014)*), 487–495. [Online] Available from: <https://www.openrepository.ru/article?id=172048>. (Accessed: 04.08.2023).]
5. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с. [Lakoff, George & Johnson, Mark. 2004. *Metafori, kotorymi my zhivem (Metaphors we live by)*. Moscow: editorial URSS.]
 6. Погорельый Д.Е., Фесенко В.Ю., Филиппов К.В. Новейший политологический словарь. Ростовн/Д: Феникс, 2010. 318 с. [Pogorelyi, Dmitrii E., Feseenko, Vitalii U. & Filippov, Konstantin V. 2010. *Noveishii politologicheskii slovar (The newest political dictionary)*. Rostov-na-Dony: Feniks Publ.]
 7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с. [Teliya, Veronika N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects)*. Moscow: Yazyki russkoi kultury.]
 8. Collins. 2015. *English language dictionary*. London.
 9. Oxford Dictionary URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hysterical?q=hysterical>. (Accessed: 06.08.2023).

Сведения об авторе:

Коренькова Снежана Андреевна, аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия; email: snezhick.b@mail.ru

**DESTRUCTIVE ACTIONALITY IN THE ETHNOPOLITICAL
CONTEXT (exemplified by the semantic of the set phrase
crusades)**

Snezhana A. Korenkova

Postgraduate Student, Bryansk State University named after
I. G. Petrovskiy, Bryansk, Russia, email: snezhick.b@mail.ru

Abstract

This article deals with the metaphorical projection of destructive actionality in the ethno-political processes. Such projection is revealed by geopolitonyms, since they contain characteristics of several spheres at once: tolerance, ideology, mentality, history, etc. The purpose of this work is to reveal the metaphorical formations of destructiveness in the ethno-political space by the example of the stable expression *crusades*. The subject of the study is the peculiarities of the manifestation of the destructive semantics of actionality in the ethno-political code of culture as a result of the modification of the historically established metaphorization. Based on the linguistic and cultural analysis of phraseological units, the applied research method reveals the semantic actionality of destructiveness in the ethno-political space. Analyzing the image of destructive actionality in the ethno-political space, metaphorical projection is observed in terms of expression. The study allowed us to identify a modification of the metaphor of the historically formed associative image of the steady turnover of *the Crusades*. The results of the study can be tested in the framework of linguistics courses and are given in teaching/methodological manuals.

Keywords: phraseology, set phrase, metaphor, destructiveness, actionality, modification.

Прагматический аспект функционирования высказываний-призывов в англоязычном политическом дискурсе

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

Е. Н. Корзова

Аннотация

В статье рассматривается прагматический аспект функционирования высказываний-призывов в англоязычном политическом дискурсе. Актуальность темы обусловлена тем, что в политических текстах часто встречаются явные и скрытые призывы, при восприятии которых необходимо распознать прагматическое намерение автора. Предметом исследования выступают лингвистические средства выражения призывов в политическом дискурсе. В работе подробно описаны лексико-грамматические средства, соответствующие прямому, косвенному, скрытому призывам на основе методов структурного, семантического и прагматического анализа. В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы: 1) призыв является побудительным речевым актом, включающим субъект побуждения, потенциальное действие, исполнителя потенциального действия и акта побуждения. 2) в соответствии с типом речевого акта и языкового средства призывы подразделяются на прямые, косвенные, скрытые; 3) прямые призывы передают побуждение при помощи эксплицитного императива; 4) не прямые — при помощи имплицитных средств с другой семантикой; 5) чертой современного англоязычного политического дискурса является использование косвенных и скрытых призывов. Результаты анализа могут быть использованы при составлении политических обращений, а также на уроках политической лингвистики и лингвоэкспертологии в интересах совершенствования учебного процесса.

Ключевые слова: призыв, прагматическое намерение, политический дискурс, теория речевых актов.

Призыв, являясь одной из важнейших социальных и лингвистических категорий, содержит в своей структуре основные компоненты коммуникативной ситуации — наименование субъекта и адресата действия, а также наименование самого действия в форме вербального императива. Компонент эксплицитного императива позволяет квалифицировать высказывание как **прямой** призыв. Императив обладает прямой коммуникативной направленностью, предписывая адресату активные действия. Императив выражается инфинитивом без частицы *to* и глаголом *let* в начальной позиции, часто оформляясь восклицанием: *Stop nuclear race! Let's call the murderers — murderers!*

Выпадение императива из данной структуры позволяет говорить о косвенном или скрытом призывах. В **косвенном** призыве побудительный компонент речи не выделяется в конкретных императивных конструкциях, но выражается компонентами с семантикой долженствования: *should, must*, например: *We should be cautious!* Подобные призывы могут повторяться в речах, выступлениях, докладах, где говорящему предоставляется достаточно времени для публичного выражения своих идей. Косвенные призывы могут оформляться повествовательными предложениями со сказуемым в изъявительном наклонении, нередко в будущем времени: *We will hold hands and together we will change the country!* Косвенный призыв может передаваться субстантивными конструкциями без или с частицами *down, out, off*, предлогами *for, against*, отрицательными частицами *no, not*. Данные конструкции отличаются предельной лаконичностью и эмоциональной насыщенностью. Ср. примеры: *Justice and Freedom! Down with military terrorism!*

Скрытый призыв содержит имплицитную информацию, которая побуждает адресата действовать не прямо, а при помощи высказывания, предопределяющего его поведение на подсознательном уровне. Скрытые призывы представляют сложность для выявления, поскольку они “маскируют” истинную цель высказывания, например: *...but if there is a desire, then I will be glad*. Обнаружение скрытого призыва возможно только на основе анализа имплицитных языковых средств выражения побуждения в связи с общей смысловой направленностью текста, так как семантика призыва оказывается размытой [Мишланов, Салимовский 2013: 73–74].

Выявить косвенные и скрытые призывы помогает теория речевых актов Дж. Остина, в соответствии с которой призыв представляет собой трехуровневый речевой акт включающий локутивную силу, иллюкутивную и перлокутивную силу. Иллокутивная сила соответствует речевому акту в связи с реализуемой автором целью [Остин 1989: 32]. С этой точки зрения призыв предстает как иллюкутивный акт, в котором автор эксплицитно или имплицитно передает побуждение к совершению какого-либо действия. Прямые речевые акты призыва включают языковые средства с языковой семантикой, соответствующей иллюкутивной силе речевого акта побуждения. В косвенном речевом акте не содержится глагол с побудительным значением, но имеет “... косвенную форму выражения иллюкутивной семантики призыва” [Баранов 2018: 439].

Согласно типологии речевых актов Дж. Серла, призыв представляет собой директивный речевой акт, который характеризуется наличием в его структуре базового компонента — побуждения к совершению определённых действий [Серл 1986: 189]. Е. С. Палеха определяет призыв как “радикальную форму директива”, в структуре которого на первый план выходит иллюкутивная сила речевого акта побуждения [Палеха

2012: 180]. Такое определение призыва порождает вопрос о дифференцировании категорий призыва и побуждения.

Многие исследователи рассматривают побудительное высказывание как воздействие на волю, чувства, разум адресата с целью убеждения изменить его деятельность. Высказывание считается побудительным, если оно выражает намерение приказать или попросить собеседника сделать то, что хочет говорящий [Leech 2014: 79]. Призыв, подразумевающая свободное решение воли адресата, не предполагает немедленное выполнение какого-то действия, а является указанием на пользу, которое это действие может принести социуму.

Определение призыва с учетом его социально-политической направленности предлагает А. Н. Баранов [Баранов 2018: 420]. Такое определение предполагает исследование коммуникативно-прагматической категории призыва в структуре политического дискурса. Материалом нашего исследования служит специальное обращение Урсулы фон дер Ляйен, президента Европейской Комиссии, сделанного в Давосе в 2023 г. В своей речи фон дер Ляйен уделяет приоритетное внимание поддержке Украины в борьбе с Россией и противостоянию Китайской экономической экспансии [Leyen. The special address at Davos. https://www.ng.ru/world/2023-01-17/1_8636_davos.html, 17.01. 2023].

Анализ политического выступления показал, что в обращении содержатся только имплицитные призывы. Идентифицировать косвенные и скрытые призывы помогают формальные показатели, которые передают иллокутивную силу призыва. Таким показателем является множественное использование модальных глаголов с семантикой “долженствование”: *need, should, have to, must*. Так, глагол *must* используется 4 раза, *should* — 4, *have to* — 2. Особый интерес вызывает

лексема *need*, которая повторяется 14 раз в разнообразных модификациях: *we need to keep, we have a compelling need, there is a need to be competitive, which is most needed*. Сочетание регулярных параллельных конструкций и разнообразных по структуре конструкций с указанной лексемой создает эффект внушения совершить запланированную деятельность — реализовать Зеленый Европейский пакт.

Семантику призыва передают номинативные структуры, которые, с одной стороны, затрудняют распознавание призыва, но, с другой стороны, придают высказыванию большую императивность: *Easier calculation, simple procedures, accelerated approvals. With the right focus on skills and people. With the right environment to make the most out of our world-leading innovation capacity*.

Существенной грамматической характеристикой призыва является отрицательная частица *no* в сочетании с императивным интонационным контуром: *There will be no impunity for these Russian crimes. And, there will be no letup in our steadfast help for Ukraine...* Параллельные конструкции, открыто противопоставляющие Россию и Украину, не оставляют сомнения в призыве к активным действиям против России.

Итак, отличительной чертой англоязычного политического дискурса является частое использование призывов. Исследование призыва с точки зрения теории речевых актов позволяет выявить в структуре политического дискурса разнообразные типы призывов — прямые, косвенные, скрытые. В соответствии с типом призыва в его структуре используются имплицитные и эксплицитные средства выражения. Прямые призывы включают императив с семантикой, соответствующей иллокутивной силе высказывания; косвенные призывы выражаются лингвистическими средствами, передающими другую функциональную семантику.

Список литературы:

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта, Наука, 2018. 591 с. [Baranov, Anatoly N. 1989. *Linguisticheskaya expertise texta (Linguistic expertise of a text)*. Moscow: Flinta.]
2. Мишланов В.А., Салимовский В.А. Этнический экстремизм в средствах массовой коммуникации с точки зрения судебной лингвистической экспертизы // Вестник Пермского университета. Вып. 4 (24). Пермь, 2013. С. 63–75. [Mishlanov, Valeriy A., Salimovskiy, Vladimir A. 2013. Etnicheskiy extremism v sredstvakh massovoy kommunikatsii s tochki zreniya sydebnoy linguisticheskoy expertizy (Ethnical extremism in mass media in regards of forensic linguistic expertise). *Vestnik Permskogo universiteta (The Bulletin of the Perm University)*. 4 (24). 63–75.]
3. Остин Дж.Р. Слово как действие. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1989. С. 22–129. [Ostin, Dzhon R. 1989. Slovo kak deystviye (The word as action). *Novoye v zarubezhnoy lingvistike (New in foreign linguistics)* 17. 22–129.]
4. Палеха Е.С. Эволюция директивного дискурса: способы формирования агрессивной модальности // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 5. Казань, 2012. С. 179–188. [Paleha, Ekaterina S. 2012. Evolutsiya direktivnogo diskursa: sposoby formirovaniya agressivnoy modalnosti (The evolution of directive discourse: methods of formation of aggressive modality). *Utchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nayki (The Bulletin of the Kazan University, the Series “Humanities”)* 5. 179–188.]
5. Серл Дж. Р. Теория речевых актов. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. 424 с. [Serl, Dzon R. 1986. Teoriya rechevyh aktov. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. 17. 424.]
6. Leech, G.N. 2014. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Корзова Елена Николаевна, к. филол. н., доцент,
Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия; email: golenik@mail.ru

**THE PRAGMATIC ASPECT
OF FUNCTIONING OF UTERRANCES-CALLS
IN THE ENGLISH POLITICAL DISCOURSE**

Elena. N. Korzova

Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow Pedagogical
State University, Moscow, Russia;
email: golenik@mail.ru

Abstract

The article considers the pragmatic aspect of functioning of utterances-appeals in the structure of the texts of political discourse. The topicality is determined by the fact that in political texts often used are open and hidden appeals, at the perception of which it is necessary to reveal the author's pragmatic intention. The subject of the research is linguistic means of expression of appeals in political discourse. In the work in details described are the lexico-grammatical means corresponded to direct, indirect, hidden appeals appeals on the basis of the methods of structural, communicative and pragmatic analysis. As a result of the research conducted the following conclusions are made: 1) appeal is an imperative speech act including the subject of inducement, potential action, performer of the potential action and act of inducement; 2) in correspondence with the type of a speech act and a language means appeals are subdivided into direct, indirect, hidden; 3) direct appeals render inducement with the help of an explicit imperative; 4) indirect

appeals — with the help of implicit means of different semantics; 5) the feature of modern English political discourse is the use of indirect and hidden appeals. The results of the analysis can be employed at preparing political addresses, as well as lessons of political linguistics and linguoexpertology for the benefit of academic process excellence.

Keywords: call, pragmatic intention, political discourse, speech acts theory.

Прагматическая значимость библейских аллюзий в англоязычном общественно-политическом дискурсе

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

Н. С. Макаров

Аннотация

Настоящее исследование посвящено анализу прагматических и функциональных особенностей библейских аллюзий в рамках англоязычного общественно-политического дискурса. Предметом настоящего исследования являются прагматические, функциональные особенности библейских аллюзий, а также компоненты их значения. Целью данной статьи является выявление функциональных и прагматических особенностей библейских аллюзий, а также определение компонентов их значения. В рамках настоящего исследования были рассмотрены тексты общественно-политического содержания, проведено сопоставление оригинальных текстов с текстами их переводов, а также проанализированы отсылки на тексты Священного Писания. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при анализе текстов публикаций англоязычных СМИ, в переводческой практике, в рамках подготовки студентов-журналистов и при составлении учебных пособий. В результате исследования выявлено, что данные аллюзии на практике раскрывают эмотивность и экспрессивность общественно-политического дискурса, его эзотерический характер, реализуют имплицитность, аргументативность, а также обеспечивают оценочность и субъективность данного вида дискурса. Также в результате исследования выделены следующие компоненты семантического значения библейских аллюзий: религиозный, морально-этический, исторический, культурологический и мифологический компонент значения.

Ключевые слова: библейские аллюзии, аллюзивность, перевод, общественно-политический дискурс, прецедентность.

Общественно-политический дискурс является одним из наиболее распространенных видов дискурса, который находит свое отражение в цифровой среде, а также в новостных и прочих изданиях. В настоящем исследовании под общественно-политическим дискурсом понимается совокупность сообщений общественно-политического содержания и всех речевых актов, совершаемых в процессе политических дискуссий. Как и любой вид дискурса, он обладает собственной прагматикой.

В данной работе, ввиду сходства общественно-политического дискурса с политическим дискурсом, мы опираемся на понимание прагматики и цели политического дискурса, предложенного В.З. Демьянковым, в соответствии с которым его прагматика состоит в том, чтобы внушить реципиентам “необходимость политически правильных действий и/или оценок” [Демьянков 2001: 127]. Целью данного вида дискурса является не описание какого-либо явления или предоставление новой информации, а побуждение адресата к действиям, переосмыслению собственных взглядов и предпочтений, выгодному для адресанта.

Часто в данном виде дискурса встречается аллюзия, являющаяся одним из наиболее распространенных стилистических приемов в поэзии и художественной литературе. По мнению Гарольда Блума, американского историка, литературоведа и библеиста, единственное верное значение аллюзии — непрямая, скрытая ссылка, содержащая в себе намек [Bloom 1975: 26]. Использование подобных ссылок на различные библейские, литературные или мифологические факты достаточно широко распространено в английской художественной литературе и различных видах дискурса. В рамках

данного исследования особое внимание уделяется изучению феномена библейских аллюзий.

Прежде всего, необходимо определить, что понимается под библейскими аллюзиями. К ним относят цитаты или устойчивые словосочетания, взятые из Библии. А.В. Григорьев приводит следующую классификацию библейских аллюзий с точки зрения их происхождения [Григорьев 2007: 50]:

Выражения, сформировавшиеся в качестве отдельных фразеологических единиц в самом тексте Библии (*соль земли, манна небесная, добрый пастырь*);

Фразеологизмы, образованные в результате переосмысления словосочетаний из Библии (*отделять зёрна от плевел*);

Выражения, не представленные в Библии, но семантически связанные с библейскими текстами (*блудный сын, заблудшая овца*).

За все время своего существования библейские аллюзии обрели универсальный характер, стали использоваться за рамками религиозного дискурса. Прежде всего, это связано с красочностью и яркостью аллюзивных единиц. Кроме того, для стран с преобладающим христианским населением, для сообществ, где христианская церковь всегда играла доминирующую роль, данным аллюзиям отводилось особое место — они стали индикатором высокой образованности, интеллектуальности. В рамках борьбы за внимание аудитории в контексте общественно-политического дискурса, ораторы достаточно часто употребляют библейские аллюзии в своих выступлениях, нередко искажая или изменяя их первоначальное значение для достижения определённого стилистического эффекта.

Употребление аллюзий на тексты Ветхого и Нового завета в рамках общественно-политической коммуникации позволяет на практике реализовать основные прагматические характеристики общественно-политического дискурса.

Библейские аллюзии передают **эмотивность** и **экспрессивность** общественно-политического дискурса, так как приём аллюзии является ярким экспрессивным средством. Данные аллюзии имеют широкий спектр эмоционального воздействия. В зависимости от способа их употребления, от стиля оратора и от конкретного контекста, в котором они употребляются, они придают тексту возвышенность, серьёзность или даже юмористический и просторечный тон.

В качестве иллюстрации аллюзии, демонстрирующей эмотивность и экспрессивность общественно-политического дискурса, приведём фрагмент выступления премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху в Конгрессе Соединённых штатов 3 марта 2015 года. Во время своего выступления он акцентировал внимание аудитории на историческом и морально-этическом значении библейского текста, обратившись к личности Моисея, одного из важнейших персонажей библейской истории, пророку, основоположнику иудаизма, выведшему евреев из Египта и сплотившему различные колена Израиля в единый народ: *And before the people of Israel entered the land of Israel, **Moses gave us a message that has steeled our resolve for thousands of years*** [Kampeas R. The pope, the Israeli prime minister and Moses in Congress. The Times of Israel. <https://www.timesofisrael.com/the-pope-the-israeli-prime-minister-and-moses-in-congress>]. Вспоминая исход евреев из Египта в своём выступлении, отсылая реципиентов к событиям библейской истории, изложенным в Пятикнижии, Беньямин Нетаньяху не только подчёркивает колоссальную значимость этих событий и личности Моисея для израильтян, но и обращается к аудитории с моральным призывом, эмоционально вдохновляет членов Конгресса. Используя отсылку к событиям библейской истории и произнося фрагмент из Второзакония, он делает свою речь более

эмоциональной, усиливает её прагматическое воздействие на реципиентов.

Аллюзии на тексты Библии раскрывают на практике **имплицитный характер** общественно-политического дискурса, способствуют оказанию скрытого, имплицитного воздействия на реципиента. Аллюзии библейского происхождения позволяют спикеру завуалировать собственные оценки слов или действий других участников коммуникации, сделать какую-либо информацию скрытой.

Для более успешного употребления в данном виде дискурса и для более точной передачи желаемой информации аллюзии на тексты Библии нередко употребляются в намеренно изменённом или неполном виде. Происходит трансформация библейских аллюзий, их адаптация к существующему политическому контексту.

К примеру, 11 февраля 1943 года во время дискуссии в парламенте, посвящённой действиям Соединённого Королевства во Второй Мировой войне, член Парламента от лейбористской партии, Фредерик Сеймур Кокс, сравнил Уинстона Черчилля, участвовавшего в принятии Атлантической хартии и только вернувшегося с Аданской конференции, с апостолом Павлом: *Then, like a modern St. Paul, he took the Atlantic Charter to Tarsus...* [<https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1943/feb/11/war-situation>] Проводя эту параллель, оратор отсылает слушателей к апостолу Павлу, проповедовавшему в Малой Азии и на Балканах, имплицитно даёт высокую оценку действиям Уинстона Черчилля, подчёркивает значимость Атлантической Хартии и его участия в Аданской конференции с президентом Турецкой республики.

Библейские аллюзии обеспечивают также **оценочность и субъективность** общественно-политического дискурса.

Используя данные аллюзии, имеющие в себе оценочный элемент, адресант избегает прямого высказывания собственного мнения в невыгодной для него ситуации.

Иллюстрирует данное качество общественно-политического дискурса отсылка к тексту Библии, к которой прибегнул барон Коллинз из Хайбери во время парламентской дискуссии, посвящённой вопросу свободы вероисповедания. *Can I be assured that the Government will not fall in step with such **false prophets** and will resist joining President Trump in such an organization?* [<https://hansard.parliament.uk/lords/2020-02-06/debates/002EAFB5-F609-40FC-B596-FC004EB9CC34/InternationalDevelopmentFreedomOfReligionOrBelief>].

Оценивая деятельность не заслуживших доверия правозащитных организаций и президента США Дональда Трампа в деле защиты права на свободу вероисповедания, барон Коллинз назвал их “лжепророками”, что отсылает аудиторию к ложным пророкам из Священного Писания, которые пророчествовали по своему измышлению и совращали своих последователей с истинного пути. Таким образом оратор даёт ярко выраженную негативную оценку их деятельности, используя аллюзию на библейский текст.

В некоторых случаях аллюзии библейского происхождения также раскрывают **эзотеричность** общественно-политического дискурса. Используя в речи аллюзии на священные тексты, ораторы подсознательно стремятся скрыть часть информации, сделать её полностью понятной лишь для узкой группы лиц, обладающей широкими фоновыми знаниями и способными расшифровать смысл аллюзии, который в неё вкладывает оратор. Кроме того, эти аллюзии способны придать речи “мистический” и “сакральный” характер, проводя параллели с религиозными сюжетами, что также играет важную прагматическую роль в рамках общественно-политической коммуникации.

В качестве иллюстрации данного свойства библейских аллюзий выступают слова барона Уильяма Маккинзи из Лутона, заместителя государственного секретаря парламента в Департаменте труда и пенсий во время обсуждения вопроса реформы системы социального обеспечения, прошедшего 21 июля 2008 года. В отношении важности вопроса сохранения рабочих мест и упрощения возврата на работу лиц, вынужденных уйти по состоянию здоровья, он сказал: *Arguably, that is both the alpha and the omega of successful welfare reform* [<https://publications.parliament.uk/pa/ld200708/ldhansrd/text/80721-0014.htm>].

В данном заявлении барон Маккинзи обратился к сочетанию первой и последней буквы классического греческого алфавита — альфа и омега, которое в Откровении Иоанна Богослова используется в качестве символического изображения Бога как начала и конца всего сущего — “Я есмь Альфа и Омега, начало и конец...” (Библия, Откровение Иоанна Богослова, 21:6). В данном контексте “альфа и омега” используются для обозначения первостепенной важности данного вопроса в контексте реформирования системы социального обеспечения. Использование данной отсылки к тексту Библии не только наделяет слова оратора насыщенной эмоциональной окраской, делает текст более красивым и эстетичным, но и показывает его высокий уровень образования и обширность фоновых знаний, которые позволяют ему использовать библейские аллюзии в своей речи для привлечения внимания определённого круга лиц к обсуждаемой проблематике.

Семантика и прагматическое значение аллюзивных единиц раскрывается различным образом в различных лингвокультурных и текстовых окружениях. Авторы могут делать различные акценты, уделяя особое внимание различным

аспектам семантики, которое несут в себе библейские аллюзии. В этой связи представляется возможным выделить несколько компонентов семантики библейских аллюзий: религиозный, морально-этический, исторический, культурологический и мифологический компонент значения.

Религиозный компонент значения библейских аллюзий раскрывается в коммуникативной ситуации, напрямую связанной с религиозной деятельностью — функционированием религиозных организаций, общин. Тогда раскрывается их изначальное содержание, они отсылают реципиента к определённым моментам из библейской истории, к конкретным прецедентным ситуациям.

Морально-этический компонент значения библейских аллюзий наиболее часто раскрывается в рамках общественно-политического дискурса. В конкретных коммуникативных ситуациях отсылки к Ветхому и Новому Завету выступают в роли отсылок к носителям универсальных морально-этических представлений. Фрагменты библейских текстов воспринимаются как объекты общечеловеческого наследия и фрагменты исторического документа, сыгравшего важную роль в формировании современных представлений о морали и нравственности.

В контексте сложившейся ситуации в сфере международных отношений, в рамках политического дискурса тексты Библии используются в качестве иллюстрации, отсылающей реципиента к определённым историческим событиям, тем самым раскрывая **исторический компонент значения** аллюзий на Библию. Он раскрывается в ситуациях, когда отсылки на Библию применяются в качестве аллюзии на исторический документ, сыгравший важную роль в развитии того или иного сообщества, текст, созданный в определённом историческом и этнокультурном контексте, который теряет

часть своей значимости в отрыве от него. В подобных случаях употребления аллюзии отсылают непосредственно к историческому периоду, когда происходили библейские события, имеющие под собой конкретные и достоверные временные рамки.

Представляется возможным выделить **культурологический компонент значения** библейских аллюзий, который тесно переплетается с предыдущими, ведь он существует одновременно в историческом, религиозном и культурологическом контексте. Культурологическое значение аллюзивных единиц библейского происхождения раскрывает историю становления и развития фрагментов библейских текстов в историческом и лингвистическом поле. Оно демонстрирует культуuroобразующую роль, которую сыграла Библия, её влияние на формирование морально-этических представлений и на историческое развитие конкретного сообщества.

Стоит отметить и **мифологический компонент значения** библейских текстов, воспринимаемый, как правило, через призму светского сознания. Отсылки к библейским сюжетам в определённой ситуации воспринимаются как аллюзия к легендарному, мифическому сюжету, который несёт, преимущественно, иллюстративную функцию. В данном случае библейские аллюзии выполняют эстетическую и иллюстративную функцию, украшают текст, делают его более ярким, насыщенным, способным вызывать образные ассоциации у читателя. Часто подобным образом аллюзии на Библию в своих речах используют политические деятели.

Несмотря на то, что различные компоненты значения библейских аллюзий раскрываются в значительной степени обособленно друг от друга, так как внимание оратора, выступающего с сообщением, акцентируется на одном или не-

скольких аспектах, различные значения данных аллюзий остаются тесно взаимосвязаны. Акценты в тексте своего обращения расставляет оратор, при этом он не имеет возможности “изолировать” выбранное им значение. Связь выбранного значения с остальными всегда сохраняется. Богатство и насыщенность аллюзий на Библию различными смыслами, присутствие в них универсальных моральных представлений, их эмоциональность и красочность сохраняют возможность разных прочтений употребленной в тексте аллюзии реципиентом. Конечное значение аллюзии раскрывает адресат, трактующий отсылки к библейским текстам в соответствии со своей системой религиозных, морально-этических представлений и исходя из имеющихся у него фоновых знаний.

Со временем библейские аллюзии обретают универсальность, применяются в различных контекстах и коммуникативных ситуациях, обретая новые коннотации, ассоциации и метафорические значения. Применение фрагментов Священного Писания в художественной литературе, иных произведениях культуры способствует переосмыслению этих образов, приданию им нового значения и морально-этического содержания.

Список литературы:

1. Библия. Книги Священного Писания Нового и Ветхого Завета. М.: Российское библейское общество, 2011. 1376 с. [*Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Novogo i Vethogo Zaveta (The Bible. The books of the Old and New Testament)*]. 2011. Moscow: The Bible Society in Russia.]
2. Григорьев А.В. К вопросу об источниках библейских фразеологизмов// Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2007. № 1. С. 50–59 [Grigoryev, Andrey. V. 2007. K voprosu

ob istochnikakh bibleyskikh frazeologizmov (On the question of the sources of biblical phraseological expressions). *Filologicheskoye nauki. Nauchnye doklady vishey shkoly (Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education)*. 1, 50–59.]

3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Изд-во МГУ, 2001. [Demyankov, Valery Z. 2001. *Interpretaciya politicheskogo diskursa v SMI. Yazik SMI kak obyekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya (Interpretation of Political Discourse in Mass Media. Mass Media Language as an Object of Interdisciplinary Research)*. Moscow: MSU Press.]
4. Bloom, Harold. 2003. *A Map of Misreading*. New York: Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Макаров Никита Сергеевич, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; email: makarov.n.s@my.mgimo.ru

THE PRAGMATIC SIGNIFICANCE OF BIBLICAL ALLUSIONS IN ENGLISH-LANGUAGE SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

Nikita S. Makarov

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia;
email: makarov.n.s@my.mgimo.ru

Abstract

The present study is devoted to the analysis of pragmatic and functional features of English-language socio-political discourse revealed with the help of biblical allusions, as well as to the study of the pragmatic significance of allusions to the Bible within this type of discourse. The article considers texts of socio-political

content and analyses references to the texts of the Holy Scripture. As a result of the study, it is revealed that these allusions demonstrate the emotionality and expressiveness of socio-political discourse, its esoteric character, actualize implicitness, argumentativeness, as well as provide evaluative character and subjectivity of this type of discourse. Also, as a result of the study the following components of semantic meaning of biblical allusions were identified: religious, moral and ethical, historical, cultural and mythological components.

Keywords: Biblical allusions, allusiveness, translation, socio-political discourse, precedence.

Формирование образа врага в заголовках англоязычных газет

doi: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

К. П. Постерняк, Н. Б. Боева-Омелечко

Аннотация

Предметом рассмотрения данной статьи являются языковые средства формирования образа этноса-врага в заголовках англоязычных СМИ в периоды обострения отношений между государствами. Целью статьи является концептуальная актуализация образов русских, китайцев и иранцев на базе их вербальной представленности в заголовках британских и американских новостных и аналитических СМИ в 2015–2023 гг. Данная цель достигается путём применения методов семного, контекстологического и лингвостилистического анализа, а также метода критического дискурс-анализа в обработке текстового материала. В статье выявляются экстралингвистические причины, детерминирующие репрезентацию указанных этносов как враждебных англо-саксонскому миру. Результаты проведённого исследования показывают, что концептуальные пространства образов-врагов включают концепты ВОЙНА, ОРУЖИЕ, НЕНАВИСТЬ, СМЕРТЬ и другие. Авторы приходят к выводу, что заголовки с этнонимами выполняют манипулятивную и суггестивную функции для оправдания враждебного внешнеполитического курса США и Великобритании по отношению к России, Китаю и Ирану. Результаты данного исследования могут быть полезны как для специалистов в области имагологии и политической лингвистики, так и для журналистов.

Ключевые слова: медиадискурс, политическая модализация, заголовок, этнообраз, образ врага.

В современном мире особо остро стоит вопрос идеологической борьбы, в которой медиаресурсы используются как важнейший инструмент. Периодическая печать и в газетном, и в электронном виде продолжает воздействовать на массовое сознание общества, поэтому медиадискурс неразрывно связан с политической модализацией, которая излагает политические события страны “под определённым углом зрения с целью формирования у аудитории позитивного/негативного отношения к ним в желаемом для автора направлении в соответствии с его убеждениями и социальным заказом” [Боева и др. 2016: 61]. В англоязычной прессе чаще всего информация о недружественных странах подаётся через информацию о их представителях, имеющих какие-то негативные свойства, что используется как триггер для формирования образа врага в отношении какого-либо этноса.

Материалом исследования послужили публикации британских и американских газет, таких как: “Daily Mail”, “The Sun”, “Independent”, “The Guardian”, “Mirror”, “Washington Post”, “ABC News”, “New York Times”, “Wall Street Journal”, “USA Today”. Корпус примеров включает 230 заголовков, содержащих лексемы *Russians*, *Chinese*, *Iranians*.

Все части информационного пространства газет (заголовки, фотографии, подзаголовки) выполняют две основные функции: привлекают внимание читателей и помогают определить основную тему текста [Таюпова 2015: 137]. Тексты с заголовками обладают преимуществом по сравнению с текстами без заголовков [Перова 2013: 100], поскольку заголовки могут выполнять ещё и суггестивную функцию, которая, в частности, может быть направлена на демонизацию образов государств-врагов и улучшение отношения к государствам союзникам. При демонизации какого-либо объекта намеренно формируется отрицательное представление

о противнике, в результате чего противник воспринимается как источник абсолютного зла во всех своих проявлениях [Иванова 2016: 28]. Подобный приём может применяться по отношению к этническим группам.

Во время политического конфликта суггестивная функция заголовков проявляется особенно ярко по нескольким причинам.

Во-первых, в период политических конфликтов эмоционально заряженные слова в заголовках помогают привлечь внимание аудитории, вызвать определённые эмоции, что в свою очередь, может повлиять на её восприятие политической ситуации.

Во-вторых, политический конфликт часто связан с чётким делением на “наших” и “врагов”. Это является “одним из главных принципов всякого коллективного, народного мироощущения” [Степанов 1997: 126]. Именно заголовки прежде всего создают чёткие линии раздела и усиливают “нашу” позицию, акцентируют её положительные моменты, одновременно ослабляя позицию “врагов”, привлекая внимание к их негативным аспектам [Чуенков, Питько 2018: 100].

В-третьих, заголовок в сжатой форме обобщает и даже упрощает сложную политическую ситуацию, о которой рассказывается в статье. Такая форма подачи главной сути материала соответствует способностям современного поколения читателей с “клиповым” мышлением. Суггестивные заголовки в современной прессе играют роль триггера для быстрого и упрощённого формирования нужного для автора образа политического врага.

Англоязычные журналисты в заголовках своих статей регулярно сочетают лексемы с негативной коннотацией с названиями этносов, объявленных врагами (русских, китайцев, иранцев), формируя вербальные ассоциации, входящие

в концептуальное пространство “образа врага”. С помощью лексем *война, танки, бомбы*, вербализующих концепт ВОЙНА, подчёркивается, например, крайнюю агрессивность русских:

*Why **Russians like Vladimir Putin’s wars?*** [Washington post, 13.09.2016].

*A right-wing militia trains Russians to fight the next **war** — with or without Putin* [Washington post, 2.01.2017].

*‘**Tanks, tanks, tanks**’: Russians on the military buildup at Ukraine’s border* [Guardian, 7.02.2022].

*How Russians learned to stop worrying and **love the bomb** again.* [Washington post, 23.06.2015].

Лексемы *ненависть* и *смерть*, вербализующие соответствующие концепты, также способствуют подчёркиванию негативных, агрессивных сторон предполагаемого “вражеского” этноса.

*Why Russians **Hate** America. Again* [The New York Times, 12.09.2015].

*Do Iranians Really **Hate** America?* [Wall Street Journal, 6.07.2015].

*BRAINWASHED Iranian kids encouraged to chant ‘**Death to America**’ by a PUPPET during vile rallies to celebrate Islamic Revolution* [The SUN, 13.02.2019].

*Iranians erase ‘**Death to America**’ graffiti on wall of former U.S. Embassy* [Washington post, 31.08.2015].

Также в заголовках вербализуются такие концепты-коституенты образа, как МЕСТЬ и НАЦИОНАЛИЗМ:

*Iranians raise blood red ‘**flags of revenge**’ for General Qassem Soleimani’s killing* [Daily mail, 4.01.2020].

*Iranians weep on TV and vow to wage jihad on America over killing of terrorist general Qassem Soleimani amid vows of ‘**crushing revenge**’ and ‘global resistance’ by Hezbollah* [Daily mail, 3.01.2020].

*The Making of a Chinese Patriot. What happens when you mix rage, shame and pride with years of **nationalist** education?* [The Wall Street Journal, 27.10.2021].

В англоязычной прессе также можно встретить лексику *подозрительность*, вербализующую одноимённый концепт и выражающую негативное отношение к народам другой расы:

*Chinese Abroad Become Targets of **Suspicion** Over Coronavirus* [The Wall Street Journal, 02.02.2020].

***Suspected** Chinese spies, disguised as tourists, tried to infiltrate Alaskan military bases* [USA today, 31.05.2023].

В заголовках представлены также лексемы *отчаяние, страх, бедность, несчастье*, которые вербализуют одноимённые концепты и способствуют созданию испытывающего материальные трудности и моральные страдания народа-врага:

*Russians **despair** at food destruction as Moscow says it is having desired effect* [Guardian, 07.08.2015].

***Desperate** for vaccines amid surge, Iranians flock to Armenia* [Independent, 17.08.2021].

*'People are **despairing**': Iranians brace for sanctions to bite* [Guardian, 05.11.2018].

*Iranians **Fear** Medicine Shortages as U.S. Tightens Sanctions* [The New York Times, 11.11.2018].

*'**Terrified**': Chinese protesters tell Florida lawmakers bill threatens their 'American dream'* [USA today, 20.04.2023].

*Millions more Russians living in **poverty** as economic crisis bites* [Guardian, 22.03.2016].

*Number of Russians Living in **Poverty** Rises* [The Wall Street Journal, 21.03.2016].

***Unhappy** Russians nostalgic for Soviet-style rule — study* [Guardian, 14.12.2016].

Таким образом, нами выявлено, что при обострении политической конфронтации между странами **заголовки** англоязычных СМИ, в которых одновременно упоминаются этносы и вербализуются определённые концепты-конституенты образа врага, имеют ярко выраженный негативный характер, выполняя суггестивную и манипулятивную функции с целью оправдания враждебного внешнеполитического курса США и Великобритании по отношению к России, Китаю и Ирану. К числу этих концептов относятся: **ВОЙНА, ОРУЖИЕ, НЕНАВИСТЬ, СМЕРТЬ, МЕСТЬ, НАЦИОНАЛИЗМ, ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТЬ, ОТЧАЯНИЕ, СТРАХ, БЕДНОСТЬ, НЕСЧАСТЬЕ.**

Список литературы:

1. Боева-Омелечко Н.Б., Костенко Т.Ф., Володько В.Г. Контрастная репрезентация политических конфликтов в американском и российском президентских дискурсах //Изв. Южного федерального ун-та. Филол. науки. 2016. №3. С. 61–68. [Boeva-Omelechko, Natalia B., Kostenko, Tatyana F., Volod`ko, Valeria G. 2016. Kontrastnaia reprezentatciia politicheskikh konfliktov v amerikanskom i rossii`skom prezidentskikh diskursakh (Contrasting Representation of Political Conflicts in American and Russian Presidential Discourses). *Izv. Iuzhnogo federal`nogo un-ta. Filol. Nauki (Bulletin of South Federal University)*. № 3. S. 61–68.]
2. Иванова С.В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. №. 5. С. 28–37. [Ivanova, Svetlana V. 2016. Leengvisticheskaia resursnaia baza informatcionnoi` voi`ny`: sozdanie e`ffekta demonizatscii (Linguistic resource base of information warfare: demonization). *Politicheskaia lingvistika (Political Linguistics)*. №. 5. S. 28–37.]
3. Перова Е.А. Лингвопрагматический потенциал газетных заголовков в публикациях сельской тематики (1950–1960-е годы) //

- Культурная жизнь Юга России. 2013. №3. С. 100–103. [Perova, Elena A. 2013. Leengvopragmaticeskii` potencial gazetny`kh zagolovkov v publikatciiakh sel`skoi` tematiki (Linguopragmatic potential of newspaper headlines in rural publications) (1950–1960-e gody`). *Kul`turnaia zhizn` Iuga Rossii (Cultural Life of the South of Russia)*. №3. S. 100–103.]
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с. [Stepanov, Iuriy S. 1997. Konstanty`. *Slovar russkoi kultury. Opyt issledovaniia (Constants. Dictionary of Russian Culture. Research Experience)*. М.: Iazy`ki russkoi kul`tury.]
 5. Таюпова О.И. Заголовок в публицистическом дискурсе // Евразийский Союз Ученых. 2015. №6. С. 137–139. [Taiupova, Olga I. 2015. Zagolovok v publicisticheskom diskurse (Headline in journalistic discourse). *Evraziiskii Soiuz Uchenykh (Eurasian Union of Researchers)*. №6. S. 137–139.]
 6. Чуенков И.А., Питько О.А. Заголовок как исполнитель функции воздействия в СМИ // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2018. №2. С. 98–103. [Chuenkov, Ivan A., Pit`ko Olga A. 2018. Zagolovok kak ispolnitel funktsii vozdeistviia v smi (The headline as a performer of the function of influence in the media). *Vestneyk Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alei`khema (Bulletin of PriAmursk State University named after Sholom-Aleyhem)*. №2. S. 98–103.]

Сведения об авторах:

Постерняк Кирилл Павлович, аспирант, Южный Федеральный Университет, Ростов-на-Дону, Россия, email: kir-posternyak@yandex.ru

Наталья Борисовна Боева-Омелечко, д. филол. н., профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; email: boeva1961@yandex.ru

FORMATION OF ENEMY IMAGE IN THE HEADLINES OF ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPERS

Posternyak Kirill Pavlovich

Postgraduate Student, Southern Federal University, Rostov-on-Don,
Russia, email: kir-posternyak@yandex.ru

Boeva-Omelechko Natalia Borisovna, Doctor of Philology,
Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia;
email: boeva1961@yandex.ru

Abstract

The subject of this article is the linguistic means of forming the image of an ethnic enemy in the headlines of the English-language media during periods of aggravation of relations between states. The purpose of the article is to conceptually update the images of Russians, Chinese and Iranians on the basis of their verbal representation in the headlines of British and American news and analytical media in 2015–2023. This goal is achieved by applying the methods of seminal, contextual and linguistic analysis, as well as the method of critical discourse analysis in the processing of text material. The article identifies extralinguistic reasons that determine the representation of these ethnic groups as hostile to the Anglo-Saxon world. The results of the study show that the conceptual spaces of enemy images include the concepts of WAR, WEAPONS, HATRED, DEATH and others. We come to the conclusion that headlines with ethnonyms perform manipulative and suggestive functions to justify the hostile foreign policy of the United States and Great Britain towards Russia, China and Iran. The results of this study can be useful both for specialists in the field of imagology and political linguistics, and for journalists.

Keywords: political discourse, critical discourse analysis, political modalization, image, political conflict, headline.

Специфика восприятия прагмасемантического плана политического медиатекста авторами интернет-комментариев

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`42

И. В. Савельева

Аннотация

Статья посвящена проблеме восприятия политического медиатекста адресатом. На материале интернет-комментариев выполнена типологизация реактивных текстов. Типы адресатных отношений устанавливаются с применением метода лингвопрагматического анализа текстов-комментариев.

В соответствии с репрезентированными в интернет-комментариях реакциями читателей на “данное” и “новое” исходного текста, систематизируются варианты, в которых представлена реакция на тематический и рематический компоненты медиатекста. Авторы комментариев реагируют на центральный топик, на периферийные темы. Значительно реже вербализируются реакции на рематический компонент новости. В интернет-комментариях происходит замена “новой” информации из медиатекста фактами и оценками, представленными адресатом. Также предлагается выделить те интернет-отклики, в которых авторы вербализуют рефлексию относительно макротопика политического медиадискурса. Результаты исследования могут быть использованы для моделирования реактивных дискурсивных практик.

Ключевые слова: интернет-комментарий, политический медиадискурс, адресат, восприятие, топик.

Односторонняя в своем генезисе политическая коммуникация всё чаще получает обратную связь от читателя по-

литического медиатекста, публикующего интернет-комментарии. Их авторы реализуют вариативные стратегии восприятия медиановостей, реагируя на различные аспекты политического медиадискурса: на фактуально-содержательную сторону источника, на его функциональную направленность, на особенности формального плана текста [Голев, Ким 2023; Иванова 2023; Савельева 2015].

Традиционно прагматика медиатекста связана с его информативностью. Наряду с этим, исследователи политического медиадискурса полагают, что его функциональный план характеризуется персуазивностью в соответствии с его задачей формирования в сознании адресата определённой когнитивной модели политического события [Климович 2019; Dijk 2002]. Поэтому информационно-воздействующая функция медиапубликации, помимо транслируемого в ней политического события, во многом детерминирует реактивную речевую деятельность адресата.

Логично предположить, что при восприятии адресат фокусируется на втором компоненте коммуникативной структуры текста “данное — новое”. Однако, как показывает анализ, большинство читателей реагируют на компонент “данное”, который включает центральный топик текста (ЦТ), периферийные топики (ПТ), а также макротопик (МТ) — это ряд глобальных тем, косвенно актуализируемых в политическом медиадискурсе (проблема политических партий, взаимодействие власти и общества и т. п.).

Проиллюстрируем на примерах варианты реагирования на прагмасемантический план медиатекста политической тематики в аспекте восприятия компонентов “данное” (известная информация) — “новое” (неизвестная информация).

Как правило, ЦТ актуализируется в исходном тексте посредством ключевых слов [Ягунова 2004; Yergaliyeva, Melnik

2018]. Интернет-комментарии большинства реципиентов воспроизводят именно ЦТ. Выражение *term limits* становится стимулом для массива интернет-откликов, так как открывает заголовок политического медиатекста. Анализ позволяет выделить следующие типы реакций:

- А) общая оценка ЦТ;
- Б) аннулирование ЦТ;
- В) сдвиг фокуса с ЦТ на ПТ.

В примере ниже видим нетривиальный вариант рефлексии. Автор говорит о ЦТ в бытийном контексте, включая общую оценку ЦТ в личностный нарратив:

*I'll go back and read the article after my coffee, but the headline suggests that **term limits** would be a wonderful thing* [Nick Mourtopalas, Derek Hawkins, Hannah Dormido. Term limits would upend Congress as we know it. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com>, 16.09.2023].

Создаваемый языковыми средствами соответствующей семантики положительный оценочный контекст показывает, что заголовок медиатекста вызвал у читателя положительный интерес. Он оказался настолько информативен, что инициальная пропозиция эксплицирует интенцию более детального ознакомления с медиатекстом. При этом не исключается ироническое отношение комментатора к ЦТ.

Ключевое выражение медиатекста *term limits* вводится в различные оценочно-смысловые вариации. Радикальный вариант позволяет говорить о том, что происходит аннулирование ЦТ исходного текста:

***Term Limits** are a childish, simplistic, **Tea Party** solution to complex problems* [Там же].

Постановка прецедентного элемента *Tea Party* после оценочных слов указывает на дискредитирующую стратегию комментатора. Обращает на себя внимание использование

заглавных букв в словосочетаниях *Term Limits — Tea Party*, что создает симметрию на графическом уровне текста. Наряду с общей оценкой, в тексте содержится посыл “ЦТ не актуален”.

Однако не во всех случаях используемое ключевое выражение маркирует реакцию на ЦТ текста-источника. Несмотря на присутствие ключевого выражения, в следующем примере происходит сдвиг фокуса с ЦТ на ПТ:

I would support term limits, but more as a way to limit the number of very old lawmakers. How about 15 terms for representatives and 5 terms for senators? Term limits have worked very well for the president’s office and state governors [там же].

Ключевая единица позволяет автору сместить центр обсуждения на смежную проблему — ограничение возраста членов Конгресса. Предикат заключительного предложения *have worked very well* указывает на положительное отношение автора комментария к событию. Сравнительный оборот *more as a way* призван подчеркнуть актуальный подход автора.

Следующая группа адресатов актуализирует рематические компоненты исходного текста (РК). В данной статье это высказывания, в частности сообщающие о неузнаваемости потенциального обновленного Конгресса: *will upend Congress, render it unrecognizable*.

Реакция на РК проявляется в следующих типологических вариациях:

- А) аннулирование РК;
- Б) замена РК.

В интернет-комментариях, чьи авторы реагируют на РК исходного медиатекста, читаем следующее:

“it would render the legislative branch as we know it unrecognizable” It already is. Bring it on [там же].

Автор дословно цитирует пропозицию, содержащую “новое”. Однако его комментарий к пропозиции *It already is*.

Bring it on эксплицирует общую отрицательную оценку рема-тического элемента. Иными словами, в тексте аннулируется рема, но его малый объём не позволяет установить компонент “новое”.

Реагирование по типу Б проявляется в значительном количестве откликов. Стимулом для их производства становятся ЦТ и ПТ исходного медиатекста. Но при этом новую информацию авторы формулируют самостоятельно, согласно своей “медиаполитической компетентности”:

The manner through which we elect representation is the problem. That is compounded by the money involved, the mis and disinformation that is permitted to define issues and candidates... [там же].

Автор данного текста-отклика считает, что проблема не в том, о чём заявляется в публикации. Проблема заключается в том, о чём текст умалчивает — в организации процедуры выборов в Конгресс. В комментарии последовательно представлены все пункты, которые, по мнению автора, влияют на финальный состав главного политического института страны.

Кроме ЦТ, ПТ и РК, в исходной публикации косвенно актуализируется макротопик — вопрос противостояния демократов и республиканцев:

Wow! Norman and Cruz! Republicans! Power hungry mindsets once again exposed: Change the power base any way you can get away with and conceal the true corruption that steals power [там же].

В данном случае наблюдается реакция на МТ, поскольку восприятие читателя направлено на более общие смыслы, которые имплицитно вводятся в текст. Любое имя политического персонажа — это повод для реакции.

В заключение отметим, что предложенный вариант классификации может быть расширен и положен в основу коммуникативной модели дискурса реактивного типа.

Список литературы:

1. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев) // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–26 [Golev, Nickolay D., Kim, Lidiya G. 2023. Diktumno-modusnyj plyuralizm virtual'nogo dialogicheskogo diskursa (na materiale internet-kommentarijev) (Dictum-mode pluralism of virtual dialogic discourse (based on the material of Internet comments). *Medialingvistika (Media linguistics)* 10 (1), 4–26.]
2. Иванова И.Н. Векторная вариативность и характер реакций читателей на сообщения в онлайн-медиа // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 1. С. 27–46. [Ivanova, Irina N. 2023. Vektornaya variativnost' i harakter reakcij chitatelej na soobshcheniya v onlajn-media (Vector variability and the nature of readers' reactions to messages in online media). *Medialingvistika (Media linguistics)* 10 (1), 27–46.]
3. Климович Н.И. Прагматика политического дискурса: коммуникативно-лингвистический инструментарий конструирования желаемого образа // Магия ИННО: интегративные тенденции в лингвистике и лингводидактике. сборник научных трудов. 2019. С. 127–132. [Klimovich, Nickolay I. 2019. Pragmatika politicheskogo diskursa: kommunikativno-lingvisticheskij instrumentarij konstruirovaniya zhelaemogo obraza (Pragmatics of political discourse: communicative and linguistic tools for constructing the desired image). *Magiya INNO: integrativnye tendencii v lingvistike i lingvodidaktike. sbornik nauchnyh trudov (The Magic of INNO: Integrative trends in linguistics and Linguodidactics. Collection of scientific papers)*, 127–132.]
4. Савельева И.В. Вариативность стратегий текстовосприятия и текстопорождения: лингвоперсонологический аспект (на материале текстов политических интернет-комментариев). Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного универси-

- тета. 2015. 220 с. [Saveleva, Irina V. 2015. *Variativnost' strategij tekstovospriyatiya i tekstoporozhdeniya: lingvopersonologicheskij aspekt (na materiale tekstov politicheskikh internet-kommentarijev) (Variability of strategies of text perception and text generation: linguopersonological aspect (based on the texts of political Internet comments)*, Kemerovo: Kemerovo State University.]
5. Ягунова Е. В. Коммуникативная и смысловая структуры текста и его восприятие // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 32–49. [Yagunova, Elena V. 2007. Kommunikativnaya i smyslovaya struktury teksta i ego vospriyatie (Communicative and semantic structures of the text and its perception). *Voprosy yazykoznaneya (Linguistic Issues)*, 6, 32–49.]
 6. Teun, Dijk van A. 2002. Political discourse and political cognition. In: Paul Chilton, Christine Schäffner (eds.), *Politics as text and talk. Analytic approaches to political discourse*, 203–238, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
 7. Yergaliyeva, S. Z., Melnik, N. V., Zhumabekova, B. K., Yergaliyev, K. S., Omarov, N. R. 2018. Personal linguistic parametrization of text generation of the Internet comments. *XLinguae*. 11 (3), 2–15.

Сведения об авторе:

Савельева Ирина Викторовна, д-р филол. н., доцент,
Кемеровский государственный университет, Кемерово,
Россия; email: saviren1973@mail.ru

SPECIFICS OF PERCEIVING PRAGMATICS AND SEMANTICS OF THE POLITICAL MEDIA TEXT BY THE AUTHORS OF INTERNET COMMENTS

Irina V. Saveleva

Doctor of Philology, Associate Professor, Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia; email: saviren1973@mail.ru

Abstract

The article addresses the problem of perception of political media text by an addressee. Typology of the addressee's reactions to the political media text is carried out as a case study of Internet comments. The types of addressable relations are established through the method of linguopragmatic analysis of commentaries. In accordance with the readers' reactions to "given" and "new", represented in the Internet comments, the types of texts are distinguished, in which the reaction to thematic component and rhematic components of the semantic structure of the text is presented. The authors of the comments give feedback to the central topic of the source text, as well as to its peripheral thematic component. Much less often there is a verbalization of the reaction to rhematic component of the news. In Internet comments, the "new" information from the media text is replaced with facts and assessments from the of the addressee's information sphere. We also propose to highlight those Internet responses in which the users verbalize reflection on the macro topic of political media discourse. The results of the study can be used to model responsive discourses.

Keywords: Internet comment, political media discourse, addressee, perception, topic.

Секция 3
Когниция и коммуникация:
конструирование
реальности в дискурсе

Section 3
Cognition and Communication:
Constructing Reality
in Discourse

Лингвокультурный и художественно-авторский концепт КРАСНЫЙ

(на примере литературно-художественного
творчества Анри Матисса, Эдварда Мунка
и Кузьмы Петрова-Водкина)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`37

К. Н. Антонова, Ю. В. Буль

Аннотация

Статья посвящена исследованию ЛКК и художественно-авторского концепта КРАСНЫЙ на примере картин, дневников, мемуаров и писем “пишущих” художников А. Матисса, Э. Мунка и К. Петрова-Водкина. Цель работы состоит в том, чтобы проследить за формированием концепта КРАСНЫЙ на основе текстов в живописном творчестве А. Матисса, Э. Мунка и К. Петрова-Водкина, а также сборника писем и текстов выступлений К. Петрова-Водкина, материалов “Фриза жизни” Э. Мунка, “Пространства Эвклида” К. Петрова-Водкина и сборника писем и мемуаров А. Матисса. В работе использовался лексико-семантический и концептуальный анализ. На основании проведённого исследования можно сделать вывод о том, что в ЛКК и художественно-авторском концепте КРАСНЫЙ в литературно-художественном творчестве Анри Матисса, Эдварда Мунка и Кузьмы Петрова-Водкина в доминантном поле концепта выявляются такие универсальные лексемы как: *кровь, страсть, новое начало*. В периферийном поле концепта — лексемы: *страх, крик, ужас, разврат, страсть, похоть, новизна, чистота*. Анализ концепта КРАСНЫЙ способствует более глубокому пониманию творчества “пишущих” художников и может быть полезен как лингвистам, так и искусствоведам.

Ключевые слова: ЛКК, художественно-авторский концепт, “пишущий” художник, колоративная лингвистика, национальная концептосфера.

В последнее время концептология, или теория концепта, стала всё в большей степени приобретать черты самостоятельной лингвистической дисциплины. Термин “концепт” был введен в терминологию лингвистики в конце 20-х годов прошлого столетия С.А. Аскольдовым [Аскольдов 1997: 267]. Дальнейшее развитие теория концепта получила в рамках когнитивной лингвистики, психолингвистики и культурологии. Д.С. Лихачев первым в рамках лингвистических исследований ввел понятие “концептосфера” языка и культуры [Лихачев 1997: 280]. Структура концепта представлена тремя основными составляющими: предметно-образной, понятийной и индивидуально-ценностной. В.И. Карасик [Карасик 2003: 17–19] выделяет идиоэтнические концепты, закрепляющие ценностные доминанты, существенные для той или иной культуры в рамках национальной концептосферы, и универсальные, то есть имеющие эквивалент в других национальных концептосферах. Тем не менее, на основании семантического анализа универсальных концептов можно сделать предположение, что ряд из них не является полноценно универсальными, а содержит черты индивидуально-ценностных или национально-ценностных признаков. Таким концептом, демонстрирующим черты одновременно ЛКК, национально-ценностного и художественно-авторского, является концепт КРАСНЫЙ (RED, ROUGE). Так, имея общие универсальные признаки в европейской концептосфере, концепт RED, ROUGE имеет более негативную коннотацию в англоязычной и франкоязычной концептосфере, ассоциируясь с кровью, бунтом, дьяволом. В то время как в русской,

славянской концептосфере он находит вербальную репрезентацию в значении красивый, яркий, праздничный.

Интересным нам представляется рассмотрение ЛКК и художественно-авторского концепта КРАСНЫЙ, RED, ROUGE в рамках колоративной лингвистики. Колоративная лексика давно стала считаться значимой частью языковой картины мира. Современная лингвистика изучает языковые картины мира на срезе когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, концептологии, колоративной и гендерной лингвистики. Огромный вклад в изучение языковых картин мира внесли работы таких исследователей как А. Вержбицкая, А. Зализняк, Ю. Апресян, Н. Арутюнова и многих других.

Одной из особенностей изучения языковых картин мира через призму колоративной лингвистики является её эмоциональный характер. Цвета, несомненно, психологически сильно влияют на человека. В разные времена разные исследователи рассматривали цвет с физической и психологической точек зрения. Так, Гёте выделял так называемые “чистые” цвета (красный, желтый, синий) и изучал их физическую природу [Goethe 1810]. К. Ауэр говорил о стимулирующем влиянии цвета на психику человека. Красный цвет, таким образом, для большинства людей считается раздражающим цветом [Frieling, Auer 1973]. Однако, учитывая культурологические и географические особенности восприятия цвета, мы можем сделать вывод, что, например, для жителей Африки и Ближнего Востока красный является символом жизни и энергии сил природы.

Большая часть исследований в области колоративной лингвистики посвящена изучению произведений живописи. По нашему мнению, наибольший интерес и более богатое поле для лингвистических исследований представляет собой компиляция художественного и литературного произведе-

ния, а именно, изучение творчества так называемых “пишущих художников”, к которым можно отнести Анри Матисса, Эдварда Мунка и Кузьму Петрова-Водкина. Этих трёх, с первой точки зрения, таких разных творцов объединяет многое.

Примерно одни годы жизни: Анри Матисс (1869–1954), Эдвард Мунк (1863–1944), Кузьма Петров-Водкин (1878–1939)

“Пишущие художники” — авторы мемуаров, заметок, писем, зарисовок, в которых эпистолярный жанр мог главенствовать над живописью и графикой.

Особый символизм красного цвета — чистого цвета, характеризующегося многогранностью, эмпатией, экспрессией.

Картины этих трёх художников стали “символами эпохи”. Красный цвет в их творчестве “динамичен”, музыкален.

Различия проявляются в разности художественных стилей — фовизм, экспрессионизм, реализм; в восприятии самого красного цвета, который для Матисса стал жизнеутверждающим, “приносящим радость”, для Мунка — символом экзистенциального ужаса, а для Петрова-Водкина — символом новой эпохи, вобравшей в себя наследие русской иконописной школы, русского крестьянского характера и православного хорового пения.

Актуальность и новизна данного исследования заключается в намерении проследить формирование ЛКК и художественно-авторского концепта КРАСНЫЙ на примере живописного и литературного творчества А. Матисса, Э. Мунка и К. Петрова-Водкина, продемонстрировать общее и разное в восприятии ими красного цвета, доказать эволюцию концепта КРАСНЫЙ и самого физического красного цвета на примере картин, мемуаров, записок, писем, и графических романов о художниках.

Литературными источниками в данном исследовании послужили: письма, мемуары, заметки; “The Frieze of Life”

(“Фриз жизни”) Э. Мунка, “Пространство Эвклида” К. Петрова-Водкина, мемуары и письма А. Матисса.

Красный является одним из самых ярких и многозначных хроматонимов. Он может быть: символом жизни, нового начала, буйства чувств; цветом революций; символом тревоги, опасности, агрессии; символом любви, страсти, желания; символом разврата; цветом крови; символом внешней красоты и достатка; символом чистого начала, как в русской иконописи.

Рассмотрим значение слова красный в русских, французских и английских словарях.

Толковый словарь Ушакова [Ушаков 2008] дает следующие дефиниции слова *красный*, выделяя в нем основные лексемы: *красный, красная, красное; красен, красна, красно*:

- ‘имеющий окраску одного из основных цветов радуги, ряда оттенков от розового до коричневого;
- красный, как кровь;
- розоватый от прилива крови к коже;
- крайний левый по политическим убеждениям, революционный;
- красивый, нарядный, украшенный;
- почетный, ценный, дорогой;
- ясный, светлый’.

Кэмбриджский словарь [Cambridge dictionary] приводит следующие дефиниции слова RED (adjective):

- ‘of the colour of fresh blood;
- used to describe hair that is an orange-brown colour;
- relating to socialist or communist political opinions;
- having the colour of blood or fire’.

Французский толковый словарь [Dictionnaire de l’Académie française] дает следующие дефиниции слова ROUGE (adjectif)

- ‘De la couleur du sang, du coquelicot, etc., couleur placée avant l’orange dans le spectre de la décomposition de la lumière;
- Avec un nom ou un adjectif qui en précise la nuance, rouge forme des adjectifs composés invariables;
- Qui a été chauffé et porté à l’incandescence :Le dessus du poêle est presque rouge;
- Dont la peau se colore vivement sous l’effet d’une cause physique ou d’une émotion: Être rouge de colère;
- Communiste partisan de l’action révolutionnaire’.

Таким образом, проанализировав словарные статьи на русском, английском и французском языках, можно сделать вывод об общих для трёх языков и культур значений слова **красный**: цвет крови, символ жизни, символ агрессии.

Изучение картин и дневников, мемуаров и писем художников позволяет сделать предварительные выводы о символизме и эволюции красного как физического цвета и **КРАСНОГО** как ЛКК и художественно-авторского концепта.

Для Анри Матисса **КРАСНЫЙ** означает “дикость”, внутреннюю силу, экспрессию, неконтролируемую, буйную, стремящуюся тем не менее к внешнему буржуазному спокойствию и радости; чистоту цвета, его преобладание над формой; дикое, первобытное, ритуальное в “Танце”; женское начало в “Музыке”, музыка, ковры, национальная одежда и красные рыбки берберов, гармония красного Марокко — символ счастья и величия; защита от зла.

Для Эдварда Мунка **КРАСНЫЙ** символизирует экзистенциальный ужас, кровавый закат, рассвет, женщину — вампира — Мадонну, безумие, страсть, неизбежность. В художественно-литературном творчестве Мунка чётко прослеживается дихотомия жизнь — смерть, женщина — вампир — жен-

щина — Мадонна, страсть — ужас, что позволяет сделать вывод о противоречивой натуре художника.

Для Кузьмы Петрова-Водкина КРАСНЫЙ планетарность, сферическая перспектива, космизм, православное хоровое пение, чистота и новизна, иконопись.

Вышеуказанные выводы были сделаны на основе цитат из мемуаров, заметок и писем художников. Все три художника — Матисс, Мунк и Петров-Водкин — являются мировоззренческими художниками, ставящими смысл над формой и концепт над техникой и стилем.

“Как-то вечером я шел по дороге — с одной стороны подомной раскинулись город и фьорд. Уставший и больной — я стоял и смотрел на фьорд. Садилось солнце, облака окрасились красным — как кровь. Я почувствовал, будто природу пронзил крик — мне казалось, я слышал крик. И я написал эту картину, написал облака как настоящую кровь. Цвета кричали. Во “Фризе жизни” это стало картиной “Крик”. Я писал картину за картиной, пытаюсь выразить впечатление, возникшее в минуту потрясения, пытался передать линии и цвета такими, какими они сохранились на внутренней оболочке глаза — на сетчатке. Я писал лишь то, что запомнил, ничего не добавляя без деталей, которых у меня уже не было перед глазами. Отсюда простота картины, кажущаяся пустота. Выписывая линии и формы, нанося краски, как я их увидел во взволнованном состоянии, я хотел, чтобы мое взволнованное состояние прозвучало как в записи на фонографе” (Edvard Munch. The Frieze of Life. Здесь и далее пер. авторов.). Периферийное поле концепта КРАСНЫЙ представлено лексемами кровь, боль, крик, закат.

“Я почувствовал, что должен это сделать. У меня получится. Плоть примет форму, цвета оживут” (Edvard Munch. The Frieze of Life) (страсть, плоть, похоть).

“За дверью дневной свет ослепил нас. Сколько света. Она на мгновение остановилась перевести дух. Воздух был удивительно теплым, с редким холодным дыханием ветерка. Между камней брусчатки пробивались светло-зеленые травинки. Весна. На ней была бледно-сиреневая шляпа, и бледно-красные ленты развевались от каждого дуновения ветерка и хлопали её по лицу”. (Edward Munch. The Frieze of Life) (женщина, страсть).

“Порт Пале, конец сезона”: ряд покатых крыш, виднеющихся за высокой стеной причала; разбросанные кое-где темно-красные и кобальтово-синие мазки и ярко выделяющееся большое красное пятно в центре холста, обозначающее дверь таможни”. (Henry Matisse. The memoirs) (движение, жизнь, спокойствие).

“Старик, одетый в красное... Почему? Для спокойствия. Марокко стоит в пустыне. Здесь джинны. Джинны боятся красного”. (Henry Matisse. The memoirs) (спокойствие, защита от зла).

“Нужно смотреть на то, что вы хотите отобразить, достаточно долго и с достаточным вниманием, чтобы открыть нечто никем прежде не увиденное и не описанное. Во всем есть что-то неизученное... мы привыкли, что наши глаза контролируют память о том, что прежде нас думали другие... Чтобы описать пылающий огонь или дерево на равнине, остановимся перед этим пламенем и этим деревом и будем рассматривать до тех пор, пока они не станут для нас не похожими ни на одно другое дерево, ни на один другой огонь. Только таким путем можно обрести оригинальность”. (Henry Matisse. The memoirs) (огонь, пламя, буйство)

“Я пытаюсь лишь создать пластический язык, свободный от устаревших правил и догм, разрушение — последнее, что может прийти мне в голову”. (Henry Matisse. The memoirs) (созидание через разрушение, спокойствие через буйство)

“30 апреля нас учеников пригласили на открытие нашего нового музея в соответственной одежде. Собрались к часу дня, день был пасмурный, с утра шел дождь. Музей снаружи был украшен флагами и из материи обитый парадный вход. Площадь перед музеем посыпана красным песком”. (Кузьма Петров-Водкин. Пространство Эвклида) (торжественность, парадность, красота, восторг).

Таким образом, ЛКК и художественно-авторский концепт КРАСНЫЙ, RED, ROUGE в литературно-художественном творчестве Анри Матисса, Эдварда Мунка и Кузьмы Петрова-Водкина представлен в доминантном поле концепта такими универсальными лексемами как: *кровь, страсть, новое начало*. В периферийном поле концепта он представлен лексемами: *страх, крик, ужас, разврат, страсть, похоть, новизна, чистота*. ЛКК и художественно-авторский концепт КРАСНЫЙ, RED, ROUGE демонстрируют схожесть и различие в творчестве “пишущих” художников, позволяя лучше понять не только их картины, но и характер, поиски смысла жизни, двойную кодировку слова через изображение и изображение через слово. Так писал А. Блок о “пишущих” художниках в своей книге “Краски и слова”: “Прекрасен своеобразный, ломающийся стиль художников. Они предпочитают конкретные понятия, переключаемые на краски и линии” [Блок 2018: 8].

Список литературы:

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность: от теории к структуре текста. М.: Академия, 1997. С. 267. [Askoldov, Sergey A. 1997. *Konzept i slovo. Russkaya slovesnost': ot teorii k structure teksta (Concept and word. Russian literature: from theory to continuation of the text)*. Moscow: Academia, 1997.]
2. Блок А. Краски и слова. [Электронный ресурс] URL: <https://www.livelib.ru/book/19461/read-kraski-i-slova-aleksandr-blok>. (дата

- обращения: 28.08.2023). [Blok, Alexander. 2018. Paints and words. Available from: <https://www.livelib.ru/book/19461/read-kraski-i-slova-aleksandr-blok>. (Accessed 28 August 2023).]
3. Карасик В.И. Транслируемость концептов. Проблемы вербализации контекстов в семантике языка и текста // Материалы международного симпозиума Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград.: Издательство ВГПУ Перемена, 2003. С. 17 [Karasik, Vladimir I. 2003. Transliruemost' konceptov. Rroblemy verbalizatzii kotekstov v semantike yazyka i teksta (Translatability of concepts. Problems of verbalization of contexts in the semantics of language and text). In: *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta (the Materials of the international symposium of Volgograd State Pedagogical University)*. Volgograd: Peremena, 2003.]
 4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. М.: Издательство Института народов России, 1997. С. 280 [Likhachiev, Dmitriy S. 1997. Konzeptosfera russkogo yazyka (Conceptosphere of the Russian language). In: *Russkaya slovestnost': ot teorii k strukture teksta (the Russian literature: from the theory of literature to the text structure)*. Moscow: the Publishing house of the Russian nations institute, 1997.]
 5. Петров-Водкин К. Пространство Эвклида // LibKing [Электронный ресурс] URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/479670-kuzma-petrov-vodkin-prostranstvo-evklida.html>. (дата обращения: 15.07.2023). [Petrov-Vodkin, Kuzma. *Space of Euclid*. Available from: <https://libking.ru/books/prose-/prose-rus-classic/479670-kuzma-petrov-vodkin-prostranstvo-evklida.html> (Accessed 15.07.2023).]
 6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?word-id=25771>. (дата обращения: 28.08.2023). [Ushakov, Dimitry N.

- The Explanatory dictionary of the Russian language*. Available from: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=25771> (Accessed 28.08.2023).]
7. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/red>. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/red> (Accessed 07.07.2023).
 8. Dictionnaire de l'Académie française. Mensch-Farbe-Raum. URL: <https://www.frdic.ru>. Available from: <https://www.frdic.ru>. (Accessed 28.08.2023).
 9. Goethe, Johann Wolfgang. 1810. *Zur Farbenlehre*. URL: https://openlibrary.org/books/OL19744379M/Zur_Farbenlehre. Available from: https://openlibrary.org/books/OL19744379M/Zur_Farbenlehre. (Accessed 28.08.2023).
 10. Frieling, Henrich & Auer, Xaver. 1954. *Mensch + Farbe + Raum: angewandte Farbenpsychologie*. URL: https://openlibrary.org/works/OL3132371W/Mensch_Farbe_Raum. Available from: https://openlibrary.org/works/OL3132371W/Mensch_Farbe_Raum. (Accessed 28.08.2023).
 11. Henry Matisse web-portal. URL: http://anrimatiss.ru/zapisy_besed. Available from: http://anrimatiss.ru/zapisy_besed (Accessed 08.08.2023).
 12. Munch, Edvard. The Frieze of Life. URL: <https://archive.org/details/edvardmunchfriez0000munc>. Available from: <https://archive.org/details/edvardmunchfriez0000munc>. (Accessed 28.08.2023).

Сведения об авторах:

Антонова Ксения Николаевна, к. филол. н., Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет, Санкт-Петербург, Россия; email: ksana-a@mail.ru
Буль Юлия Валерьевна, ст. преподаватель кафедры, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет, Санкт-Петербург, Россия; email: j.bool@mail.ru

**LINGUO-CULTURAL AND ARTISTIC-AUTHORIAL CONCEPT RED
AT THE EXAMPLE OF LITERARY-ARTISTIC WORKS
OF HENRY MATISSE, EDVARD MUNCH
AND KUZ'MA PETROV-VODKIN**

Ksenia N. Antonova

Candidate of Philology, Associate Professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia;
email: ksana-a@mail.ru

Ioulia V. Bul

Senior lecturer, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia; email: j.bool@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the research of the linguo-cultural and artistic-authorial concept RED at the example of artistic works, diaries, memoirs and letters of writing artists Henry Matisse, Edvard Munch and Kuz'ma Petrov-Vodkin. The aim of the research is to track the forming of the concept RED in the works of Matisse, Munch and Petrov-Vodkin as well as the collection of letters and speeches of Petrov-Vodkin, Frieze of life of Munch and letters and memoirs of Matisse. Lexico-semantic and conceptual analysis were used in the research. As the result of the research we may conclude that the following universal lexemes were found in the dominant layer of the RED concept: blood, passion, new start, meanwhile the periphery layer contains such lexemes as: fear, scream, horror, reversal, passion, to lust, novelty, purity. The analysis of the concept RED leads to a deeper understanding of the artistic works and could be useful for both linguists and art critics.

Keywords: linguo-cultural concept, artistic-authorial concept, writing artist, colour linguistics, national concept sphere.

Драматургическая функция тональности в контексте социальных интеракций

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

Н. Н. Белошицкая

Аннотация

Тональность как модально-характеризующее измерение дискурса определяется в качестве механизма контроля и управления пониманием в процессе социального взаимодействия. Следующие категории помещаются в фокус внимания — речевая ситуация, речевое событие, коммуникативное поведение, социальный контекст. В качестве методологической основы берутся положения социодраматургического подхода И. Гофмана, этнографии коммуникации Д. Хаймса и презентационной теории дискурса А. В. Оляничя. На обсуждение выносится положение: тональность общения является ключом к пониманию сообщения в контексте культурно обусловленных социальных интеракций. Коммуникативное поведение субъекта дискурса определяется, помимо прочих факторов, и сводом имплицитных допущений, специфичных для данного конкретного сообщества. В. И. Карасик, в частности, определяет такие типы культурно обусловленного имплицитного выражения смысла как консолидирующий и агональный. Импликатуры как компоненты смысла реализуются через тональность общения. Тональность, таким образом, реализует драматургическую функцию постановочности общения в рамках речевых ситуаций и выступает как манифестация пресуппозиций.

Ключевые слова: драматургическая функция тональности, интенция, социальная интеракция, речевая ситуация, импликатура.

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы сущность понятия тональности уточняется и рассматривается в качестве составляющей системы модальных категорий, участвующих в реализации интерпретирующей функции языка [Болдырев 2015]. В данной работе тональность вслед за В.И. Карасиком определяется “как модально-характеризующее измерение дискурса” [Карасик 2021: 134], как манера осуществления коммуникации, характеристика речевого поведения в контексте социального взаимодействия. В процессе коммуникации тональность выступает как механизм настройки и регулировки презентации себя в общении. Этот дискурсивный параметр обеспечивает успешность коммуникативного поведения.

Владение драматургическим механизмом тональности предполагает определённый уровень сформированности прагматической компетенции. Анализ реализации драматургической функции тональности возможен в комплексном рассмотрении составляющих коммуникативной ситуации с языковой личностью в центре внимания. Анализ предполагает оперирование следующим понятийным инструментарием, заимствованным из философии языка: интенция, пресуппозиция, импликация, инференция. Синтез объяснительных моделей социодраматургического подхода И. Гофмана и этнографии коммуникации Д. Хаймса позволяет включить в анализ и такие понятия, как социальное лицо, социальные нормы и ожидания, определение ситуации, ключ как сигнал для адресата. Остановимся на основных понятийных категориях.

Социальная интеракция предполагает некоторую ситуацию. Ситуация является одним из параметров выбора тональности. В концепции И. Гофмана определение ситуации задаёт общий тон социального взаимодействия и интерпре-

тации сообщений в процессе взаимодействия. Согласно Гофману, люди удерживают в сознании множество ролевых репертуаров [Гофман 2003: 39]. Социальное взаимодействие осознаётся в драматическом ключе, и должно соответствовать нормам и ценностям культуры. В процессе социального взаимодействия его участники берут на себя “ритуальные обязательства”. Гофман вводит в анализ социального взаимодействия понятие фрейма как рамки для понимания происходящего. Ощущается созвучие с понятием “речевая ситуация”, которое выделяет Д. Хаймс в своей модели коммуникации, и с понятием “речевой жанр” в концепции М. М. Бахтина. Наблюдаем наложение двух категорий, относящихся к разным уровням лингвистического описания — ситуация и жанр. В рамках социопрагматического подхода нам важны обе категории, так как “в пространстве повседневной коммуникации речевые жанры отражают типические ситуации социального взаимодействия” [Седов 2004: 69]. Определение ситуации актуализирует возможность выбора тональности. В модели Д. Хаймса выбор тональности определяется через категорию ‘ключ’: “это тон, манера, дух, в котором осуществляется речевой акт” [Hymes 1972: 62]. Важно отметить, что И. Гофман, анализируя постановочную манеру осуществления коммуникации в рамках анализа фреймов, также вводит понятие “ключ”, уточняя, однако, что “слово “тональность” было бы более пригодным для обозначения рассматриваемых мной трансформаций” [Гофман 2003: 105].

Непосредственный анализ языкового материала представим отсылкой к презентационной теории дискурса, разработанной А. В. Оляничем [Олянич 2004]. Эта теория во многом резонирует с подходом Гофмана. Исследователь уточняет, что в языке зафиксированы такие речевые обороты, которые дают сигнал для интерпретации тональности общения,

предполагая нарочитость и постановочность действия. Говоря о драматургической функции тональности можно выделить такие ключи-сигналы: *в таком тоне, в такой манере, в таком духе*. Функция этих и подобных метакоммуникативных элементов заключается в “мониторинге межличностных и социальных отношений” [Скребцова 2020: 73].

В качестве языкового материала приведем примеры с такими маркерами постановочности тональности. Они актуализируют авторское присутствие и эмоционально-оценивающее отношение говорящего к предмету речи, а также способ интерпретации сообщения адресатом.

Пример 1.

- *Всё сидишь в своем компьютере, — со вздохом сказала она.*
- *Да, мам, занимаюсь делами, — быстро ответил я (не люблю, когда меня беспокоят в такие моменты, и поэтому всегда стараюсь поскорее закончить разговор). Но у мамы были другие планы... — Ну и чем ты тут всё время занимаешься, позволь мне узнать, — сказала она таким тоном, которым обычно начинает неприятный для меня разговор... Я посмотрел на маму и как можно мягче произнес:*
- *Мам, ну мы же это обсуждали сто раз уже.*

[Наталья Емельянова. Путешественник. “Дальний Восток”, 2019. <http://www.ruscorpora.ru>].

Диалог иллюстрирует ситуацию бытового семейного общения (“я” — Собеседник 1 (С1), “мама” — Собеседник 2 (С2)). Очевидна ситуация некооперативного общения, агональная импликатура предполагается фразой — *Ну и чем ты тут всё время занимаешься, позволь мне узнать* и поддерживается рефлексией адресата относительно выбранного собеседником тона — *таким тоном, которым начинается неприятный для меня разговор*. Интенции С2 спровоцировать конфликт, вынудить С1 признаться, получают речевое оформление

в виде вопроса с использованием маркера вежливости — *позволь мне узнать*, который в данном случае транспонирует всё высказывание в конфликтную тональность. Интенции легко считываются собеседником. Авторские комментарии позволяют проследить рефлекссию С1 относительно выбора тональности — *быстро ответил я* — интенция уйти от конфликта, быстрее закончить разговор. Выбранная тональность сдержанности определяется намерением защититься, настроиться на оборону. Следующая тактика сгладить конфликт, “усмирить” С2 определяет выбор тональности “мягкого”, кроткого общения — *как можно мягче произнёс*. Попытка контроля восприятия адресата свидетельствует о прагматической компетенции С1 и осознанным выбором из палитры возможных тональностей общения такой, которая нивелирует потери в конфликтной интеракции и поможет сохранить лицо участникам общения.

В следующем примере проанализируем разворачивание интеракции в ситуации устного публичного официального общения (статусно-ориентированный дискурс).

Пример 2.

*“...дорогого Никиты Сергеевича, который устраняет из нашей жизни всё то, что мешает нам двигаться вперёд, что отравляло нашу жизнь в прошлом”. Он кончил тем, что “...заслуги Никиты Сергеевича в области подлинного марксизма так велики, что если надо кого-нибудь избрать в Академию наук, то это именно его”. Начал Александров **очень серьёзно**, а потом стал говорить **в такой манере**, что было непонятно, не шутит ли он. Хрущев **принял этот тон** и тоже полушутливо сказал, что не ему равняться с академиками, на это он не претендует. Теперь должен был выступить я. Я, **решив сделать вид**, что отвечаю только на третий тост, предложил выпить за представляющего славные вооружённые силы маршала Ма-*

линовского. [А.Д. Сахаров. Воспоминания (1983–1989) <http://www.ruscorgora.ru>].

Выделенные речевые обороты демонстрируют использование разных тактик общения. Эти тактики определяются намеренным выбором тональности общения и в данном примере иллюстрируют консолидирующую импликацию (*принял тон*) и успешное достижение ожидаемого перлокутивного эффекта. Рефлексии автора воспоминаний позволяют проследить интерпретации — от ожидаемой тональности в ситуации чествования высокого гостя — принятие ритуальных обязательств по Гофману — *начал очень серьёзно, до неожиданной смены “ключа” — непонятно, не шутит ли он* и собственного намеренного выбора тональности в сложившейся щекотливой ситуации — *решив сделать вид*.

В контексте социальной интеракции выбор тональности определяется рядом параметров — понимание общего культурного контекста, разделяемые с адресатом пресуппозиции, сформированность прагматической компетенции участников интеракции, интенции говорящего. Драматургичность, таким образом, реализуется в выборе тональной разновидности общения. Драматургическая функция тональности заключается в реализации интенций говорящего и определяет эффективность коммуникативной стратегии.

Список литературы:

1. Болдырев Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики, 2015. № 1. С. 5–12. [Boldyrev, Nikolai N. 2015. Antropocentricheskaya sushchnost' yazyka v funkciyah, edinicah i kategoriyah (Anthropocentric Essence of Language in Functions, Units and Categories). *Voprosy kognitivnoj lingvistiki (Cognitive Linguistics Issues)*, 5–12.]

2. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. Пер. с англ. М.: Институт социологии РАН, 2003. 752 с. [Goffman, Erving. 2003. *Analiz frejmov: esse ob organizacii povsednevnogo opyta (Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience)*. Moscow: RAS Sociology Institute Publ.]
3. Карасик В. И. Языковая пластика общения: монография. М.: Гнозис, 2021. 536 с. [Karasik, Vladimir I. 2021. *Yazykovaya plastika obshcheniya (Language Plasticity of Communication)*. Monography. Moscow: Gnosis Publ.]
4. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004, 507 с. [Olyanich, Andrey V. 2004. *Prezentacionnaya teoriya diskursa (Presentation Theory of Discourse)*. Monography. Volgograd: Paradigma Publ.]
5. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. Москва: Лабиринт, 2004. 317 с. [Sedov, Konstantin F. 2004. *Diskurs i lichnost': evolyuciya kommunikativnoj kompetencii (Discourse and Personality: The Evolution of Communicative Competence)*. Moscow: Labirint Publ.]
6. Скребцова Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика. Курс лекций. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 312 с. [Skrebцова, Tanyana G. 2020. *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika (Discourse Linguistics: Structure, Semantics, Pragmatics)*. Lecture Course. Moscow: Izdatel'skij Dom YASK Publ.]
7. Hymes, Dell. 1972. Models of the Interaction of Language and Social Life. In: Gumperz, J. J. and Dell, H., Eds., *Direction in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*, 35–71.

Сведения об авторе:

Белошицкая Наталия Николаевна, к. филол. н., доцент,
Северный (Арктический) федеральный университет,
Архангельск, Россия; n.beloshickay@narfu.ru

DRAMATURGIC FUNCTION OF TONALITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL INTERACTIONS

Natalya N. Beloshitskaya

Candidate of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic)
Federal University, Arkhangelsk, Russia;
email: n.beloshickay@narfu.ru

Abstract

Tonality as a modal-characterizing dimension of discourse is identified as a mechanism of control and management of understanding in the process of social interaction. Such categories as speech situation, speech event, communicative behavior, and social context are in the focus of attention. The research draws on E. Goffman's sociodramaturgical approach, D. Hymes' ethnography of communication, and Andrey V. Olyanich's presentational theory of discourse. The tonality of communication is understood as the key to understanding the message in the context of culturally determined social interactions. The communicative behavior of the subject of discourse is conditioned, among other factors, by a set of implicit assumptions specific to this particular community. Vladim I. Karasik, for example, singles out consolidating and agonal implicatures as culturally conditioned implicit expression of meaning. Implicatures as components of meaning are realized by the tonality. Tonality, thus, performs the dramaturgical function of communication within speech situations and acts as a manifestation of presuppositions.

Keywords: dramaturgical function of tonality, intention, social interaction, speech situation, implicature.

Номинативное поле макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'2

В. В. Визаулина

Аннотация

В статье рассматриваются лингвокогнитивные особенности макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК. Актуальность исследования определяется перспективой изучения нового типа ментальных структур — номинативных полей макроконцептов. Целью статьи является комплексное описание содержания макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК с позиций когнитивной лингвистики, теории номинации и лингострановедения. Основными методами исследования в работе выступают концептуальный анализ, метод дефиниционного анализа и описательный метод. В ходе исследования было установлено, что в когнитивном плане ядро макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК репрезентируется в общей сложности 10 базовыми концептами: DATE, PARTICIPANTS, GENERAL IDEA, SOLEMN CEREMONIES, ENTERTAINMENT, DECORATION, FOOD, HISTORICAL DATA, MYTHOLOGICAL PHENOMENA и COMMERCIALIZATION. В языковом плане данные базовые концепты вербализуются в номинативном поле, которое определяется нами как совокупность однословных и несколькословных номинаций, служащих для вычленения и называния традиций и обычаев, связанных с американскими праздниками. Анализ частотности номинирования тех или иных базовых концептов соответствующими единицами даёт возможность утверждать, что в номинативном поле макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК наиболее детальная и многообразная вербализация одних концептов при существенно мень-

шем номинировании других является закономерной и отражает реальную значимость исследуемых базовых концептов для носителей американской культуры.

Ключевые слова: макроконцепт, концепт, базовый концепт, номинативное поле, номинативные единицы / номинации, американский праздник.

Данная статья посвящена изучению лингвокогнитивных особенностей макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК. Она логически продолжает и развивает идеи автора, изложенные в ряде работ [Визаулина 2006, Визаулина 2009]. Актуальность исследования определяется перспективой изучения нового типа ментальных структур — номинативных полей макроконцептов.

Цель статьи заключается в комплексном анализе номинативного поля макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК с позиций когнитивной лингвистики, теории номинации и лингвострановедения.

Прежде всего представим страноведческую и когнитивно-лингвистическую характеристику макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК:

Макроконцепт АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК имеет прототипический характер. Представители американской культуры, вобравшей в себя культурное наследие многих народов, хранят в памяти сложившиеся в Древности и Средневековье представления о мифологических событиях, об атмосфере всеобщего ликования, радости, о приготовлении особенных блюд, о ношении праздничной одежды, а также об организации различных развлекательных мероприятий в тот или иной праздничный день. Так, например, «связь с мифологией прослеживается в таких американских праздниках как Хэллоуин

‘Halloween’ и Рождество ‘Christmas’, веселье и ликование являются неотъемлемыми составляющими Дня Дураков ‘April Fool’s Day’, в Пейсах ‘Passover’ и в День Благодарения ‘Thanksgiving Day’ готовят особые праздничные блюда, на Пасху ‘Easter’ принято надевать нарядную одежду, устройство игр и состязаний — непременный атрибут Нового года ‘New Year’s Day’, а маскарад является обязательным элементом Хэллоуина” [Визаулина 2006: 11]. В сознании современных американцев данные представления постоянно обогащаются и видоизменяются. Более того, идёт активное формирование новых прецедентных феноменов, характеризующих американские праздники. Так, в Новейшее время в США появились такие необычные праздники, как Ленивый день ‘Lazy Day’, День босса ‘Boss’s Day’ или День Звёздных войн ‘Star Wars Day’ [12 странных и весёлых праздников в США. https://www.mrs-mart.ru/blog/2.html?ysclid=lo0dl871tg_221766824, 10.07.2019]. Многим современным американским праздникам также присуща особая атмосфера торжественности, а обычаи празднования носят коммерческий характер [Визаулина 2006]. Важно отметить, что все американские праздники в соответствии с критерием их распространения на территории США можно подразделить на федеральные праздники и праздники штатов, а с точки зрения их содержания — на памятные даты, религиозные и народные праздники [Визаулина 2006].

Макроконцепт АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК представляет собой сложный когнитивный лингвокультурный конструкт, в состав которого входит множество отдельных концептов, соответствующих по названию и в количественном отношении общему числу американских праздников, а их насчитывается свыше ста [Американа 1996]. Согласно М. В. Пименовой, “чтобы восстановить структуру концепта, надо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезен-

тирован концепт — лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд” [Пименова 2004: 9].

Ранее нами было установлено, что в когнитивном плане ядро макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК репрезентируется “в общей сложности 10 базовыми концептами: DATE ‘дата’, PARTICIPANTS ‘участники’, GENERAL IDEA ‘общая идея’, SOLEMN CEREMONIES ‘торжественные церемонии’, ENTERTAINMENT ‘развлечения’, DECORATION ‘украшения’, FOOD ‘еда’, HISTORICAL DATA ‘исторические данные’, MYTHOLOGICAL PHENOMENA ‘мифологические явления’ и COMMERCIALIZATION ‘коммерциализация’” [Визаулина 2006: 12–13].

В языковом плане данные базовые концепты вербализуются в номинативном поле, которое определяется нами как “совокупность однословных и несколькословных номинаций / номинативных единиц, служащих для вычленения и называния некоторого фрагмента действительности и формирования соответствующего концептуального представления о нем...” [Визаулина 2006: 10]. К однословным и несколькословным номинациям мы относим прежде всего основные номинативные средства языка, такие как лексические единицы, фразеологизмы и паремии (пословицы, поговорки и афоризмы). Вместе с тем, мы принимаем мнение З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что на более сложном этапе при более детальной вербализации концепт номинативного поля может быть выражен и синтаксическими структурами [Попова, Стернин 2007]. Важно также отметить, что “номинативное поле включает в себя единицы всех частей речи” [Попова, Стернин 2007: 47].

В данной статье представляется возможным поделить лишь фрагментом реконструкции номинативного поля макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК через описание и анализ средств языковой репрезентации входящего в него

номинативного поля концепта ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ 'INDEPENDENCE DAY'. Выбор данного концепта, репрезентирующего американский праздник *День независимости*, обусловлен тем, что этот праздник является в США федеральным и одновременно памятной датой, то есть имеет очень важное значение в жизни каждого американца. Для описания номинативного поля концепта ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ представляется необходимым составить максимально полный список номинативных единиц, объективируемых исследуемым нами концептом. Данный корпус однословных и несколькословных номинаций, описывающих традиции и обычаи американского праздника *День независимости* был отобран методом сплошной выборки из ряда источников по культуре США [Celebrate! Holidays in the USA 2007; Millikin Christina, Rusciano Ali 2023], на основе анализа публикаций на различных сетевых ресурсах интернета [Maayan Eli. Exploring the Commercialization of American Holidays. Tufts University. <https://www.theodysseyonline.com/holidays-holiday>, 16.02.2016; Springer Jeff. The Commercialization of Our 25 Favorite Holidays. <https://www.businesspundit.com/the-commercialization-our-25-favorite-holidays>, 14.08.2008], а также методом дефиниционного анализа из ряда американских и британских толковых, энциклопедических и лингвострановедческих словарей [The American Heritage Illustrated Encyclopedic Dictionary 1987, Longman Dictionary of Contemporary English 1995, Longman Dictionary of English Language and Culture 1992, Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language 1996, Webster's New World Encyclopedia 1992]. Для удобства эти номинативные единицы перечислены в алфавитном порядке.

Как следует из таблицы, в языковом плане перед нами множество однословных и несколькословных номинативных единиц, служащих для вычленения и называния определённого

фрагмента действительности, в данном случае праздника *Дня независимости*. С другой стороны, эти номинативные единицы предоставляют не только лингвистическую информацию, но и служат источником когнитивной информации об исследуемом референте, а именно, о дате празднования, об участниках праздника, об общей идее праздника, о том, как отмечается праздник, каков набор особенных блюд, какова коммерческая составляющая праздника, и, наконец, о том, с какими историческими событиями связано возникновение данного праздника. Таким образом, в когнитивном плане ядро номинативного поля концепта ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ представлено 9 базовыми концептами: DATE, PARTICIPANTS, GENERAL IDEA, SOLEMN CEREMONIES, ENTERTAINMENT, DECORATION, FOOD, HISTORICAL DATA и COMMERCIALIZATION. Анализ объективации данных концептов соответствующими номинативными единицами показывает, что в номинативном поле концепта ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ наиболее детальная вербализация таких концептов как SOLEMN CEREMONIES (13 единиц), ENTERTAINMENT (20 единиц) и HISTORICAL DATA (12 единиц) закономерна, поскольку в наши дни *День независимости* является основным государственным праздником в США, отмечаемым в честь дня рождения Соединённых Штатов как свободной и независимой страны. Естественно, что празднование такой важной памятной даты сопровождается торжественными парадами и маршами, исполнением патриотических песен, чтением вслух Декларации независимости и т.д. Одновременно, *День независимости* — это нерабочий день, возможность провести время в кругу семьи и друзей, когда принято устраивать пикники с обилием вкусной еды, организовывать танцы, игры, состязания и т. п. А тот факт, что подписанию Декларации независимости в 1776 году предшествовал целый ряд важных исторических событий, таких как, например, Бо-

Таблица 1

**Номинативное поле концепта
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ**

Базовые концепты	Вербализующие их однословные и несколькословные номинации
<i>date</i>	— July 4
<i>participants</i>	— all Americans
<i>general idea</i>	— celebrating the beginning of the United States as a nation — commemorating the adoption of the Declaration of Independence
<i>solemn ceremonies</i>	— displaying the Liberty Bell — flying the American flag — Freedom Festival — march to the music of high school bands — marching in parades — patriotic songs — people dressed as the original “founding fathers” or early colonists — read the Declaration of Independence for the crowd — reenact historical scenes — ringing bells — ship U. S. S. John F. Kennedy coming in to Boston Harbor in full sail — singing patriotic songs — watch fireworks burst over the water
<i>entertainment</i>	— “a safe and sane Fourth” — do a patriotic craft — having picnics — holiday from work and school — baseball games — cherry bombs — dancing — fireworks

Продолжение таблицы 1

Базовые концепты	Вербализующие их однословные и несколькословные номинации
	<ul style="list-style-type: none"> — friendly baseball game — Frisbee toss — gather to watch the city fireworks display — holiday from work and school — host a backyard barbeque — lively music — pie-eating contest — singing America the Beautiful — sparklers — special events — three-legged race — watermelon-eating contest
<i>decoration</i>	<ul style="list-style-type: none"> — costumed Americans — decorating buildings in colors of red, white, and blue — dressing in red, white, and blue — paint your nails festive colors — paint stars on everyone’s cheeks
<i>food</i>	<ul style="list-style-type: none"> — baked beans — cakes — hamburgers — hot dogs — pie — potato salad — roasting marshmallows — watermelon
<i>historical data</i>	<ul style="list-style-type: none"> — “Boston Massacre” — “Boston Tea Party” — Continental Congress — declaring themselves independent of Britain — drawing up a list of grievances against the crown — joining secret groups called “Sons of Liberty”

Окончание таблицы 1

Базовые концепты	Вербализующие их однословные и несколькословные номинации
	<ul style="list-style-type: none"> — planning action or even violence against British authority — Revolutionary War — setting up a committee — slogan "Taxation without representation is tyranny!" — tea party — thirteen American colonies
<i>mythological phenomena</i>	—
<i>commercialization</i>	<ul style="list-style-type: none"> — blockbuster movie openings — grocery stores — selling holiday decorations and accessories — supermarkets — tickets for concerts and outdoor festivals

стонская резня или *Бостонское чаепитие* объясняет развёрнутую детализацию и базового концепта *historical data*. Вторую по численности вербализующих их номинативных единиц группу концептов составляют DECORATION (5 единиц), FOOD (8 единиц) и COMMERCIALIZATION (5 единиц), которые по сути конкретизируют более обобщённый базовый концепт ENTERTAINMENT. Естественно, что в такой торжественный праздничный день американцы стараются одеваться и украшать свои дома в цвета американского флага, готовят традиционные для этого дня картофельный салат, бобы, запечённые в духовке, хот-доги, гамбургеры и т.д., а также приобретают продукты в бакалейных лавках и праздничные украшения в супермаркетах. И, наконец, самое меньшее число номинативных единиц группируется вокруг, казалось бы, таких априори значимых

концептов, как DATE (1 единица), PARTICIPANTS (1 единица) и GENERAL IDEA (2 единицы). Такой минимальный объём корпуса номинативных единиц данной группы, по-видимому, связан с тем, что данные концепты носят более определённый и конкретный характер и поэтому не нуждаются в многообразии вербализаторов.

Таким образом, проведённое исследование показывает, что номинативное поле макроконцепта АМЕРИКАНСКИЙ ПРАЗДНИК представляет собой сложную ментальную структуру, которая закрепляет в памяти носителя культуры соответствующий фрагмент действительности и отражает его в языке в виде большого числа вербализаторов, в роли которых выступают разные по структуре номинативные единицы.

Список литературы:

1. Американа: англо-русский лингвострановедческий словарь / В. Н. Беляков, М. В. Васянин, О. Н. Гришина; под ред. и общ. рук. Г. В. Чернова. Смоленск: Полиграмма, 1996. 1185 с. [Chernov, Gelij V. 1996. *Amerikana: anglo-russkij lingvostranovedcheskij slovar' (Americana: English-Russian Linguocountry Dictionary)*. Smolensk: Poligramma.]
2. Визаулина В. В. Методика построения номинативного поля // Иностранные языки в высшей школе. Вып. 1 (8). Рязань, 2009. С. 67–72. [Vizaulina, Viktoriya V. 2009. Metodika postroeniya nominativnogo polya (Methodology of Nominative Field Construction). *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole. Nauchnyj zhurnal (Foreign Languages in Higher School)* 1(8). 67–72.]
3. Визаулина В. В. Развитие номинативных полей, связанных с традициями США (историко-когнитивное исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 23 с. [Vizaulina, Viktoriya V. 2006. *Razvitie nominativnyh polej, svyazannyh s traditsiyami SSHA (istoriko-kognitivnoe issledovanie) (Development of Nom-*

- inative Fields Related to the Traditions of the USA (Historical and Cognitive Research)*). Abstarct of Philology Cand. Diss. Moscow.]
4. Пименова М. В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / под ред. М. В. Пименовой. Серия: Концептуальные исследования. Вып. 4. Кемерово: Графика, 2004. С. 3–10. [Pimenova, Marina V. 2004. Predislovie (Foreword). In: Marina V. Pimenova (ed.), *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku (Introduction to Cognitive Linguistics)* 4. 3–10.]
 5. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Изд-во Истоки, 2007. 250 с. [Popova, Zinaida D., Sternin, Iosif A. 2007. *Semantiko-kognitivnyj analiz yazyka (Semantic and Cognitive Analysis of Language)*. Voronezh: Izd-vo Istoki.]
 6. Celebrate! Holidays in the USA / edited by Gail Brenner, Marscha Ford, and Patricia Sullivan. 2nd ed. Washington: Office of English language programs United States Department of State, 2007.
 7. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Ltd., 1995.
 8. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited, 1992.
 9. Millikin, Christina, Rusciano, Ali. How to Celebrate the 4th of July. Aug. 2023. URL: <https://www.wikihow.com/Celebrate-Independence-Day>. (Accessed: 29.10.2023).
 10. The American Heritage Illustrated Encyclopedic Dictionary. Boston: Houghton Mifflin Company, 1987.
 11. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. N.Y.: Gramercy Books, 1996.
 12. Webster's New World Encyclopedia. N.Y.: Prentice Hall, 1992.

Сведения об авторе:

Визаулина Виктория Вячеславовна, к. филол. н.,
ст. преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: vik4574@yandex.ru

THE NOMINATIVE FIELD OF THE MACROCONCEPT “AMERICAN HOLIDAY”

Victoria V. Vizaulina

Candidate of Philology, Senior Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia; email: vik4574@yandex.ru

Abstract

The article discusses the linguocognitive features of the macroconcept AMERICAN HOLIDAY. The relevance of the study is determined by the prospect of studying a new type of mental structures — nominative fields of macroconcepts. The purpose of the article is a comprehensive description of the content of the macroconcept AMERICAN HOLIDAY from the perspective of cognitive and cultural linguistics as well as theory of nomination. Conceptual analysis, definitional analysis as well as descriptive method were used. It was found that, in cognitive terms, the core of the macroconcept AMERICAN HOLIDAY is represented by a total of 10 basic concepts: DATE, PARTICIPANTS, GENERAL IDEA, SOLEMN CEREMONIES, ENTERTAINMENT, DECORATION, FOOD, HISTORICAL DATE, MYTHOLOGICAL PHENOMENA and COMMERCIALIZATION. The analysis of the frequency of nomination of certain basic concepts by the corresponding units makes it possible to assert that in the nominative field of the macroconcept AMERICAN HOLIDAY, the most detailed and diverse verbalization of some concepts and significantly fewer cases of nomination of others is natural and reflects the real significance of the basic concepts that are studied for bearers of American culture.

Keywords: macroconcept, concept, basic concept, nominative field, nominative effect/nominations, American holiday.

Миромоделирующий потенциал автобиографических дискурсивных практик

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

С. В. Волошина

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания
Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

Аннотация

Статья посвящена описанию миромоделирующего потенциала институциональных автобиографических практик через обращение к концепту СЕМЬЯ. Материал исследования — 320 делопроизводственных автобиографий, хранящихся в архивах Томской области. В работе используется метод дискурсивного анализа в сочетании с методами концептуального и сопоставительного анализа. Выявляются языковые средства объективации концепта СЕМЬЯ. Приводятся примеры сведений, которые составители автобиографий указывали или, напротив, скрывали о своей семье в зависимости от социально-исторических условий. Специфика реализации концепта в изучаемых текстах определяется на фоне устных автобиографий, записанных на территории Томской области с 1946 г. по 2023 г. Концепт СЕМЬЯ, реализующийся в автобиографических практиках, отражает не только специфику жизни отдельного человека, систему своих ценностей, но и особенности эпохи, в которую живут авторы текстов, и систему ценностей отдельных поколений. Таким образом, показывается, что автобиографические практики выступают как инструмент моделирования мира.

Ключевые слова: автобиографический дискурс, автобиографические практики, делопроизводственная автобиография, концепт.

Многие исследования речевой коммуникации последних десятилетий направлены на выявление и описание различных типов дискурса, циркулирующих в определённых сферах социальной жизни, выделение в их структуре подтипов, определение признаков этих типов дискурса [Иссерс 2011]. Актуальность таких работ связана с необходимостью определения перечня типов дискурса, их взаимодействия. Исследование автобиографического дискурса служит решению этой задачи и развитию современных автобиографических исследований.

Одной из ядерных институциональных практик автобиографического дискурса является делопроизводственная автобиография. Термин “делопроизводственная автобиография” предложен Ю. П. Зарецким при изучении массовой практики их написания в СССР [Зарецкий 2019].

Материал исследования — 320 автобиографий, авторами которых является 181 человек. Документы содержатся в личных делах, отложившихся в ГАТО, ЦДНИ ТО, архивах университетов г. Томска. Они составлены либо на специальных бланках формата А4 (выявлено их 7 типов: бланки 1940 г., 1949 г., с 1954 г. по 1959 г., 1955 г., 1958 г., 1979 г., 1990 г.) или близкого к нему, либо на листах чистой бумаги различных форматов. Хронологические рамки изучаемых текстов — конец 1920-х — конец 1990-х- 2000-е гг.

В исследуемых документах авторы описывают свою жизнь с момента рождения до времени написания текстов. Эпоха, в которую создавалась автобиография, влияла на композиционную и тематическую организацию текстов [Волошина, Литвинов 2016]. Таким образом, автобиографии — это своего рода документы эпохи, отражающие не только события из жизни человека, но и мир, в котором он живёт.

Поскольку авторы автобиографий в основном составляли их, устраиваясь на работу или переизбираясь на долж-

ность, в текстах они преимущественно описывали основные вехи своей жизни и свой профессиональный путь. Жанрообразующими и дискурсообразующими выступают концепты ОБРАЗОВАНИЕ, РАБОТА и СЕМЬЯ.

Обратимся к анализу концепта СЕМЬЯ. Сведения о составе семьи требовалось указать в 6 из обнаруженных 7 типах бланков (1940, 1949, 1954, 1955, 1958, 1979).

Методика анализа концепта базируется на выделении в его структуре понятийного, образного и аксиологического слоёв [Карасик 2002]. В исследуемом материале выбирались контексты с лексемой *семья*, её дериватами и единицами, в значении которых содержится сема 'семья', анализировалась сочетаемость обозначенных лексем, их системные связи, рассматривалась семантика этих единиц и высказываний.

Понятийный слой. *Семья* — это “группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе” [Словарь русского языка 1988: 76].

Вербализация концепта в исследуемых текстах осуществляется с помощью лексем *семья, семейство, семейный*. Главными средствами, объективирующими концепт, выступают термины родства: *мать, отец, муж, жена, бабушка* и другие.

В текстах автобиографий могут указываться следующие данные о членах семьи и о семье: социальное происхождение: *Отец мой родом осетин, был из крестьян*; социальное и материальное положение; состав семьи: *Женат. В состав семьи входят двое детей*; национальность, возраст: *Имею дочь 15 лет*; образование: *Мать неграмотная*; работа (профессия): *Отец вместе с дедом занимались отходничеством (бондаря)*; партийность: *Отец является членом КПСС*; судимость: *Родственники под судом не были и избирательных прав не лишались*; участие в войне; место жительства членов семьи. В основном эта информация носит анкетный характер, но

отражает особенности эпохи (профессии, репрессивную политику государства, глобальные события и другие) и те сведения, которые интересовали власть в разные годы XX в.

Репрезентанты концепта СЕМЬЯ, которые связаны с номинацией семейного положения человека, могут вступать в антонимические отношения: *женат — холост, замужем — не замужем*. Составители автобиографий пишут как о семье родителей, так и о семье, которую они создали сами, указывают как на создание — *брак*, так и на распад семьи — *развод*: “В 1909 г. будучи студентом **женился** на дочери учителя Томской женской гимназии <...> В 1930 г. **разошёлся**”.

Интересным представляется и то, какие сведения умалчиваются в текстах, при каких условиях. Например, в двух автобиографиях, написанных одним человеком в разные годы, наблюдаются отличия в подаче информации. В автобиографии 1943 г. автор не сообщает сведения о брате (автобиография писалась не на бланке, а на простом листе бумаги, где не было требований), в то время как в более поздней, формализованной автобиографии 1955 г., отвечая на вопрос “Кто из родственников лишился избирательных прав, подвергался репрессиям, был под судом и следствием (за что, когда и где)”, он указывает, что “В 1937 году арестован брат ХХХ, причины ареста мне не известны”.

Сопоставляя изучаемые тексты с устными автобиографиями, записанными в диалектологических экспедициях сотрудниками и студентами Томского государственного университета с 1946 г. по 2023 г., можно отметить, что понятийный слой изучаемого концепта в устных рассказах разработан более детально, обладает большим количеством репрезентантов и выделяются такие характеристики семьи, как соответствие / несоответствие нормам поведения, этики и морали (*порядочная, приличная, плохая, худая семья*), рели-

гиозность семьи (*религиозная семья*), в количественном отношении представлено больше контекстов, актуализирующих отношения между членами семьи (*дружная / недружная семья*).

Образный слой концепта СЕМЬЯ слабо разработан и представлен в исследуемых текстах. Это объясняется их институциональной природой. В устных рассказах образный слой концепта также разработан менее детально, однако встречаются единичные актуализации (метафоры, метонимии, сравнения): мир семьи может формировать исходную и результирующую сферы метафорических моделей. В исходной сфере преимущественно отражён мир растений (*дети — грибочки*), продуктов (*детей целая лапша*) [Волошина, Демешкина, Толстова, 2021], животных (*Моя сноха — така гадюка*), отравляющих веществ (*А свекровь у меня была зелье*).

Аксиологический слой концепта СЕМЬЯ. В делопроизводственных автобиографиях контексты, в которых были бы прямые высказывания, актуализирующие ценностные смыслы семьи, немногочисленны. Однако ценностными характеристиками наделяются материальная и нематериальная поддержка, которую может получать человек от семьи, наличие родственников, влияние семьи на жизнь человека: *Обучать меня в гимназии моим родителям помогал мой брат, ставший к тому времени “на свои ноги” брат мой, Х.Х., который посылал моим родителям рублей 20 в месяц.* В этом смысле автобиографические тексты также выступают одним из инструментов демонстрации системы ценностей человека.

В устных рассказах семья репрезентируется как одна из главных жизненных ценностей человека, его поколения.

Автобиографический дискурс, наряду с концептом СЕМЬЯ, фиксирующим один из фрагментов мира, обладает ми-

ромоделирующим потенциалом. Концепт СЕМЬЯ, реализующийся в автобиографических практиках, отражает не только специфику жизни отдельного человека, систему своих ценностей, но и особенности эпохи, в которую живут авторы текстов, и систему ценностей отдельных поколений.

Список литературы:

1. Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в Новейшей истории России: композиция и содержание текстов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 1(10). С. 40–54 [Voloshina, Svetlana V. & Litvinov, Alexander V. 2016 Anatomiya deloproizvodstvennoj avtobiografii v Novejshej istorii Rossii: kompoziciya i sodержanie tekstov (Anatomy of a clerical autobiography in the contemporary history of Russia: composition and content of texts). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie (Text. Book. Publishing)*, 1 (10), 40–54.]
2. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Концепт “Семья” в устных автобиографических рассказах жителей Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2021. № 27. С. 39–68. [Voloshina, Svetlana V. & Demeshkina, Tatiana A. & Tolstova, Maria A.. 2021 Koncept “Sem’ya” v ustnyh avtobiograficheskikh rasskazah zhitelej Sibiri (The concept “Family” in the oral autobiographical stories of siberians). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie (Text. Book. Publishing)*, 27, 39–68.]
3. Зарецкий Ю.П. Моя жизнь для государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // Новое литературное обозрение. 2019. № 3 (157). С. 107–127. [Zareckij, YUrij P. 2019 Koncept “Sem’ya” v ustnyh avtobiograficheskikh rasskazah zhitelej Sibiri (My life for the state: the mass practice of composing work record autobiographies for work by Soviet people). *Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review)*, 3 (157) 107–127.]

4. Иссерс О. С. Дискурсивная практика как наблюдаемая реальность // Вестник Омского университета. 2011. № 4 (62). С. 227–232. [Issers, Oksana S. 2011 Diskursivnaya praktika kak nablyudae-maya real'nost' (Discourse practice as observed reality). *Vestnik Omskogo universiteta (Herald of Omsk University)*, 4 (62), 227–232.]
5. Карасик В. И. Языковой круг: язык, личность, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik, Vladimir I. 2002. *Yazykovoj krug: yazyk, lichnost', diskurs (Language circle: language, personality, discourse)*. Volgograd: Peremena.]
6. Словарь русского языка: В 4-х т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. 1988. 800 с. [Evgen'eva, Anastasiya P. (ed.). 1988. *Slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. (Dictionary of the Russian language in 4 volumes)*. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.]

Сведения об авторе:

Волошина Светлана Владимировна, к. филол. н., доцент,
Томский государственный университет, Томск, Россия;
email: vsv1304@yandex.ru

WORLD MODELLING POTENTIAL OF AUTOBIOGRAPHICAL DISCURSIVE PRACTICES

Svetlana V. Voloshina

Candidate of Philology, Associate Professor, Tomsk State University,
Tomsk, Russia; email: vsv1304@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the world-modelling potential of official autobiographical practices through an appeal to the concept of FAMILY. The research material consists of 320 office autobiographies, which are stored in the archives of

the Tomsk region. The method of discursive analysis in combination with the methods of conceptual and comparative analysis is used. The linguistic means of objectification of the FAMILY concept are revealed. Examples of information that the authors of autobiographies indicated or, on the contrary, concealed about their family, depending on socio-historical conditions, are given. It is shown that autobiographical practices are one of the tools for modeling the world and demonstrating a person's personal value system. The specifics of the implementation of the concept in the texts are determined against the oral autobiographies recorded on the territory of the Tomsk region from 1946 to 2023. The concept of FAMILY implemented in autobiographical practices reflects not only the specifics of an individual's life, their system of values, but also the features of the era in which the authors of the texts live, and the system of values of individual generations. Thus, it is shown that autobiographical practices act as a tool for modeling the world.

Keywords: autobiographical discourse, autobiographical practices, office autobiography, concept.

**Специфика проявления стереотипных
представлений у носителей русского языка
в деловой сфере общения**
*(на примере коммуникации
с китайскими предпринимателями)*

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81:008

Гао Юе

Аннотация

Статья отражает результаты научного исследования, посвящённого специфике проявления стереотипных представлений у носителей русского языка в деловой сфере общения. Предметом исследования послужили средства реализации этнокультурного стереотипа у русскоговорящих предпринимателей при общении с китайскими партнерами. С целью наиболее полной характеристики исследуемого предмета в статье описываются факторы, влияющие на формирование стереотипа и его типы, а также свойства этнокультурного стереотипа. Подвергаются качественному анализу и сопровождаются иллюстративным материалом специфические средства экспликации этнокультурного стереотипа: кванторные слова, оценочные прилагательные, синтаксический детерминант с обстоятельственным значением.

Результатом изучения способов реализации этностереотипа стало в том числе выявление таких характеристик китайских предпринимателей, как гостеприимство, пунктуальность, вежливость, приветливость, с одной стороны, и злопамятность, суеверность, льстивость — с другой. Кроме того, было установлено, что при деловом общении для китайцев устная договоренность важнее письменных соглашений, престиж компании выше личного успеха, свойственно стремление сохранить “лицо”, неприемлемо открытое выражение

отказа и др. В заключении формулируются выводы о дифференциации языковых средств в зависимости от того, какого рода стереотипные представления они актуализируют.

Ключевые слова: стереотипные представления, китайские предприниматели, межкультурная коммуникация, деловое общение, языковые средства.

Стереотипы являются одним из центральных объектов исследований в области лингвистики и культуры. Они представляют собой важную и надёжную основу для выбора установок и моделей поведения в межкультурной коммуникации. В связи с этим эффективное управление стереотипами приобретает большое практическое значение.

Особенно актуальным это становится в настоящее время, когда российско-китайские отношения находятся на новом этапе своего развития. Как пишет президент Российской Федерации В. В. Путин в своей статье для китайской газеты “Жэньминь Жибао”, отношения между двумя странами находятся на наивысшем уровне и одно из первых мест в них занимает торгово-экономическое партнёрство (“Аргументы и Факты”, 19.03.2023). Это значит, что деловые контакты становятся более частыми и углублёнными, а успешность бизнес-коммуникации непосредственно зависит от корректности стратегий и тактик общения, обусловленных в том числе стереотипными представлениями российских и китайских партнёров друг о друге.

В связи с выше сказанным появляется необходимость систематизировать стереотипы рядовых носителей русской лингвокультуры об особенностях речевого поведения предпринимателей из КНР. Для достижения этой цели были отобраны тексты с инструктивной направленностью, описыва-

ющие опыт общения русских предпринимателей с представителями китайского бизнеса. Для анализа привлекались речевые произведения на русском языке, опубликованные на российских интернет-сайтах, а также созданные в условиях коммуникации в социальных сетях (“ВКонтакте”, “Telegram”, “Facebook”*, “Instagram”*) (*Запрещены на территории Российской Федерации).

Тщательный анализ языковых средств и речевых особенностей отобранных текстов позволил выделить ключевые компоненты семантики этнокультурных стереотипов о речевом поведении китайских предпринимателей; рассмотреть структурные особенности речевых репрезентантов этнокультурных стереотипов; выделить особенности языковых средств экспликации этнокультурных стереотипов. Результаты проведенного исследования легли в основу данной статьи.

Термин “стереотип” в его современном понимании был введён в научный обиход американским ученым Волтером Липпманом. В своём труде “Общественное мнение” (1922) Липпман сделал попытку определить место и роль стереотипов в системе общественной мысли. Стереотип, по его мнению, это “принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте” [Ослон 2006: 125]. Липпман утверждает, что стереотипы проявляются на уровне мышления и поведения личности.

Формирование стереотипов происходит в процессе социализации и инкультурации индивида посредством общественного мнения, средств массовой информации, кино, литературных произведений, фольклорных текстов и т. д. Как только стереотип сформирован, он обладает очень высокой степенью стабильности, и его трудно изменить. Даже если

есть факт, свидетельствующий об обратном, люди склонны придерживаться стереотипа и отрицать или “модифицировать” этот факт, “подгоняя” последний под сложившийся стереотип.

У. Квастхофф первой предложила рассматривать социальные стереотипы как “объект лингвистического исследования и разделила их на четыре основных типа” [Квастхофф 2013: 116–126].

К первому типу относятся стереотипы, приписывающие определённой группе определённые характеристики. Этот тип реализуется с помощью формулы “Члены группы X такие”. При экспликации этнокультурного стереотипа наполнение этой формулы выглядит так: этноним + атрибутив. Например:

“Китайцы злопамятны и мстительны” [10].

Второй тип стереотипных представлений характеризуется меньшей категоричностью и указывает на мнение, бытующее в обществе. Этот тип выражается в виде “Члены группы X считаются такими-то”. В эту группу входят те случаи, когда есть явные сомнения в обоснованности высказанных представлений. Например:

“Шанхайцы (не обязательно коренные — просто жители Шанхая!) считаются самыми умными, хитрыми и удачливыми” [7].

Третий тип связан со вторым типом, он чётко выражает точку зрения на содержание пропозиции и приписывает его мнению определённой аут-группы. Например:

“В Европе многие считают китайцев хитрецами и пройдохами, так как на востоке подходы к ведению бизнеса во многом отличаются от европейского по стилю, тактике, приёмам изучения партнеров и рассматриваются в старой части света как неприемлемые” [2].

Четвёртый тип представлений-стереотипов задаётся установленными ограничениями, например, с помощью маркера условия *но только в том случае если*:

“Китайцы любят силу, и довольно часто импульсивная демонстрация силы в виде знаний, роскоши, ресурсов может принести свой результат, но только в том случае если в обсуждаемых проектах есть серьёзные, я повторяюсь, серьёзные интересы китайской стороны, а есть ли они — это уже другой вопрос” [5].

Этнокультурный стереотип относится к социальным стереотипам, это “схематизированный образ своей или чужой этнической общности, который отражает упрощённое знание (иногда одностороннее или неточное, искажённое) о психологических особенностях и поведении представителей конкретного народа и на основе которого складывается устойчивое и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или самой себе” [Крысько 2008: 71].

Этнокультурные стереотипы, как и другие виды социальных стереотипов, можно разделить на авто- и гетеростереотипы согласно оппозиции “свой/чужой”. Автостереотип — “это обобщение, при котором члены группы А не дифференцированно воспринимают членов группы А, представление русских о русских, немцев о немцах и т. п.” [Потапова 2005: 24]. Гетеростереотип — “это представление о данном народе со стороны других народов” [Нистратов 2018: 233]. Этнокультурные гетеростереотипы основаны на убеждении, что характеристики своей культуры являются нормой, в то время как характеристики другого этноса являются отклонением. Например:

*“Договора на бумаге нужны только **нам**. Чтобы оформить таможенные документы, отчётность, и, безусловно, для душевного спокойствия. У населения Поднебесной честное слово остаётся в почёте и до сих пор. Устной договорённости **им***

вполне хватит для ведения дел, включая и крупные сделки” [9]. В приведённом примере посредством противопоставления элементов *нам-им* вводится стереотипное представление об отношении к письменным и устным договорённостям со стороны китайских бизнесменов (членов аут-группы).

Одно из ведущих свойств этнокультурных стереотипов — обобщение. Наиболее специализированным средством передачи генерализированного значения являются этнонимы, то есть “названия различных видов этнических общностей: наций, народов, народностей, племён, племенных союзов, родов и т. п.” [Нерознак 2002: 113]. Например:

“Китаец может сказать ‘да’, но это не значит, что он одобряет ваши условия — на самом деле он просто вас услышал” [11].

Люди не только используют стереотипы, сформировавшиеся давным-давно, но и обобщают, фиксируют новые представления и образы по мере развития ситуации, и тем самым формируются новые этнические стереотипы. Для передачи обобщённого значения в русском языке оптимально приспособлены некоторые лексико-морфологические элементы, например, кванторные слова: **любой, каждый, все, всегда, никогда, обычно, часто / очень часто / зачастую, иногда**: “Для **любого** китайца престиж компании, в которой он работает превышает его личного успеха” [2]; “Для **каждого** китайца особенную ценность имеет его собственное “лицо” — имидж, реноме, основанные на оценке окружающих” [12]; “**Все** китайцы, особенно женщины, крайне не любят прикосновений незнакомых людей, в том числе иностранцев” [10]; “Китайцы в деловых вопросах **всегда** серьёзны и неэмоциональны и в целом держатся даже чересчур официально, в отличие от экспрессивных итальянцев или испанцев” [3]; “Китайцы **никогда** не скажут вам ‘нет’ в лицо” [1]; “В делегации партнёров **обычно**

стараятся найти тех, кто выражает симпатии их стороне, и через этих людей оказать влияние на позицию противоположной стороны” [6]; “Китайцы **часто** обсуждают важные вопросы за столом с уверенностью, что их не понимают — это хороший способ проверить истинность их намерений” [8]; “Китайцы **очень часто** именно во время обеда решают деловые вопросы” [1]; “Вначале переговоров **зачастую** озвучивают абсурдно неприемлемый уровень цен (если хотят приобрести товар — будут максимально занижать цену товара, если хотят продать — повышать)” [4]; “**Иногда** китайцы ведут переговоры только ‘для практики’” [7].

Способностью выражать генерализованное значение обладают также и синтаксические структуры русского языка. В частности, стереотипные представления о китайских предпринимателях нередко вводятся посредством детерминанта *в Китае*. В этом случае он “несёт в себе нерасчлнённое (слитное) значение, в котором контаминируются значение действующего... субъекта и значение пространственной... отнесенности этого субъекта к тому месту, в котором он находится, которым он представлен” [Русская грамматика 1980: 154]. Например: “Стремление дезавуировать отдельные пункты заключённого договора и навязать партнёру новые правила игры — обычная практика **в Китае**” [13]. Здесь детерминант *в Китае* заключает в себе генерализованное значение ‘китайские бизнесмены’.

Резюмируя вышесказанное, мы приходим к следующим выводам. Вербальное выражение стереотипных представлений о членах той или иной этнической общности происходит посредством генерализующих суждений, которые активно используются в интернет-коммуникации. Описание обобщающих суждений при анализе значительного количества аутентичных речевых произведений становится возможным благодаря содержащимся в них лингвистическим единицам,

участвующих в передаче генерализующего значения. Прежде всего, это этноним **китайцы**, сопровождаемый широким спектром атрибутов, характеризующих субъект. Среди лексико-морфологических средств языка наиболее приспособленными для экспликации этностереотипа являются кванторные слова, а на уровне синтаксиса — детерминант с нерасчленённым субъектно-пространственным значением **в Кумае**.

Изучение способов экспликации этнокультурного стереотипа в русскоязычных текстах способствовало выявлению положительных и отрицательных характеристик китайских предпринимателей. К положительным можно отнести гостеприимство, пунктуальность, вежливость, приветливость, среди отрицательных отмечены злопамятность, суеверность, лживость. Было также установлено, что в деловых контактах китайцы придерживаются официального, сдержанного стиля общения, тактильные контакты с незнакомыми людьми им крайне неприятны; для китайских предпринимателей большое значение имеет устная договоренность (даже в крупных сделках), а также стремление сохранить “лицо”, нормальной практикой считается решение важных деловых вопросов за обедом и др.

Таким образом, благодаря лингвистическому анализу русскоязычных текстов в сети интернет появляется возможность идентификации и дальнейшего описания всего арсенала (в статье представлены лишь некоторые) языковых средств экспликации этнокультурных стереотипов и специфики их функционирования.

Список литературы:

1. Бизнес с Китаем. Бизнес-идеи. Товары из Китая [Электронный ресурс] // Вконтакте: [социальная сеть]. URL: <https://vk.com/businesskitai> (дата обращения 06.05.2021). [*Biznes s kitaem (Busi-*

- ness with China*) [Online]. Available from: <https://vk.com/business-kitai> (Accessed: 06.05.2021).]
2. Деловой этикет в Китае [Электронный ресурс] // rusexporter.ru: [сайт]. URL: <https://www.rusexporter.ru/business-etiquette/407/?ysclid=18xe3xbfr651496004> (дата обращения 01.05.2021). [*Delovoi etiket v Kitae (Business etiquette in China)*]. [Online] Available from: <https://www.rusexporter.ru/business-etiquette/407/?ysclid=18xe3xbfr651496004> (Accessed: 01.05.2021).]
 3. Деловой этикет в странах Азии [Электронный ресурс] // selfmadetrip.com: [сайт]. 2016. 19 ноября. URL: <https://selfmadetrip.com/delovoy-etiket-v-stranah-azii/> (дата обращения 05.05.2021). [*Delovoi etiket v stranakh Azii (Business etiquette in Asian countries)*]. [Online] Available from: <https://selfmadetrip.com/delovoy-etiket-v-stranah-azii/> Accessed: 05.05.2021).]
 4. Как вести переговоры с китайцами — База знаний [Электронный ресурс] // primelog.ru: [сайт]. 2019. 1 апреля. URL: <https://primelog.ru/useful/peregovory-s-kitaytsami/?ysclid=18xbg6wvc202437154> (дата обращения 01.05.2021). [*Kak vesti peregovory s kitaytsami — Baza znaniy (How to negotiate with the Chinese — Knowledge Base)*]. [Online]. Available from: <https://primelog.ru/useful/peregovory-s-kitaytsami/?ysclid=18xbg6wvc202437154> (Accessed: 01.05.2021).]
 5. Как проводить переговоры с китайскими партнерами [Электронный ресурс] // spark.ru: [сайт]. 2017. 31 июля. URL: <https://spark.ru/user/60236/blog/31122/kak-provodit-peregovori-s-kitajskimi-partnerami?ysclid=18ydzxjrai999275253> (дата обращения 02.05.2021). [*Kak provodit' peregovory s kitajskimi partnerami (How to negotiate with Chinese partners)*] [Online]. Available from: <https://spark.ru/user/60236/blog/31122/kak-provodit-peregovori-s-kitajskimi-partnerami?ysclid=18ydzxjrai999275253> (Accessed: 02.05.2021).]
 6. Квастхофф, У. Социальный предрассудок и коммуникация — лингвистический анализ стереотипа / У. Квастхофф // От линг-

- вистики к мифу: Лингвистическая культурология в поисках “этнической ментальности”: сборник статей. / сост. А.В. Павлова. СПб.: Антология, 2013. С. 113–137. [Kvastkhoff, U. 2013. *Socialniy predrassudok i kommunikatsii — lingvisticheskiy analiz stereotipa (Social prejudice and communication — linguistic analysis of the stereotype)*. St. Petersburg 2013: Antologiya, 113–137.]
7. Китайский национальный стиль ведения переговоров — Международные переговоры в бизнесе и политике (studme.org) [Электронный ресурс] // studme.org: [сайт]. URL: https://studme.org/166701195971/politologiya/kitayskiy_natsionalnyy_stil_vedeniya_peregovorov (дата обращения 05.05.2021). [*Kitaiskiy natsional'niy stil' vedeniya peregovorov — Mezhdunarodnye peregovory v biznese i politike (Chinese National Negotiation Style — International Negotiations in Business and Politics)*]. [Online] Available from: https://studme.org/166701195971/politologiya/kitayskiy_natsionalnyy_stil_vedeniya_peregovorov (Accessed: 05.05.2021).]
 8. Крысько В.Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр Академия, 2008. 320 с. [Krysko, Vladimir G. 2008. *Etnicheskaya psikhologiya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy (Ethnic psychology: Textbook for university students)*. Moscow: Academy Publ.]
 9. Мажаров И.В. Как вести переговоры с китайцами [Электронный ресурс] // orientalinstitute.ru: [сайт]. URL: <http://www.orientalinstitute.ru/sinology/sinolo-articles/396-china-neg.html?ysclid=l8xbz98dae119496302> (дата обращения 02.05.2021). [Mazharov, Irog V. *Kak vesti peregovory s kitaitсами (How to negotiate with the Chinese)*]. [Online] Available from: <http://www.orientalinstitute.ru/sinology/sinolo-articles/396-china-neg.html?ysclid=l8xbz98dae119496302> (Accessed: 02.05.2021).]
 10. Нерознак В.П. Этнонимика // Лингвистический энциклопедический словарь I гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Рос. энцикл., 2002. С. 598–599. [Neroznak, Vladimir P. 2002 *Etonimika (Et-*

- nonymy). In: (*Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (*Linguistic encyclopedic dictionary*). Moscow: Bolshaya Ros. entsicl., 598–599.]
11. Нистратов А.А., Тарасов Е.Ф. Психолингвистический анализ авто- и гетеростереотипов русских // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2018. №1–2 (32–33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskiy-analiz-avto-i-geterostereotipov-russkih> (дата обращения: 17.01.2024). [Nistratov, Alexander A., Tarasov, Ye. F. 2018. Psiholingvisticheskiy analiz avto- i geterostereotipov russkih (Psycholinguistic analysis of auto- and geterostereotypes of Russians). *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* (*Human. Image and Essence. Humanitarian Aspects*). #1–2. 32–33.]
 12. Ослон А.А. Уолтер Липпман о стереотипах: выписки из книги “Общественное мнение” // Социальная реальность. 2006. № 4. С. 125–141. [Oslon, Alexander A. 2006. Walter Lipmann о stereotipakh: vypiski iz knigi “Obschesvennoe mnenie” (Walter Lippmann on stereotypes: extracts from the book “Public Opinion”). *Social'naya real'nost'* (*Social Reality*). #4. 125–141.]
 13. Особенности делового общения в Китае. Как правильно вести бизнес с Китаем. [Электронный ресурс] // nativespeakers.ru: [сайт]. URL :<https://www.nativespeakers.ru/articles/osobennosti-delovogo-obshheniya-v-kitae/?ysclid=l8y1wnnrj909938491> (дата обращения 05.05.2021). [*Osobennosti delovogo obscheniya v Kitae. Kak pravil'no vesti biznes s Kitaem* (*Features of business communication in China. How to do business with China correctly*). [Online] Available from: <https://www.nativespeakers.ru/articles/osobennosti-delovogo-obshheniya-v-kitae/?ysclid=l8y1wnnrj909938491> (Accessed: 05.05.2021).]
 14. Особенности делового общения с китайцами [Электронный ресурс]//rosimport.pro. URL: <https://rosimport.pro/poleznaya-informaciya/osobennosti-delovogo-obshheniya-s-kitajtsami/> (дата обращения 05.05.2021). [*Osobennosti delovogo obscheniya s kitajtsami*

- (*Features of business communication with the Chinese*). [Online] Available from: <https://rosimport.pro/poleznaya-informaciya/osobnosti-delovogo-obshheniya-s-kitajtsami> (Accessed: 05.05.2021).]
15. Помощь бизнесу. [Электронный ресурс] // bishelp.ru. URL: <http://bishelp.ru/business/upravljaem-biznesom/osobennosti-raboty-s-kitayskimi-partnyorami> (дата обращения 01.05.2021). [*Pomosch biznesu (Assistance to business)*]. [Online] Available from: <http://bishelp.ru/business/upravljaem-biznesom/osobennosti-raboty-s-kitayskimi-partnyorami> (Accessed: 01.05.2021).]
 16. Потапова О.В. Языковые этнические стереотипы и их представление в белорусской, русской и польской лексикографии XIX века: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Потапова Ольга Васильевна; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2005. 151 с. [Potapova, Olga V. 2019. *Yazykovye etnicheskie steretipy i ikh predstavlenie v bolorusskoi, russkoi i pol'skoi leksikografii XIX veka (Linguistic ethnic stereotypes and their representation in Belarusian, Russian and Polish lexicography of the 19th century)*. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.]
 17. Рошаль П. Сувениры и строгий дресс-код: как вести переговоры с китайскими бизнесменами [Электронный ресурс] URL: <https://sberbusiness.live/publications/suveniriy-i-strogii-dress-kod-kak-vesti-peregovory-s-kitaiskimi-biznesmenami?ysclid=l8xd95xvyk579857130> (дата обращения 03.05.2023). [Roshal, Pavel. *Suveniriy I strogiy dress-kod: kak vesti peregovory s kitaiskimi biznesmenami (Souvenirs and strict dress code: how to negotiate with Chinese businessmen)*. [Online] Available from: <https://sberbusiness.live/publications/suveniriy-i-strogii-dress-kod-kak-vesti-peregovory-s-kitaiskimi-biznesmenami?ysclid=l8xd95xvyk579857130> (Accessed: 03.05.2023).]
 18. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. Москва: Наука, 1980. 709 с. [*Russkaya grammatika 1980. Tom 2. Sintaksis (Russian grammar. Vol. 2. Syntax)*. Moscow: Nauka.]

19. Тюрмин, К. “Искусство войны”, или Стратегия переговоров с китайским партнером. [Электронный ресурс] URL: <https://magazeta.com/stratagems-2?ysclid=18xdzu4feg634717904> (дата обращения 01.05.2021). [Tyrmin, Kostantin. *Iskusstvo voiny ili strategii peregovorov s kitayskim partnerom* (“The Art of War”, or *Negotiation Strategy with a Chinese Partner*) [Online] Available from: <https://magazeta.com/stratagems-2?ysclid=18xdzu4feg634717904> (Accessed: 01.05.2021).]
20. Экскурс. О ведении переговоров с китайцами. Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. [Электронный ресурс] URL: <https://econ.wikireading.ru/36034?ysclid=18ycxjdky070946710> (дата обращения 02.05.2021). [*Ekskurs. O vedenii peregovorov s kitaitsami. Kitai upravlyaemiy. Stariy dobryi menedzment* (*Excursion. On negotiating with the Chinese. China controlled. Good old management*) [Online] Available from: <https://econ.wikireading.ru/36034?ysclid=18ycxjdky070946710> (Accessed: 02.05.2021).]

Сведения об авторе:

Гао Юе, аспирант, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия; email: smecgaoyue@163.com

SPECIFICS OF THE MANIFESTATION OF STEREOTYPICAL PERCEPTIONS IN RUSSIAN SPEAKERS IN THE BUSINESS SPHERE OF COMMUNICATION (ON THE EXAMPLE OF COMMUNICATION WITH CHINESE ENTREPRENEURS)

Gao Yue

Postgraduate Student, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; email: smecgaoyue@163.com

Abstract

The article reflects the results of the scientific research devoted to the specifics of manifestation of stereotypical representations in Russian speakers in the business sphere of communication. The subject of the study is the means of realisation of ethno-cultural stereotype in Russian-speaking businessmen when communicating with Chinese partners. For the purpose of the most complete characterisation of the investigated subject, the article describes the factors influencing the formation of stereotype and its types, as well as such properties of ethnocultural stereotype. Specific means of explication of ethnocultural stereotype are subjected to qualitative analysis and accompanied by illustrative material: quantifier words, evaluative adjectives, syntactic determinant with circumstantial meaning.

The result of studying the ways of ethnostereotype realisation was, among other things, the identification of such characteristics of Chinese entrepreneurs as hospitality, punctuality, politeness, friendliness, on the one hand, and vindictiveness, superstitiousness, flattery, on the other. In addition, it was found that in business communication for the Chinese oral agreements are more important than written agreements, the prestige of the company is higher than personal success, the desire to save “face” is peculiar, open expression of refusal is unacceptable, etc. In addition, it was found that in business communication the Chinese are more interested in oral agreements than in written agreements. The conclusions about differentiation of linguistic means depending on what kind of stereotypical representations they actualise are formulated in the conclusion.

Keywords: stereotypical perceptions, Chinese entrepreneurs, intercultural communication.

“Эффект присутствия” в АСМР-дискурсе: иммерсивные видеотексты

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

Ю. А. Евграфова

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию АСМР-дискурса. Предметом исследования являются особенности конструирования в нём “эффекта присутствия”. Основной целью является рассмотрение АСМР-дискурса, в частности, формирующегося в иммерсивных видеотекстах, с позиций создания в нём особого способа восприятия — “эффекта присутствия”. Помимо интерпретации, анализа, синтеза, использовались описательный метод, метод контекстуального анализа и коммуникативно-прагматический метод. Было обнаружено, что дискурсивно-семиотическое пространство рассматриваемого фрагмента АСМР-дискурса выстраивается на основе сотрудничества автора видеотекста и его зрителя. В видеотекстах АСМР “эффект присутствия” достигается, во-первых, за счёт intersubjectности, в основе которой лежит полимодальная синхронизация вербальных и невербальных компонентов, и, во-вторых, благодаря референциальной иллюзии, обеспечивающей узнавание и полное понимание происходящего на экране. Полученные результаты представляют интерес для исследования семиотики комплексных форм, для разработки методологического инструментария с целью выявления признаков сознательной манипуляции адресатом, а также могут быть использованы при работе над извлечением содержательно-концептуальной информации экранного сообщения.

Ключевые слова: АСМР-дискурс, мультимодальный дискурс, иммерсия, видеотекст, АСМР.

Введение

Термин АСМР пока только начинает оформляться в научном сообществе. В данной статье, вслед за Д.Л. Шкариным, он “считается собирательным обозначением ряда психофизиологических состояний, индуцируемых комплексом специфических воздействий: аудиовизуальных стимулов, подаваемых на пониженной громкости и адресно обращенных непосредственно к получателю” [Шкарин 2018: 80].

Особый интерес представляет такой фрагмент АСМР-дискурса как видеотексты, размещённые в различных цифровых средах. Они имеют многомиллионные просмотры и отклики зрителей, что свидетельствует о масштабности этого феномена, который нуждается в социально-философском, социально-психологическом, социолингвистическом, когнитивно-дискурсивном осмыслении. Кроме того, их сильное эмоциональное воздействие на зрителя ставит вопрос психологического и когнитивного и, в частности, сенсорного, благополучия, что также обосновывает **актуальность** исследования АСМР-дискурса.

На сегодняшний день **разработанность темы** АСМР остаётся недостаточной (25 публикаций за период 2010–2023 гг.). В основном, АСМР изучается в аспекте психологии и когнитивистики [Загидулина 2022; Трохова 2018; Черемных 2021 и др.]. Есть ряд работ, рассматривающих АСМР в аспекте лингвосемиотики [Евграфова 2021, 2022] и в социальном контексте [Смирнова 2016; Шкарин 2018 и др.]. Учёными также рассматривается эстетика АСМР и возможность её использования в масс-медиа [Загидулина 2019, 2019₂; Ревенко, Смирнова 2020; Чернышов 2022] и в образовании [Отрызков, Денисов, 2018]. До настоящего момента АСМР-дискурс и его дискурсивно-семиотическое пространство остаются неизученной областью исследования.

Целью настоящего исследования является рассмотрение АСМР-дискурса с позиций формирования в нём особо-

го способа восприятия — “эффекта присутствия”. Объект исследования составляет фрагмент АСМР-дискурса, формирующийся в иммерсивных видеотекстах, а предмет исследования — особенности конструирования в нём “эффекта присутствия”.

Исследование проводится в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и дискурсивной семиотики и учитывает такие особенности АСМР-дискурса, как: массовость, дистанция между адресантом и адресатом, избирательность, закрепощенность, альтероцентричность. Предлагаемый дискурсивно-семиотический подход к исследованию АСМР-дискурса основывается, на таких **методах**, как интерпретация, анализ, синтез, описательный метод, метод контекстуального анализа и коммуникативно-прагматический метод.

На сегодняшний день одним из популярных жанров АСМР является ролевая игра, основанная на погружённости в действие — иммерсивности или, по-другому, “эффекте присутствия”. В основе таких иммерсивных видеотекстов лежат разные коммуникативные ситуации, начиная от массажа ступней, заканчивая общением с пришельцами. Зритель в них погружается в происходящее за счёт моделирования бытового общения и имитации диалога. Материалом исследования послужил один из популярных иммерсивных видеотекстов “Усыпляющая Стрижка” [Усыпляющая Стрижка. <https://youtu.be/FN-V6c-UhNs>. 09.04.2018], набравший более 11 миллионов просмотров.

Конструирование “эффекта присутствия” в иммерсивных видеотекстах АСМР

2.1. Референциальная иллюзия

Реальность в иммерсивных видеотекстах АСМР выражается “естественно”, на основе тех же сценариев, стратегий

и тактик, что и в реальном мире. Например, видеотекст “Усыпляющая Стрижка” [Усыпляющая Стрижка. <https://youtu.be/FN-V6c-UhNs>. 09.04.2018] выстраивается вокруг темы стрижки и подчиняется логике этого события в реальной жизни: сначала проводится анализ волос, подбирается подходящая длина, форма, стиль. Затем накидывается пеньюар, волосы увлажняются спреем, расчесываются и подстригаются. После окончания стрижки лишние волосики убираются кисточкой, происходит мытье головы шампунем. На волосы наносится бальзам, они снова расчесываются, потом сушатся феном. В экранном пространстве постоянно присутствуют парикмахерские аксессуары: расчёска, брашинг, ножницы для стрижки, пульверизатор, кисть, шампунь, бальзам, маска, фен — обыденные предметы, имеющие первичные значения в реальной действительности, связанные с их функцией стрижки в повседневной жизни. Ведущий использует их по прямому назначению: ножницами стрижёт, расчёской расчесывает, шампунь, бальзам и маску использует для мытья головы, пульверизатором распыляет воду на волосы. Все действия комментируются: *Я Вас накрою накидкой; Сейчас я прикрою Ваше личико рукой, чтобы не набрызгать Вам в глаза; Сегодня буду Вас этой расчёсочкой расчесывать; Расчесываю здесь, здесь. Так. Немножко здесь, спереди; Буду брать прядки волос и резать; Берём прядь и режем, аккуратно* и т.д.

Демонстрируемый на экране АСМР-сеанс повторяет сценарий из реальной жизни. Совокупность его аудиовизуальных компонентов формирует комплексное означающее отсылающее к конкретному референту реальной действительности — коммуникативной ситуации “стрижка в парикмахерской”. Причём таким образом, что между, например, “ножницами” и реальными ножницами нет ни-

какой промежуточной инстанции, например, понятия “ножницы”. Смысл, идея, то есть означаемое, отсутствуют, их место занимает референт. Создаваемые образы как бы прилипают к соответствующим предметам и действиям реальной действительности. Такое “прилипание” Р. Барт обозначил как “референциальная иллюзия” [Барт 2013: 400]. В результате транслируемые образы уже не просто отсылают к реальности, а начинают её означать как некую общую категорию “реальность”, а не особенные её проявления [Там же].

Референциальная иллюзия не допускает ухода создаваемых аудиовизуальных образов в фантазматичность, они “прикрепляют” его к реальности, создают впечатление присутствия в сконструированном мире.

2.2. Эмпатия: интерсубъективация

Референциальная иллюзия создаёт скрытое правдоподобие. Оно позволяет адресанту (ведущему) так управлять когнитивным состоянием адресата (зрителя), что тот начинает разделять его точку зрения, “верить” в происходящее — погружается в демонстрируемое на экране — и испытывает ощущение мурашек. Происходит виртуальный обмен ощущениями и языковыми значениями, соотносимыми с некоторым фрагментом опыта, т.е. интерсубъективация. В рассматриваемом примере были обнаружены следующие маркеры интерсубъективности.

Вербальные:

- дейктические местоимения: *я, мы, Вы*;
- дейктические наречия локальные: *здесь, поближе, ниже, сверху, сзади, спереди, вверху, тут, там* и темпоральные: *сейчас, опять, сразу, потом, всегда*;
- глаголы ментального (эмоционального и интеллектуального) состояния участников общения: *знать, считать*;

- глаголы перцептивного восприятия: *увидеть, смотреть*;
- модальные глаголы: *хочу, должен, могу, нужно, надо*;
- вводно-модальные слова *кажется, пожалуй*;
- повелительное наклонение глагола: *выбирайте, попейте, не беспокойтесь, отдыхайте*;
- императив *давайте*;
- “эго-формы” 1 л. ед.ч. наст.вр., выражающие субъективную модальность: *я принесу; я Вас прикрою рукой; я начну с этой стороны; сейчас сзади ещё подойду* и др.

Невербальные:

- супрасегментные: интонация (нисходящий тон), показатели стыка сегментных единиц (паузы при ожидании “ответа”), медленный темп речи, низкая громкость и тембр голоса;
- крупный план АСМРтиста;
- оккуляризация: внутренняя, с позиции зрителя;
- жесты: медленные, плавные;
- звуки: шуршание, журчание, постукивание.

Благодаря контаминации вербальных и невербальных компонентов достигается не только интересубъективация, но и происходит полное погружение в происходящее. Слова ведущего подкрепляются жестами и звуками, способствуя полимодальной синхронизации, просодические средства усиливают фокус внимания на произносимом для достижения эффекта погружения и мурашек. Крупный план ведущего, расположение камеры так, как будто она — это глаза зрителя, визуально сокращает дистанцию между АСМРтистом и зрителем, а вербальные маркеры интересубъектности создают эффект непосредственной беседы. Таким образом конструируется совместное ментальное пространство, в котором интересубъективация позволяет достичь эмпатии и создать “эффект присутствия”.

Выводы

Иммерсивный видеотекст-АСМР может быть сегментирован несмотря на то, что он, будучи коммуникативным событием, процессуален и континуален. В нём может быть выделено некое подмножество составляющих его сущностей и отношений между ними, на основе которых и формируется “эффект присутствия”.

Несмотря на то, что иммерсивные видеотексты АСМР являются продуктом индивидуального творчества АСМРтистов, составляющие их акты высказывания не преобразуют и не обновляют значение, а воспроизводят его без перестройки и атомизации. Аудиовизуальные образы “прилипают” к реальности, создаётся референциальная иллюзия. Это обеспечивает узнавание и полное понимание происходящего на экране, что позволяет зрителю расслабиться и погрузиться в то, что демонстрируется на экране.

В видеотекстах АСМР “эффект присутствия” также достигается за счёт интересубъектности, в основе которой лежит полимодальная синхронизация вербальных и невербальных компонентов, что ведёт к имитации реального общения и созданию совместного ментального пространства ведущего и зрителя. У зрителя возникает эмпатия к происходящему, он начинает в него “верить” и, как результат, погружается в демонстрируемое на экране.

Заключение

Иммерсивный видеотекст АСМР при публикации его в той или иной цифровой среде становится коммуникативным событием, происходящим между адресантом и адресатом (зрителем) и, одновременно с этим, он является продуктом этого взаимодействия. Дискурсивно-семиотическое пространство этого фрагмента АСМР-дискурса выстраивается на основе со-

трудничества автора видеотекста и его зрителя, при котором намерения автора и его уникальный стиль создания автономной сенсорной меридиональной реакции вступают во взаимодействие с совокупностью реакций зрителя, который вычленяет в экранном мультимодальном комплексе “значимое” и без непосредственного внешнего раздражителя реконструирует квазисенсорные образы других модальностей, то есть ощущает результат тех действий, которые происходят на экране, например “поглаживания”, “дуновения” и т. п., что ведёт к появлению сенсорного покалывания в виде мурашек, эмоциональному состоянию расслабления и к погружению в искусственно созданную среду, “эффекту присутствия”.

Список литературы:

1. Евграфова Ю. А. Гипотипозис в гетерогенных экранных текстах на примере АСМР-видео // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 353–363. [Evgrafova, Julia A. 2022. Gipotipozis v geterogennyh jekrannyh tekstah na primere ASMR-video (Hypotyposis in heterogeneous screen texts: case study of ASMR-videos). *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika (RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics)*. 13 (2). 353–363.]
2. Евграфова Ю. А. Симулякр в экранном тексте: вербальный и невербальный уровни // В Фирсовские чтения. Современные языки, коммуникация и миграция в условиях глобализации: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, Москва, 20–21 октября 2021 года. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. С. 183–184. [Evgrafova, Julia A. 2021. Simuljagr v jekrannom tekste: verbal'nyj i neverbal'nyj urovni (Simulacrum in screen text: verbal and non-verbal levels). *V Firsovskie chtenija. Sovremennye jazyki, komunikacija i*

- migracija v uslovijah globalizacii (V Firsov readings. modern languages, communication and migration in the context of globalisation. Materialy dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii)*. 183–184. Moscow: RUDN Publishing.]
3. Загидуллина М.В. Гаптика как медиаэстетический феномен // Медиасреда. 2019. № 16. С. 130–134. [Zagidullina, Marina V. 2019. Gaptika kak mediajesteticheskij fenomen (Haptics as a media aesthetic phenomenon). *Mediasreda (Mediasphere)*. 16. 130–134.]
 4. Загидуллина М.В. О вербализации гаптических ощущений (на примере слайм-культуры) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 28–45. [Zagidullina, Marina V. 2022. O verbalizacii gapticheskikh oshhushhenij (na primere slajm-kul'tury) (On verbalization of haptic sensations (on the example of the slime culture)). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija (Tomsk State University Journal of Philology)*. 78. 28–45.]
 5. Загидуллина М.В. Огонь в контексте медиаэстетики: ASMR-образность как новый коммуникационный тренд // Горизонты цивилизации. 2019₂. № 10. С. 143–155. [Zagidullina, Marina V. 2019₂. Ogon' v kontekste mediajestetiki: ASMR-obraznost' kak novyj kommunikacionnyj trend (Fire and media aesthetics: ASMR-patterns as a new communication trend). *Gorizonty civilizacii (Civilisation horizons)*. 10. 143–155.]
 6. Огрызков В.Е., Денисов Д.П. Технологии мультимедиа и диагностика ASMR в образовательном процессе // Современные технологии в мировом научном пространстве: сб. ст. по итогам Международной научно-практической конференции. 2018. С. 23–28. [Ogryzkov, Vladimir E., Denisov, Dmitriy P. 2018. Tehnologii mul'timedia i diagnostika ASMR v obrazovatel'nom processe (Multimedia technologies and ASMR diagnostics in the educational process). *Sovremennye tehnologii v mirovom nauchnom prostranstve (Modern technologies in the global scientific space)*.

Sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii. 23–28.]

7. Ревенко А.А., Смирнова Д.С. Автономная сенсорная меридиональная реакция как новая медийная технология аудиовизуального продукта // Вестник МГЭИ (on line). 2020. № 2. С. 155–177. [Revenko, Anastasia A., Smirnova Daria S. 2020. Avtonomnaja sensornaja meridional'naja reakcija kak novaja medijnaja tehnologija audiovizual'nogo produkta (Autonomous sensory meridional reaction as a new media technological audiovisual product). *Vestnik MGJeI (on line) (Bulletin of MHEI)*. 2. 155–177.]
8. Смирнова И.И. АСМР: особенности коммуникативного взаимодействия // Вестник научных конференций. 2016. № 1–5 (5). С. 180–181. [Smirnova, Irina I. 2016. ASMR: osobennosti kommunikativnogo vzaimodejstvija (ASMR: features of communicative interaction). *Vestnik nauchnyh konferencij (Bulletin of Scientific Conferences)*. 1–5 (5). 180–181.]
9. Трохова А.В. Когнитивная природа автономной сенсорной меридиональной реакции // NovaInfo.Ru. 2018. Т. 1. № 92. С. 97–100. [Trohova, A. V. 2018. Kognitivnaja priroda avtonomnoj sensornoj meridional'noj reakcii (The cognitive nature of the autonomous sensory meridional response). *NovaInfo.Ru (NovaInfo.Ru)*. 1 (92). 97–100.]
10. Черемных А.А. АСМР и её практическая психологическая ценность // Организация работы с молодежью. 2021. № 5. [Cheremnyh, Anna A. 2021. ASMR i ejo praktičeskaja psihologičeskaja cennost' (ASMR and its practical psychological value). *Organizacija raboty s molodezh'ju (Organisation of work with youth)*. 5.]
11. Чернышов А.В. ASMR-искусство // Медиамузыка. 2022. № 13. С. 1–18. [Chernyshov, Alexander V. 2022. ASMR-iskusstvo (ASMR art). *Mediamuzyka (Meadiamusic)*. 13. 1–18.]
12. Шкарин Д.Л. Уровневый анализ ASMR-технологии и определение её значения в современном социальном контексте // Вестник Пермского университета. Философия. Психология.

Социология. 2018. № 1 (33). С. 79–87. [Shkarin, Dmitriy L. 2018. Urovnevyy analiz ASMR-tehnologii i opredelenie ee znachenija v sovremennom social'nom kontekste (Level analysis of ASMR technology and ascertaining its place in the contemporary social context). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija (Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology")*. 1 (33).79–87.]

Сведения об авторе:

Евграфова Юлия Александровна, д. филол. н.,
доцент (профессор), Национальный исследовательский
университет “МЭИ”, Москва, Россия;
email: yu.evgrafova@mail.ru

“PARTICIPATION EFFECT” IN ASMR-DISCOURSE: IMMERSIVE VIDEO TEXTS

Yulia A. Yevgrafova

Doctor of Philology, Associate Professor (Professor), National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia; email: yu.evgrafova@mail.ru

Abstract

This paper sets out to discuss ASMR discourse. The subject of the study is the properties of constructing the “participation effect” in it. The main goal is to examine ASMR discourse, in particular that is formed in immersive video texts, from the point of view of creating a special way of perception — the “participation effect”. In addition to interpretation, analysis and synthesis, the descriptive method, the method of contextual analysis and the communicative-pragmatic methods were used. It was found that the discursive-semiotic space of the considered fragment of ASMR discourse

is built on the basis of cooperation between the author of the video text and its viewer. In ASMR videotexts, the “participation effect” is achieved, first, through intersubjectivity, which is based on poly-modal synchronization of verbal and non-verbal components, and, second, through referential illusion, which provides recognition and full understanding of what is happening on the screen. The results obtained are of interest for the research of the semiotics of complex forms, in particular, for the development of methodological tools to identify signs of conscious manipulation of the addressee, and can also be used as applied when working on the extraction of content and conceptual information of the screen message.

Keywords: ASMR discourse, multimodal discourse, immersion, videotext, ASMR.

Метафора как инструмент преднамеренной дезинформации в современных британских СМИ

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

Г. В. Защитина

Аннотация:

В статье рассматриваются метафоры в сильной позиции — заголовках британских СМИ, приводящие к смещению информационного и прагматического фокуса новостного сообщения, и способствующие созданию условий для преднамеренной деформации информационного потока и целенаправленной манипуляции. В работе обращается внимание на то, какая роль отводится метафорическим вторичным номинациям, являющимся конструктивными элементами журналистского дискурса, способными не только выражать определённое отношение или оценку события, но и приводить к референтным сдвигам с последующим смещением смысловых акцентов, прагматического фокуса сообщения. Отмечается также, что преднамеренная деформация информационного потока зачастую имеет своей целью, наряду с повышением информационного статуса сообщения, ещё и помощь в реализации целого ряда достаточно субъективных прагматических задач. Путем анализа случаев актуализации метафорических номинаций, способствующих введению в заблуждение потенциального адресата, было указано на возросшую необходимость воспринимать поступающую информацию, непременно определяя её истинность.

Ключевые слова: дискурс СМИ, масс-медиаальная метафора, преднамеренная дезинформация, прагматика СМИ.

Репрезентация и воспроизведение событий-новостей журналистами — это не единственная цель СМИ: стремясь добиться монополии на формирование общественного мнения и мировоззрения огромного количества адресатов, СМИ обращаются к вторичным номинативным средствам — прежде всего метафорам — которые могут помочь журналисту в реализации определённых дискурсивных стратегий, предполагая при этом не только выдвигание субъективно значимой информации, но и её намеренное искажение [Гришаева 2023]. Зачастую это служит целям привлечения аудитории с помощью специфических заголовков, провоцирующих интернет-пользователей обращать внимание на конкретный контент в расчёте на свойственные человеческой природе чувства любопытства, возмущения или недоумения [Вольская 2018].

Хотя информирование является по умолчанию ключевой функцией СМИ, можно с сожалением констатировать, что последние более не являются источником истинной информации, в значительной степени находясь под идеологическим контролем. Показательно также и то, что мы можем столкнуться не столько с заведомо ложными фактами, сколько искажёнными, что и приводит к намеренным деформациям информационного потока [Дукян, Котова 2018].

При этом целью настоящего исследования, помимо внимания к вышеуказанным проблемам, являлось преимущественно изучение особенностей привлечения и функционирования в англоязычном медиадискурсе метафорических номинации в роли не только оценочных, но и конструктивных элементов, обеспечивающих смысловую и прагматическую завершенность текста. Материалом исследования выступили информационные и передовые статьи за 2022–2023 год авторитетного медиа ресурса “Гардиан”. Определяющим критерием отбора материалов являлось присутствие

метафорических номинаций преимущественно в заголовке, но также и иных сильных позициях статей (вводка/лид, завершающий абзац), позволяющих проследить их оценочный и воздействующий потенциал, а также дистрибуцию, семантические и прагматические связи данных элементов, их роль в определении характера референтной соотнесённости медиа дискурса.

Преднамеренная деформация информации понимается в данной связи, как набор определённых стратегий и приёмов, которые используются адресантом для усиления речевого воздействия на адресата. Необходимо отметить при этом, что сам характер этих приёмов находится в тесной зависимости от целого ряда факторов как лингвистического, так и экстралингвистического порядка. В частности, для нас представляет важность такой экстралингвистический фактор, как нехватка у значительных групп адресатов времени, необходимого для подробного изучения полного текста статьи, что зачастую вынуждает последних ограничиться лишь знакомством с заголовком и лидом, на основе которых и строятся оценочные суждения об освещаемых проблемах. Именно на данном факторе, по нашему мнению, основан в ряде случаев расчёт журналиста, помещающего в заголовке новостного материала, который наряду с лидом должны репрезентировать информационный и прагматический фокус сообщения, метафорическую номинацию, порой гиперболическую. Стоит заметить, что оценочный аспект такой метафоры полностью подавляет образную основу тропа. При этом по мере знакомства с лидом и последующими конкретизирующими абзацами становится очевидным внезапный референтный сдвиг сообщения, а также смещение истинного прагматического фокуса в конец сообщения — преимущественно в сторону последнего, сильного абзаца.

Приведём примеры проанализированных случаев актуализации прагматически значимых метафор в медиа репрезентации событий.

После известий о том, что миллиардер Илон Маск, ставший новым владельцем социальной сети “Твиттер”, начал проводить далеко не самую “удобную”, по мнению нынешней демократической политической элиты США, кадровую и информационную политику, “Гардиан” разместил ряд материалов, освещающих характер новой корпоративной политики Маска, со следующим заголовками:

Elon Musk Will Make Twitter Worse — And It’s Already a Cesspit of Nazis and Killjoys [Arwa Mahdawi. Elon Musk will make Twitter worse — and it’s already a cesspit of Nazis and killjoys. The Guardian. <https://www.theguardian.com>, 26.04.2022]. (‘*При Илоне Маске компания “Твиттер” придет в ещё больший упадок, хотя это уже и так помойная яма — прибежище нацистов и зануд’*).

Tears, Blunders and Chaos: Inside Elon Musk’s Twitter [Zoë Schiffer, Casey Newton and Alex Heath. Tears, Blunders and Chaos: Inside Elon Musk’s Twitter. The Guardian. <https://www.theguardian.com>, 29.01.2023]. (‘***Слёзы, промахи и хаос***: что сейчас творится в “Твиттере” Илона Маска’).

Exodus Continues at Twitter as Elon Musk Hints at Possible Bankruptcy [Johana Bhuiyan. Exodus Continues at Twitter as Elon Musk Hints at Possible Bankruptcy. The Guardian. <https://www.theguardian.com>, 11.11.2022]. (‘На фоне высказываний Илона Маска о возможном банкротстве “Твиттера” в самой компании по-прежнему наблюдается ***массовое бегство*** сотрудников’).

Chaos Unleashed: Elon Musk’s Wild ride at Helm of Twitter Could Bring it Down [Chaos Unleashed: Elon Musk’s Wild Ride at Helm of Twitter Could Bring It Down. The Guardian. [322](https://www.</p></div><div data-bbox=)

theguardian.com, 12.11.2022]. (*Безудержный хаос: Безумные выражи политики Илона Маска в статусе главы “Твиттера” вполне могут погубить компанию*’).

Оценочные метафоры, располагающиеся в заголовках, на основе имеющихся у адресатов, по мнению журналистов, пресуппозиций о том, что несут в себе такие явления, как хаос, произвол, безумные выходки, помогают реализации журналистами таких манипулятивных стратегий, как расширение и атрибуция, индуцируя избыточную актуализацию негативного, разрушительного образа Маска. При этом сила прагматического воздействия на самом начальном этапе во многом позволит журналисту сохранить характер негативной оценки адресатами последующей информации, пусть и модифицированной. При этом, происходящее внезапное смещение смысловых акцентов раскрывает истинное положение вещей: никаких массовых увольнений на самом деле нет, нет и угрозы ликвидации компании. В последних абзацах находим подлинный прагматический фокус — продемонстрированно настроенные топ-менеджмент компании, политические элиты и СМИ опасаются превращения медиаплатформы в оплот республиканцев и её влияния на грядущие выборы президента США.

Таким образом, можно предположить, что метафорические номинации в заголовках могут обусловить программируемое восприятие и отношение адресатов ко всему новостному сообщению, даже в случае явной подмены информации с определёнными целями.

Список литературы:

1. Вольская Н.Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2018. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2450>

- (дата обращения: 05.02.2023). [Vol'skaia, Nadezhda N. 2018. Klik-beit kak sredstvo sozdaniya lozhnoi informatsii v internet-kommunikatsii (*Clickbait as a Means of Disinforming in Internet Communication*). *Mediascope (Mediascope)*. 2. Available from: URL: <http://www.mediascope.ru/2450>. (Accessed: 05 February 2023).]
2. Гришаева Л.И. Реализация стратегии эвфемизации и вторичные номинативные средства // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не) предсказуемость смыслов: тез. докл. междунар. науч. конф., Минск, 12–13 мая 2023 г. Минск: МГЛУ, 2023. С. 14–17. [Grishaeva, Lyudmila I. 2023. Realizatsiya strategii evfemizatsii i vtorichnyie nominativnyie sredstva (Putting into Effect Euphemistic Strategy and Figurative Language). In: *Ot slova k diskursu: vzaimodeistvie form i (ne)predskazuemost' smislov (From a Word to Discourse: Forms Interaction and (Un)Predicatable Meanings)*, 14–17. Minsk: MSLU.]
 3. Дукян С. С., Котова Н. С. Феномен “фейка” в политическом дискурсе эпохи “постправды” [Электронный ресурс] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-feyka-v-politicheskom-diskurse-epohi-postpravdy/viewer> (дата обращения 12.06.2023). [Dukian, Sophia S., Kotova, Nina S. 2018. Fenomen “feika” v politicheskom diskurse epokhi “postpravdi” (“Fake News” Phenomenon in Political Discourse in “Post-truth” Era). *Gosudarstvennoe i munitsepal'noe upravlenie. Uchenye zapiski (State and Municipal Administration. Scholarly Papers)* 2. Available from: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-feyka-v-politicheskom-diskurse-epohi-postpravdy/viewer>. (Accessed: 12 June 2023).]

Сведения об авторе:

Защитина Галина Викторовна, к. филол. н., доцент,
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия; email: g.zashchitina@linguanet.ru

DELIBERATE DISINFORMATION THROUGH MODERN BRITISH MASS MEDIA DISCOURSE METAPHORS

Galina V. Zashchitina

Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; email: g.zashchitina@linguanet.ru

Abstract

The article investigates the pragmatics of metaphors in modern British news articles headlines. Such metaphors are viewed as effective in shifting both informational and pragmatic focus of the news, which, in its turn, results in deliberate disinformation and manipulation. The paper focuses on the way in which metaphoric language means are made use of as means pertaining to the constructive aspect of news discourse. Thus, they are not only capable of evaluating and responsible for attitude formation. They are also instrumental in referent shifting and refocusing the pragmatic center of the news. The deliberate disinformation does not only increase the informational value of the news but also helps to achieve some pragmatic aims. By means of analysis of metaphoric language, that misleads the reader, we highlight an increased necessity to doublecheck the incoming news.

Keywords: mass media discourse, mass media metaphor, deliberate disinformation, mass media pragmatics.

Метафорическая концептуализация в полимодальном дискурсе

(на материале итальянской телепередачи
“*Che tempo che fa*”)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'27

И. В. Зыкова, Ф. Руджери

Аннотация

В статье освещаются результаты исследования процесса метафорической концептуализации в дискурсе телешоу. В качестве источника материала выступает итальянская телепередача “*Che tempo che fa*” (рус. ‘Какая сегодня погода’). Разрабатываются критерии отбора интервью для проведения исследования, в соответствии с которыми выделяются видеозаписи 3-х интервью из 2-х выпусков общей продолжительностью около 30 минут. Предлагается методика аннотирования и анализа способов взаимодействия вербальных и невербальных (жестовых) средств, в результате которого образуются мультимодальные метафоры. В ходе систематизации выявленных мультимодальных метафор устанавливаются их основные типы и подтипы. Согласно полученным данным, в мультимодальных метафорах жесты могут не соответствовать вербальной метафоре по смыслу или темпорально, что свидетельствует о таких процессах, как рассогласование и асинхронизация в дихотомии “слово + жест”.

Ключевые слова: метафорическая концептуализация, дискурс телешоу, мультимодальная метафора, корпусное аннотирование.

Наше исследование направлено на изучение процесса метафорической концептуализации в полимодальном дис-

курсе. Для её достижения нам потребовалось реализовать следующие задачи: (i) проанализировать современные концепции изучения метафор в полимодальном дискурсе, (ii) разработать критерии отбора исследовательского материала, (iii) создать методику аннотирования вербальных и невербальных средств метафоризации, (iv) провести анализ выявленных мультимодальных метафор, источником которых стали отдельные выпуски ТВ передачи “*Che tempo che fa*”, основным результатом которого стала (v) систематизация выявленных метафор.

В настоящей статье мы не будем останавливаться на освещении современных подходов к вербальным метафорам, которые являются неотъемлемой составляющей любого дискурса (включая полимодальный) и исследование которых берёт своё начало в античности, а коротко рассмотрим тип метафор, характеризующий в большей мере именно полимодальный дискурс. Это мультимодальная метафора.

Как отмечается в работе И. В. Зыковой, изучение процессов метафоризации в полимодальном дискурсе даёт толчок к формированию целого кластера смежных понятий, указывающих на особую природу метафоры, создаваемой в разных типах полимодального дискурса: как в устной речи, то есть в естественной коммуникации, так и в художественной сфере, например, в кинодискурсе (ср.: “изобразительная метафора”, “кинетическая метафора”, “аудиовизуальная метафора” и др.) [Зыкова 2022: 172]. Мультимодальная метафора также включается в этот понятийно-терминологический ряд и может коррелировать по принципу гиперо-гипонимических отношений в разных исследованиях.

В современной лингвистической литературе нет единого подхода к определению мультимодальной метафоры. Расхождение в подходах проявляется прежде всего в количестве мо-

дальностей, которые учитываются при создании мультимодальной метафоры. Так, мультимодальной метафорой может считаться любое двукомпонентное метафорическое образование по типу “слово + другая модальность”, например: “слово + изображение”. С другой стороны, мультимодальная метафора может указывать на участие в её формировании более двух модальностей. Например, согласно Ч. Форсвиллю, “мультимодальные метафоры являются метафорами, в которых цель, источник и/или отображаемые черты представлены как минимум двумя разными знаковыми системами (одна из которых может быть язык) или способами восприятия” [Forceville 2008: 463]. Также важно отметить, что в рамках изучения мультимодальных метафор в отдельную область выделяется изучение метафорического взаимодействия вербальных единиц с жестами (см. подробнее в [Cienki, Müller 2008: 483]).

В телевизионном дискурсе и, в частности, в дискурсе телешоу, метафора может реализоваться на разных уровнях: как на вербальном, так и на невербальном уровне в более широком смысле (анализ вербальных, звуковых, жестовых компонентов) и в более узком смысле (анализ вербального и жестового компонентов), зависимо от количества интегрированных модальностей, участвующих в коммуникации. См. подробнее об этом, например, в [Semino, Demjen 2017; Poggi 2020].

В качестве источника нашего исследовательского материала выступает итальянская развлекательно-информационная передача “*Che tempo che fa*” (‘Какая сегодня погода’). При отборе её выпусков мы руководствовались рядом критериев. В частности, в выпуске диалоги должны проходить в студии и участниками не должны быть зарубежные гости. В результате для проведения исследования были отобраны видеозаписи 3-х интервью из 2-х выпусков общей продолжительностью около 30 минут. Гостями данных интервью

Таблица 1

Типы и подтипы метафор в телешоу “Che tempo che fa”

Общее количество вербальных метафор	63
Неконвенциональные вербальные метафоры	9
Вербальные метафоры без жеста (мономодальные метафоры)	14
Вербальные метафоры с жестом (мультимодальные)	49
Первый подтип мультимодальных метафор (далее — ММ): по функции жеста	
Вербальная метафора с описательным жестом	21
Вербальная метафора с актуализирующим жестом	18
Второй подтип ММ: с учетом синхронизации / асинхронизации жестовых метафор с вербальной метафорой	
Синхронные мультимодальные метафоры	13
Асинхронные мультимодальные метафоры	5
Третий подтип ММ: с учетом согласования / рассогласования вербальной метафоры и жеста	
Согласование вербальной метафоры и жеста	14
Рассогласование вербальной метафоры и жеста	4

являются известные итальянские деятели: 1) К. Коттарелли, экономист, редактор и политик, 2) Н. Скаво, корреспондент газеты “L’Avvenire” 3) К. Чераса, директор газеты “Il Foglio”.

Методика аннотирования и анализа метафор, разработанная в нашем исследовании, состоит из нескольких этапов: (i) создание системы кодов для выделения вербальных метафор и жестов в тексте, (ii) проведение кодовой разметки

вербальных метафор, (iii) проведение кодовой разметки жестов, (iv) анализ функций жестов по отношению к вербальным метафорам, (v) разметка невербальных средств метафоризации, (vi) анализ синхронизации или асинхронизации вербальных метафор с невербальными средствами метафоризации, (vii) анализ согласования или рассогласования вербальных метафор с невербальными средствами метафоризации. Продемонстрируем специфику аннотирования на следующем примере:

(1) *Cioè, in un momento in cui il Paese |si è consegnato ai tecnici| <103, 201, 302>* (“В момент, когда страна сдалась техническим властям”)

В примере (1) числовые и графические обозначения имеют следующую расшифровку: код <103> — “жест (отсутствие метафоризации)” ; код <201> — “синхронизация слов и жестов” ; код <302> — “вербальная метафора” ; символы |.....| указывают на продолжительность жеста.

В ходе применения данной методики были идентифицированы 63 вербальные метафоры, из которых 49 являются мультимодальными метафорами трёх подтипов (см. таблицу 1 со сводными данными).

Для демонстрации результатов рассмотрим подробнее два примера первого и третьего подтипов мультимодальных метафор.

Пример (2) представляет мультимодальную метафору, основанную на дихотомии “вербальная метафора + жест”. В ней жест служит целям активизации вербальной части метафоры. Экономист К. Коттарелли отвечает на реплику ведущего:

(2) Ведущий: *Sì... Lei rimpiange le ideologie...* (‘Да... Вы сожалеете об идеологиях... ‘)

Коттарелли: *Non bisogna aver paura dei nomi! Chiamiamole idee. È importante avere certe idee che danno un’ancora rispetto a*

quello che si fa. (‘Не надо бояться названий! Давайте их будем называть “идеями”. Это очень важно иметь такие идеи, которые являются якорем в контексте нашей работы’).

В данном примере образ, лежащий в основе, — вербальная метафора “*idee che danno un’ancora a quello che si fa*” (‘идеи, которые являются якорем в контексте нашей работы’), актуализируется с помощью поднятой левой руки с открытой вверх ладонью и напряжёнными пальцами, раскрывающимися под определённым углом. Жест осмысляется как “поддержка”.

Рисунок 1. Жест, сопровождающий метафору

В рамках проведённого нами исследования были также отмечены случаи мультимодальных метафор, формирование которых базируется на рассогласовании компонентов дихотомии “вербальная метафора + жест”. Это можно обнаружить в интервью К. Чераса, в примере (3):

(3) *È importante cercare di disinnescare un po' le ideologie di ogni tipo* (‘Важно пытаться обезвредить идеологии любого типа’).

К глаголу *disinnescare* (‘обезвредить’) говорящий добавляет жест, при котором обе руки в конфигурации “держущая рука” расширяются. Как уже было показано, часто расширяющие жесты связываются с идеей о продвижении, распространении, развитии. Поэтому, по нашему мнению, в данном

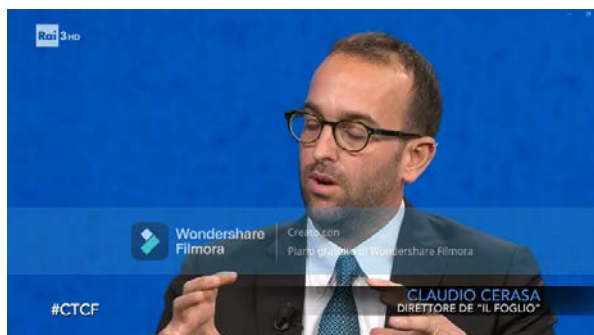

Рисунок 2. Жест, сопровождающий метафору

случае происходит рассогласование между жестом и вербальной частью метафоры.

Обобщая вышесказанное, отметим в качестве выводов следующее: (i) разработанный нами алгоритм разметки полимодального текста позволил выделить не только вербальные метафоры, но также и невербальные средства метафоризации, используемые в момент непосредственного “живого” общения; (ii) в исследованном нами материале в мультимодальных метафорах жесты могут иметь описательную, а также актуализирующую функцию, эксплицируя значение вербальной метафоры или добавляя к вербальным метафорам новый уровень метафоризации; (iii) в мультимодальных метафорах жесты могут не соответствовать вербальной метафоре по смыслу или темпорально, что свидетельствует о таких процессах, как рассогласование и асинхронизация в дихотомии “слово + жест”.

Список литературы:

1. Зыкова И.В. Поэтика кинодискурса в полимодальном измерении // Полимодальные измерения дискурса. Серия: Studia Philologica / Отв. Ред. О.К. Ирисханова. М.: Издательский Дом

- ЯСК, 2022. С. 153–238. [Zykova, Irina V. 2022. Poetika kinodiskursa v polimodal'nom izmerenii (Poetics of film discourse in multimodal measurement). In: Iriskhanova O.K. (ed.) *Polimodal'nye izmerenija diskursa (Multimodal measurement of discourse)* 153–238. Moscow: The publishing house JASK.]
2. Cienki, Alan & Mülller, Cornelia. 2008. Metaphor, gesture and thought. In: Gibbs, R. W. Jr., *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, 483–501. Cambridge: Cambridge University Press.
 3. Forceville, Charles. 2008. Metaphor in Pictures and Multimodal Representations. In Gibbs R. W. Jr., *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*, 462–482, Cambridge: Cambridge University Press.
 4. Semino, Elena & Demjén, Zsófia. 2017. *The Routledge Handbook of Metaphor and Language*, Oxon: Routledge.
 5. Poggi, Isabella & D'Errico, Francesca. 2020. *Comunicazione multimodale e influenza sociale. Il corpo e il potere*. Roma: Carocci.

Сведения об авторах:

Зыкова Ирина Владимировна, д. филол. н.,
ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН,
Москва, Россия; email: irina_zykova@iling-ran.ru

Федерика Руджери, аспирант, преподаватель, Московский
государственный лингвистический университет;
email: federica_ruggeri96@hotmail.it

METAPHORICAL CONCEPTUALIZATION IN MULTIMODAL DISCOURSE (THE CASE STUDY OF THE ITALIAN TELEVISION SHOW “CHE TEMPO CHE FA”)

Irina V. Zykova

Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; email: irina_
zykova@iling-ran.ru

Federica Ruggeri

Postgraduate Student, Lecturer, Moscow State Linguistic University;
email: federica_ruggeri96@hotmail.it

Abstract

The paper highlights the results of studying the process of metaphorical conceptualization in the TV show discourse. The source of the material is the Italian TV show “*Che tempo che fa*” (eng. ‘*What is the weather today*’). The paper describes a number of criteria for selecting interviews for conducting the research. In accordance with these criteria, video recordings of three interviews from two issues with a total duration of about 30 minutes have been selected. Special focus is laid on the methods of annotation and analysis of the ways of how verbal and nonverbal (gestural) means are interacted, as a result of which multimodal metaphors emerge. The systematization of the identified multimodal metaphors makes it possible to establish their main types and subtypes. According to the research findings, gestures in multimodal metaphors may not correspond to the verbal metaphor semantically or temporally. The latter testifies to such processes such as discoordination and asynchronization in the “word + gesture” dichotomy.

Keywords: metaphorical conceptualization, TV show discourse, multimodal metaphor, corpus annotation.

Когнитивные механизмы смыслопорождения в мемах как креолизованных текстах

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81.33

А. А. Лепенышева

Аннотация

В статье рассмотрены особенности концептуального проецирования в мемах, как основы смыслопорождения. Изучается роль иконического элемента мема, как креолизованного текста, в процессах передачи и восприятия информации. Анализ материала показал, что наиболее продуктивными механизмами смыслопорождения в мемах являются когнитивная метафора, интеграция концептов и отождествление элементов концептов. Иконические элементы мема помогают реализовать один из элементов когнитивного проецирования, часто служащий источником метафоризации, способствуют структурированию процессов проецирования, что часто лежит в основе языковой игры и юмора мемов.

Ключевые слова: мем, механизмы смыслопорождения, концептуальное проецирование, креолизованный текст, концептуальная метафора, концептуальная интеграция.

Современный цифровой ландшафт пронизан мемами, которые служат яркими проявлениями интернет-культуры. Мемы, как популярные средства коммуникации, активно распространяются среди пользователей социальных медиа и формируют новые формы культурного выражения и общения. В данной статье мы исследуем когнитивные механизмы, лежащие в основе смыслопорождения в мемах, рассматривая их как креолизованные тексты.

Для полного понимания когнитивных механизмов смыслопорождения в мемах необходимо рассмотреть роль креолизации в их формировании. Креолизация представляет собой процесс объединения в результате осознанной авторской стратегии различных языковых и иконических элементов, что приводит к возникновению нового явления, собственно креолизованного текста [Пономарева, Семьян 2017]. В контексте мемов креолизация выражается в слиянии различных источников, таких как изображения, текстовые фрагменты, эмодзи и другие символы. Такое слияние создает новый семиотический код, который требует концептуального анализа для расшифровки и понимания.

“Концептуальный анализ идёт к знаниям о мире” [Кубрякова 2004: 372]. И если концептуальный анализ слова представляет собой “поиск тех общих концептов, которые подведены под один знак и определяют бытие знака как известной когнитивной структуры” [Кубрякова 2004: 372], то концептуальный анализ дискурса включает в себя как поиск концептов, так и анализ взаимодействия между этими концептами или концептуального проецирования, что дает исследователю знание о механизмах смыслопорождения [Заботкина 2023, Беляевская 2023]. Согласно Н. Н. Болдыреву, “он (механизм проецирования) определяет такие механизмы нижестоящего уровня как концептуальное расширение, концептуальное сужение, концептуальная метафора, концептуальная метонимия” [Цит. по Заботкина 2023: 41]. Свитсер, в свою очередь, давая обзор зарубежных работ в области концептуального проецирования (*conceptual mapping*), приводит такие примеры проецирования как концептуальная метафора, концептуальное смешение или интеграция (*multiple-scope conceptual blending*), концептуальная метонимия (*frame metonymy*), интеграция ролей и ценностей (*mapping between*

roles and values), форм и схематичных изображений (mapping between shapes and schematic images), отождествление (identity) и иконическая интеграция (iconic mapping) [Sweetser 2017]. Перечисленные выше в отечественных и зарубежных трудах механизмы концептуального проецирования, лежащие в основе смыслопорождения, дают некоторые ориентиры для настоящей работы, анализа мемов.

Для данного исследования в 2022 году в социальных сетях “Vkontakte” и “Reddit” методом сплошной выборки был собран корпус из 500 русскоязычных и англоязычных мемов. Из корпуса были исключены мемы, изображение на которых несёт лишь иллюстративный характер. Вне сомнений, иллюстрации влияют на восприятие текстовой информации [Вашунина, Зимина 2023]. Тем не менее, картинка, которую автор добавляет к тексту мема лишь для его украшения, привлечения внимания, не образует с текстом синкретического единства и может быть опущена без потери основного смысла. При отборе материала также исключились мемы с языковой игрой, поскольку основная смысловая нагрузка в таких источниках ложилась на текстовый компонент. Помимо этого, не рассматривались мемы, в которых изображение дополняло текст недостающим элементом, актуализируя с текстом единый ситуативный фрейм.

В мемах, в которых иконический компонент несёт значительную смысловую нагрузку, и его роль отлична от роли текста (215 мемов из 500), можно выделить следующие основные механизмы концептуального проецирования как основы смыслопорождения: концептуальная метафора, концептуальная интеграция и отождествление. Эти процессы наблюдались в мемах достаточно часто (96% проанализированного материала, в 208 мемах из 215), как в русскоязычных, так и в англоязычных ресурсах. Другие виды проецирования

встречались лишь как единичные примеры. Рассмотрим продуктивные механизмы взаимодействия концептов, реализованных эксплицитно и имплицитно в тексте, с концептами, актуализированными посредством иконических знаков, с фокусом внимания на тех ролях, которые играет иконический компонент мема.

Первым и самым продуктивным процессом, связанным со смыслопорождением в мемах, является *концептуальная метафора* (131 мем или 61%). Основой для метафоризации служит процесс взаимодействия концептосфер, имеющих общий элемент. Рассмотрим пример её реализации в меме на рисунке 1.

Рисунок 1. Концептуальная метафора

В этом примере инфляция метафорически переосмыляется как молния, а доход как ползущая черепаха, вынося на передний план такие качества сравниваемых явлений как быстрота (инфляции) и неторопливое изменение (дохода), подчёркивая контраст. Использование в качестве компонента метафоры именно изображения позволяет донести мысль автора кратко и ёмко. Рассмотрим другой пример концептуальной метафоры, в котором изображение играет структурирующую роль для процесса проецирования (см. рисунок 2).

Во втором примере аналогичные действия персонажей мультфильма “Симпсоны”, изображенные на иллюстрации мема 2 (на верхней картинке мальчик с надписью ‘США’, а на

нижней — его отец с надписью ‘Япония’ замахиваются один стулом ‘атомная бомба’, другой стулом ‘аниме и хентай’), структурируют процесс концептуальной метафоризации, выделяя элементы для сопоставления. Таким образом, именно аниме и хентай по силе воздействия сравниваются с атомной бомбой.

Рисунок 2. Структурирующая роль изображения

Визуализировать и лучше передать сложный концепт в мемах позволяет *концептуальная интеграция* (49 мемов или 23%) — это процесс объединения различных концептуальных элементов или ментальных представлений, одно из которых реализовано в меме иконически, в новое, комплексное целое. В рамках концептуальной интеграции происходит слияние и комбинирование различных концептов, идей или категорий, что приводит к формированию новых значений или структурных организаций. Этот процесс позволяет автору мема создавать новые представления, переносить знания из одной области в другую, а также лучше объяснять сложные явления, различные аспекты нашего опыта и знания.

В примере 3 (перевод надписи с английского: ‘Впервые за 30 лет команда США победила команду из Китая на олимпиаде по математике’) происходит интеграция концепта

АМЕРИКАНСКАЯ ПОБЕДА, актуализированного в тексте, и концепта КИТАЕЦ, реализованного посредством изображения студентов китайцев с флагом США, а значит входящими в американскую команду. Интеграция создает новый смысл победы над соперником его же оружием.

Рисунок 3. Концептуальная интеграция

Отождествление элементов разных концептов или кросс-концептуальное проецирование (28 мемов или 12%) — третий продуктивный процесс, лежащий в основе смыслопорождения в мемах. Рассмотрим рисунок 4.

Рисунок 4. Отождествление элементов

В примере 4 (перевод надписи с английского: ‘Меня стошнит’. ‘Чувак, это кетчуп. Клянусь’. ‘Эй. Это действительно кетчуп’. ‘Я ж говорил’. ‘Часом ранее’.) реципиент посредством отождествления идентифицирует двух субъектов из разных ситуаций (кетчуп и помидор) как один и тот же, что позволяет ему соединить два различных ментальных пространства и понять смысл всей истории. Отождествление часто лежит в основе юмора мемов.

Таким образом, можно констатировать, что когнитивная метафора, когнитивная интеграция и отождествление являются продуктивными процессами проецирования, лежащими в основе смыслопорождения в мемах. При этом, иконические элементы мема играют роль средства выражения компонента когнитивного проецирования, способствующего более краткой и ёмкой передаче сложного концепта, а также структурируют когнитивные процессы, облегчая восприятие. Это позволяет мемам стать глобальным явлением, понятным для широкой аудитории с различным культурным багажом.

Список литературы:

1. Беляевская Е.Г. Критерии выбора метода в когнитивных исследованиях языка // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 3 (54). С. 119–123. [Belyaevskaya, Elena G. 2023. Kriterii vybora metoda v kognitivnykh issledovaniyakh yazyka (Criteria for selecting a method in cognitive language research). *Kognitivnye isledovaniya yasyka (Cognitive studies of the language.)* Iss. 3(54), 119–123.]
2. Вашунина И.В., Зимина М.В. Иллюстрирование текста как способ изменения его смыслового восприятия // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 3 (54). С. 595–600. [Vashutina, Irina V., Zimina, Maria V. 2023. Illyustrirovanie teksta kak sposob izmeneniya ego smyslovogo vospriyatiya (Illustration of the text as a means of altering its semantic perception). *Kognitivnye isledovaniya yasyka (Cognitive studies of the language.)* Iss. 3(54), 595–600.]
3. Заботкина В. И. Когнитивные механизмы смыслопорождения в дискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. Вып. 3 (54). С. 40–44. [Zabotkina, Vera I. 2023. Kognitivnye mekhanizmy smysloporozhdeniya v diskurse: manipulyativnyj aspekt (Cognitive mechanisms of meaning generation in discourse: the manipulative aspect). *Kognitivnye isledovaniya yasyka (Cognitive studies of the language.)* Iss. 3(54), 40–44.]

4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с. [Kubryakova, Elena S. 2004. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoj toчки zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. (Language and knowledge. On the path to acquiring knowledge about language: parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in understanding the world)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.]
5. Пономарева Е. В., Семьян Т. Ф. Креолизация как форма визуальной коммуникации в современной литературе // Новый филологический вестник. 2017. №1 (40). С. 35–45. [Ponomareva, Elena V., Sem'yan, Tatyana F. 2017. *Kreolizaciya kak forma vizual'noj kommunikacii v sovremennoj literature (Creolization as a form of visual communication in contemporary literature)*. *Novyj filologicheskij vestnik (New philological bulletin)*. Iss. 1(40), 35–45.]
6. Sweetser, E. Opening commentary: Conceptual mappings // Dancygier B. (ed.). *The Cambridge Handbook of Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 379–384.

Сведения об авторах:

Лепеньшева Анна Александровна, к. филол. н.,
ст. преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: a.lepenysheva@inno.mgimo.ru.

**COGNITIVE MECHANISMS OF SENSE DEVELOPMENT
IN MEMES AS CREOLISED TEXTS**

Anna A. Lepenysheva

Candidate of Philology, Senior Lecturer, MGIMO University, Moscow,
Russia; a.lepenysheva@inno.mgimo.ru

Abstract

This study analyzes the cognitive mechanisms of sense development in memes, specifically focusing on the conceptual mapping involving concepts realized by iconic signs in creolized texts. For this study, a corpus of 500 Russian and English memes was collected in 2022 using a comprehensive sampling method from social networks. It has been found that the most productive mechanisms include cognitive metaphor, blending and identity. Iconic elements in memes serve three key functions: actualizing a component of cognitive mapping, structuring the process of mapping, and facilitating comprehension of complex concepts. This allows memes to become a global phenomenon, understandable to a wide audience with diverse cultural backgrounds.

Keywords: meme, mechanisms of sense development, conceptual mapping, creolized text, conceptual metaphor, conceptual blending, identity.

Особенности объективации неуверенности в англоязычном научном дискурсе: корпусный подход

doi: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

М. Ю. Миронова

Аннотация

Цель исследования — выявить средства языковой объективации неуверенности (сомнения) субъекта англоязычного научного дискурса в достоверности научного знания, а также проследить динамику их функционирования. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые проведён корпусный анализ использования дискурсивных маркеров неуверенности в диахронии. Для достижения поставленной цели в работе применялись следующие методы: корпусный анализ, метод сплошной выборки, метод контекстуального анализа. В результате исследования выявлено, что к началу 21 века количество дискурсивных единиц, маркирующих сомнение, снижается. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что сокращение количества исследуемых дискурсивных единиц обусловлено тенденцией изменения модели научной статьи, а также правилами вхождения нового знания в научный оборот. Процессы упорядочения композиционного строения научных произведений, совместно с введением рецензирования, обусловили необходимость придерживаться нейтральной манеры изложения.

Ключевые слова: научный дискурс, языковая объективация, категория сомнения, дискурсивные маркеры.

Результаты научной деятельности во все времена рассматривались с критических позиций и подвергались обще-

ственной оценке, поскольку без критического осмысления невозможно достичь объективности научного знания. Несмотря на существование работ, посвященных оценочности [Арутюнова 1988; Вольф 2002 и др.] и средствам выражения оценки в научном тексте [Данилевская 2006; Миронова 1998 и др.], подробных исследований диахронических изменений количества языковых средств объективации сомнения не проводилось.

Безусловно, вхождение нового элемента знания в научный мир часто сопровождается критическим осмыслением существующего опыта, что находит своё выражение в оценочных суждениях. Сомнение, как способ выражения оценки, проявляется в отсутствии уверенности человека в истинности научных положений, в недоверии к достоверности имеющегося знания. Необходимо отметить, что сомнение может высказываться субъектом дискурса не только относительно истинности старого знания, но и по отношению к результатам собственного научного труда. Так, сложилась система языковых средств, при помощи которых субъект дискурса объективирует свою неуверенность в безошибочности научного знания.

Субъект дискурса может маркировать возможность недостоверности научного знания при помощи языковых единиц с семантикой сомнения (*doubt* ‘сомнение, сомневаться’, *to doubt* ‘подвергать сомнению’, *doubtful* ‘сомнительный’) или семантикой уверенности с отрицанием в модусе (*be not sure* ‘не быть уверенным’), например: *Dr. Pilot himself has no tremendous regard for this method; but he says it is better than classifying the things alphabetically. I beg leave to **doubt** this* [Frank Hodson, Fossils. <https://cqrweb.lancs.ac.uk>, 01.09.2023] / Сам доктор Пайлот не испытывает особого уважения к этому методу, но он говорит, что это лучше, чем классифицировать

вещи по алфавиту. Я прошу позволения **усомниться** в этом (перевод выполнен автором статьи).

Другим способом выражения сомнения в английском научном дискурсе выступают глаголы мнения в отрицательной форме (*to think* ‘**считать, думать**’, *to believe* ‘**считать, полагать**’, *to seem* ‘**казаться**’, *to appear* ‘**казаться, представляться**’) и их аналоги (*in one’s opinion* ‘**по мнению кого-л.**’), например: ... *but I do not think that such an objection is well founded* [The Middle East. www.semanticscholar.org, 01.09.2023] / ...но **я не думаю**, что такое возражение является обоснованным (перевод выполнен автором статьи). Говорящий опровергает истинность существующего суждения и считает противоположную истинностную оценку более приемлемой. Неуверенность маркируется глаголом *to think* ‘**считать, полагать, иметь мнение**’ с отрицанием в модусе, что выражает сомнение в истинности пропозиции.

Примечательно, что наиболее распространённым средством для выражения несогласия субъекта оценки с пропозицией является глагол *to seem* ‘**казаться**’, например: *Dr. Ross’s conclusion that action from a good motive is never morally obligatory seems implausible, while his argument seems impeccable* [John Wisdom. The Right and the Good. www.semanticscholar.org, 01.09.2023] / Вывод доктора Росса о том, что действие из благих побуждений никогда не является морально обязательным, **кажется** неправдоподобным, в то время как его аргументация **кажется** безупречной (перевод выполнен автором статьи). Непротиворечивость выводов учёного, как и безупречность аргументации ставится субъектом дискурса под сомнение.

К числу языковых средств выражения сомнения говорящего в истинности содержания высказывания относятся и модальные глаголы. Модальный глагол *may* ‘**возможно**’,

употреблённый в вероятностном значении, указывает на существование альтернативных вариантов. Хотя сомнение в данном случае не выражено прямо, **may** подразумевает возможную ошибочность представленной в высказывании информации, например: *This proposition, in the form in which Jeffreys states it as the foundation for his deductions, is ambiguous, and may bear one of two distinct meanings, one true and the other demonstrably false* [R. A. Fischer. Probability Likelihood and Quantity of Information in the Logic of Uncertain Inference, www.semanticscholar.org, 01.09.2023] / *Это утверждение в той форме, в которой Джеффрис излагает его в качестве основы для своих выводов, неоднозначно и может иметь одно из двух различных значений, одно из которых истинно, а другое явно ложно* (перевод выполнен автором статьи). Представленный пример иллюстрирует сомнения субъекта дискурса в однозначности существующего знания. Сомнение объективируется глаголом **may** ‘**может, возможно**’, для которого характерно выражение значения альтернативной возможности осуществления одного из нескольких вариантов. Так, имплицитный смысл высказывания может быть сформулирован как **Я не уверен/сомневаюсь, что это утверждение истинно**. Роль модального глагола заключается в том, чтобы охарактеризовать действие как возможное, предположительное, но реальность которого ещё не доказана, а, следовательно, остаются сомнения в его истинности.

Среди способов выражения сомнения обращают на себя внимание и вопросительные высказывания, например: *It is customary to take these migrations for granted as a reflection of the ecological preferences of the species concerned. Yet is this acceptable?* [A. D. Bradshaw. Genosiasis and the limits to evolution. www.semanticscholar.org, 01.09.2023] / *Принято воспринимать эти миграции как нечто само собой разумеющееся, как отра-*

жение экологических предпочтений соответствующего вида. Но приемлемо ли это? (перевод выполнен автором статьи). Как видно из примера, вопросительная реплика субъекта оценки имплицитно подразумевает сомнение говорящего в безошибочности общепринятых положений.

Особое внимание обращают на себя случаи оценки достоверности при помощи предикатов возможности (*perhaps* 'возможно', *probable* 'вероятный', *probably* 'вероятно', *possible* 'возможный', *possibly* 'возможно', *likely* 'вероятно', *unlikely* 'маловероятно, вряд ли', *maybe* 'может быть', *usually* 'обычно', *normally* 'обычно', *apparently* 'вероятно, очевидно', *evidently* 'очевидно, вероятно', *hardly* 'едва, вряд ли').

Probably Dr. Soper's percentage is quite correct [H. Ross Souper. Tuberculous Mastoiditis in Children: Results of Treatment. www.semanticscholar.org, 01.09.2023] / Вероятно, процент доктора Сопера вполне верен (перевод выполнен автором статьи). При помощи наречия *probably* 'вероятно' выражается допущение точки зрения собеседника, которое, однако, не исключает несогласия с ним.

As more abundant data are accumulated certain simplifications are found to be very unlikely, or to be significantly contradicted by the facts, and are, in consequence, rejected [R. A. Fischer. Probability Likelihood and Quantity of Information in the Logic of Uncertain Inference. www.semanticscholar.org, 01.09.2023] / По мере накопления более обширных данных некоторые упрощения оказываются крайне маловероятными или существенно противоречащими фактам и, как следствие, отвергаются (перевод выполнен автором статьи). Субъект дискурса ставит под сомнение истинность старого знания, вследствие чего оно оценивается как маловероятное 'unlikely'. Говорящий оценивает суждение скорее как ложное, нежели истинное.

*The situation in the cotton industry can then **hardly** be cited as evidence against the influence of demand* [L.R. Klein, R. J. Ball, A. Hazlewood, P. Vandome, An Econometric Model of the United Kingdom. <https://cqpweb.lancs.ac.uk>, 01.09.2023] / *В таком случае ситуацию в хлопчатобумажной промышленности **вряд ли** можно привести в качестве доказательства против влияния спроса* (перевод выполнен автором статьи). Имплицитный смысл высказывания может быть сформулирован следующим образом: **я сомневаюсь, что это доказательство правильное.**

Несмотря на существование работ, посвящённых исследованию маркеров, с помощью которых авторы передают свои личные чувства и оценки в отношении пропозиционального содержания, мы все ещё мало знаем о том, как менялись особенности употребления дискурсивных маркеров сомнения в научных областях с течением времени. В связи с этим было интересно проследить динамику их использования. Анализ данных диахронического корпуса Brown Family (extended), содержащего научные тексты четырёх периодов истории английского научного дискурса (1931, 1961, 1991, 2006), позволил выявить тенденцию снижения использования средств объективации сомнения к 2006 году. Предполагаем, что данные процессы обусловлены изменениями модели научной статьи, а именно, упорядочением композиционного строения научных произведений, требованиями объективности предлагаемых научных результатов, а также необходимостью придерживаться нейтральной манеры изложения. По всей видимости, выделение композиционно-прагматических сегментов научной статьи, в частности, выдвижение гипотезы, указание на новизну, описание методологии, результаты, выводы и заключение сокращают эмоциональную составляющую и обуславливают необходимость предоставления объективных данных.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с. [Arutjunova, Nina D. 1988. *Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt (The types of language values: Evaluation. Event. Fact)*. Moscow: Nauka Publ.]
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с. [Vol'f, Elena M. 2002. *Funkcional'naja semantika ocenki (Functional semantics of evaluation)*. Izd. 2-e, dop. Moscow: Editorial URSS Publ.]
3. Данилевская Н.В. Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аксиологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. 401 с. [Danilevskaja, Natalia V. 2006. *Cheredovanie starogo i novogo znanija kak mehanizm razvertyvanija nauchnogo teksta (aksiologicheskij aspekt) (Alternation of old and new knowledge as a mechanism for the deployment of a scientific text (axiological aspect))*. Doctor. Diss. Ekaterinburg.]
4. Миронова Н.Н. Структура оценочного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1998. 355 с. [Mironova, Nadezhda N. 1998. *Struktura ocenocnogo diskursa (The structure of evaluative discourse)*. Doctor. Diss. Moscow.]
5. Brown Family (extended): диахронический корпус английского языка. [Online] Available from: URL: <https://cqpweb.lancs.ac.uk/usr/index.php?ui=accessDenied&corpusDenied=familyx&why=6>. (Accessed: 01.08.2023).

Сведения об авторе

Миронова Марина Юрьевна, к. филол. н., доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический
университет, Санкт-Петербург, Россия;
email: mkpr@yandex.ru mkpr@yandex.ru

**THE SPECIFICS OF DOUBT OBJECTIFICATION IN THE ENGLISH
SCIENTIFIC DISCOURSE: CORPUS-BASED APPROACH**

Marina Y. Mironova

Candidate of Philology, Associate Professor, Saint Petersburg State
University of Economics, Saint Petersburg, Russia;
email: mkpr@yandex.ru

Abstract

The purpose of the research is to identify the means of linguistic objectification of the uncertainty (doubt) in English scientific discourse. The scientific novelty of the paper is that a diachronic corpus-based analysis of the use of discourse markers of uncertainty hasn't been carried out. The researched has revealed that the number of discourse units, marking doubt, has decreased by the beginning of the 21st century.

Keywords: scientific discourse, linguistic objectification, category of doubt, discourse markers.

Функции прецедентных феноменов в англоязычном кинодискурсе

doi: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'33

А. Е. Мулюкина

Аннотация

В статье рассматриваются особенности использования прецедентных феноменов в англоязычном кинодискурсе. Прецедентные феномены — события, явления, личности, являющиеся эмоционально и культурно значимыми для национально-лингво-культурного сообщества. Фокус исследования сосредоточен на изучении прецедентных феноменов англоязычного кинодискурса с точки зрения уровней прецедентности, а также частотности осуществляемых прецедентными феноменами функций. Материалом исследования послужили англоязычные кинофильмы, номинанты и лауреаты премии Оскар 2013–2023 гг. в категории “Лучший фильм”. При изучении функционирования прецедентных феноменов были применены метод сплошной выборки, дискурс-анализ, метод контекстуального анализа, индуктивный метод. В результате исследования создан список функций прецедентных феноменов в кинодискурсе. Исследование показало, что наиболее часто прецедентные феномены выполняют оценочную, прагматическую и юридическую функции. Выделяется значительное количество национально-прецедентных феноменов, использование которых отражает важность тех или иных культурных и исторических явлений в национально-лингвокультурном сообществе. Результаты исследования имеют значение как в рамках теории кино, так и в рамках культурологии и лингвокультурологии.

Ключевые слова: кинодискурс, прецедентные феномены, национально-лингво-культурное сообщество, функции прецедентных феноменов, лингвокультурология.

Прецедентные феномены на данный момент представляют собой одну из актуальных тем для изучения. Вслед за В. В. Красных, мы определяем прецедентные феномены как “1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества” [Красных 2002: 44–45]. Функционирование прецедентных феноменов в кинодискурсе представляет собой одну из малоизученных сфер исследования.

А. Н. Зарецкая отмечает, что термин “кинодискурс” представляет собой наиболее полное определение кинофильма как креолизованного текста, как единство вербальной и невербальной составляющей, экстралингвистических факторов [Зарецкая 2012]. Кинодискурс оказывает огромное влияние на аудиторию, на формирование национального сознания и в то же время отражает настроения в обществе, важные культурные и исторические события.

В задачи данного исследования входит: 1) установить, прецедентные феномены какого уровня наиболее частотны в современном англоязычном кинодискурсе; 2) выявить, какие функции они выполняют в кинодискурсе.

Материалом исследования послужили англоязычные кинофильмы, номинанты и лауреаты премии Оскар 2013–2023 гг. Выбор объясняется тем, что кинофильмы, выдвигаемые на Оскар, являются произведениями кинематографического искусства и представляют значимость для всего

общества, так как затрагивают ключевые ценностные вопросы: неравенство, социальная несправедливость, война и мир, творчество, взросление и т. д.

По уровням прецедентности выделяются социумно-прецедентные, национально-прецедентные и универсально-прецедентные феномены.

В проанализированном материале частотны национально-прецедентные феномены: “известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу” [Красных 2002: 50]. То есть такие феномены являются прецедентными только для представителей какого-либо национально-лингво-культурного сообщества. Например: “...you can put **Doris Day** in there if all you wanna do is lose” (‘...можете пригласить на эту роль **Дорис Дэй**, если просто хотите проиграть’) — Дорис Дэй является актрисой Золотого Века Голливуда, этот культурный период значим именно в истории США, сама актриса также не была так популярна за пределами страны (“Ford v Ferrari”, 2019); “They know the guy who tells those quaint, slightly vomitous stories on **Letterman**” (‘Они знают парня, который рассказывает эти чудноватые, гаденькие истории у **Леттермана**’) — в русскоязычной локализации кинофильма убрали упоминание прецедентного имени *Дэвид Леттерман*, заменив на ‘вечернее шоу’, потому что за пределами США передачи американского телевидения мало известны и во многих культурах есть аналоги таких передач и свои ведущие (“Birdman or The Unexpected Virtue of Ignorance”, 2014). В кинофильмах ‘Прочь’ (“Get Out”, 2017) и ‘Кролик Джоджо’ (“JoJo Rabbit”, 2019) встретилось упоминание американского легкоатлета Джесси Оуэнса: “My dad’s claim to fame. He was beat by **Jesse Owens** in the qualifying round for the Berlin Olympics in 1936” (‘Попытка моего отца стать знаменитым. Его обогнал **Джесси**

Оуэнс в отборочном раунде Олимпийских игр в Берлине 1936-го года’); “*Did you see how fast she moved?...Like a little female Jewish Jesse Owens*” (‘Видел, как она быстро двигается?...Как маленький еврейский **Джесси Оуэнс** в юбке’). Джесси Оуэнс является примером борьбы со стереотипами и расизмом, особенно значимым для истории США.

Таким образом, объём национально-прецедентных феноменов составляет 41% среди всех прецедентных феноменов (далее — ПФ) в рассмотренных кинофильмах. Национально-прецедентные феномены играют особую роль в формировании представлений о национально-лингво-культурном сообществе, указывая на актуальные для него проблемы, раскрывая связь настоящего и прошлого, обозначая хронологические рамки кинофильмов.

В данном исследовании мы опираемся на классификацию функций ПФ, разработанную в трудах В.Л. Латышевой [Латышева 2011], Г.Г. Слышкина [Слышкин 2000], Е.А. Нахимовой [Нахимова 2007], а также основываемся на наших наблюдениях и результатах анализа. Для ПФ в кинодискурсе характерны следующие функции:

Прагматическая функция. ПФ выступают в роли инструмента передачи мысли собеседнику, подвидом этой функции является персуазивная функция, когда ПФ выступает в роли аргумента, авторитета, на который ссылается говорящий, чтобы убедить собеседника в правоте своих рассуждений и доказать точку зрения.

Оценочная функция. ПФ используются, чтобы выразить определённую оценку ситуации, человеку, явлению и т.д.

Эстетическая функция. ПФ используются для создания художественного образа.

Людическая функция. ПФ используется говорящим, чтобы установить дружеский контакт, развлечь собеседника

шуткой, языковой игрой, придать высказыванию иронический или даже саркастический оттенок, разрядить обстановку. ПФ, выполняющие данную функцию, придают сцене или всему кинофильму комический тон.

Парольная функция. ПФ служат паролем, который понятен достаточно узкому кругу людей, таким образом говорящие могут различать “своих” и “чужих”, основываясь на том, понимает ли собеседник референцию к источнику ПФ.

Имиджевая функция. ПФ служат способом создания персонажей, анализируя, какие ПФ использует тот или иной персонаж в своей речи, аудитория понимает, чем интересуется персонаж, кем работает, насколько образован и т. д.

Прогностическая функция. ПФ дают аудитории возможность предугадать развитие сюжетной линии кинофильма.

Эвфемистическая функция. ПФ используются для смягчения высказывания, которое в обществе воспринимается как грубое, неприличное.

Хронотопическая функция. ПФ служат маркерами хронотопа кинофильма, обозначая время и место действия.

Рассмотрим примеры, когда ПФ выполняют самые частотные, судя по проведённому исследованию, функции. ПФ чаще других выполняют три функции: юридическую, оценочную и прагматическую.

Юридическая функция. Например, с помощью апелляции к прецедентному имени, говорящий добавляет иронический оттенок высказыванию в кинофильме ‘Бёрдмен’. Бывшая жена полузабытого актёра говорит ему: “*You’re not **Farrak Fawcett, Riggan***” (‘Ты не **Фэрра Фосетт, Риган**’), имея в виду, что он далёк от образа красивой приятной модели, таким образом она одновременно даёт ему, его внешности и его карьере оценку. В другом кинофильме, ‘Отрочество’ (‘*Youth*’, 2014), профессор видит скучающих студентов и реша-

ет развеселить их во время лекции о собаке Павлова: “*Mick Jagger wrote a song about... Oh when they call your name I salivate like a Pavlov dog*” (‘*Мик Джаггер спел в одной песне... Оу, когда произносят твоё имя, у меня текут слюны, как у собаки Павлова*’). Профессор старается сделать лекцию увлекательнее, так как рок-музыка ассоциируется с энергичностью, сама строчка звучит вызывающе: этого не ожидаешь услышать от преподавателя.

Оценочная функция. ПФ регулярно выполняют оценочную функцию: сравнивать и оценивать явления, объекты и людей проще с помощью ПФ, в концептуальном ядре которого есть определённое отличительное свойство. Например, персонажи могут оценивать других персонажей с отсылкой на талантливых, известных в какой-либо области людей. В ‘Одержимости’ (“Whiplash”, 2014) преподаватель выбирает похожий способ похвалить и подбодрить молодого барабанщика, он сравнивает его с общепризнанным мастером игры на барабанах Бадди Ричем: “*Snap! We’ve got Buddy Rich here*” (‘*Бам! У нас тут Бадди Рич!*’) — молодому барабанщику это льстит, сам он большой поклонник Бадди Рича, однако по ходу сюжета становится ясно, что преподаватель использовал такой способ оценить игру ученика, чтобы потом сильнее ударить по его самолюбию, чтобы он действительно стремился стать как Бадди Рич. В другом кинофильме, “Треугольник печали” (“Triangle of Sadness”, 2022), герой даёт указания персонажам, проходящим модельный кастинг, чтобы они быстро меняли позы и выражения лица для рекламы “богатых” и “бедных” брендов, при этом обозначая первые с помощью апелляции к прецедентному имени бренда **Баленсиага**, а вторые — к прецедентному имени бренда **Н&М**. В данном случае бренды выступают оценкой финансово состояния покупателя, при этом богатых герой считает высоко-

мерными, а бедных весёлыми и дружными, но с иронией описывает оба типа покупателей.

Иногда говорящий даёт отрицательную оценку не только собеседнику, но и другой личности, какому-либо явлению, например, интересны случаи, когда персонажи выражают негативную оценку с помощью языковой игры, в которую вовлечено прецедентное имя: в фильме ‘Власть’ (“Vice”, 2018) говорящий называет своего оппонента сторонником “*Killary*” (*Hillary Clinton + to kill*, то есть слияние имени Хиллари Клинтон и глагола *убивать*), таким образом он негативно оценивает и самого оппонента, и политику Хилари Клинтон. В кинофильме ‘Чёрный клановец’ (“BlackKlansman”, 2018) член Ку-клукс-клана оценивая активиста-афроамериканца говорит, что тот похож на “*Martin Luther Kong*” (*Martin Luther King + King Kong*, то есть слияние двух имён собственных: *Мартин Лютер Кинг* и *Кинг Конг*), что неудивительно, так как от расиста не стоит ждать положительной оценки активистской деятельности против расизма.

Другой кинофильм на тему расизма и борьбы за права афроамериканцев содержит ПФ, выполняющие оценочную функцию, в названии: “*Иуда и чёрный мессия*” (“*Judas and the Black Messiah*”, 2021). ПФ из Библии помогают создать образы предателя и праведного человека, который страдает за других и выражают авторскую оценку.

Прагматическая функция. Особое место в рассмотренном материале занимают ПФ, осуществляющие прагматическую функцию — они также представлены в значительном количестве. Персонажи используют прецедентные имена и прецедентные высказывания, чтобы доказать свою точку зрения, ссылаясь на авторитет: например, персонаж может подкреплять позицию своих аргументов с помощью прецедентного высказывания. В кинофильме “Треугольник печали”

два героя обмениваются цитатами **Карла Маркса, Рональда Рейгана, Марка Твена, Маргарет Тэтчер** и других известных личностей во время политического спора на тему коммунизма и капитализма. Прецедентные высказывания нередко осуществляют прагматическую функцию, так как часто воспроизводятся как дословные цитаты и цитата известного авторитетного человека звучит как серьёзный аргумент.

Некоторые случаи апелляции к ПФ в прагматической функции также связаны с темой расизма, например, в кинофильме “Скрытые фигуры” (“Hidden Figures”, 2016) встречается упоминание первого американца в космосе: “*No Negro woman in the State of Virginia has ever attended an all-white school. It’s unheard of...And before **Alan Shepard** sat on top of a rocket, no American had ever touched space*” (‘*До сих пор ни одна чернокожая женщина не училась в школе, где учатся только белые. Это что-то неслыханное...И ни один американец не был в космосе, до того, как **Алан Шепард** полетел на ракете*’) — девушка-афроамериканка использует такое сравнение, чтобы доказать, что она ничем не хуже белого мужчины и что она способна стать в чём-то первой, потому что обладает огромной силой воли и желанием.

Таким образом, ПФ способствуют созданию диалогов, приближенных к жизни и актуализируют социально важные как для мирового, так и для англоязычного национально-лингво-культурного сообщества проблемы. В частности, встречается множество ПФ, связанных с темой расизма (Джесси Оуэнс, Алан Шепард, Мартин Лютер Кинг). Универсально-прецедентные феномены также используются в качестве комментария на тему расизма и борьбы за равноправие (Иуда, Иисус, Кинг Конг). ПФ представляют собой один из способов акцентировать внимание аудитории на значимом для национально-лингво-культурного сообщества яв-

лении, представить диалог настоящего и прошлого, создать интертекстуальные связи. Чаще всего ПФ выполняют люди-ческую, оценочную и прагматическую функции, что можно объяснить тем, что ПФ, одновременно помогают приблизить диалоги персонажей к бытовому дискурсу и образнее выразить авторскую идею. В то время как оценочная функция является одной из основных для ПФ, потому, что ПФ оценочны по своей природе, осуществление людической функции связано с тем, что ПФ обладают потенциалом для создания комического эффекта. Данная особенность ПФ может быть рассмотрена в рамках теории жанров (сравнение употребления ПФ в комедийном жанре и в других жанрах), а также в рамках стилистики (ПФ как средство создания иронии).

Список литературы:

1. Зарецкая А.Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: монография. Челябинск: Абрис, 2012. 192 с. [Zaretskaia, Anna N. 2012. *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse (Peculiarities of subtext realization in cinematic discourse)*. Cheliabinsk: Abris.]
2. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с. [Krasnykh, Victoria V. 2002. *Etnopsikholingvistika i Lingvokul'turologiia: Kurs Lektsii (Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology: a Course of Lectures)*. Moscow: Gnosis.]
3. Латышева В.Л. Признаки и функции прецедентных феноменов // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2011. № 1 (48). С. 296–300. [Latysheva, Vera L. 2011. *Priznaki i funktsii pretsedentnykh fenomenov (Features and Functions of Precedent Phenomena)*. *Vestn. Irkutckogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (The Bulletin of the Irkutsk Technological State University)*. 1 (48). 296–300.]

4. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2007. 208 с. [Nakhimova, Elena A. 2007. *Pretsedentnye Imena v Massovoi Kommunikatsii (Precedent Names in Mass Communication)*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University.]
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 288 с. [Slyshkin, Gennadii G. 2000. *Ot Teksta k Simvolu: Lingvokul'turnye Kontsepty Pretsedentnykh Tekstov v Soznanii i Diskurse (From Text to Symbol: the Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse)*. Moscow: Akademiia.]

Сведения об авторах:

Мулюкина Анастасия Евгеньевна, магистрант,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;
email: anastasia.muliukina@yandex.ru

**FUNCTIONS OF PRECEDENT PHENOMENA
IN THE ENGLISH-LANGUAGE CINEMATIC DISCOURSE**

Anastasia Ye. Muliukina

M.A. Candidate; Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russia;
email: anastasia.muliukina@yandex.ru

Abstract

The article deals with the peculiarities of the use of precedent phenomena in the English-language cinematic discourse. Precedent phenomena are events, things, personalities that are emotionally and culturally significant for the national-linguistic-cultural community. The research is focused on the study of precedent phenomena in the English-language cinematic

discourse in terms of the levels of precedence, as well as the frequency of functions performed by precedent phenomena. The material of the study is English-language film films, nominees and winners of the Academy Award 2015–2023 in the category “Best Picture”. In the research, the method of continuous sampling, discourse analysis, the method of contextual analysis, and the inductive method are used. As a result of the study, a list of functions of precedent phenomena in cinematic discourse has been compiled. The study has shown that most often precedent phenomena perform evaluative, ludic and pragmatic functions. A significant number of national-precedent phenomena are singled out, the use of such phenomena reflects the importance of certain cultural and historical events to the national-linguistic-cultural community. The results of the study have significance both within the framework of cinema theory and within the framework of culturology and cultural linguistics.

Keywords: cinematic discourse, precedent phenomena, national-linguistic-cultural community, functions of precedent phenomena, cultural linguistics.

Контрфактивные конструкции в современном английском языке: от биосемиотики к прагматике

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.111

Д. Н. Новиков

Аннотация

В статье предлагается трактовка механизма образования значения контрфактивных конструкций с позиций биосемиотики в речевом процессе пословного синтеза высказывания как комбинирования ресурсов языковой системы с целью формирования метазнака, содержанием которого является образ надстройки к реальности как непосредственной нише среды субъекта-наблюдателя. В частности, конструкции с глаголом *would*, глаголами в Past Simple в сочетании с переменными аффордансами (*only*) *if*, *as if*, *as though*, *it's time*, *rather*, *wish* выступают в качестве надёжного способа ориентирования коммуникантов в физической и социокультурной среде и являются основой выведения ими ряда контекстуально обусловленных прагматических смыслов.

Ключевые слова: английский язык, сослагательное наклонение, контрфактивные конструкции, условные предложения, биосемантика, прагматика.

Сослагательное наклонение, в рамках которого, как правило, изучаются контрфактивные конструкции, относится к числу спорных традиционных грамматических категорий в современном английском языке, что побуждает исследователей искать альтернативные концепции, одна из которых лежит в рамках подхода, основанного на трактовке естественного языка как неотъемлемого свойства биологического вида *homo sapiens*, где центральная единица языка — сло-

во — понимается как отправляемый или воспринимаемый организмом устойчивый дискретный сигнал, вызывающий определённые состояния нейронной активности (которые соответствуют осознаваемому человеком ментальному образу формы слова); значение слова формируется в онтогенезе как результат опыта приобретения человеком нового знания в процессе языковой деятельности людей (*англ.* *language*), которая, в свою очередь, соотносится со структурами поведения в их когнитивной области взаимодействий. Эти взаимодействия носят ориентирующий характер и осуществляют биологическую функцию адаптации организма человека к среде, а затем и управления ею. Значение языковых единиц, имея исходно межсубъектный характер, возникает из взаимодействий организма с его нишей в окружающей физической и социокультурной среде, воспринимаемой как его субъективный мир [Кравченко 2021].

Обосновывая в новом свете традиционное для лингвистики противопоставление понятий “язык” и “речь”, И.К. Архипов [Архипов 2009] предложил рассматривать в качестве *речевого значения* единиц языка одномоментную конвенциональную связь между состоянием нервной ткани или его изменением как реакции тела на восприятие формы языковой единицы, а ответ памяти об опыте таких конвенциональных реакций тела считать сутью *системно-языкового значения*, существующего в сознании каждой языковой личности. Опираясь на воззрения П. Линелла, И.К. Архипов справедливо считает языковую систему совокупностью “ресурсов”, или “потенциальных единиц”, понимаемых как “потенциальные состояния тела, натренированные на превращение их в действия и состояния актуальные” и возникающие “на базе жизненного опыта обобщения связей потенциального содержания с повторяющимися определёнными языковыми формами”, ста-

новясь таким образом частью норм и ценностей отдельной языковой личности [Архипов 2012: 492]. Память каждого человека в норме хранит опыт эффективных взаимодействий подобных ресурсов в различных контекстах, а знание о потенциале сочетаний слов распространяется на массу ситуаций номинирования предметов и понятий в рамках картины мира, присущей данной культуре [Архипов 2012: 493], что, по всей видимости, лежит в основе так называемой “коллокационной компетентности” [Палагина, Корницкая 2020] непрерывно развивающейся языковой личности. Так возникают речевые *процессы* комбинирования слов в высказываниях исходя из знания их системных значений [Пузанова 2011; Румянцева 2013], с учётом интенций коммуникантов, их (тема-рематической) перспективы и ситуации общения; кроме того, в лингвистических исследованиях последних лет убедительно обосновывается допустимость весьма высокой степени вариативности речевой семантики единиц языка в зависимости от экспериенциального контекста [см. напр. Фомина 2023].

Рекуррентность таких процессов позволяет говорить о синтаксических категориях, значение которых выявляется в регулярном сопоставлении форм определённых знаков с тем или иным типом контекста, образованного другими означающими сущностями. При этом категориальное значение, согласно А. В. Кравченко, это свойство межзнакового отношения, приобретающего семиотический статус, и грамматическая категория как таковая является видом знака: “...мы ‘выбираем’ те или иные знакоформы ...потому, что мы знаем, как определённые языковые ресурсы обычно работают в определённых ситуациях” [Кравченко 2021: 77–78].

Поскольку модальность, противопоставляемая индикативу в английском языке, неоднородна, традиционное сведение всех не-индикативных конструкций к “сослагательно-

му наклонению глагола” (наряду с повелительным), как представляется, малопродуктивно как для описания современного состояния английского языка с точки зрения понимания и использования подобных конструкций носителями, так и в отношении эффективного обучения им на практических занятиях по английскому языку как иностранному. (Здесь возникает вопрос и о том, насколько вообще наклонение можно и целесообразно считать категорией английского глагола и тем более говорить о каких-либо аналитических формах слова.)

С учётом сказанного, среди не-индикативных конструкций можно выделить и по-иному рассмотреть некоторые традиционные формы английского “сослагательного наклонения”, которые (вслед за С. Иатриду [Iatridou 2000]) можно обозначить как “контрфактивные”, то есть позволяющие коммуникантам указать на некое несоответствие действительному, с их точки зрения, положению вещей. При этом нельзя принять точку зрения о том, что такие конструкции выражают исключительно “нереальные” ситуации: во-первых, для биосемиотики как “новой эпистемологии”, по справедливому замечанию И.А. Каргаполовой, принципиален вопрос не столько о природе знака и его способности “отражать” реальность, сколько вопрос о самой этой реальности, то есть с какой действительностью мы имеем дело и насколько можно считать её “объективной” [Каргаполова 2017: 20] (и судя по всему, языковое измерение играет весьма существенную роль в её формировании), а во-вторых, некоторые эмпирические данные об употреблении подобных синтаксических структур свидетельствуют о вполне, *казалось бы*, реальных ситуациях, как например: *If the patient had the measles, he would have exactly the symptoms he has now. We conclude, therefore, that the patient has the measles* (пример С. Иатриду [Iatridou 2000: 232]. По всей

видимости, контрфактивные конструкции, скорее, реализуют в речевом процессе такую модель сочетания существующих в языке лексических единиц, которая позволяет языковой личности (languager) установить координацию внимания и действий в окружающем её пространственно-временном континууме, которая, очевидно, должна происходить относительно “реальности, надмысливаемой” говорящим как некое возможное расширение своей ниши, которую для краткости условно можно обозначить термином “супрареальность” [Дружинин 2014; Новиков, Дружинин 2017: 57].

Модальность контрфактивных конструкций, таким образом, выражается как некий смысл, задуманный говорящим и восстанавливаемый слушающим, на основе комбинирования лексем в речевом высказывании, а рекуррентность такого комбинирования позволяет возвести их к моделям-конструкциям на уровне языковой картины мира, позволяющим описать состояние окружающей среды, возбуждая реакцию нейронной сети адресата, в результате которой адресату на основе оптимального выбора слов говорящим, их актуальных значений и синтаксических последовательностей удаётся с той или иной степенью изоморфизма воспроизвести видение речевой ситуации адресантом. Образу супрареальности, очевидно, должно соответствовать то или иное состояние нейронной активности человека в момент речепроизводства, которое свидетельствует об отсутствии необходимости воспринимать сигналы в виде языковых форм как ориентиры для описания реального положения соответствующих ниш коммуникантов, что “достигается” связыванием в сознании (как состояние нейронной активности) образа супрареальности с образом конкретных языковых форм, то есть в процессе семиозиса, фактически происходящего в режиме реального времени: *No one would remember the Good Sa-*

maritan if he'd only had good intentions; he had money as well. Или: I tried calling out to them a few times, but they never came. It's not as if they would have heard me anyway — I can't shout like I used to.

Значение контрфактивных конструкций формируется в сознании как производная процессов семиозиса (ответ памяти об опыте конвенциональных ответов тела на сигнал в виде данной формы словосочетаний), связанных с рекуррентным употреблением в рамках предложения-высказывания главным образом формы *would* (системное значение которой, по всей вероятности, связано с указанием на образ образа ожидаемого, потенциального (*happen in the image of the image of the yet-to-come*; он же прослеживается и в так называемой “видовременной форме *Future-in-the-Past*” и “модальном *would*” для выражения повторяющихся действий в прошлом, что исключает наличие омонимии) как противопоставление основному образу прогнозируемого, связываемого с формой *will* — в так называемом “изъявительном наклонении”): *I wish you would believe in me. I have plans for us two that will require mutual trust.* Будучи исходно прошедшей формой глагола *will*, который “помогает” говорящему “спрогнозировать” события “вперед себя” (*I will* — я ‘даю волю’, то есть допускаю возможность реализации того или иного действия), выражая признак субъективного волеизъявления, *would* означает возможность “заглядывания назад” на основе памяти о свершившихся событиях как “воспоминание о предстоящем”. Отсюда — “картинка в картинке”, образ в образе. То же системное значение лежит в основе таких речевых значений *would*, как в предложении: *Little did she know that many years later she would be managing two award-winning museums.* (В момент отсчёта, “зафиксированный в реальности” лица, о котором идет речь в предложении, глаголом *know*, факт “руководства музеями” в этой реально-

сти отсутствует.) Вспоминая свой прошлый опыт, говорящий выступает и в качестве активного наблюдателя событий, которые неоднократно случались с ним (как с наблюдателем), а значит он их предвосхищал: если что-то повторяется, то согласно принципу кругообразности мы вправе ожидать этого вновь [Дружинин 2018]: *It used to be engineers who would work to protect infrastructure and buildings and that role is now being adapted by IT specialists to protect the system.* (Контрфактивный смысл в этом примере выявляется в потенциальном противопоставлении с формой *worked*: употребленное здесь *would work* описывает возможно-ожидаемые от него действия в прошлом, без “объявления” факта.)

Таким образом, значение контрфактивных конструкций реализуется по модели использования говорящим глагольной лексемы *would* и глаголов в прошедшем времени (как “намёк” на “as-if”-реальность, где кто-то (как бы) (с)делал что-то) в сочетании с переменными языковыми аффордансами (only) if, as if, as though, it’s time, rather, wish (аффордансы — факторы и условия среды взаимодействия коммуникантов; “подсказки”, ориентирующие на круг возможных и потенциальных взаимодействий с компонентами ниши, влияющих на выстраивание адекватного ситуации речевого смысла [см. Гурочкина 2020]).

Возвращаясь к приведённому примеру С. Иатриду (*If the patient had the measles...*), можно увидеть, что в нём структурно одна и та же ситуация представлена сначала “контрфактивно” как обобщённая, а затем как конкретная и имеющая место в реальности, что свидетельствует об описании говорящем своего мыслительного процесса: так он обращается к своему предыдущему опыту и поиску в нём потенциальных возможностей для объяснения актуального положения вещей, наблюдаемого им “здесь и сейчас”.

Предложенная модель как присущее языковой личности знание оптимального способа выразить ресурсами языковой системы образ “супрареальности” существует потенциально как результат осмысления всех высказываний-стимулов, полученных извне [Дружинин 2014], и актуализируется на уровне речи в контрфактивных высказываниях как “третий смысл” (содержание знака знаков, то есть метазнака) на синтагматической оси пословного синтеза высказывания и на основе фактически свободного (ограниченного лишь здравым смыслом и знанием семантики слов) комбинирования языковой личностью доступных ей в английском языке ресурсов, что позволяет человеку адекватно ориентироваться в мире.

Однако поскольку любая коммуникация контекстуальна и происходит в конкретных условиях среды, а участники коммуникативного взаимодействия корректируют своё речевое поведение, знания и представления в ходе взаимного ориентирования [Гурочкина 2009; 2020], то когнитивный образ супрареальности может стать новой “точкой отсчёта” в *прагматическом измерении*.

Так, выступая в роли дейктика-аффорданса (в сочетании с синтаксическими и просодическими аффордансами), этот образ может индуцировать дальнейший контекстуальный эффект, заключающийся, с одной стороны, в придании высказыванию иллокутивной силы выражения желания, сожаления, стремления, (вежливой) просьбы и т.д., что, как правило, не вызывает проблем в адекватном понимании и результирующем поведении со стороны адресата (например, *Would you mind opening the window?* — вежливая просьба, представляемая “контрфактивно”, очевидно, с целью компенсации возможного неудобства, причиняемого адресату).

Стоит также упомянуть, что используя контрфактивные конструкции как ресурс для вуалирования различия между

правдой и неправдой, в некоторых типах дискурса (например, политическом, электоральном) [см. Дружинин 2014] адресанты могут предпринимать попытки скрытого воздействия на сознание реципиентов для осуществления контроля и предопределения их действий в среде обитания [подробнее см. Novikov, Druzhinin 2017, Гурочкина 2019].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в современном английском языке конструкции с глаголом *would* выступают в качестве надёжного механизма ориентирования собеседника в физической и социокультурной среде, представляя собой системно-языковой ресурс для выражения в речи несоответствия действительности, ресурс для указания на “будущее в прошлом” с точки зрения наблюдателя “здесь и сейчас”, ресурс для описания повторяющегося действия в образе прошлого, а также (за счёт “перемещения” действий и ситуаций из непосредственной ниши среды субъекта-наблюдателя в “более отдаленную” от него зону супрареальности) ресурс для снижения категоричности высказываний и ресурс для манипулятивного воздействия на поведение адресата.

Список литературы:

1. Архипов И.К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 100–152. [Arhipov, I. K. 2009. Yazyk i ego funkciya: smena paradigm nauchnogo znaniya (Language and Its Function: Changing Paradigms of Scientific Knowledge). *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2. Irkutsk: BGUEHP. 100–152.]
2. Архипов И.К. Взаимодействие речевого поведения и системы язык: как возникает язык на уровне речи // *Когнитивные исследования языка*. № 12. 2012. С. 489–500. [Arhipov, I. K. 2012. Vzaimodejstvie rechevogo povedeniya i sistemy yazyk: kak vozniakaet yazyk na urovne rechi (On the Interaction of Communica-

- tive Behavior and Language Stance: How Language Emerges from Language). *Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive studies of language)*. (12). 489–500.]
3. Гурочкина А.Г. Роль аффорданса и фасцинации в интерпретации языкового значения // *Иностранные языки: Герценовские чтения*. СПб., 2020. С. 149–151. [Gurochkina, A. G. 2020. Rol' affordansa i fascinacii v interpretacii yazykovogo znacheniya (Affordance and Fasciation in the Interpretation of Linguistic Meaning). *Inostrannye yazyki: Gercenovskie chteniya (Foreign Languages: Herzen Readings)*. SPb. 149–151.]
 4. Гурочкина А.Г. Диалогический дискурс как среда и результат межличностного взаимодействия // *Studia Linguistica (СПб.)*. 2009. № XVIII. С. 43–48. [Gurochkina, A. G. 2009. Dialogicheskij diskurs kak sreda i rezul'tat mezhlichnostnogo vzaimodejstviya (Dialogic Discourse as a Medium and Result of Interpersonal Interaction) *Studia Linguistica (St. Petersburg)*. XVIII. 43–48.]
 5. Гурочкина А.Г. Скрытые формы речевого воздействия в непрямой коммуникации // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2019. № 192. С. 46–52. [Gurochkina, A. G. 2019. Skrytye formy rechevogo vozdeystviya v nepryamoj kommunikacii (Hidden Forms of Persuasion in Indirect Communication). *The Journal of RGPU n. a. A.I. Herzen*. 192. 46–52.]
 6. Дружинин А. С. Когнитивно-прагматические особенности контрафактивных грамматических конструкций в американском предвыборном дискурсе 2000–2014 гг.: дисс.... к. филол. н. М., 2014. 181 с. [Druzhinin, A. S. 2014. *Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti kontrafaktivnykh grammaticheskikh konstrukcij v amerikanskom predvybornom diskurse 2000–2014 gg. (Cognitive and Pragmatic Features of Counterfactual Grammatical Constructions in American Election Discourse 2000–2014)*. М.]
 7. Дружинин А. С. Почему глагол would “будущий в прошедшем”, модальный и сослагательный в одном лице? // *Иностранные*

- языки в школе. 2018. № 6. С.62. [Druzhinin, A. S. 2018. Pochemu glagol would “budushchij v proshedshem”, modal’nyj i soslagatel’nyj v odnom litse? (Why Is the Verb “Would” Future-in-the-past, Modal and Subjunctive All in One?) *Inostrannye yazyki v shkole (Foreign languages at school)*. 6. P. 62.]
8. Каргаполова И.А. Лингвистические мифы как объект биосемиотического исследования. Памяти И.К. Архипова // *Studia Linguistica*. Вып. XXVI. Актуальные проблемы современной филологии. Сб. науч. трудов. СПб.: Политехника-сервис, 2017. С. 13–25. [Kargapolova, I. A. 2017. Lingvisticheskie mify kak ob’ekt biosemioticheskogo issledovaniya. Pamyati I.K. Arkhipova (Linguistic Myths as an Object of Biosemiotic Research. In memory of I.K. Arkhipov). *Studia Linguistica. Aktual’nye problemy sovremennoj filologii (Topical Issues of Modern Philology)*. XXVI. SPb. 13–25.]
 9. Кравченко А.В. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму. (Новая повестка дня в языкознании.) М.: ЛЕНАНД, 2021. 432 с. [Kravchenko, A. V. 2021. *Otkryvaya yazyk zanovo: Ot nerealistichnoj lingvistiki k real’noj nauke o yazyke. Ot strukturalizma i kognitivizma — k ehkologicheskomu realizmu. (Novaya povestka dnya v yazykoznanii)* (Rediscovering Language Anew: From Unrealistic Linguistics to the Real Science of Language. From Structuralism and Cognitivism to Ecological Realism. (New Agenda in Linguistics)). М.: LENAND.]
 10. Новиков Д.Н., Дружинин А.С. К определению системного значения форм сослагательного наклонения в современном английском языке: биокогнитивный подход // Герценовские чтения. Иностранные языки. 2017. С. 56–57. [Novikov, D.N. & Druzhinin, A. S. 2017. K opredeleniyu sistemnogo znacheniya form soslagatel’nogo nakloneniya v sovremennom anglijskom yazyke: biokognitivnyj podkhod (Identifying the Systemic Meaning of the Subjunctive Mood Forms in Modern English: Biocognitive Ap-

- proach). *Gercenovskie chteniya. Inostrannye yazyki (Herzen Readings: Foreign Languages)*. 56–57.]
11. Палагина О.И., Корницкая А.Б. О лингводидактическом потенциале интернет-ресурсов в формировании коллокационной компетенции студентов при изучении иностранного языка // Образование. Культура. Общество. Сб. статей. 2020. С. 31–35. [Palagina, O.I. & Kornitskaya, A.B. 2020. O lingvodidakticheskom potencie internet-resursov v formirovanii kollokacionnoj kompetencii studentov pri izuchenii inostrannogo yazyka (On Linguodidactical Potential of Web Resources in Developing Students' Collocational Competence in Studying a Foreign Language). *Obrazovanie. Kul'tura. Obshchestvo (Education. Culture. Society)*. 31–35.]
 12. Пузанова Н.А. Содержательное ядро слова синонима как способ семантической дифференциации в системе языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11 (130). С. 89–93. [Puzanova, N. A. 2011. Soderzhatel'noe yadro slova sinonima kak sposob semanticheskoy differenciacii v sisteme yazyka (The Content Core of a Synonymous Word as a Way of Semantic Differentiation in the Language System). *Journal of Orenburg State University*. 11 (130). 89–93.]
 13. Румянцева А.С. Соотношение системных и речевых значений многозначных прилагательных в истории английского языка (на материале прилагательных strong, hard, tough). Автореф. дисс.... канд. филол. наук. СПб, 2013. 21 с. [Rumyantseva, A.S. 2013. *Sootnoshenie sistemnykh i rechevykh znachenij mnogoznachnykh prilagatel'nykh v istorii anglijskogo yazyka (na materiale prilagatel'nykh strong, hard, tough) (Correlation of System-based and Discourse-related Meanings of Polysemous Adjectives in the History of the English Language (A case-study of the adjectives 'strong', 'hard', and 'tough'))*. SPb.]
 14. Фомина Т.А. Контекстно обусловленная вариативность значения слова на оси “эвфемия — дисфемия” в современном

английском языке (на материале англоязычного кинодискурса) : дисс... канд. филол. н. Москва, 2023. 169 с. [Fomina, T.A. 2023. *Kontekstno obuslovlennaya variativnost' znacheniya slova na osi "ehvfemiya — disfemiya" v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale angloyazychnogo kinodiskursa) (Context-specific Variation of Word Meaning on the 'Euphemism — Dysphemism' Axis in Modern English — Evidence from English-language Cinematic Discourse)*. М.]

15. Iatridou, S. 2000. The Grammatical Ingredients of Counterfactuality. *Linguistic Inquiry*. 31. 231–270.
16. Novikov, D. N. & Druzhinin, A. S. 2017. Subjunctive Mood in Modern English: Cognitive Base and Pragmatic Potential of Grammar Structures Invoking Suprareality. *International Cognitive Linguistic Conference: Linguistic Diversity and Cognitive Linguistics*. 405.

Сведения об авторе:

Новиков Дмитрий Николаевич, к. филол. н., доцент,
МГИМО МИД России, Москва, Россия;
email: dnnovikoff@mail.ru

COUNTERFACTUAL CONSTRUCTIONS IN MODERN ENGLISH: FROM BIOSEMIOTICS TO PRAGMATICS

Dmitry N. Novikov

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University,
Moscow, Russia;
email: dnnovikoff@mail.ru

Abstract

The article treats the mechanism of meaning formation of counterfactual constructions in modern English by applying a biosemiotic approach to word-for-word utterance incrementation

regarded as combining language resources in discourse. Such constructions constitute the form of a meta-sign, whose content bears the image of superstructure to reality being the observer's environment niche. Particularly, constructions with the verb *would* and verbs in the Past Simple in combination with the variable affordances (*only*) *if, as if, as though, it's time, rather, wish* operate as a reliable tool of orienting communication partners in their physical and socio-cultural environment and provide the basis for them to construct a number of context-specific pragmatic meanings.

Keywords: English, subjunctive mood, counterfactual constructions, conditionals, biosemiotics, pragmatics.

Интеграция религиозного и детективного дискурсов в рассказах Г. К. Честертона

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

М. К. Оводова

Аннотация

Исследование посвящено изучению феномена интердискурсивности, под которым в наиболее обобщённом виде сегодня понимается взаимодействие одного вида дискурса с различными видами других дискурсов, проявляющееся на языковом и когнитивном уровнях. Целью работы является выведение уровней интеграции религиозного и детективного дискурсов на примере рассказа Г. К. Честертона. Выделенные уровни для анализа интеграции дискурсов включают в себя: уровень композиции дискурса, функциональный уровень и уровень языковых средств. Например, являясь центральной фигурой повествований, отец Браун исполняет две роли — священника и сыщика, объединяя таким образом два дискурса. Используемые методы дискурсивного и лексико-стилистического анализов речевых актов главного героя показали, как религиозный дискурс вплетается в детективный посредством подобранных лексико-стилистических средств, выполняющих функции убеждения, назидания и разъяснения, тем самым ещё больше обостряя заложенную в детективный дискурс проблему борьбы добра со злом.

Ключевые слова: интердискурсивность, религиозный дискурс, детективный дискурс, интеграция, Библия.

В рамках заявленной темы мы будем рассматривать такой феномен как интердискурсивность, который в настоя-

щее время является одним из перспективных направлений исследования в рамках современной лингвистики.

Исследование интеграции дискурсов берет своё начало в концепции диалогизма М.М. Бахтина, теории знаковых систем и понятия “семиосферы” Ю.М. Лотмана. Основоположник дискурсивного анализа М. Фуко считал дискурс совокупностью “анонимных, исторических, детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху, для данного социального, экономического или лингвистического общества, определили условия” для осуществления высказывания [Фуко 2004]. Французский исследователь ставил вопрос о дискурсивном единстве, однородно и применимо ли оно. Согласно его работе, “Анатомия знаний”, любое произведение представляет собой систему отсылок к другим текстам, предложениям, которые не всегда бывают равнозначными [Фуко 2004].

Интердискурсивность понимается как введение в текст определённого типа дискурса “инодискурсных” элементов, которые проявляются на поверхностном, т.е. языковом уровне, и на глубинном, когнитивном, уровне [Белоглазова 2010]. В свою очередь О.В. Соколова определяет интердискурсивность как “диалогические дискурсивные отношения” [Соколова 2014:21]. Более того, она уточняет, отмечая когнитивную и надтекстовую категорию интердискурсивности, которая предполагает перенесение принципов организации одного дискурса на другой, при этом не обязательно включает один текст в другой [там же]. В своём исследовании И.В. Зыкова выделяет два этапа изучения интердискурсивности, где на первом этапе интердискурсивность благодаря трансформации дискурса ведёт к образованию нового произведения, а на втором — акцентируется на “построении вербальной структуры дискурса” [Зыкова 2021: 71], что приводит к появлению нового произведения.

Отмечая не только когнитивную, но и культурологическую направленность данного феномена, В. Е. Чернявская представляет интердискурсивность как “переключение” реципиента на иную систему знаний, культурных кодов, это взаимодействие ментальных структур и фреймов в процессе текстопроизводства. При помощи определённой взаимосвязи языковых единиц производится этот переход в сознании реципиента от одного типа дискурса к другому, что создаёт неизгладимый эффект [Чернявская 2007]. Н. С. Олизько также придерживается идеи о взаимодействии “дискурса с различными видами других дискурсов: религиозным, философским, научным и т. д.” [Олизько 2007].

В результате анализа различных подходов к пониманию феномена под интердискурсивностью мы будем понимать взаимодействие одного дискурса в текстовом пространстве другого, проявляющееся на языковом и когнитивном уровнях.

Перейдём к рассмотрению основных черт детективного и религиозного дискурсов. Детективный дискурс можно определить как одну из разновидностей личностно-ориентированного дискурса [Карасик 2002], которое непосредственно направлено на художественное общение автора и читателя [Дудина 2008]. Исследователь И. А. Дудина представляет детективный дискурс в виде схемы: “писатель — художественное расследование — читатель — развлечение”, где задачей автора является сформировать своего читателя, “вовлекая его в процесс сотворчества” [Дудина 2008:8]. Эту же особенность детективного дискурса подтверждает Е. Н. Меркулова, указывая на его отличие от любой другой разновидности художественного дискурса в специфичности реализации интенций автора с целью программирования восприятия реципиента [Меркулова 2022].

Сходство детективного и религиозного дискурсов усматривается прежде всего в вечной борьбе добра со злом, что само по

себе предполагает нравственное начало и отсылку к первоисточнику этого принципа — к Библии и христианским ценностям.

Особый интерес представляет исследование П.А. Моисеева, который подчеркивал, что детектив, как разновидность художественного дискурса, содержит эксплицитные и имплицитные отсылки к Священному Писанию, не только потому что он относится к этому типу дискурса, но ещё и потому, что сама сущность жанра предполагает связь с христианством, обращение к нравственному аспекту преступления [Моисеев 2017].

Для более глубокого понимания связи детективного дискурса с религиозным, нам необходимо сказать несколько слов о последнем. В своём исследовании Е. В. Бобырева отмечает, что религиозный дискурс относится к институциональному дискурсу, что ставит его в одном ряду с художественным. Но первый выделяется среди прочих особым набором концептов, такие как Бог, дух, душа, наказание страх и т. д. Ценности в религиозном дискурсе выражаются не только в прямой форме проповеди, но и в форме иносказания, притчи, а также в “повествовании, когда логика сюжета является фактором убеждения” [Карасик 2002:224]. К целям религиозного дискурса относятся, приобщение человека к Богу, очищение души, призыв к покаянию, утверждение в вере, разъяснение вероучения [там же].

К формам религиозного дискурса относятся проповедь, молитва, притча. Притча совмещает в себе признаки художественно-религиозного дискурса, где в основе лежит принцип аналогии. В.И. Тюпа выделил основные характеристики притчи: компактность сюжета, акцентированная роль деталей, строгость композиции, точность словесного описания, опора на пресуппозиционные знания реципиента [Тюпа 2009:211]. Такие характеристики могут быть присущи кратким детективным рассказам, которые существуют вне времени и пространства, реальные персонажи помещены в ирреальные ус-

ловия, при этом в рассказах часто выражаются повседневные человеческие желания и эмоции, которые доступны и понятны простому читателю. Структура детектива лаконична: “преступление — расследование — разоблачение — суд”, в которой уже выстраивается аллегорический, нравоучительный смысл.

Мы рассмотрим, как детективный дискурс взаимодействует с религиозным на материале английской детективной прозы начала XX века, в частности, в рассказе Г. К. Честертонна “The Blue Cross”.

Прежде всего в ходе нашего исследования мы выделяем уровни проявления интеграции дискурсов. На уровне композиции дискурса мы находим эту интеграцию в следующих пунктах: намерения собеседников, роли участников дискурса. Функциональный уровень: функции религиозного дискурса внедряются в дискурс детективный. На уровне языковых средств: лексико-стилистический: использование метафор, возвышенного стиля, встречающийся в речи священника, образность и аллегория приводимых им примеров.

В процессе создания рассказов о Патере Брауне Г.К. Честертон отмечал, что правда может быть выражена только в форме притчи, поэтому каждый из рассказов об Отце Брауне является своего рода притчей. Честертон придерживался определённого принципа: лучшие религиозные учителя не говорят о религии; они учат людей как открыть Бога в жизни. В своих работах английский писатель эксплицитно выражает ценности католического вероисповедания, каждый его рассказ можно назвать некой формой евангелизации [Boyd 2013]. Помещая своих героев в созданную художественную реальность, писатель иносказательно подводит читателя не только к пониманию греховности действий, но структурирует такую модель, в которой главным оказывается внутренняя мотивация человека, его духовное состояние, а не только физически совершен-

ный им грех (кража, убийство и т.д.). Вплетая в канву детективного дискурса религиозный, автор тем самым не только влияет на изменение взглядов героев произведения, но и убеждает читателя в истинности христианских взглядов путем оппозиции, где на одной стороне праведность и честность, а на другой грех. В рассказе Г.К. Честертон главным героем является католический священник — детектив-любитель, что непременно подразумевает включение религиозного дискурса в дискурсивную канву детектива. Отец Браун — или “агент” дискурса, совмещает в себе роли детектива и священника, а преступник — “клиент”, грешник, объект убеждения.

Приведём отрывок, иллюстрирующий интеграцию детективного и религиозного дискурсов.

The other priest raised his austere face to the spangled sky and said: “Yet who knows if in that infinite universe?” “Only infinite physically,” said the little priest, turning sharply in his seat, “not infinite in the sense of escaping from the laws of truth.”...

“Reason and justice grip the remotest and the loneliest star. Look at those stars. Don’t they look as if they were single diamonds and sapphires? Well, you can imagine any mad botany or geology you please. Think of forests of adamant with leaves of brilliants. Think the moon is a blue moon, a single elephantine sapphire. But don’t fancy that all that frantic astronomy would make the smallest difference to the reason and justice of conduct. On plains of opal, under cliffs cut out of pearl, you would still find a notice-board, ‘Thou shalt not steal.’” (G. K. Chesterton. The Blue Cross).

В данном отрывке представлен финальный диалог между отцом Брауном и вором. По сюжету известный вор Фламбо переодевается в католического священника с целью кражи сапфирового креста, являющимся церковной реликвией.

В соответствии с выделенными нами уровнями интеграции дискурсов, в данном отрывке мы видим эксплицитное

пересечение ролей из детективного и религиозного дискурсов в образе патера Брауна, в задачи которого входит раскрытие преступления, как сыщика, и назидание, наставление на путь истины, как священника. Тем самым фокус внимания смещается в сторону христианского вероучения.

На функциональном уровне религиозный дискурс проявляется при помощи функции убеждения. Отец Браун выступает скорее как священник, реализуя свою прямую обязанность — спасение души, сначала он применяет ряд хитростей по предотвращению физической кражи реликвии, затем переходит к словесному убеждению собеседника, тем самым насыщая контекст детектива языковыми и стилистическими средствами, обостряющими вечный конфликт добра и зла, а также человеческой греховной сущности. Тем самым акцент смещается не на физически совершённом преступлении, но на возникший в душе грех.

Лингвистические средства, используемые в приведённом выше отрывке, непосредственно указывают на специфику религиозного дискурса, которому присущи возвышенный стиль, рассуждение о вечном, нетленном, духовном (*God, reason, church, infinite universe, the laws of truth*). Применение религиозного дискурса в предложенном контексте преследует задачу убеждения в греховности мотивов собеседника, Фламбо, посредством образности и иносказания (*is a blue moon, a single elephantine sapphire; forests of adamant with leaves of brilliants*). Апеллируя названиями драгоценных камней, отец Браун подводит к одной из главных заповедей Декалога “Не укради” — “*Thou shalt not steal*”, тем самым вербально пытаясь предотвратить грех, который уже зародился в мыслях Фламбо, исходя из Библейского принципа: *when lust hath conceived, it bringeth forth sin (похоть же зачав, рождает грех) [Jm 1:15]*.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать вывод, что религиозный дискурс определённым образом интегрируется в детективное произведение, создавая новую реальность. Религиозный дискурс меняет локацию, если изначально он используется в определённом месте, то в контексте детективного дискурса он приобретает новое направление, детективная история становится притчей, имея сходство по структуре и цели, приобретает аллегорический оттенок с христианским смыслом. Посредством стратегий рассуждения, наставления и разъяснения, а также особого выбора лексико-стилистических средств автор интегрирует религиозный дискурс внутрь детективного текста, тем самым переводя фокус внимания читателя с детективной загадки на более глубокие, духовные ценности.

Список литературы:

1. Белоглазова Е.В. Интердискурсивность // Дискурс-Пи. 2010. № 1–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost> (дата обращения: 10.06.2023). [Beloglazova, Elena V. 2010. Interdiskursivnost' (Interdiscursivity). *Diskurs Pi. № 1–2*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost> (Accessed: 10.06.2023).]
2. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности и жанры [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 162–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-diskurs-tsennosti-i-zhanry> (дата обращения: 10.06.2023). [Bobyreva, Ekaterina V. 2008. Religioznyj diskurs: cennosti i zhanry (Religious discourse: Values and genres) *Znanie. Ponimanie. Umenie (Knowledge. Understanding. Skill)* 1. 162–167. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-diskurs-tsennosti-i-zhanry>. (Accessed: 10.06.2023).]

3. Зыкова И. В. Интердискурсивность как лингвокреативная апроприация дискурсов: авангард и Андрей Тарковский // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 65–85. [Zykova, Irina V. 2021. Interdiskursivnost' kak lingvokreativnaya apropiaciya diskursov: avangard i Andrej Tarkovskij (Interdiscursivity as a linguo-creative characteristic of discourses: Avangard and Andrey Tarkovsky). *Slovo.ru: baltijskij akcent. (Slovo.ru: Baltic Accent)*. 12 (4). 65–85.]
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 477. [Karasik, Vladimir I. 2002. *Yazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs (Language circle: personality, concepts, discourse)*. Volgograd: Peremena.]
5. Олизько Н. С. Интердискурсивность как категория постмодернистского письма // Вестник ЧелГУ. 2007. № 15. С. 95–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma> (дата обращения: 10.06.2023). [Oliz'ko, Natal'ya S. 2007. Interdiskursivnost' kak kategoriya postmodernistskogo pis'ma (Interdiscursivity as a category of postmodern writing). *Vestnik ChelGU (Bulletin of Chelyabinsk State University)*. 15. 95–104. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/interdiskursivnost-kak-kategoriya-postmodernistskogo-pisma>. (Accessed: 10.06.2023).]
6. Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М.: Гнозис, 2014. 304 с. [Sokolova, Ol'ga. V. 2014. *Tipologiya diskursov aktivnogo vozdejstviya: poeticheskij avangard, reklama i PR. (Typology of discursively active influence: poetic avant-garde, advertising, etc.)* Moscow: Gnozis.]
7. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. 416 с. [Foucault, M. 2004. *Arheologiya znaniya (Archeology of knowledge)*. St. Petersburg: IC Gumanitarnaya Akademiya; Universitetskaya kniga.]
8. Boyd, Ian. 2013. *The Sacramental Principle of G.K. Chesterton*. [Online] Available from: <https://www.convivium.ca/articles/the-sacramental-principle-of-g-k-chesterton/> (Accessed 3.06.2023).

Сведения об авторе:

Оводова Мария Кирилловна, аспирант, Московский Государственный Лингвистический Университет, Москва, Россия; ovodova.mary@yandex.ru

THE INTEGRATION OF RELIGIOUS AND DETECTIVE DISCOURSES IN SHORT STORIES BY G.K. CHESTERTON

Maria K. Ovodova

Post-graduate student of Moscow State Linguistic University (MSLU), Moscow, Russia; email: ovodova.mary@yandex.ru

Abstract

The research deals with the study of the phenomenon of interdiscursivity, which is understood in the most generalized way as the interaction of one type of discourse with various types of other ones, manifested at the linguistic and cognitive levels. The aim of the research is to deduce the levels of integration of religious and detective discourses on the example of a detective story by G.K. Chesterton. The selected levels for the analysis of the integration of discourses include: the level of the composition of the discourse, the functional level and the level of linguistic means. For example, being the central figure of the detective, Father Brown plays two roles — a priest and a detective, thus combining two discourses. The employed methods of discursive and lexico-stylistic analysis of the protagonist's speech acts showed how religious discourse is intertwined with the detective one through selected lexico-stylistic means that perform the functions of persuasion, edification and clarification, thereby further exacerbating the problem of the struggle between good and evil inherent in detective discourse.

Keywords: interdiscursivity, religious discourse, detective discourse, integration, the Bible.

Определение направленности интерпретации реальности *(на примере лингвистических конструкций философского дискурса)*

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

Л. Д. Петряков

Аннотация

В статье рассматриваются четыре модели интерпретации реальности: идеализация, диалектизм, вечное возвращение и символический (ценностный) обмен. Темой статьи выступает определение направленности интерпретации реальности в философских текстах. Целью данной работы является обнаружение способа понимания реальности, характерного для отдельных обществ, государств, исторических эпох, заданного определённой философией. Метод исследования: критический дискурс-анализ. Результат: выделены типы интерпретации реальности, показаны их характерные признаки, логико-лингвистические механизмы формирования и проявления в социальной действительности. Данный результат может быть использован в качестве вероятного знания того, какие аспекты действительности имеют существенное значение для собеседника, оппонента и наоборот. Вывод: направленность интерпретации реальности определяют узуальные слова, фиксирующие элементарные представления о мире, простые действия. Эти слова, будучи использованы в качестве ключевых в философских текстах, становятся категориями и определяют ментальное пространство множества людей. Они образуют устойчивую основу мифологем и мировоззрений.

Ключевые слова: дискурс, интерпретация реальности, идеализация, диалектизм, вечное возвращение, символический обмен.

Конструирование реальности в дискурсе руководствуется принципом: “как если бы...” — это аксиома философа способная выступать как целью познания, так и критерием истинности. “При смене субъект — объектных отношений на субъект — субъектные, субъект выступает не как отражающий, но как интерпретирующий и самоинтерпретирующий, непрерывно понимающий, расшифровывающий глубинные смыслы, которые стоят за очевидными, поверхностными и буквальными значениями” [Данилова 2011: 13]. Инструментом этого понимания выступает слово или характерная лингвистическая конструкция. Выбор направленности интерпретации реальности определяет логику обоснования “собственного” мнения и социальный институт, охраняющий это мнение.

Каково же отношение реальности к социально конструируемым дискурсам? Две предельные позиции в этой проблеме. Первая: реальность человека полностью конструируема: по И. Канту, человек видит мир “через очки” разума. Отсюда следует, что для взаимопонимания у людей разум и культура должны быть одинаковы. Вторая позиция в том, что реальность и дискурс существуют параллельно и самостоятельно. Согласно Ж. Бодриару, реальность представлена абсолютными событиями такими как смерть или террористический акт, тогда как дискурс — симулякрами, заслоняющими от нас реальность. Возражение к данной позиции: где кончается символ и начинается абсолютная реальность? Даже смерть — чужая смерть, интерпретируема как факт.

Наша позиция в том, что реальность дополнена, интерпретируема дискурсом. В основе дополнения лежит узуальное слово, выступающее инструментом истолкования реальности. Мы выделили четыре “вектора”, следуя которым, реальность приобретает определённое значение. Каждый из

них имеет модусы, соответствующие отдельным значениям этого понятия. Эти модусы имеют ‘нормальное распределение’ величин: от утверждения в качестве нормы к максимальному значению и относительности. Логико-лингвистический механизм возникновения направленной интерпретации предполагает трансляцию смысла данного слова на другие слова.

К примеру, идеалом для Сократа выступает понятие: “*Всё, что ты называешь прекрасным, будет прекрасным, если существует прекрасное **само по себе?***” (Платон. Гиппий Большой). Конструкция ‘само по себе’ с её вариантами: **само собой, таким образом**, это способ обобщения предмета. Такие конструкции говорят об идеализации реальности. Модусы идеализации: А) вне вещей, как наличие идеального образца или закона существования индивидов; Б) внутри вещей, как их сущность, существенный признак, отличающий один тип вещи от других; В) как отсутствие признаков других вещей в данном типе вещи; Г) как принцип обобщения реальности в понятии (концепт).

К примеру, (А) [Платон 1994: 347] в каждом предмете искал характерные признаки его идеальной формы. Он видит общее вне конкретных вещей. Но, как замечает [Аристотель 1976: 214], в этом случае грязь, мусор и зло также должны иметь свою идеальную форму. Тогда (Б) следует постулировать общее в самих вещах — сущность, и отсутствие таковой у случайных явлений. Но тогда их станет много. Не допуская подобного, (В, Г) И. Кант делает этот принцип формальным. Мы познаём мир явлений, а сущности постулируем. Такова “**вещь сама по себе**” И. Канта. Лингвистические инструменты идеализации: **идея, форма, идеал, образец, прототип**. Маркеры идеализации: человек вообще; как таковой; по природе; вещь сама по себе.

Следующим вектором интерпретации выступает ‘диалектизм’. Общее противоположностей — их равноценность и обратимость друг в друга (Гераклит). Модусы противоположностей: А) наличие противоположных сторон у явлений: ‘двоемыслие’, теория ‘двух истин’, ‘двух природ Бога’. Б) единство противоположностей (их синтез) И. Кант (категории чистого разума), Г. Гегель (диалектика). В) борьба противоположностей: К. Маркс (классовая борьба). Г) уничтожение / размывание противоположностей, их относительность: Ф. Энгельс (“Диалектика Природы”). Этот вектор означает релятивизацию абсолютной истины определений общего: ‘двоемыслящий’ человек не может утверждать: ‘это есть то’, он будет думать: ‘это есть то и другое’. Кроме того, противоположности, будучи выраженными и закреплёнными в языке, способны вызвать социальную институционализацию [Жолков 3012: 146]. А их лингвистическими маркерами выступают понятия: ‘внутренняя партия’, ‘глубинное государство’, ‘глубинный народ’ [Понкин 2020: 50]. Инструменты: диалектизма — **противоположность, противоречие, борьба, двоемыслие**. Пример: “...придерживаться одновременно двух противоположных мнений, понимая, что одно исключает другое, и быть убежденным в обоих; логикой убивать логику; отвергать мораль, провозглашая ее” (Дж. Оруэлл, 1984).

Следующим вектором интерпретации является “вечное возвращение”, событийность реальности, длительность, обобщённая как пространственно-временная целостность. Модусы событийности: А) В мире людей всё повторяется (Екклесиаст). Б) По А. Бергсону часть прошлого возвращается в настоящее, воспроизводя “длительность” событийного времени подобно киноплёнке, которую можно прокрутить назад. “Развитие живого существа, как и развитие зародыша, отмечает непосредственное влияние времени, продолжение прошлого в на-

стоящем, а, следовательно, некоторое подобие органической памяти” [Бергсон 2011: 343]. В) По М. Хайдеггеру, время — сущность действительности, чтобы выйти из круга повторений, мы должны проявить творчество. Г) М. М. Бахтин говорит о ‘событии бытия’ — единстве пространства, времени, смысла и человека — ‘хронотопе’. Образ человека “Живет и раскрывается во времени; его формирует, ограничивает и пронизывает время. Отношение к прошлому, настоящему и будущему” [Бахтин 1996: 570]. Лингвистические инструменты событийности: **время, событие, творчество, бессмертие, длительность**. Маркеры: **хронотоп, время, путь, перелом, эпоха, прорыв**. В характерных выражениях, концептах мышления эпохи это выражения: ‘можем повторить’, ‘великий последний шанс’.

Следующий вектор: символический / ценностный обмен. Модусы “обмена”: А) копия против подлинника Ж. Бодрияра (концепция симулякра); Б) практики коллективные и индивидуальные М. Фуко (‘практики себя’); В) ценности против символов, знаков ценностей Ж. Деррида (‘призраки и привидения’). Пример: “Символическое — это не понятие, не категория и не ‘структура’, но акт обмена и социальное отношение, кладущее конец реальному, а заодно и оппозицию реальному и вообразимого” (Ж. Бодрияр, Символический обмен и смерть). Отсюда следует что власть, сохраняя институты, основанные на традиционных ценностях, стремится подменить реальные, востребованные людьми ценности — симулякрами, предлагая символический обмен вместо ценностного.

Лингвистические инструменты символического / ценностного обмена: **письмо, различие, симулякр, призрак, фантом, реальность**. Они косвенно подразумевают, что человек не может освободиться от созданных им самим социальных механизмов “отчуждения”. Он может только оценивать их и конструировать более гуманные и “тонкие” или

жестокие, механизмы власти. Маркеры: **символ, практики власти, практики себя, символический обмен.**

Заключение: Лингвистические конструкции, выражающие интерпретацию, образуются при помощи узуальных слов, таких как: идеал, противоположность, длительность, обмен. Их можно назвать “векторами значения”. Слова — маркеры этой интерпретации — результат применения инструментальных слов к реальному миру. Узуальные слова фиксируют элементарные представления человека о мире, простые действия. Мифологемы и идеологемы используют направленность интерпретации как свой порождающий принцип. Векторами интерпретации реальности для политиков и общественных деятелей могут выступать: война, глобальная конкуренция, противостояние двух систем и т.д., они и определяют направленность интерпретации реальности.

Список литературы:

1. Аристотель Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. М.: Мысль, 1976. 550 с. [Aristotle. 1976. *Sobranie sochineniy v 4-h tomah. Tom 1.* (Aristotle. Collected works in 4 volumes. Volume 1). Moscow: Mysl Publ.]
2. Бахтин М.М. Философия поступка. Лабиринт — МП, 1996. 183 с. [Bakhtin, Mikhail M. 1996 *Philosophiya postupka* (Philosophy of action) Moscow: Labyrinth-MP Publ., 1996.]
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. С. 730. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_zhizni/bergson_a_tvorcheskaja_ehvoljucija_materija_i_pamjat/1-1-0-1943. (дата обращения: 17.07.2011). [Bergson, Anri. 2011. *Tvorcheskaja evolutsija. Materija i pamjat*?. Creative evolution. Matter and memory.]. Availvle from: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_zhizni/bergson_a_tvorcheskaja_ehvoljucija_materija_i_pamjat/1-1-0-1943 (Accessed 17 July 2011).]

4. Данилова Т.Г. Конструирование социальной реальности в дискурсе информационного общества: коммуникативный аспект автореф. канд. филос. н. 2011 г. Томск. [Danilova, Tatyana G. 2011. *Konstruirovaniye socialnoy real'nosti v diskurse informatsionnogo obschestva* (*The construction of social reality in the discourse of the information society*. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.)]
5. Жолков С.Ю. Диалектика социума в контексте концептуального анализа реальной прагматики: антитетика или антитопика // Ценности и смыслы. 2012. С. 129–147. [Zholkov, Sergey Y. 2012. *Dialektika sociuma v kontekste kontseptual'nogo analiza real'noj progmatiki: antitetika i antitopikam*. (*Dialectics of society in the context of conceptual analysis of real pragmatics: antithetics or antithopic*). In *Tsennosti i smysly* (*Values and meanings*). Moscow, pp. 129–147.]
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. 654 с. [Plato. 1994. *Sobranie sochineniy 4 tomah. Tom 3 / Perevod s drevnegrecheskogo* (*Plato. Collected works in 4 volumes. Vol. 3*). Moscow: Mysl.]
7. Понкин И.В. К вопросу о понятии “глубинный народ” // Вопросы культурологии № 5 2020. С. 50–56. URL: <https://panor.ru/articles/k-voprosu-o-ponyatii-glubinnyy-narod/40957.html#> (дата обращения 12.01.2020). [Ponkin, Ivan V. 2020. *K voprosu o ponjatii “glubinny narod”* (On the question of the concept of “deep people”). In *Voprosy kulturologii*. In: *Questions of cultural studies* No 5. p. 50–56.]. Available from: <https://panor.ru/articles/k-voprosu-o-ponyatii-glubinnyy-narod/40957.html#> (Accessed: 12 January 2020).]

Сведения об авторе:

Петряков Леонид Джоржович, д. филос. н.,
доцент (профессор), Ярославское высшее военное училище
ПВО МО, Ярославль, Россия;
email: yavvu_umo@mil.ru

DETERMINATION OF THE ORIENTATION OF INTERPRETATION OF REALITY BY THE EXAMPLE OF LINGUISTIC CONSTRUCTIONS OF PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Leonid D. Petryakov

Doctor of Philosophy, Associate Professor (Professor), Yaroslavl Higher Military School of Air Defense of the Ministry of Defense, Yaroslavl, Russia; email: yavvu_umo@mil.ru

Abstract

The article considers four models of interpretation of reality: idealization, dialecticism, eternal return and symbolic (value) exchange. The topic of the article is the determination of the orientation of the interpretation of reality in philosophical texts. The purpose of this work is to discover a way of understanding reality characteristic of individual societies, states, historical epochs, set by a certain philosophy. Research method: critical discourse analysis. Result: the types of interpretation of reality are identified, their characteristic features, logical-linguistic mechanisms of formation and manifestation in social reality are shown. This result can be used as a probable knowledge of which aspects of reality are essential for the interlocutor, the opponent and vice versa. Conclusion: the orientation of the interpretation of reality is determined by the usual words that fix elementary ideas about the world, simple actions. These words, being used as key words in philosophical texts, become categories and define the mental space of many people. They form a stable basis of mythologies and worldviews.

Keywords: discourse, interpretation of reality, idealization, dialecticism, eternal return, symbolic exchange.

Прецедентные феномены как способ языковой репрезентации концепта TREACHERY в медиадискурсе

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'255

С. Ю. Рубцова, Т. Е. Доброва

Аннотация

В данной работе приводится анализ концепта англоязычной концептосферы TREACHERY, выделяются ядерные и периферийные концептуальные признаки, рассматриваются способы языковой репрезентации данного концепта. Материалом для выделения ядерных и периферийных концептуальных признаков данного концепта послужили статьи англоязычных толковых словарей. В результате проведённого анализа описано концептуальное поле TREACHERY, включающее как отдельные лексемы, так и фразеологические единицы, устойчивые сочетания и прецедентные феномены, находящиеся на периферии поля. Под прецедентными феноменами авторы понимают особую группу языковых феноменов, которые хорошо известны любому представителю той или иной культуры. В статье анализируются варианты репрезентации концепта TREACHERY через прецедентные феномены в медиадискурсе. Для публицистики характерна экспрессивность, а использование прецедентных феноменов позволяет максимально выразительно воздействовать на читателя, что и обусловило выбор материала для анализа. Особое внимание уделяется прецедентным именам. Материалом для анализа послужили статьи издания “The Times”.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, языковая репрезентация, ядро, периферия, прецедентные феномены.

Статья посвящена анализу содержания и языковой репрезентации в медиадискурсе концепта TREACHERY. В лингвистике концепт — это результат взаимодействия языковых единиц и опыта представителя данной культуры, как личного, так и опыта всей лингвокультурной общности, приобретённой человеком в процессе освоения языка и культуры [Лихачев 1993]. Авторы данного исследования придерживаются лингвокультурного подхода, и вслед за Ю. С. Степановым понимают концепт как “сгусток культуры” [Степанов 2001]. Концепты отличаются от основных элементов языковой системы тем, что они не имеют чёткой формы, мы воссоздаём концепты по их языковой репрезентации непосредственно в процессе восприятия. Как отмечает Ю. С. Степанов, внутренняя форма концепта обычно не осознаётся, она отражается через основные единицы языковой системы, которые передают данный концепт [Степанов 2001]. Таким образом, концепт порождается культурой и несёт экстралингвистическую информацию.

В данной работе проводится анализ концепта TREACHERY с использованием полевого подхода, выделяются ядерные и периферийные концептуальные признаки, рассматриваются способы языковой репрезентации данного концепта в медиадискурсе. Материалом для выделения ядерных и периферийных признаков данного концепта послужили словарные статьи толковых словарей английского языка, словари идиом и толковый англо-русский словарь имён собственных в интертекстуальном аспекте.

Форма языковой репрезентации концепта может варьироваться от отдельных лексем до устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц [Болдырев 2001]. Фразеологические единицы и прецедентные феномены относятся к периферии поля концепта. Под прецедентными

феноменами в данной работе понимаются феномены, которые знакомы всем представителям данного языкового сообщества и к которым они неоднократно обращаются в процессе общения [Рубцова 2016]. В процессе общения мы нередко прибегаем к цитатам из фильмов или книг, используем исторические имена, которые всем известны [Рубцова 2011]. Прецедентные феномены хранят культурную память народа [Блохина 2015], делают нашу речь ярче, выразительнее. Традиционно лингвисты выделяют следующие типы прецедентных феноменов: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация [Красных 2016]. Для медиадискурса характерны именно прецедентные имена [Джанаева 2008]. Это можно объяснить тем, что имена легче ассоциируются в сознании с определёнными качествами, легче становятся оценочными символами [Кубрякова 2015]. В данном исследовании мы рассматриваем прецедентные имена, входящие в периферию поля концепта TREACHERY.

На основании анализа англоязычных толковых словарей можно выделить следующие когнитивные признаки концепта TREACHERY: *an act of deliberate betrayal; betrayal of trust; infidelity; an act of perfidy or treason; the disposition to betray; treasonable or perfidious conduct*. Таким образом, ядро концепта представляется следующим: *treachery, betrayal, infidelity, treason, duplicity, disloyalty, perfidy*. Периферия представлена фразеологизмами *stab in the back, sell someone out, throw under the bus, keep your friend close and your enemies closer* и прецедентными именами *Brutus Marcus Junius, Jago, Judas Iscariot, Benedict Arnold* (генерал, в Войне за независимость сначала выступал на стороне повстанцев, позже перешел на сторону Великобритании), *Guy Fawkes, Quisling Vidkun* (норвежский политик коллабораци-

онист, во время оккупации нацистами Норвегии в 1940 году объявил о создании нового правительства и возглавил его), Colonel Stauffenberg (полковник Вермахта, подготовивший и осуществивший покушение на Гитлера), Ivan Mазера, Andry Bulba.

Анализ способов языковой репрезентации концепта TREACHERY проводился на материале статей издания “The Times”. На сайтах изданий было отобрано 224 примера языковой репрезентации данного концепта. Ключевым элементом, репрезентирующим данный концепт в медиадискурсе, является слово *treachery*, которое встречается в 60% примеров. Чаще всего оно оформлено прилагательными *personal, shocking, hypothetical*. В 28% примеров был зафиксирован элемент *betrayal*, в сочетании с гораздо большим, чем у *treachery* набором прилагательных: *clumsy, grotesque, shocking, massive, terrible, devastating, personal*. *Infidelity* было зафиксировано в 6% примеров, все примеры касались супружеской неверности. Лишь в 4% примеров встретился элемент *treason*, оформленный прилагательным *high*. *Duplicity* зафиксировано в 3% примеров в основном в значении ‘sexual duplicity’. Единичные примеры включали *disloyalty* и *perfidy*.

Из четырех фразеологических сочетаний (*stab in the back, sell someone out, throw under the bus, keep your friend close and your enemies closer*) периферии концепта были зафиксированы только три. Фразеологическое сочетание *sell someone out* зарегистрировано не было. Самым частотным оказался фразеологизм *throw under the bus*, словосочетание *stab in the back* встретилось в вдвое меньшем количестве примеров, и лишь единичные примеры были зарегистрированы с фразеологическим сочетанием *keep your friend close and your enemies closer*.

Рассмотрим прецедентные имена, репрезентирующие концепт TREACHERY в медиадискурсе. Из восьми прецедентных имен, выделенных на основании словарей на периферии исследуемого концепта, в англоязычном медиадискурсе зафиксировано было только четыре. Прецедентные имена Jago, Guy Fawkes, Ivan Mazerpa, Andry Bulba в примерах из изданий “The Times” и “The Sunday Times” не встретились.

Самым характерным для медиадискурса прецедентным именем является Иуда, что неудивительно. Это имя принадлежит христианской культуре, это прецедентное имя характерно не только для англоязычной лингвокультуры. Примеры с именем Иуды составили 52% от общего количества примеров. Приведем некоторые из них.

Labour MPs who backed airstrikes in Syria have been accused of behaving “like Judas” towards Jeremy Corbyn and threatened with deselection by a local branch of the Unite union. [Michael Savage. Labour MPs are sent threatening “Judas” letters by Unite activists. The Times. <https://www.thetimes.co.uk>, 15.12.2015]

В данном примере члена парламента обвиняют в том, что он ведёт себя как Иуда. Прецедентное имя кратко и ёмко характеризует поведение этого члена парламента. В заголовке статьи находим “Judas” letters, здесь имя ярко характеризует отношение говорящего к письмам, дает им эмоционально окрашенное определение.

The Pope has compared his critics to Judas Iscariot in a speech in which he promised that the church would never again cover up sexual abuse committed by priests. [Philip Willan. You’re no better than Judas Iscariot, Pope Francis tells his critics. The Times. <https://www.thetimes.co.uk>, 22.12.2018].

В данном примере Judas Iscariot выступает изолированно и непосредственно ассоциируется с поступком Иуды.

Следует отметить, что примерно в половине всех примеров прецедентное имя Judas выступает в качестве признака существительного.

Прецедентное имя Brutus было зарегистрировано в 36% от общего количества примеров.

I'd like to have seen an episode on this "Agent Brutus" alone. [James Jackson. Secrets of the Spies review — the British fascination with professional liars. The Times. <https://www.thetimes.co.uk>, 09.08.2022].

Здесь помимо прецедентного имени Брут для усиления используется отсылка к прецедентному имени Agent 007.

Прецедентное имя Benedict Arnold встретилось в 3% примеров.

Таким образом, ядро поля концепт TREACHERY в медиадискурсе представлено следующими элементами: *treachery*, *betrayal* и *infidelity*. Последний элемент как правило относится к супружеской неверности. Периферия поля концепта представлена фразеологическими сочетаниями *stab in the back*, *throw under the bus*, *keep your friend close and your enemies closer*, из которых *throw under the bus* встречается чаще всего. Из пяти прецедентных имен, репрезентирующих концепт TREACHERY в медиадискурсе (Brutus Marcus Junius, Judas Iscariot, Benedict Arnold, Quisling Vidkun, Colonel Stauffenberg), Judas Iscariot встречается существенно чаще других. Brutus Marcus Junius занимает второе место. Остальные же встречаются сравнительно редко. Прецедентное имя Judas чаще всего встречается в форме определения к существительному.

Список литературы:

1. Блохина Е.Н. О лингвокультурологическом подходе к изучению прецедентных текстов как феноменов региональной культуры

- туры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–1. С. 26–28 [Blohina, Elena N. 2015. O lingvokul'turologicheskom podhode k izucheniyu precedentnyh tekstov kak fenomenov regional'noj kul'tury. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philological Sciences. Issues of Theory and Practice)*. #11–1, 26–28.]
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. 123 с. [Boldyrev, Nikolay N. 2001. *Kognitivnaya semantika: kurs lekcij po anglijskoj filologii (Cognitive Semantics: a Course of Lectures on English Philology)*. Tambov, Tambov university publishing.]
 3. Джанаева В. В. Лингвокогнитивные основы коммуникации: инокультурные прецедентные феномены: автореф. дис... канд. филол. наук. Владикавказ, 2008 [Dzhanaeva, Victoria V. 2008. *Lingvokognitivnye osnovy kommunikacii: inokul'turnye precedentnye fenomeny (Lingvacognitive basics of communication: precedent phenomena of foreign culture)*. Abstract of the dissertation ... Candidate of Philological Sciences, Vladikavkaz.]
 4. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 493 с. [Krasnyh, Victoria V. 2016. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury: osnovy psiholingvokulturologii (Dictionary and Grammar of Linguaculture: Basics of Psycholinguaculturology)*. Moscow, Gnozis Publ.]
 5. Курбакова Ю. В. Национально-прецедентные феномены и единицы с метафорическим значением в СМИ (на материале современных американских журналов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006 [Kurbakova, Yulia. V. 2006. *Nacional'no-precedentnye fenomeny i edinicy s metaforicheskim znacheniem v SMI (na materiale sovremennyh amerikanskih zhurnalov) (National Precedent Phenomena and Units with a Metaphorical Meaning in Mass Media: a Case Study of Modern American Magazines)*. Abstract of the dissertation ... Candidate of Philological Sciences, Moscow.]

6. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН — СЛЯ, 1993, № 1 [Lihachev, D. S. 1993. *Konceptosfera russkogo yazyka* (Concept Sphere). In: *Izvestiya (News)*. RAN — SLYA, #1.]
7. Рубцова С. Ю. Английские прецедентные имена с положительными оценочными значениями в аспекте перевода Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 1. С. 152–185. [Rubcova, Svetlana YU. 2011. *Anglijskie precedentnye imena s polozhitel'nymi ocenochnymi znacheniyami v aspekte perevoda* (English Precedent Names with a Positive Evaluation in Translation). In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* (The Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Sciences. Journalism). # 1, 152–185.]
8. Рубцова С. Ю. Английские прецедентные единицы с компонентами — вымышленными топонимами. Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–2 (55). С. 165–174 [Rubcova, Svetlana YU. 2016. *Anglijskie precedentnye edinicy s komponentami — vymyshlennymi toponimami* (English precedent names with made-up toponyms). In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philological Sciences. Issues of Theory and Practice). #1–2 (55), 165–174.]
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001. 990 с. [Stepanov, Yuriy. S. 2001. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury* (Constants: a dictionary of Russian culture). Moscow, Akademicheskij Proekt.]
10. Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. Available from: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. (Accessed 03 April 2018).
11. Educalingo Dictionary. URL: <https://educalingo.com/ru/dic-en/treachery>. Available from <https://educalingo.com/ru/dic-en/treachery> (Accessed 03 April 2018).

12. Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/english>. Available from: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/english> (Accessed 03 April 2018).
13. Power Thesaurus. URL: <https://www.powerthesaurus.org>. Available from: <https://www.powerthesaurus.org>. (Accessed 03 April 2018).
14. The Idioms. Idiom Dictionary. URL: <https://www.theidioms.com/search>. Available from <https://www.theidioms.com/search>. (Accessed 03 April 2018).

Сведения об авторах:

Рубцова Светлана Юрьевна, к. филол. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, email: s.rubtcova@spbu.ru

Доброва Татьяна Евгеньевна, к. филол. н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, email: t.dobrova@spbu.ru

PRECEDENT PHENOMENA AS MEANS OF LANGUAGE REPRESENTATION OF TREACHERY CONCEPT IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

Svetlana Rubtsova

Candidate of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, email: s.rubtcova@spbu.ru

Tatiana Dobrova

Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, email: t.dobrova@spbu.ru

Abstract

This paper provides an analysis of the concept of the English-speaking conceptual sphere TREACHERY, identifies its nuclear and peripheral conceptual features, and considers ways of

linguistic representation of this concept. The articles of English-language dictionaries served as the material for the identification of the nuclear and peripheral conceptual features of this concept. As a result the conceptual field of TREACHERY is described, including both individual lexemes and phraseological units, and precedent phenomena located on the periphery of the field. By precedent phenomena, the authors understand a special group of linguistic phenomena that are well known to any representative of a particular culture. The article analyzes the variants of the TREACHERY concept representation through precedent phenomena in the media discourse. Expressiveness is characteristic of journalism, and the use of precedent phenomena allows you to influence the reader as expressively as possible. Precedent names are in the spotlight. The articles of “The Times” provided the material for the analysis.

Keywords: concept, concept-sphere, linguistic representation, core, periphery, precedent phenomena.

Роль метафоры в истории познания

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 165.0

Н. К. Седова

Аннотация

Предметом настоящего исследования является роль метафоры в процессе познания на протяжении истории развития философии науки. Целью работы является изучение метафоры как части процесса познания в более широком, чем лингвистическом смысле, то есть не только как оборота речи, а как самого переноса значения на основе сходства, а также, в ещё более широком смысле, как инструмента познания. В работе рассматривается то, как менялось отношение к метафоре на разных этапах развития философской и научной мысли, а также то, какое положение занимает метафора в настоящее время в условиях интеграции различных областей научного знания. Утверждается, что метафора продолжает активно изучаться в рамках ряда дисциплин. В частности, формулируются основные направления современных отечественных и зарубежных лингвистических исследований, опирающихся на когнитивную теорию метафоры. Основными методами проведения настоящего исследования являются анализ и синтез научной литературы, относящейся к различным этапам развития философии науки.

Ключевые слова: метафора, история философии науки, когнитивная теория метафоры.

Несмотря на то, что метафора упоминается и в более ранних трудах, изучение метафоры в античный период развития науки прочнее всего связано с именем Аристотеля (384–322 до н. э.). В своем сочинении “Поэтика” древнегре-

ческий философ даёт определение метафоры и различает её виды. Аристотель противопоставляет метафору общеупотребительным словам и определяет её как “перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии” [Аристотель 2005: 190–191]. В третьей книге своего сочинения “Риторика” Аристотель, рассуждая о речи и, в частности, о стиле речи, утверждает, что метафора играет важную роль и в поэзии, и в прозе; однако, в прозе метафоре нужно уделять больше внимания, потому что у прозы меньше вспомогательных средств по сравнению с поэзией [Аристотель 2005: 128–132]. С учётом критики образного языка и, в частности, метафоры некоторыми представителями более поздних этапов развития философии и науки, представляется важным отметить, что Аристотель подчёркивает важность ясности речи: “достоинство стиля — в ясности, доказательство тому: если речь не ясна, она не выполнит своей задачи” [там же]. В то же время, Аристотель признаёт, что метафоры могут быть неясными, если заимствованы “издалека”, а также неподобающими — смехотворными, чрезмерно торжественными или трагичными [там же].

Рассуждая о метафоре, Аристотель отмечает, что сравнения, гиперболы, а также пословицы и загадки по сути являются метафорами. Говоря о сравнениях, Аристотель поясняет, что они, как и метафоры, составлены из двух понятий, сравниваемых по соответствию. В частности, Аристотель приводит пример Гомера, который использует сравнение *устремился, как лев* и метафору *лев*, говоря *лев ринулся* в отношении Ахилла. Аристотель также упоминает сравнения в сочинении “Государство” Платона. Говоря о загадках, Аристотель отмечает, что “из хорошо составленных загадок можно заимствовать прекрасные метафоры; метафоры заклю-

чают в себе загадку, так что ясно, что загадка — хорошо составленная метафора” [Аристотель 2005: 129].

Признаётся, что труды Аристотеля оказали влияние на дальнейшее развитие философской мысли в целом и её язык в частности, и до Нового времени, на протяжении античного и средневекового периода, метафора широко использовалась как одна из фундаментальных форм познания. Однако в эпоху классической науки отношение мыслителей к метафоре как к инструменту познания поменялось. И. В. Сибиряков отмечает, что представители рационализма критиковали метафору за то, что она многозначна и основана на сравнении и аналогии [Сибиряков 2006: 108–109]. Образный язык подвергали критике и представители эмпиризма. Например, Томас Гоббс отмечает, что “свет человеческого ума — это выразительные слова, однако предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными определениями” [Гоббс 1991: 36], а Джон Локк утверждает, что “всякое риторическое искусство, выходящее за пределы того, что вносит порядок и ясность, всякое образное употребление слов, какое только изобретено красноречием, имеет в виду лишь внушать ложные идеи, возбуждать страсти и тем самым вводить в заблуждение рассудок и, следовательно, на деле есть чистый обман” [Локк 1985: 566–567].

Отмечается, однако, что, устраняя явные метафоры, рационалисты Нового времени не обращали внимание на те метафоры, которые утратили своё метафорическое звучание и закрепились на более глубинном уровне языка; такие метафоры создавали иллюзию буквального восприятия объектов познания, и язык философии развивался в их рамках [Сибиряков 2006: 108]. Например, Рене Декарт (1596–1650), выдающийся представитель рационализма, в своем знаменитом рассуждении о методе сравнивает учёного с путником

[Декарт 2014], то есть, по сути, использует метафору, которая, как отмечено Аристотелем, лежит в основе сравнения.

Отмечается также, что с античных времен метафора используется в категориальном аппарате наук о природе (например, термины *царство, род, семейство*), а метафорический язык, сложившийся в эпоху классической науки, оказал влияние на формирование понятийного аппарата эволюционной теории Чарльза Дарвина, в которой ключевые термины являются метафорами (например, *борьба за существование*) [Сибиряков 2006: 111–113]. Метафоры используются не только в биологии, но и в других областях научного знания; более того, существуют так называемые общенаучные метафоры — то есть те, которые в настоящее время используются в разных областях научного знания (например, метафора *корень* в математике, лингвистике, анатомии и физиологии; метафора *поле* в физике и лингвистике). Роль метафоры отмечается также в формировании социальных теорий неклассического этапа развития науки. В частности, отмечается, что основополагающие понятия теории Карла Маркса (*базис-надстройка, классовая борьба, социальный организм* и другие) являются метафоричными [Баранов 2014: 401–406].

Считается, что метафора получила философское оправдание вследствие лингвистического поворота в социо-гуманитарных науках в середине XX века и что с развитием науки увеличилась степень метафоричности её гипотез. В частности, В. В. Налимов утверждает, что “быть научным — это быть метафоричным: способным создавать плодотворные метафоры, возбуждающие воображение и тем самым расширяющие наше взаимодействие с миром” [Налимов 1993: 21]. Исследуя роль концептуальной метафоры как формы предпосылочного знания в современном есте-

ствознании, Е. В. Кузьмина также отмечает важность метафоры как познавательного инструмента и выделяет целый ряд её функций — в частности, гипотетическую, прогностическую, адаптационную, моделирующую, синтетическую [Кузьмина 2019: 13].-

В современных исследованиях, обращенных непосредственно к метафоре, выделяется несколько направлений. Проводя обзор существующих в настоящее время подходов к трактовке метафоры, Е. В. Кузьмина упоминает следующие концепции: сравнительно-фигуративная и образно-эмотивная, интеракционистская, прагматическая, семиотическая и когнитивная [Кузьмина 2019]. Изучая метафору в рамках когнитивистики как главенствующего в настоящее время направления в лингвистике и ряде других областей научного знания, исследователи преимущественно опираются на когнитивную концепцию метафоры, предложенную в конце XX века американскими учёными, лингвистом Джорджем Лакоффом и философом и логиком Марком Джонсоном. В своём знаковом труде “Метафоры, которыми мы живем” Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора является средством познания действительности, инструментом концептуализации опыта и речевой деятельности и что большая часть понятийной системы человека сконструирована метафорами [Lakoff, Johnson 1980].

В рамках когнитивной концепции метафоризация рассматривается как познавательный процесс, как процесс воздействия когнитивного уровня на формальный семантический, а концептуальная метафора — как инструмент познания, относящийся прежде всего к уровню мышления, а не уровню языка. В современных исследованиях, проводимых в рамках когнитивной лингвистики, авторы различают концептуальные и лингвистические метафоры. При этом иссле-

дования могут проводиться в разных направлениях — представляется, что многие отечественные исследователи рассматривают язык как доступ к механизмам мышления, а американские специалисты, напротив, стремятся объяснить устройство языка, исследуя мышление.

Список литературы:

1. Аристотель. Риторика; Поэтика. М.: Лабиринт, 2005. 253 с. [Aristotle. 2005. *Rhetorika; Poetika (Rhetoric; Poetics)*. Moscow: Labirint.]
2. Баранов Г.С. Философия метафоры. Saarbrücken: Palmarium acad. publ., 2014. 536 с. [Baranov, Georgiy S. 2014. *Filosofiya metafory (Philosophy of Metaphor)*. Saarbrücken: Palmarium acad. publ.]
3. Гоббс Т. Сочинения в 2-х т.: Т. 2. М.: Мысль, 1991. 735 с. [Hobbes, Thomas. 1991. *Sochineniya v 2-x t.: T. 2 (Works in 2 vol.: Vol. 2)*. Moscow: My`sl`.]
4. Декарт Р. “Рассуждение о методе...” и другие произведения, написанные в период с 1627 г. по 1649 г.: Перевод с латинского и французского. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2014. 322 с. [Descartes, Rene. 2014. *“Rassuzhdeniye o metode...” i drugiye proizvedeniya, napisannyye v period s 1627 g. po 1649 g. (“Discourse on the Method” and other works written in the period from 1627 to 1649)*. Moscow: Akad. proyekt].
5. Кузьмина Е.В. Концептуальная метафора как форма предпосылочного знания в современном естествознании: автореферат дис. ... кандидата философских наук. Казань, 2019. 28 с. [Kuz'mina, Yelena V. 2019. *Kontseptual'naya metafora kak forma predposylochnogo znaniya v sovremennom yestestvoznanii (Conceptual Metaphor as a Form of Background Knowledge in Modern Natural Science)*. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan].
6. Локк Дж. Сочинения в 3-х т.: Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с. [Locke, John. 1985. *Sochineniya v 3-x t.: T. 1 (Works in 3 vol.: Vol. 1)*. Moscow: My`sl`.]

7. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. М.: Прогресс, 1993. 260 с. [Nalimov, Vasilii V. 1993. *V poiskakh inykh smyslov (In Search of Other Meanings)*. Moscow: Progress].
8. Сибиряков И.В. Метафора: гносеологический статус, механизмы реализации и роль в познании. Челябинск: Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2006. 128 с. [Sibiryakov, Igor' V. 2006. *Metafora: gnoseologicheskiy status, mekhanizmy realizatsii i rol' v poznanii (Metaphor: Epistemological Status, Mechanisms of Implementation and Role in Cognition)*. Chelyabinsk: Chelyabinsk st. acad. of culture and arts].
9. Lakoff, George, Johnson, Mark. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

Сведения об авторе:

Седова Надежда Константиновна, преподаватель, МГИМО МИД России, Москва, Россия; email: n.k.sedova@yandex.ru

THE ROLE OF METAPHOR IN THE HISTORY OF KNOWLEDGE

Nadezhda K. Sedova

Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia;

email: n.k.sedova@yandex.ru

Abstract

The paper is concerned with the role of metaphor in the history of knowledge. The purpose of the work is to study metaphor as part of the process of cognition in a broader sense, not only as a figure of speech, but as the transfer of meaning based on similarity, and as a tool of cognition. The paper examines the changing attitude towards metaphor at different stages of the history of philosophical and scientific knowledge, as well as the position that metaphor currently has in the context of integration of var-

ious areas of scientific knowledge. The paper shows that metaphor continues to be actively studied within a number of disciplines. In particular, some of the main directions of modern linguistic research based on the cognitive theory of metaphor are formulated. The main methods of conducting the study are the analysis and synthesis of scientific literature related to various stages of the history of philosophy and science.

Keywords: metaphor, history of philosophy and science, cognitive theory of metaphor.

Ценностная репрезентация мифа о клетке как лингвокультурного феномена

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'39

Е. С. Степанова

Аннотация

Статья посвящена описанию ценностной репрезентации мифа о клетке как лингвокультурного феномена. Предметом исследования послужили антропоморфные свойства мифа о клетке в рамках архаичных представлений о строении человеческого организма. Цель исследования описать миф о клетке как механизм антропоморфизма, а также проанализировать метафорические модели, которые детерминируют аксиологический потенциал мифа о клетке. Цель исследования обусловила выбор приоритетных *методов* исследования: описательный метод и контекстный анализ. На материале научно-популярной работы Сиддхартхи Мукерджи (Siddhartha Mukherjee) “Песня клетки: исследование медицины и нового человека” (“The Song of the Cell: An Exploration of Medicine and the New Human”), выделены метафорические модели, которые описывают аксиологический потенциал мифа о клетке, свидетельствуя о том, что он играет ценностно упорядочивающую роль в культуре. Делается вывод о том, что миф о клетке является неотъемлемой частью духовной жизни человека, с одной стороны, с другой — закладывает определённый фундамент культуры и влияет на ценностное восприятие мира субъектом.

Ключевые слова: миф о клетке, ценность, антропоморфизм, эмблематика, метафора.

Миф как механизм антропоморфизма представляет собой способ познания мира человеком на заре цивилизации с по-

мощью мысленного переноса человеческих свойств на процессы, предметы, с которыми он взаимодействует. Отсутствие научных знаний о строении человеческого тела превращает антропоморфный миф в своеобразный инструмент познания, который отражает образное восприятие человеческого тела, одушевляет его отдельные части, наделяет их человеческими характеристиками. Миф реализует связь человека и природы, репрезентирует ценностное освоение мира.

Миф о клетке объективирует жизнь — набор поведений, установок, жизненных процессов. Чтобы быть живым, организм должен быть способен возрождаться, адаптироваться к раздражителям, взаимодействовать с окружающей средой, обладать сознанием в процессе ценностного познания. Не случайно, что все эти антропоморфные свойства в конечном счёте принадлежат клеткам или системам клеток. В некотором смысле, можно было бы определить жизнь как наличие клетки, а клетки как имеющие жизнь.

Ценностная репрезентация мифа о клетке как проявление антропоморфизма в системе архаичных представлений о строении человеческого организма явилась *предметом* исследования.

Необходимость мифологического осмысления образных представлений о человеческом теле как клеточной экосистеме с помощью метафорических моделей предопределила *цель* данного исследования.

Цель исследования обусловила выполнение следующих *задач*:

- проанализировать миф о клетке как механизм антропоморфизма, который образно наделяется различными характеристиками человеческой сущности;
- описать метафорические модели, которые отражают аксиологический потенциал мифа о клетке.

В нашем исследовании применялись следующие методы исследования: описательный метод и контекстный анализ. Описательный метод, направленный на анализ ценностных особенностей мифа о клетке, соединяющих в себе мифологические представления на основе древних верований и современные фундаментальные представления, которые составляют научную картину мира; метод контекстного анализа для детекции метафорических моделей, которые помогают переосмыслить человеческое тело как клеточную экосистему.

Исследование проводилось на *материале* научно-популярной работы Сиддхартхи Мукерджи (Siddhartha Mukherjee) “Песня клетки: исследование медицины и нового человека” (“The Song of the Cell: An Exploration of Medicine and the New Human”), в которой в лирической и ёмкой форме автор проводит нас через эволюцию человеческого понимания клетки: от открытия семнадцатого века, что люди состоят из клеток, до наших передовых технологий манипулирования клетками и их использования в терапевтических целях.

Ценность в лингвистике и лингвокультурологии исследуется как модель, высших ориентиров поведения, приоритетных в данной культуре, объективируется в виде культурных артефактов (ритуалов, заговоров, мифов). Ценность описывает социально-значимые установки, которые обуславливают ориентиры для представителя лингвокультурного сообщества в его профессиональной деятельности или быту, и которые становятся источником мотивации его поведения в различных ситуациях, требующих морального выбора.

В лингвокультурологии миф рассматривается как символ и как ценностное ядро. Миф как символ в форме чувственного передаёт духовное содержание, подразумевает нечто главенствующее, иррациональное, определяющее установ-

ленный миропорядок; миф как ценностное ядро содержит систему ценностей, при этом какой-то аспект ценности заострён или гиперболизирован как установка индивиду для осуществления выбора в жизненно важной ситуации [Карасик 2019].

Миф о клетке выступает как символ и как ценностное ядро. Клетка является символом жизни, координируя свои функции, своё поведение (движение, обмен веществ, передачу сигналов, доставку питательных веществ к другим клеткам). Поведение органа или организма определяется поведением клетки. Жизнь организма заключается в жизни клетки. Клетка как аксиологическое ядро заключает в себе такую ценность, как здоровье. Однако, если здоровые клетки становятся дисфункциональными, переводящими наши тела из клеточной физиологии в клеточную патологию, то нарушается работа клеток, провоцирующая нарушение функций тела.

Символы в мифе о клетке отражают ментальность этноса, которая детерминирована как мирозерцание и выражается в различных формах существования языка, например, легендах и мифах, эксплицирующих знания и совокупность взглядов на окружающую действительность. Миф о клетке как часть обобщенной и персонифицированной картины мира отражает духовные ценности индивида, которые обуславливают его восприятие мира. Символы в мифе могут восприниматься как метафоры, которые свидетельствуют о ранее утраченных коннотациях мифа, для декодирования которых необходимы экстралингвистические знания.

Мифологические символы в мифе о клетке в нарративной форме транслируют ценности из одной культуры в другую, благодаря инвариантным свойствам. Данная особенность позволяет мифологическим символам отражать мета-

культурные ценности, объединяя культуры, которые поначалу могут показаться изолированными. В то же время символы приобретают разные значения в конкретных культурах в зависимости от экстралингвистических условий, в которых они реализуются, тем самым наполняя миф содержанием и смыслом [Карасик 2019].

Методологической основой нашего исследования послужило утверждение В. И. Карасика о том, что мифологические символы в мифе, характеризуются языковой метафорикой, которая создаёт особую эмблематику мифа. Символ в мифе реализуется с помощью мифологизированной метафоры, которая переносит образ, сформировавшийся посредством ментального восприятия предмета на объект, принадлежащий другому объединению однородных предметов. В результате миф приобретает свойства, в том числе и ценностные, которые присоединяются к его денотативным признакам. Метафора образует ценностное поле мифа, которое можно описать с помощью метафорических моделей [Карасик 2019].

Как показал анализ вышеуказанной научно-популярной работы, ценностное поле мифа о клетке представлено следующими моделями:

Клетка — единица жизни

Данная метафорическая конструкция представлена в следующем примере: “*A cell is the unit of life*” (“*Клетка — единица жизни*”) [Mukherjee 2022: 22].

Вышеописанная конструкция эксплицирует миф о том, что клетка — одна из фундаментальных метафизических загадок философии, потому что мы все ещё пытаемся определить то, что нас определяет (“*It may be one of biology’s metaphysical conundrums that we are still struggling to define the very thing that defines us*”).

Клетка — машина для расшифровки генов

Данная метафорическая конструкция представлена в следующем примере: *“In a narrow sense, a cell is an autonomous living unit that acts as a decoding machine for a gene”*. (“В узком смысле клетка — это автономная живая единица, действующая как машина, декодирующая ген”) [Mukherjee 2022:22].

В данном примере актуализируется миф о том, что в процессе декодирования молекулы внутри клетки считывают определённые разделы генетического кода, как музыканты в оркестре читают свои части музыкальной партитуры индивидуальной песни клетки, тем самым позволяя инструкциям гена физически проявиться в белке (*“... molecules within a cell read certain sections of the genetic code”*).

Клетка — это своего рода лаборатория

Данная метафорическая конструкция представлена в следующем примере: *“A cell is a kind of laboratory”* (“Клетка — это своего рода лаборатория”) [Mukherjee 2022: 58].

В данном примере актуализируется миф о том, что клетка — это жизненно важная единица, благодаря которой происходят химические процессы, обеспечивающие функционирование тканей и органов, а также реакции, поддерживающие жизнь (*“the cell as the site for the reactions that sustain life”*).

Т-Клетка — это наблюдательная лаборатория

Данная метафорическая конструкция представлена в следующем примере: *“The T cells were “Surveillance labs”*” (Т-клетки были “лабораториями наблюдения”) [Mukherjee 2022: 59].

В данном примере актуализируется миф о том, что Т-клетки это своеобразные “лаборатории наблюдения”, плавающие в жидкости в поисках вирусных патогенов, скрывающихся внутри других клеток (*“The T cells in the lab were “Surveillance labs”, swimming in fluid to find viral pathogens hiding within other cells”*).

Клетка — очаг физиологии и патологии

Данная метафорическая конструкция представлена в следующем примере: “*The unifying locus for pathology*” (“Объединяющий локус физиологии и патологии”) [Mukherjee 2022: 56].

В данном примере актуализируется миф о том, что *стоит думать о клетке как о месте, объединяющем физиологию и патологию* (“*You have to think of a cell as the unifying locus for physiology and pathology*”).

Таким образом, аксиологический потенциал мифа о клетке представлен метафорическими моделями, которые отражают связь инноваций в медицине с культурными практиками прошлого. Данные метафорические модели описывают аксиологический потенциал мифа о клетке, свидетельствуя о том, что он выступает основой ценностного упорядочения мира. Аксиологический потенциал мифа о клетке включает в себе ценность жизни и здоровья. Миф о клетке является неотъемлемой частью духовной жизни человека, с одной стороны, с другой — закладывает определённый фундамент культуры и влияет на ценностное восприятие мира субъектом.

Список литературы:

1. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография. М.: Гнозис, 2019. 424 с. [Karasik, Vladimir I. 2019. *Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy: monografiya. (Language spiral: values, signs, motives: monograph)*. Moscow: Gnosis.]
2. Mukherjee, Siddhartha. 2022. *The Song of the Cell: An Exploration of Medicine and the New Human*. New York: Scribner.

Сведения об авторе:

Степанова Елена Сергеевна, к. филол. н., доцент,
Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия; email: pretty.step@bk.ru

AXIOLOGICAL REPRESENTATION OF THE CELL MYTH AS A LINGUOCULTURAL PHENOMENON

Elena S. Stepanova

Candidate of Philology, Associate Professor, Samara State Medical University, Samara, Russia; email: pretty.step@bk.ru

Abstract

The article is devoted to the description of the value representation of the cell myth as a linguacultural phenomenon. The subject of the study is the anthropomorphic properties of the cell myth within the framework of archaic ideas about the structure of the human body. The purpose of the study is to describe the cell myth as a mechanism of anthropomorphism, as well as to analyse the metaphorical models that determine the axiological potential of the cell myth. The purpose of the study determined the choice of priority research methods: descriptive method and contextual analysis. On the basis of the popular scientific work of Siddhartha Mukherjee “The Song of the Cell: An Exploration of Medicine and the New Human”, metaphorical models that describe the axiological potential of the cell myth are distinguished, indicating that it plays a value-orienting role in culture. It is concluded that the cell myth is an integral part of the individual’s spiritual life, on the one hand, and on the other, it lays a certain foundation of the culture and influences the individual’s value perception of the world.

Keywords: cell myth, value, anthropomorphism, emblem, metaphor.

Лингвистические средства создания положительного образа вуза в телеграм-каналах

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'23:81'27

Ю. Е. Кочнева, О. Д. Пастухова, Е. А. Титова

Исследование выполнено в рамках гранта
“Фонд перспективных научных исследований ФГБОУ ВО “ЧелГУ” 2023 г.

Аннотация

Университетский медиадискурс представляет перспективную тему для исследования, так как он подвержен постоянным изменениям, что открывает возможности для изучения различных его аспектов. В статье исследуются языковые стратегии, направленные на создание положительного образа вуза в его телеграм-каналах. Проведённый анализ более чем 400 постов позволил выявить основные языковые средства, способствующие формированию положительного образа вуза. Одним из ключевых результатов исследования стало обнаружение частого использования разговорной лексики. Авторы также прибегают к помощи обращений к читателю, таким образом вовлекая их в коммуникацию. В постах телеграм-канала ЧелГУ можно встретить стилистические средства. Вербальные тексты, представленные в телеграм-каналах университетов, могут быть разнообразными по своей направленности — от простой передачи информации до воздействия на адресата. Поэтому наше исследование уделяет особое внимание выразительности и смысловой нагрузке, которые могут быть достигнуты различными языковыми средствами в контексте университетского дискурса в телеграм-каналах.

Ключевые слова: вуз, лингвистические средства, положительный образ, медиадискурс, телеграм-канал.

Медиадискурс представляет особый интерес для исследования, так как является многогранным понятием. Особенно актуальным остаётся изучение медиадискурса университета, так как интернет-коммуникации составляют неотъемлемую часть современного мира и оказывают воздействие на потребителей информации. Университетский медиадискурс представляет собой особую разновидность дискурса, так как взаимодействует с другими разновидностями дискурса, такими как педагогический, образовательный, научный [Максимов, Найден 2010: 203]. Основной целью университетского медиадискурса является передача информации и сообщение знания, и они созвучны целям как конкретного вуза, так и вуза как образовательного учреждения в целом [Финогеева 2021: 163]. По словам Н. С. Олизько, университетский медиадискурс включает в себя официальный сайт вуза, различные социальные сети и каналы, и его основной целью является информирование и воздействие на адресата (студента, абитуриента или родителей) [Олизько 2023: 100]. В отечественной и зарубежной дискурсологии практически не проводились исследования медиадискурса, уделяющие особое внимание анализу особенностей формирования образа вуза в социальных сетях и телеграм-каналах, поэтому данное направление является актуальным и позволяет выявить способы создания положительного образа вуза с использованием средств медиакоммуникации. В целом, успешная интернет-коммуникация в современном мире напрямую зависит от использования правильных лексических средств.

Материалом исследования послужили более 400 постов, выявленные методом сплошной выборки в телеграм-канале Челябинского государственного университета. Мы выявили, что для создания положительного образа вуза авторы постов используют разговорную лексику, которая направлена на со-

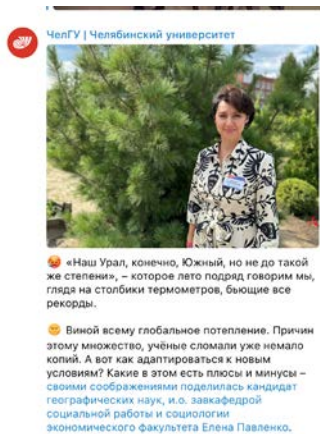

Рисунок 1. Южный Урал

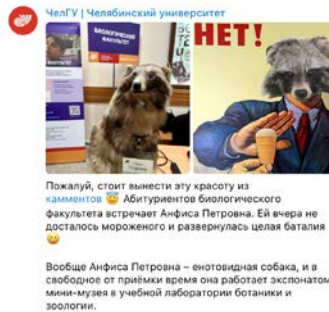

Рисунок 2. Енотовидная собака Anfisa Петровна

здание контакта между адресатом и адресантов. Именно разговорной лексике, “соотносимой с функционально-стилистической категорией разговорного стиля, присуща непринужденность... С одной стороны, ненарочитое включение разговорных слов в письменную речь осознается как отклонение от стилистических норм литературного языка” [Сюй Ци 2009: 258]. Но, с другой стороны, подобные включения обладают большей

экспрессией и выразительностью. В связи с этим, разговорная лексика является наиболее частотным средством, которое используют авторы постов с целью создать дружественную атмосферу. Авторы также прибегают к помощи обращений к читателю, таким образом вовлекая их в коммуникацию. В постах телеграм-канала ЧелГУ можно встретить стилистические средства (аллюзию, игру слов, эпитеты, метафоры и другие).

Учитывая полуофициальный характер телеграм-каналов, стоит отметить разговорный стиль, который очень широко используется практически во всех постах. Такой стиль способствует созданию благоприятной, расслабленной атмосферы. Упоминание Южного Урала в контексте “Наш Урал, конечно, Южный, но не до такой же степени...” (см. рис. 1) создает юмористический эффект и вызывает улыбку у читателя, что, без сомнения, способствует созданию положительного образа вуза.

Следующий пост посвящен особенностям проведения приёмной кампании в ЧелГУ (см. рис. 2). Абитуриентов биологического факультета встречает енотовидная собака. Во-первых, это необычно и привлекает внимание абитуриентов любых факультетов. Новости о животных всегда вызывают интерес у читателей любых социальных сетей. В нижеприведённом посте стоит отметить слово “камментов”, что в данном случае является разговорным заимствованием из английского языка, написано с нарушением правил орфографии в русском языке (комментарий) и нацелено на привлечение внимания молодых читателей телеграм-канала. Такой приём способен создать положительный образ вуза в глазах абитуриентов, они почувствуют себя значимыми, поймут, что университет с ними “на одной волне” и готов говорить с ними “на одном языке”. Также привлекает внимание имя экспоната, упомянутого в посте — Анфиса Петровна —

необычное имя Анфиса в совокупности с отчеством Петровна способно вызвать улыбку у любого читающего данный пост и добавить положительных штрихов к образу вуза.

В приведённом ниже посте представлены правила дресс-кода, который действует на территории университета. Использование таких лексических единиц как “шпаргалки” и “перваши” указывает на неофициальный, можно даже сказать дружеский стиль (см. рис. 3). Пост таргетирован на только что поступивших первокурсников, которые ещё не знакомы с правилами в университете, но представление этой информации в такой дружелюбной форме вызывает позитивный отклик и добавляет положительных черт в образ университета.

Рисунок 3. Деловой стиль ЧелГУ

Обращение к читателю — очень распространенный приём, который привлекает внимание аудитории, вызывает доверие и призывает к реакции. Вопрос “Соискатели, остепеняться будем?” адресован тем, кто пишет диссертации и планирует их защиту в ближайшее, либо не очень, время (см. рис. 4). Обращение к аудитории делает вуз открытым к диалогу и помогает воспринимать его в позитивном ключе.

Рисунок 4. Диссертационные советы

Символом ЧелГУ является суслик в связи с тем, что очень много сусликов живет на территории университета. Их можно увидеть в больших количествах с весны до осени, когда они не находятся в состоянии зимней спячки. Также на территории университета периодически появляются белки. Их можно встретить не так часто, как сусликов. Как мы уже говорили выше, упоминание животных в постах вкупе с фотографиями усиливают положительное впечатление, поэтому создатели постов всегда пользуются этим приёмом. В нижеприведённом примере мы отмечаем наличие таких лексических единиц как “суслик” и “белочка”, где белочка — уменьшительно-ласкательная форма, что вызывает умиление у читателей и создает впечатление, что ЧелГУ — добрая организация, которая уделяет внимание животным и хорошо к ним относится (см. рис. 5). Помимо этого, обращение к читателям в побудительной форме первого лица единственного числа с использованием третьего лица единственного числа глагола “мочь” с модальным значением и призывом к действию (“может придумаем ей имя”) приглашает к диалогу и совместной деятельности. Также обращает на себя внимание аллюзия на популярную игру, которой увлекаются многие молодые люди — “Мафия”.

Практически все знают фразу: “Город засыпает, просыпается мафия”. Подпись в нижеприведённом посте “Суслик засыпает, просыпается белочка” отсылает аудиторию к этой игре, создает комический эффект, что добавляет положительных штрихов к образу ЧелГУ.

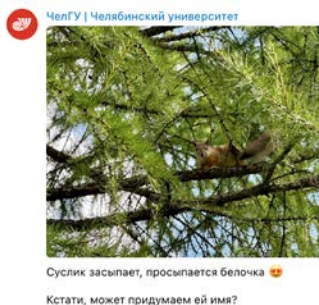

Рисунок 5. Суслик засыпает, просыпается белочка

Таким образом, стоит отметить, что университетский медиадискурс важен в современном мире. В силу своей многоплановости он является одним из главных средств передачи информации и воздействия на читателя. Особой значимостью также является использование логически и стилистически-выверенной лексики и выразительных средств с целью создания положительного образа университета.

Список литературы:

1. Олизько Н.С. Университетский медиадискурс как средство патриотического воспитания молодежи // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 3(7). С. 111–115. [Oliz'ko, Natalia S. 2023. Universitetskij mediadiskurs kak sredstvo patrioticheskogo vospitaniya molodezhi (University media discourse: towards the problem of patriotic education of youth). *Virtual'naya kommunikaciya i social'nye seti (Virtual communication and social media)*. 111–115.]

2. Пастухова О.Д. Особенности новостного интернет-дискурса сообщества абитуриентов “Поступай в ЧЕЛГУ” в Вконтакте // Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: Сборник материалов ежегодного 62-го Международного научного форума. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 28.06–01.07.2023 года / Отв. редактор А.А. Малышев. Том 2. Санкт-Петербург: ООО “Медиапапир”, 2023. С. 129–130. [Pastuhova, Oxana D. 2023. Osobennosti novostnogo internet-diskursa soobshchestva abiturientov “Postupaj v CHELGU” v Vkontakte (Features of on-line news discourse of the community of entrants “Get into CSU” in Vkontakte) In: A. A. Malishev (eds.). *Media v sovremennom mire. 62-e Peterburgskie chteniya (Media in the modern world. 62-e Peterburgskie chteniya)*. 129–130. Sankt-Peterburg: ООО “Медиапапир”.]
3. Сюй Ци. Разговорная лексика в газетном контексте // Учебные записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. С. 258–260. [Sui Tsi. 2009. Razgovornaya leksika v gazetnom kontekste (Colloquial vocabulary in a newspaper context). *Uchebny`e zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie (Educational Notes of Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies)*. 258–260.]
4. Финогеева А.А. Мультиmodalность в современном университетском интернет-дискурсе // Русский лингвистический бюллетень. 2021. № 4(28). С. 162–165. [Finogeeva, Anna A. 2021. Mul'timodal'nost' v sovremennom universitetskom internet-diskurse (Multimodality in the modern internet discourse). *Russkij lingvisticheskij byulleten' (Russian Linguistic Bulletin)*. 162–165.]

Сведения об авторах:

Кочнева Юлия Евгеньевна, ст. преподаватель,
Челябинский государственный университет, Челябинск,
Россия; email: julia_kochneva@list.ru

Пастухова Оксана Дмитриевна, к. филол. н., доцент,
Челябинский государственный университет, Челябинск,
Россия; email: oksana-galaxy7@mail.ru

Титова Елена Александровна, к. филол. н., доцент,
Челябинский государственный университет, Челябинск,
Россия; email: elena_vendina@list.ru

LINGUISTIC MEANS OF CREATING THE POSITIVE IMAGE OF A HIGHER EDUCATION ESTABLISHMENT IN TELEGRAM-CHANNELS

Julia E. Kochneva

Senior Lecturer, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia;
email: julia_kochneva@list.ru

Oxana D. Pastukhova

Candidate of Philology, Associate Professor, Chelyabinsk State
University, Chelyabinsk, Russia; email: oksana-galaxy7@mail.ru

Elena A. Titova

Candidate of Philology, Associate Professor, Chelyabinsk State
University, Chelyabinsk, Russia; email: elena_vendina@list.ru

Abstract

University media discourse represents a promising topic for research, as it is subject to constant changes, which opens up opportunities for studying its various aspects. In this article we investigate the linguistic strategies aimed at creating a positive image of the university in its Telegram channels. The analysis of more than 400 posts helped to identify the main linguistic means that contribute to the formation of a positive image of the university. One of the key results of the study was the discovery of the frequent use of colloquial vocabulary. The authors also resort to the use of appeals to the reader, thus involving them in

communication. Stylistic can be found in the posts of the CSU Telegram channel. The verbal texts presented in the universities' Telegram channels can be diverse in their orientation — from simple information transfer to the impact on the addressee. Therefore, our study pays special attention to expressiveness and semantic load, which can be achieved by various linguistic means in the context of university discourse in telegram channels.

Keywords: higher education establishment, linguistic means, positive image, media discourse, telegram-channel.

Формирование информационного континуума в рекламном дискурсе

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42:659

А. Ю. Хахалева

Аннотация

Предмет настоящего исследования составляют лингвистические и нелингвистические средства формирования информационного континуума в рекламном дискурсе. Материалом послужили рекламные публикации о линейке парфюмерных ароматов *Savage* компании *Dior* в формате он-лайн. Целью исследования является изучение способов формирования информационного континуума англоязычного рекламного дискурса. В ходе исследования был проведён прагмалингвистический анализ продающей страницы парфюмерного аромата *Savage Elixir*, а также видеороликов с официального сайта *Dior*, посвящённых ароматам из линейки *Savage*. Сравнительный анализ позволил обобщить сходства и различия данных рекламных сообщений, а также сделать вывод об основных способах и средствах построения информационного континуума в рекламном дискурсе. Результаты исследования могут быть применены в качестве базы для дальнейшего изучения особенностей рекламного дискурса, а также для разработки практического руководства по эффективному разворачиванию информационного континуума в рекламе.

Ключевые слова: рекламный дискурс, реклама, информационно-коммуникационные технологии, информационный континуум, полимодальность.

Рекламный дискурс (РД) оказывает существенное влияние на восприятие человеком окружающей действительности

и процесс формирования картины мира. Данный вид дискурса является одним из наиболее активно развивающихся, при этом многие его особенности остаются недостаточно изученными и нуждаются в дальнейшем более подробном рассмотрении. Этим обусловлена актуальность настоящего исследования.

В наши дни информационно-коммуникационные технологии постоянно совершенствуются, претерпевая значительные изменения [Конкина 2021]. При этом в поле массовой коммуникации может быть реализован любой тип дискурса “при учете и соответствии макроправилам его построения” [Коновалова 2015: 104]. Одним из основных каналов распространения РД является Интернет, который открывает перед создателями рекламных сообщений широкие возможности по реализации дискурсивных задач. Исследователи отмечают сходство рекламного и массмедийного дискурсов или рассматривают РД как составную часть медиадискурса [Коновалова 2015; Авидзба 2016 и др.]. Поскольку медиадискурс можно понимать как “любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ” [Авидзба 2016: 37], нам представляется возможным говорить о частичном пересечении рекламного и массмедийного дискурсов в том случае, если распространение сообщений РД осуществляется через средства массовой коммуникации, например, сеть Интернет.

Выделяют такую характеристику медиадискурса, как способность к формированию информационного континуума (ИК). В рамках массмедийного дискурса ИК может формироваться за счёт разворачивания различных типов дискурса [Коновалова 2015] и публикации новостных сообщений, как связанных между собой, так и представляющих непересекающееся множество сообщений [Конкина 2021]. Гипотезой исследования состоит в том, что в рамках РД также может формироваться ИК за счёт публикации рекламных сообщений схожей тематики в различ-

ных форматах (например, вербальных печатных сообщений, баннеров, видеороликов, аудиосообщений и т. д.), освещающих одно новостное событие / ряд связанных событий с использованием определённых лингвистических и нелингвистических средств. Новизна исследования состоит в том, что на сегодняшний день изучены только отдельные аспекты рассматриваемой проблемы и, изучая РД как составную часть / массмедийного дискурса [Авидзба 2016], исследователи не обращаются к особенностям формирования в нем ИК.

Материалом нашего исследования послужили рекламные он-лайн публикации о линейке парфюмерных ароматов *Savage* компании *Dior*, размещённые на официальном сайте www.dior.com и на сайте www.youtube.com. Был проведён прагмалингвистический анализ продающей страницы (ПС) парфюмерного аромата *Savage Elixir* (рис. 1), а также видеороликов *Dior: Dior Sauvage 2015 г. — Ролик 1 (P1)*; видео *The Legend of the Magic Hour 2018 (P2)*; *Dior Sauvage Elixir 2021 г. (P3)*; *Dior Sauvage eau de Parfum 2023 (P4)*; *Dior Sauvage Elixir 2023 (P5)*. В ходе сравнительного анализа были обобщены сходства и различия рекламных сообщений, а также сделан вывод об основных способах и средствах построения ИК в РД.

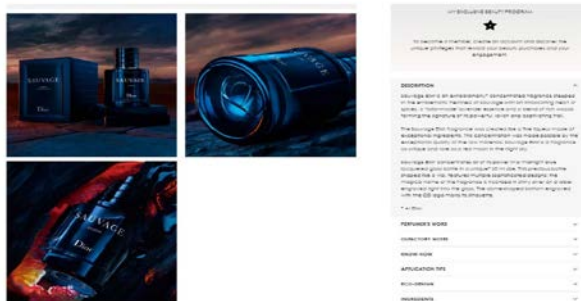

Рисунок 1. Фрагмент продающей страницы Dior Sauvage

Анализ указанного материала показал, что все рекламные сообщения объединяет общая концепция, которая строится вокруг идеи, заключённой в названии аромата *Sauvage* (**sauvage** (**fr.**) прил. — ‘дикий, одичалый, дикорастущий’). Все рассмотренные сообщения базируются на конфликте концептов ГОРОДСКОЙ / УРБАНИСТИЧЕКИЙ и ДИКИЙ / СВОБОДНЫЙ. Действие роликов происходит в штате Калифорния: так, в одном из видео герой Джонни Деппа покидает Лос-Анджелес и отправляется в пустынную местность в национальном парке Джошуа-Три (территория, некогда населённая индейцами): *I gotta get out of here. Which way? I don't know. Something I can't see. I can feel it. It's magic. Sauvage* (P1) (Рис. 2). В последующих видеороликах этот сценарий развивается, дополняется деталями. При помощи видеоряда и звучащего текста создается негативный образ города: он ограничивает человека, загоняя в рамки; дикая пустынная местность же характеризуется положительно (*The desert leaves us drunk with too much beauty. Light-hearted, for in the darkness we can see... much further than before* (P2)). Однако, чтобы быть свободным, выжить в дикой природе, нужно быть сильным (*the desert swallows us all indifferently* (P2)). Смысл данной аллегии заключается в том, что герой хочет проявить свою свободу и индивидуальность, из-

Рисунок 2. Фрагмент рекламного ролика Dior Sauvage (2015 г.)

бавиться от клише и стереотипов, навязанных обществом. Согласно идее создателя рекламы, парфюм *Sauvage* позволяет своему обладателю продемонстрировать индивидуальность, жить без притворства, вне модных течений.

В результате проведённого исследования был сделан вывод о том, что для создания ИК в рекламном дискурсе компании может быть использован целый ряд взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом экстралингвистических и лингвистических средств. Среди отмеченных нами инструментов были выделены следующие: I. экстралингвистический уровень: 1) наличие общей концепции, объединяющей все рекламные сообщения и перекликающейся / связанной с образом рекламируемого товара; 2) создание образов и аллегорий, переходящих из одного сообщения в другое (например, один герой, служащий воплощением идеи, стоящей за рекламной концепцией); 3) общий культурно-исторический контекст (использование в сюжете легенды индейцев навахо, образов коренных американцев); 4) общее географическое местоположение, как следствие, природа, погодные условия; 5) использование символики цвета в едином ключе, например, для создания контраста: свет / тьма, ночь / день, рассвет / закат; 6) музыкальное сопровождение видеоролика в одном стиле; II. лингвистический уровень: 1) повтор визуального изображения видеоролика на текстовом уровне (например, в описании аромата на продающей странице — *midnight blue, red moon in the night sky* (ПС)); 2) использование различных лексических и стилистических средств для создания ярких образов, соотносимых с рекламируемым товаром, например, цвет флакона (*lights of sapphire* (P2), *a hundred shades of blue* (P2), *the last rays of the sun ablaze on the horizon* (P4)); описание аромата (*sensual aromas of mystery* (P4); *a heady scent of burning sage* (P2), *the magic alchemy of woods and spices* (P5);

3) контекстуальные синонимы: *wilderness* (P3) — *desert* (P2); *sauvage* (фр.) (P1) — *wild* (P5); 4) лексические повторы и повторы однокоренных слов: *magic* (P1, P2, P4, P5) — *magical* (ПС); 5) наличие аллюзий на известные произведения (*the call of Sauvage* (P4) — аллюзия на произведение Дж. Лондона “Зов предков” (“The Call of the Wild”)).

В заключение необходимо отметить, что в ходе исследования гипотеза о возможности построения ИК в РД по аналогии с массмедийным дискурсом подтвердилась. Рассмотренные лингвистические и нелингвистические средства способствуют реализации воздействующей функции РД, позволяя создать запоминающийся и выразительный образ рекламируемого товара. Упор на экстралингвистический уровень дискурса становится возможным благодаря полимодальному характеру рекламных сообщений. Сходство с кинофильмом или сериалом, а также включение культурологических концептов и элементов культуры в рекламные сообщения повышают значимость и идеологическую ценность рекламы, приближая её к киноискусству. Кроме того, преобладание сообщений вызывает у реципиента желание больше узнать о концепции товара, увидеть новые выпуски рекламных сообщений. Важным выводом является то, что за счёт формирования ИК в РД сообщения, не имеющие непосредственно рекламного характера, но обладающие общими чертами с рекламными сообщениями (герои, место действия, лингвистические особенности и т. д.) (например, P2), также становятся частью РД компании и дополняют информацию о продукте.

Перспективой дальнейшего исследования может стать изучение взаимосвязи между тематикой рекламных сообщений, характеристиками компании / продукта и выбором средств формирования ИК в РД, а также возможностей ис-

пользования для формирования ИК различных жанров в рамках РД.

Список литературы:

1. Авидзба А. В. Медиадискурс как составляющая информационного пространства // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2016, № 1. С. 35 — 40 [Avidzba, Asmat V. 2016. Mediadiskurs kak sostsavl'jajyshaja informatsionnogo prostranstva (Media discourse as a component of the information space). *Aktyal'nue problem filologii i pedagogicheskoi lingvistik (Relevant problems of philology and pedagogical linguistics)* 1, 35–40.]
2. Коновалова М. В. Медиадискурс и подходы к его изучению // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 27 (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 101–108 [Konovalova, Marija V. 2015. 27 (382). Mediadiskurs i podkhodu k ego izyucheniju (Media discourse and the approaches to its studying). *Vestnik Cheljabinskogo gosydarstvennogo universiteta, 27 (382). Seriya: Filologicheskie nauki (The Bulletin of the Chelyabinsk State University, the Series "Philological Sciences")* 98. 101–108.]
3. Конкина К. М. Континуум новостей: концептуальное структурирование // Медиаскоп. 2021. Вып. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2704> (дата обращения: 10.07.2023). [Konkina, Ksenija M. 2021. Kontinuum novostei: kontseptual'noe strukturirovanie (News continuum: conceptual structuring). *Mediascope (Mediascope)*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/2704>. (Accessed: 10.07.2023).]

Сведения об авторе:

Хахалева Анастасия Юрьевна, к. филол. н., доцент,
Московский государственный лингвистический
университет, г. Москва, Россия;
email: mglu04@mail.ru

BUILDING OF INFORMATION CONTINUUM IN ADVERTISING DISCOURSE

Anastasiya Yu. Khakhaleva

Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; email: mglu04@mail.ru

Abstract

The subject of the research is linguistic and non-linguistic means of forming the information continuum in advertising discourse. The study analyzes advertising publications about the line of *Dior* perfume fragrances *Sauvage* in the online format. The aim of the research is to consider the methods of forming the information continuum of English-language advertising discourse. During the study, a pragmalinguistic analysis of the sales page of the *Sauvage Elixir* perfume, as well as the videos from the official *Dior* website on the *Sauvage* fragrances was carried out. The comparative analysis made it possible to summarize the similarities and differences between these advertising messages and to draw a conclusion about the main ways and means of constructing the information continuum in advertising discourse. The results of the research can be used as the basis for the further study of the characteristics of advertising discourse, and can also serve as the basis for the development of practical guidelines for the effective deployment of the information continuum in advertising.

Keywords: advertising discourse, advertising, information and communication technologies, information continuum, multimodality.

Китайский жестовый язык: способы проявления, структурная организация, семиотические признаки

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.581

Хуан Циньянь

Аннотация

В статье рассматривается китайский жестовый язык (КЖЯ), а именно способы его проявления, структура и уникальные особенности. Описываемые проявления данной семиотической системы (естественный жестовый язык, искусственный жестовый язык и дактиль) обусловлен сферой общения. В качестве универсальных особенностей жестовых языков выделяются изобразительность, произвольность и избыточность.

Ключевые слова: китайский жестовый язык, естественный жестовый язык, искусственный жестовый язык, дактиль, изобразительность, произвольность, избыточность.

Введение

Жестовые языки представляют собой сложные лингвистические системы, обладающие собственной лексикой и грамматикой и используемые для общения глухими и слабослышащими людьми на территории всего мира. В отличие от языков звучащих, жестовые языки стали предметом изучения лингвистов относительно недавно: лишь со второй половины XX века их начали рассматривать как полноценные многоуровневые системы коммуникации [Жестовые языки 2023].

В настоящее время жестовые языки стали неотъемлемой частью лингвистических исследований. Это проявляется во всё возрастающем количестве исследований жестовых язы-

ков, их уровневой организации, межкультурных и региональных различий. Сравнивая базовые структуры и выразительные возможности различных жестовых языков, исследователи могут получить представление о когнитивных процессах, участвующих в невербальной коммуникации. Такие межкультурные исследования прокладывают путь к пониманию конкретных семиотических систем, таких как, например, китайский жестовый язык, который развивался уникальным образом, но при этом обладает универсальными характеристиками всех жестовых языков. С течением времени в аспекте существующих исследований о китайском жестовом языке больше дискуссий ведется о функционировании жестового языка, при этом сущностные характеристики китайского жестового языка не получают должного лингвистического внимания. В связи с этим в данной статье основными аспектами анализа выступают формирование КЖЯ, его уровневая организация и особенности проявления.

1. Способы проявления китайского жестового языка

Китайский жестовый язык возник в результате потребности глухих людей в общении и постепенно получил признание как язык глухих. В научном мире мнение о том, что “китайский жестовый язык делится на две категории: дактиль и жест”, признается многими учеными [Фу Итин, Мэй Цзыкай 1986]. Дактиль — это использование изменений и движений пальцев для представления алфавита и написания слов в соответствии с порядком пиньинь (запись звуков китайского языка). В древности все люди находились на стадии простого звукового языка, часто используя руки для принятия различных поз для выражения своих мыслей, и большинство таких жестов были указательными и изобразительными движениями, называемыми естественными жестами, которые не зависят от артикулируемого языка. В дальнейшем,

с развитием общества, особенно с появлением и развитием сурдопедагогики, стали создаваться жесты языкового характера, и этот вид жестового языка, созданный на основе артикулируемого языка и тесно интегрированный со звуковым языком, называется искусственными жестами [Соху 2023]. Сочетание естественных и искусственных жестов становится языком жестов. Как следствие, китайский жестовой язык имеет три способа проявления: естественный жестовый язык, искусственный жестовый язык и дактиль.

Естественный жестовый язык выступает самостоятельной идеографической системой, которая основана на координации жестов, мимики и движений. Данный уровень не зависит от какого-либо артикулируемого языка. Некоторые жестовые признаки, такие как мимика, которая обладает сильной идеографической функцией и является важной частью словарного запаса жестового языка [Ван Фэйсюэ, Пань И 2007], и движения тела могут использоваться в качестве грамматических маркеров, служащих для выражения грамматического значения.

Рисунок 1. Жест 笑 (говорить) в КЖЯ

Жестовый язык глухих может быть простым, понятным и заразительным, что в основном обусловлено воздействием гибких изменений позы тела и мимики при произнесении жестов. В реальном общении основной словарный запас

и выражение КЖЯ в основном представлены посредством естественного жестового языка. Например, жест **улыбаться** 笑 (Рисунок 1) передаётся именно естественность, что произнесёт с мимикой улыбкой на лице.

Искусственный жестовый язык предполагает создание соответствующих морфем в последовательности, что соответствует порядку слов звукового языка. Данный способ проявления жестового языка тесно связан с лексической и синтаксической структурой звукового языка и, по сути, эквивалентен его пересказу. Указанный способ удобен для сопровождения звукового языка.

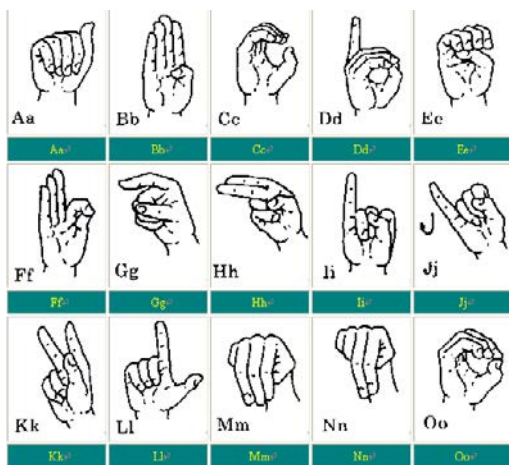

Рисунок 2. Правила дактилологии КЖЯ

В основе дактирования лежит дактильная азбука. Данный способ жестикулирования представляет собой своеобразную форму речи, воспроизводимую посредством пальцев рук орфографическую форму слова в речи. Он связан с системой письменности или фонетической транскрипции звукового языка и часто используется для описания имён собственных, заимствованных слов и т.д. Например, имя ки-

таянки 朵 (duo) представлено жестами для пиньинь d-u-o по очереди (Рисунок 2).

2. Уровневая организация китайского жестового языка

С лингвистической точки зрения жестовые языки являются настолько же богатыми и имеющими сложную уровневую организацию, как и любой звуковой язык. Современные научные исследования подтверждают, что жестовые языки обладают всеми компонентами, характеризующими их как полноценные языки [Романюк 2017]. Тем не менее, жестовые языки обладают собственной грамматической структурой.

По мнению Г.Л. Зайцевой, “структура жестовых языков имеет сложную иерархию, в которой жест, или кинетический акт, в котором обязательно участвуют руки говорящего, выступает в качестве основной смысловой единицы, аналогичной по своей функции слову в звуковых языках” [Зайцева 2000: 8].

Китайские ученые, указывая, что система звукового языка обычно состоит из трёх основных уровней (фонетического, лексического и грамматического), также выделяют в системе жестового языка три основных уровня (морфология, словарный запас знаков и грамматические правила) [Лю Цзюньфэй, Сунь Чжаокуй 2012].

3. Особенности китайского жестового языка как жестовой семиотической системы

Китайский жестовый язык обладает универсальными особенностями всех жестовых языков, а именно изобразительностью, произвольностью и избыточностью.

Представляется необходимым отметить, что изобразительность не всегда выступала дифференцирующим признаком жестовых семиотических систем. Ученые отмечают, что одной из основных причин игнорирования семиотической самостоятельности жестового языка была именно высокая

степень его изобразительности. Например, в КЖЯ для обозначения горы жестикулирующий должен положить руки перед собой и одной рукой изобразить форму иероглифа горы (Рисунок 3), что соответствует изобразительности китайского иероглифа и потому легко распознается.

Рисунок 3. Жест 山

Тем не менее, изобразительность жестового языка не отрицает его произвольности. Языковой знак, по мнению Ф. де Соссюра, есть противопоставленная двусторонняя психическая сущность: означающее (акустический образ) и означаемое (понятие) [Звегинцев, 1960]. В лексике жестового языка означающее обозначено формой руки, направлением, ориентацией и движением, а означаемое соответствует понятию. Данная связь в жестовом языковом знаке, как и в знаке звучащего языка, произвольна и условна. Это подтверждает положение о том, что китайский жестовый язык соответствует той же произвольной природе знаков что и язык звуковой. Так, имеющееся исследование Сюй Вана продемонстрировано, что словарный запас жестового языка также произволен [Лю Жуннань 2007]. В китайском жестовом языке существительное слово 母亲 (мать) обозначается одной рукой с указательным пальцем, вытянутым к губам, что очень похоже на жест, которым можно заставлять собеседника молчать. Следовательно, понятие “мать” не связано никаким внутренним отношением с жестом, служащим в китайском языке для её обозначения.

Избыточность считается одним из основных существенных свойств языка, и жестовые языки также обладают данной характеристикой избыточностью. Та часть языка, которая имеет больше форм, чем необходимо для минимального семантического выражения, является избыточной. Выражение избыточности звукового языка может проявляться в линейном сочетании языковых знаков (например, “прекрасная тень” и “ужасный кошмар”). В жестовом языке может использоваться одновременность левой и правой рук, пространственное положение жестов, а также выражение лица, поза тела и движение рта, комплексное использование линейных и синхронных признаков, приводящих к избыточности. Например, жест 𠄎 (горький) может быть изображен как две линии стекающих слёз при условии, что указательный и средний пальцы одной руки слегка разогнуты, кончики пальцев направлены внутрь, к обеим сторонам носа, и выполняют почесывающее движение вниз. Значение жеста 𠄎 (горький), если одновременно сопровождается выражением лица, указывающим на горечь, становится достаточно понятным; его значение будет более очевидным, если к данному жесту добавить жест “усталый”.

В данном случае одновременный жест “горький взгляд” является синхронным выражением, а второй жест “усталый” — линейным выражением [Чжао Сяочи, Рен Юаньюань, Сяо Минь 2021:80–81].

Заключение

В настоящее время китайский жестовый язык (КЖЯ) широко и глубоко изучается как в стране, так и за рубежом. Докладательное решение данных исследовательских проблем позволит показать, что жестовые языки и китайский жестовый язык, в частности, — это язык сложной концептуальной организации.

На основании проведённого исследования можно сделать вывод, что основными способами проявления китайского жестового языка выступают естественный жестовый язык, искусственный жестовый язык и дактиль. Естественный жестовый язык предполагает самостоятельной идеографической системой, которая основана на координации жестов, мимики и движений. Искусственный жестовый язык предполагает создание соответствующих морфем в последовательности, что соответствует порядку слов звукового языка. Дактиль представляет собой своеобразную форму речи, воспроизводимую посредством пальцев рук орфографическую форму слова в речи.

Как показало исследование, система жестового языка схожа с системой звучащего языка. В качестве основных уровней китайского жестового языка выступают морфемные, лексические и грамматические.

Китайский язык, несмотря на свою лингвокультурную специфику, обладает всеми универсальными признаками. К основным признакам системы КЖЯ относятся изобразительность, произвольность и избыточность.

Список литературы

1. Ван Фэйсюэ. Обучение жестового языка. Тяньцзинь: Тяньцзиньское образовательное издательство, 2007. 112 с. [Wang, Feixue. 2007. *Teaching sign language*. Tianjin: Tianjin Education Publishing Office.]
2. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. Заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с. [Zaitseva, Galina L. 2000. *Zhestovaya rech'. Daktilologiya: Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. Zavedenij (Gesture speech. Dactylology: Textbook for students of higher educational institutions)*. Moscow: VLADOS Humanit. ed. center.]

3. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1960. 468 с. [Zvegintsev, Vladimir A. 1960. *Istoriya yazykoznaneya XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah* (History of linguistics of XIX and XX centuries in essays and extracts). Moscow: Enlightenment.]
4. Лю Цзюньфэй, Сунь Чжаокуй. Жестовый язык как естественный язык // Китайский журнал социальных наук. 2012. № 4. С. 4–10. [Junfei, Liu, Sun, Zhaokui. 2012. Sign language as a natural language. *Chinese Journal of Social Sciences*. 4, 4–10.]
5. Лю Жуннань, Ян Сун. О произвольности и рациональности лексики жестового языка // Специальное образование в Китае. 2007. № 5. С. 38–45. [Liu, Rongnan, Yang, Song. 2007. On the arbitrariness and rationality of sign language vocabulary. *Special Education in China*. 5, 38–45.]
6. Жестовый язык // Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” [Электронный ресурс]. URL: <https://ling.hse.ru> (дата обращения: 20.08.2023). *ZHestovyy yazyk* (Sign Language). National Research University “Higher School of Economics”. [Online] Available from: <https://ling.hse.ru>. (Accessed: 20 August 2023).]
7. Романюк А.Г. Онлайн словари жестовых языков // Республиканская научно-практическая интернет-конференция молодых исследователей MediaLex-2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://medialex.brsu.by/ML-2017/RomanukAR.pdf> (дата обращения: 22.08.2023). [Romanyuk, Alexander G. 2021. Online slovari zhestovyh yazykov (Online dictionaries of sign languages). *Respublikanskaya nauchno-prakticheskaya internet-konferenciya molodyh issledovatelej MediaLex-2017* (Republican Scientific and Practical Internet Conference of Young Researchers MediaLex-2017). [Online] Available from: <https://medialex.brsu.by/ML-2017/RomanukAR.pdf> (Accessed: 22 August 2023).]
8. Соху: китайский интернет-портал и интернет-медиакомпания. URL: https://www.sohu.com/a/339144615_120207618 (дата

- обращения: 23.09.2023). [*Sohu: Chinese Internet portal and online media company*. Available from: <https://www.sohu.com/> (accessed 23 September 2023).]
9. Фу Итин, Мэй Цзыкай. Введение в жестовый язык для глухих. Шанхай: Издательство Сюэ Линь, 1986. 144 с. [Fu, Yiting, Mei, Zikai. 1986. *Introduction to sign language for the deaf*. Shanghai: Xue Lin Publishing House.]
 10. Чжао Сянь. Исследование китайского жестового языка. Пекин: Издательство Хуася, 1999. 197 с. [Zhao, Xian. 1999. *A study of Chinese sign language*. Beijing: Huaxia Publishing House.]
 11. Чжао Сяочи, Рен Юаньюань, Сяо Минь. Очевидность китайского жестового языка и последствия для сурдоперевода // Журнал Пекинского университета. 2021. № 35. С. 79–84. [Zhao, Xiaochi, Ren, Yuanyuan, Xiao, Min. 2021. Obviousness of Chinese sign language and implications for sign language interpretation. *Journal of Peking University*. 35, 79–84.]

Сведения об авторе:

Хуан Циньянь, преподаватель, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;
email: qinyanhuang3@gmail.com

CHINESE SIGN LANGUAGE: TYPES OF FUNCTIONING, STRUCTURE AND SEMIOTIC FEATURES

Huang Qingyan

Lecturer, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia;
email: qinyanhuang3@gmail.com

Abstract

The article deals with Chinese Sign Language (CSL), namely the ways of its manifestation, structure and unique features. The

described manifestations of this semiotic system (natural sign language, artificial sign language and dactyl) are conditioned by the sphere of communication. As universal features of sign languages, representativeness, arbitrariness and redundancy are emphasized.

Keywords: Chinese sign language, natural sign language, artificial sign language, dactyl, representationalism, arbitrary, redundancy.

Семиотика дискурсивного взаимодействия

doi: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

В. Д. Шевченко

Аннотация

Настоящая статья посвящена проблеме взаимодействия различных дискурсов в рамках медиадискурса. Автор рассматривает процесс взаимодействия дискурсов посредством знаков-символов. Целью исследования является анализ используемых в медиатексте языковых знаков, принадлежащих разным дискурсам и репрезентирующих определённые ситуации, которые, таким образом, оказываются соположенными. Автор также анализирует доминантные составляющие репрезентируемых ситуаций, которые выдвигаются благодаря взаимодействию между знаками разных дискурсов. В ходе исследования использовались такие методы, как метод дискурс-анализа и метод семиотического анализа. Автор приходит к выводу о том, что переплетение нескольких ситуаций (гастрономической, бытийной и телевизионной), их включение в масс-медийную коммуникативную ситуацию приводит к полидискурсивности — присутствию фрагментов нескольких дискурсов, репрезентируемых знаками-символами, в составе медиадискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, полидискурсивность, гастрономический дискурс, телевизионный дискурс, бытийный дискурс.

Современный медиадискурс представляет собой поле пересечения разных дискурсов, взаимодействие между которыми является одним из способов оказания воздействия на сознание реципиента. Именно благодаря включению знаков иных дискурсов (визуальных, знаков-символов) проис-

ходит пересечение репрезентируемых в дискурсах ситуаций, в результате которого внимание реципиента фиксируется на наиболее значимых составляющих этих ситуаций.

Поскольку нами рассматривается взаимодействие дискурсов через комбинирование, соположение относящихся к ним знаков, важным представляется обращение к понятию дискурсивной репрезентации. П. Матус определяет дискурсивную репрезентацию как “материальное или текстовое выражение референций или значений, произведенных сознанием говорящего и касающихся его самого, реальности и его мира смысла” [Matus 2018: 13]. Знаки разных дискурсов, вступающие во взаимодействие, служат, таким образом, средствами репрезентации разных реальностей (ситуаций) и смыслов, произведённых в них.

Взаимодействие между дискурсами происходит в основном по двум моделям: полидискурсивной (когда в рамках одного дискурса одновременно присутствуют несколько типов дискурсов) и интердискурсивной (когда один дискурс создается по законам другого) [Белоглазова 2010: 15–19].

Рассмотрим пример полидискурсивности, то есть присутствие знаков разных дискурсов в составе медиадискурса. На сайте газеты “The Guardian” размещены тексты кулинарных рецептов, знаки которых репрезентируют разные дискурсы, взаимодействующие между собой:

Broad bean dip with goat’s cheese and preserved lemon salsa
This is an easy, always-a-winner summer dish that’s perfect as part of a barbecue spread or as a side. Both the dip and salsa can be made a day ahead and put together just before serving — make sure everything’s at room temperature first, though.

Prep 15 min

Cook 10 min

Serves 4

Salt and black pepper

400g frozen broad beans, defrosted and shelled

200g frozen peas, defrosted

2 garlic cloves, peeled and crushed

2 tbsp lemon juice

[Sami Tamimi. Herby dips, spicy sides and a knockout brunch: late-summer Middle Eastern recipes by Sami Tamimi. The Guardian. <http://www.theguardian.com>, 25.09.2023].

С одной стороны, данный текст, опубликованный на сайте газеты “The Guardian” и представляющий собой медиатекст, является средством репрезентации медиадискурса, однако, с другой стороны, он в значительной степени является знаком гастрономического дискурса, поскольку языковые единицы в нём обозначают продукты, используемые для приготовления блюда (*broad beans, frozen peas, garlic cloves, lemon juice, olive oil*), их характеристики (оценочные, характеристики консистенции, размера, состояния, происхождения продукта и т. п.: *good olive oil, soft goat’s cheese, medium tomatoes, large eggs, large basil leaves, tin chopped tomatoes, dried mint, Greek yoghurt*), вес и количество (*400g, 200g, 2 tbsp, ½ tsp, 450 ml*), способ подготовки к процессу приготовления (*frozen, defrosted, shelled, peeled and crushed, thinly shredded, deseeded and finely chopped, grated orange zest, roughly chopped*), последовательность действий по приготовлению блюда (*Bring a medium pan of salted water to a boil, add the broad beans and peas, and blanch for a minute, Drain, refresh ..., Put the beans and peas in the bowl ..., Stir in the garlic, lemon juice, Combine all the salsa ingredients in a second bowl, Top with the salsa and crumbled goat’s cheese, finish with some mint leaves and a good drizzle of olive oil, and serve at room temperature, Stir the kohlrabi and fennel mix into the yoghurt, add the fresh coriander and mint, then transfer to a platter, Sprinkle on the dried mint*

and more oil, and serve). Другими языковыми особенностями знаков гастрономического дискурса является присущее рецептам как инструктивным текстам повелительное наклонение, которое соответствует прагматической цели автора текста — участника гастрономического дискурса, и простое настоящее время, отражающее постоянность темпорального компонента гастрономического дискурса.

Тем не менее, знак гастрономического дискурса (текст рецепта), будучи включенным в медиадискурс, становится медиатекстом, поскольку под воздействием дискурсивных особенностей газеты “The Guardian” приобретает перлокутивный эффект медиатекста, состоящий в получении нового знания из определённой сферы жизни человека и формировании отношения к этому знанию и референту знания.

Как отмечалось выше, пересечение разных дискурсов на поле медиадискурса оказывает значительное воздействие на сознание реципиента. В данном примере медиатекст, построенный в основном по законам гастрономического дискурса (то есть знак гастрономического дискурса в составе медиадискурса), как полидискурсивная единица, имеет в своём составе знаки других дискурсов, функцией которых является выдвижение определённых ситуативных составляющих взаимодействующих дискурсов, прежде всего таких составляющих, как “УЧАСТНИКИ” и “ОБЪЕКТЫ, НА КОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНА ДЕЙСТВИЯ”. Следует отметить, что компонент “УЧАСТНИКИ”, по нашим наблюдениям, всегда является доминантным в самых разных типах дискурса, что обусловлено антропоцентрическим характером абсолютного большинства дискурсов, включенностью человека “в созерцаемый им спектакль мира” [Мамардашвили, Пятигорский 1999: 115–116].

Одним из дискурсов, знаки которого включены в медиадискурс с целью выделения вышеназванных составляющих

и укрепления перлокутивного эффекта медиадискурса, является, на наш взгляд, телевизионный дискурс, представленный в виде языковых знаков. Дело в том, что медиатекст содержит языковые знаки, характерные для телевизионных кулинарных шоу, близких кулинарному дискурсу, но, тем не менее, относящиеся к телевизионному дискурсу. В анализируемом медиатексте действия, которые должен выполнить субъект, получают более детальное описание, характерное именно для телевизионных кулинарных шоу. В качестве синтаксических единиц используются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, которые обозначают последовательность действий по приготовлению блюда; для обозначения одновременного действия используется причастие настоящего времени: *This is an easy, always-a-winner summer dish that's perfect as part of a barbecue spread or as a side. Both the dip and salsa can be made a day ahead and put together just before serving — make sure everything's at room temperature first, though; Heat a large pan, add the orzo and dry-fry, stirring often, for five minutes, until golden brown, then tip into a bowl* [Sami Tamimi. Herby dips, spicy sides and a knockout brunch: late-summer Middle Eastern recipes by Sami Tamimi. The Guardian. <http://www.theguardian.com>, 25.09.2023].

Таким образом, вместо визуальных знаков, которые демонстрируют производимые участниками кулинарных телешоу действия с ингредиентами, используются языковые знаки, детально описывающие эти действия, что приводит к моделированию ситуации телевизионного дискурса, созданию языкового образа данной ситуации в медиатексте.

Ещё одним дискурсом, знаки которого включены в медиадискурс, является бытийный. Взаимодействие медиадискурса, гастрономического и бытийного дискурсов интересно с точки зрения пересечения ситуативных составляющих, ко-

торые, как правило, совпадают, однако при этом могут меняться их характеристики. Так, один участник в рамках медиадискурса выступает в качестве повара, а во фрагменте, знаки которого репрезентируют бытийный дискурс, он выступает в качестве субъекта воспоминаний. По мнению В.И. Карасика, “в бытийном дискурсе автор предпринимает попытки раскрыть свой внутренний мир во всём его богатстве, общение в нём носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер и используются все формы речи на базе литературного языка” [Карасик 2004: 289]. Мы полагаем, что фрагмент, содержащий языковые единицы, которые передают воспоминания субъекта, репрезентирует бытийный дискурс: *This combination always takes me back to a holiday in Greece when we had fresh seafood baked in tomato, to which large chunks of feta were added at the end* [Sami Tamimi. Herby dips, spicy sides and a knockout brunch: late-summer Middle Eastern recipes by Sami Tamimi. The Guardian. <http://www.theguardian.com>, 25.09.2023].

Взаимодействие знаков разных дискурсов в составе медиадискурса приводит к выдвиганию таких составляющих репрезентируемых ситуаций, как “УЧАСТНИКИ” и “ОБЪЕКТЫ, НА КОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНА ДЕЙСТВИЯ”. Также, в результате взаимодействия знаков разных дискурсов их ситуативные составляющие, которые отчасти совпадают, могут наделяться новыми характеристиками в зависимости от социокультурного контекста дискурса.

Список литературы:

1. Белоглазова Е. В. О вариативности проявления дискурсной гетерогенности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 15–19. [Beloglazova, Elena V. 2010. O variativnosti projavlenija diskursnoj geterogenosti (On Variety of Discourse

- Heterogeneity Representation). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Tomsk State University)* 332, 15–19.]
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 476 с. [Karasik, Vladimir I. 2004. *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs (Language Circle: Personality, Concepts, Discourse)*. Moscow: Gnozis.]
 3. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. 216 с. [Mamardashvili, Merab K., Pyatigorskiy, Andrey M. 1999. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i jazyke (Sign and Consciousness. Metaphysical Speculations about Consciousness, Symbolism and Language)*. Moscow: Shkola “Jazyki russkoj kul'tury”.]
 4. Matus, Pablo. 2018. Discursive Representation: Semiotics, Theory, and Method. *Semiotica*, November 2018. 1–25.

Сведения об авторах:

Шевченко Вячеслав Дмитриевич, д. филол. н., доцент,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Самара, Россия;
email: vds@ssau.ru

SEMIOTICS OF DISCURSIVE INTERACTION

Viacheslav D. Shevchenko

Doctor of Philology, Associate Professor, Samara National Research
University named after S. P. Korolyev, Samara, Russia;
email: vds@ssau.ru

Abstract

This article is devoted to the problem of interaction of various discourses within the framework of media discourse. The author

investigates the process of discourses' interaction through signs and symbols. The purpose of the study is to analyze the linguistic signs used in a media text, belonging to different discourses and representing certain situations, which, thus, turn out to be juxtaposed. The author also analyzes the dominant components of the represented situations, which are also underlined due to the interaction between the signs of various discourses. During the study the methods of discourse analysis and semiotic analysis were used. The author comes to the conclusion that the interweaving of several situations (gastronomic, existential and television), their inclusion into a media communicative situation leads to poly-discursiveness — the presence of fragments of several discourses, represented by symbols. As a result of combining signs from various discourses in media discourse, a new reality is constructed — a new media situation, simultaneously consisting of several situations existing in different discourses.

Keywords: media discourse, poly-discursiveness, gastronomic discourse, TV discourse, existential discourse.

Вариации наименования германского государства после 1949 года в политическом дискурсе Западной, Восточной и объединённой Германии

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.112.2

А. Ю. Юсупова, С. Г. Колпакова

Аннотация

Настоящая работа посвящена употреблению различных немецкоязычных наименований Германии в политическом дискурсе в период с 1949 года до наших дней и отражению соответствующей языковой политики, направленной на конструирование новой политической реальности, в учебной литературе по немецкому языку как иностранному. Актуальность исследования продиктована потребностью в систематизации терминологии, обозначающей названия германского государства послевоенной эпохи, с целью корректного использования в методической практике. В процессе работы использовались метод описания, контекстуального анализа и статистического подсчёта. В результате исследования систематизированы вариации наименований двух германских государств послевоенной эпохи, определены хронологические этапы смены этих (само)названий, отражающие эволюцию политического дискурса. Кроме того, выявлены нюансы употребления немецкоязычных полных и сокращённых наименований Германии в диахроническом аспекте. Обозначенные контекстуальные границы допустимости употребления аббревиатуры *BRD* в современной речи имеют практическую значимость для методической работы в области преподавания немецкого языка как иностранного.

Ключевые слова: наименование государства, Западная Германия, Восточная Германия, политический дискурс.

В немецкой и российской историографии встречаются многочисленные вариации наименования германского государства после Второй мировой войны. Помимо традиционного *Deutschland* 'Германия' можно встретить полные официальные наименования, сокращения, в том числе, аббревиатуры. В разные периоды истории статус наименования мог меняться вслед за политическими изменениями. Как Западная, так и Восточная Германия стремились к созданию положительного образа своего государства. Перипетии политического противостояния получали отражение и в языковой политике. Так, в западно- и восточногерманском дискурсе официальные самоназвания не всегда принимались одной из сторон, что приводило к определённым терминологическим конфликтам и вмешательству политики в языковую сферу. При этом исторические, политические и лингвистические нюансы обозначения германских государств недостаточно чётко артикулированы в отечественной германистике, что приводит к определённой путанице в их употреблении и требует её систематизации для корректного использования в учебно-методической практике.

Источниковую базу исследования наряду с нормативными документами составили учебные пособия по немецкому языку германских и советских (российских) издательств, опубликованные с 1948 по 2018 гг. Ключевыми методами исследования стали метод описания, контекстуального анализа и статистического подсчёта.

После Второй Мировой войны на территории Германии были образованы два государства — Федеративная Республика Германия под патронатом западных держав и Германская Демократическая Республика под патронатом Советского Союза. Первоначально оба государства обозначались полными наименованиями: *Bundesrepublik Deutschland* и *Deutsche*

Demokratische Republik соответственно. Наряду с ними появились также аббревиатуры: *BRD* ‘ФРГ’ и *DDR* ‘ГДР’. Одним из первых документально зафиксированных примеров использования аббревиатуры *BRD* считается статья “Конституционные основы Федеративной Республики”, опубликованная в 1949 году [Grewe 1988]. В Восточной Германии западные территории первоначально в официальных документах обозначались просто *Westdeutschland* ‘Западная Германия’. Тем самым власти избегали упоминания официального самоназвания Федеративной Республики, подчёркивающего её суверенный статус.

Особенности языковой политики германских государств послевоенной эпохи получают дополнительное освещение сквозь призму советских учебников немецкого языка как иностранного. Так, в них упоминание германской государственности не встречается до середины 1950-х гг. Первым примером является *Westdeutschland*, который, как и в ГДР, не соответствует официальному самоназванию государства. Восточная Германия обозначается в соответствии с её официальным названием *Deutsche Demokratische Republik* или *DDR*, при этом аббревиатура в этот период ещё не доминирует безоговорочно (59% к 41%). Любопытным феноменом данного периода является неоднократно повторяющееся употребление термина *Deutschland* ‘Германия’ для обозначения единого культурного немецкого пространства, выражающего политическое стремление к объединению государства в обновлённом виде. Образцом такого обновления, по мнению Восточной Германии, должна была выступить ГДР, называемая также *demokratisches Deutschland* ‘демократическая Германия’ или *sozialistisches Deutschland* ‘социалистическая Германия’. Дискурс, построенный на идее объединения двух германских государств под эгидой социалистических цен-

ностей, оказался, тем не менее, недолгим и прервался в начале 60-х гг.

С 1960-х гг. отсылка к восточногерманскому государству как стране изучаемого немецкого языка становится всё более явной в ГДР. Восточная Германия обозначается чаще аббревиатурой *DDR* (84%). Западногерманское государство упоминается крайне редко и обозначается по аналогии с *Deutsche Demokratische Republik* малоизвестным сегодня термином *Deutsche Bundesrepublik* ‘Германская федеративная республика’ или в виде аббревиатуры *DBR* ‘ГФР’, а также простым сокращением *Bundesrepublik* ‘Федеративная республика’. Крайне негативная реакция правительства Западной Германии, категорически отвергнувшего наименование *Deutsche Bundesrepublik* как некорректное и принципиально неприемлемое, объяснялась терминологической аналогией с восточными территориями. В 1968 году с принятием новой конституции ГДР, ознаменовавшей отказ от идеи воссоединения с западными землями, в официальных документах ГДР наряду с обозначением *Bundesrepublik Deutschland* стала активно продвигаться аббревиатура *BRD*, которая была призвана выражать равноправие обоих немецких государств и широко распространилась в разговорной речи восточных немцев. В это же время в западногерманском политическом дискурсе всё чаще раздаётся призыв к отказу от использования любых аббревиатур для обозначения Западной Германии. Так, в 1965 году были опубликованы “Директивы по обозначению Германии”, в которых, в частности, утверждалось, что Федеративная Республика Германия выступает правопреемницей Германской империи как субъекта международного права. На этом основании документ предлагал наряду с закреплённым в Основном законе полным обозначением *Bundesrepublik Deutschland* придерживаться сокращённого наименования *Deutschland*

‘Германия’ в тех случаях, когда полное название не требуется. В указанном документе также рекомендовалось не использовать сокращённые наименования *BRD* или *Bundesrepublik* без добавления к последнему слова *Deutschland* [Schwarz 2001].

С 1970-х гг. в ряде федеральных земель использование аббревиатуры было официально запрещено. Отказ от использования аббревиатуры *BRD* был призван оградить западное языковое пространство от восточного влияния и тем самым предотвратить проведение аналогий между западно- и восточногерманскими государствами на основе подобных сокращённых наименований. Западная Германия позиционировала себя как единственное легитимное германское государство в международном правовом пространстве и потому считала только себя в праве использовать обозначение *Deutschland*. Регулярное использование термина *Deutschland* было призвано закрепить в общественном сознании факт существования единой немецкой нации, стремящейся к достижению главной государственной цели — воссоединению Германии. Поэтому в 1974 году на уровне федерального и региональных правительств было принято решение об обязательном использовании в официальном регистре полного обозначения государства — *Bundesrepublik Deutschland*. С того же 1974 года Конференция министров культуры прекратила допуск школьных учебников, содержащих сокращённое наименование *BRD* [Spiegel 1978]. В 1981 году Конференция министров культуры Западной Германии приняла окончательное решение об отказе от аббревиатуры *BRD* в школьных учебниках.

Что касается советской учебников по немецкому языку, то здесь с начала 70-х гг. и до объединения Германии лидером упоминания является Восточная Германия, которая в основном обозначается аббревиатурой *DDR* (93%). Полное наименование *Deutsche Demokratische Republik* встречается редко (7%).

Западная Германия отныне именуется официально *Bundesrepublik Deutschland*. С 80-х гг. авторы советских учебников все чаще склоняются в пользу употребления аббревиатуры *BRD*, что, вероятно, можно объяснить популярностью аббревиатурных обозначений в отечественном культурном поле в целом.

После воссоединения Германии дискуссия по поводу аббревиатуры *BRD* потеряла свою остроту. Орфографический словарь Дуден (Duden) наряду с полным наименованием *Bundesrepublik Deutschland* отмечает аббревиатуру *BRD* как не официальное сокращение названия государства [Duden 1995: 104].

После объединения Германии вся терминология, обозначавшая прежде западногерманское государство, была автоматически распространена на всю Германию. При этом до середины 1990-х гг. отечественные методисты по-прежнему тяготели к использованию аббревиатуры *BRD*. Ситуация изменилась со второй половины 90-х гг., когда под влиянием германского дискурса использование аббревиатуры было сведено к минимуму. Альтернативой полного наименования стало использование популярного в западных землях термина *Bundesrepublik* или *Deutschland*.

Следствием трёхэтапного изменения терминологии, обозначающей (само)наименования германских государств после 1949 года, стал полный отказ от использования в современном официальном дискурсе, в том числе, в области образования, аббревиатурного обозначения германского государства. Аббревиатура *BRD* сегодня является неофициальным сокращением названия государства *Bundesrepublik Deutschland*. Поэтому её употребление возможно лишь в узком научном или историко-политическом дискурсе. Данная аббревиатура не может использоваться как сокращение полного наименования по аналогии с русскоязычным *ФРГ*.

Список литературы:

1. Duden-Lexikon A-Z. 1995. Hrsg. von Meyers Lexikonredaktion. — 4., neu bearb. Aufl. / Wolfram Schwachulla u.a. Mannheim: Dudenverl.
2. Grewe, W. 1988. Die verfassungsrechtlichen Grundlagen der Bundesrepublik Deutschland // *Deutsche Rechts-Zeitschrift*. Tübingen: J. C. B. Mohr. 1949. Nachdruck. Der Sprachdienst. Gesellschaft für deutsche Sprache.
3. Schwarz, H.-P. et al. (Hrsg.). 2001. Akten zur auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland. *Band I*: 1. Januar bis 30. April 1970. München: Oldenbourg.
4. Spiegel, Der. 1978. “Wer BRD sagt, richtet Unheil an”. *Der Spiegel* 39/1978. [Online] Available from: <https://www.spiegel.de/politik/wer-brd-sagt-richtet-unheil-an>. (Accessed 12.08.2023).
5. Stötzel, G. u.a. 1995. *Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland*. Walter de Gruyter.

Сведения об авторах:

Юсупова Александра Юрьевна, к. пед. н., доцент,
Казанский федеральный университет, Казань, Россия;
email: alex.yusupova@mail.ru

Колпакова Светлана Георгиевна, к. филол. н., доцент,
Казанский федеральный университет, Казань, Россия;
email: 42029.tschistovi@mail.ru

VARIATIONS IN THE NAME OF THE GERMAN STATE AFTER 1949 IN THE POLITICAL DISCOURSE OF WEST, EAST AND UNITED GERMANY

Alexandra Yu. Yusupova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Kazan Federal University,
Kazan, Russia; email: alex.yusupova@mail.ru

Svetlana G. Kolpakova

Candidate of Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; email: 42029.tschistovi@mail.ru

Abstract

The work is devoted to the use of the German -language names of German states in political discourse from 1949 to the present day and the reflection of the relevant language policy in the educational literature in the German language as a foreign language. The relevance of the study is dictated by the need to systematize the described terminology in order to correctly use it in teaching the German language. Description, contextual analysis and statistical calculation were the main research methods. As a result, the names of the states are systematized and the chronological stages of their distribution are determined. The contextual boundaries of the use of the abbreviation BRD in modern speech are indicated.

Keywords: name of the state, West Germany, East Germany, political discourse.

**Секция 4
Лингвистические
и лингводидактические
проблемы диалога культур
он- и офлайн**

Section 4
Cross-Cultural Communication
and Language Teaching
On- and Offline

Проблемы и механизмы развития межкультурных профессиональных коммуникаций в целостном когнитивно-коммуникативном пространстве на основе цифровой лингвистики

doi: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 37.018.1

Г. В. Абилова

Аннотация

В условиях глобальной цифровизации и нарастающей динамики международного сотрудничества существенное значение приобретают проблемы развития инновационных образовательных технологий в процессе межкультурных профессиональных коммуникаций в целях оптимизации управления кросс-культурными процессами, формирования специальных компетенций для осуществления глобального сотрудничества и совершенствования системы подготовки кадров к глобальному взаимодействию в современном информационном обществе.

Ключевые слова: межкультурные профессиональные коммуникации, когнитивная лингвистика, межкультурные коммуникативные компетентности, интеллектуальные технологии, цифровые образовательные технологии, генеративный ИИ, цифровая лингводидактика.

Цель данного исследования заключается в изучении вопроса, касающегося влияния процесса глобализации на современную культуру, взаимодействия людей в процессе межкультурных профессиональных коммуникаций в целостном когнитивно-коммуникативном пространстве, разработке концепции и внедрению инновационных образовательных технологий для формирования профессионально ориенти-

рованной межкультурной коммуникативной компетентности. Для достижения поставленной цели использованы общетеоретические методы и достижения когнитивной и цифровой лингвистики, а также принципы и технологии искусственного интеллекта [Гутарева 2015].

Основные задачи исследования состоят в следующем:

- Определение основных принципов организации процесса межкультурных профессиональных коммуникаций, определение базовых механизмов и характеристики цифровой лингвистики в контексте представления социокультурного коммуникативного кода, лингвистические и психолого-культурологические предпосылки межкультурных профессиональных коммуникаций [Использование информационных технологий... 2012].
- Разработка методологических основ формирования профессионально ориентированной межкультурной коммуникативной компетентности с использованием инструментов цифровой лингвистики.
- Аналитическое исследование, разработка проектных решений и реализация нового поколения образовательных технологий для межкультурных профессиональных коммуникаций на основе интеллектуальных технологий и дидактического потенциала цифровой лингвистики.
- Разработка концепции и реализация “Комплексной программы развития и сохранения человеческого капитала” — подготовка кадрового резерва страны со школьной скамьи и развитие инновационного креативного потенциала государства.

Результатами исследования станут предложения по инновационному развитию образовательных технологий межкультурных профессиональных коммуникаций на основе интеллектуальных технологий цифровой лингвистики с це-

лью вывода международного сотрудничества между странами на качественно новый уровень.

Для эффективного достижения целей развития межкультурной коммуникативной компетенции можно выделить наиболее перспективные комплексные решения по созданию инновационных цифровых образовательных технологий и создание на их основе образовательных продуктов, включая:

- развитие и продвижение инновационной системы дистанционного обучения ДПО и инфраструктурных облачных решений цифрового образования с использованием инновационных цифровых технологий, таких как: виртуальная (VR) и дополненная реальность (AR), искусственный интеллект, машинное обучение, геймификация и визуализация, интерактивные симуляторы — тренажёры;
- реализацию инновационных образовательных технологий и современных роботизированных сетевых платформ, направленных на различные целевые аудитории и которые обеспечивают полноценное образование по индивидуальным учебным планам и персонализированным образовательным траекториям по месту нахождения слушателей;
- производство образовательных продуктов — методическое и технологическое сопровождение, создание образовательного контента с использованием образовательных интерактивных технологий (цифровых симуляторов, тренажёров, “ситуационных кейсов”, ролевых игровых моделей и др.) на основе компетентностного подхода;
- создание предметно-ориентированных библиотек электронных образовательных ресурсов, обеспечение к ним

- дистанционного доступа для всех участников образовательного процесса;
- внедрение методологии генеративного искусственного интеллекта, т.е. метода машинного обучения, где нейросети изучают контент или объекты, собирают данные и используют их для создания новых артефактов, генерации новых знаний, а также формирования нового образовательного контента и персонализированных учебных программ, оптимизированных для конкретных обучающихся.

Перед цифровой лингвистикой межкультурных профессиональных коммуникаций стоят задачи лингвистического обеспечения процессов сбора, накопления, обработки и поиска информации, извлечения знаний [Межкультурная коммуникация ... 2015]. Самые важные из них: распознавание и синтез речи; генерирование текста; автоматический перевод текстов; создание и использование электронных корпусов текстов; извлечение информации из текста, автореферирование, автоматическое обнаружение и исправление ошибок при вводе текста на компьютере; создание вопросно-ответных систем, создание электронных словарей, тезаурусов, онтологий [Как генеративный ИИ изменит онлайн образование ... 2023].

Перспективным вектором развития образовательных технологий формирования межкультурной коммуникативной компетенции является использование интерактивных интеллектуальных кейсов, предоставляющих возможности содержательного диалога в заданной предметной области. При этом возможно проведение групповых тренингов с участием интеллектуальных цифровых ассистентов.

Основополагающим и перспективным является компетентностный проектно-ориентированный подход подготов-

ки специалистов, важнейшей интегральной функцией которого является формирование профессиональных компетенций, а также компетенции межкультурных коммуникаций, что создаёт условия для развития международных деловых межкультурных связей.

Пилотным проектом внедрения результатов исследования и реализации инновационных механизмов развития нового поколения образовательных технологий межкультурных профессиональных коммуникаций является Международная образовательная программа 'Школа подготовки международного кадрового резерва нового поколения со школьной скамьи и создание инновационного международного пространства межкультурных профессиональных коммуникаций с дружественными странами'. Международная образовательная программа образовательного консорциума АВРОРА ориентирована на старшеклассников России и дружественных стран (Китай — Индия — Турция — Иран и др.).

Методологической основой международной образовательной программы является система практикумов и деловых тренингов Общенационального образовательного консорциума АВРОРА в рамках Десятилетия Науки и Технологий в Российской Федерации (2022–2031).

Основной целью международной образовательной программы является подготовка кадрового резерва страны нового поколения со школьной скамьи и развитие инновационного креативного потенциала государства на основе развития личных и профессиональных коммуникаций с единомышленниками из дружественных стран, а также погружение в мир глобальных компетенций, позволяющих войти в профессиональную элиту страны в естественно-научной, инженерной и гуманитарной сферах, в также в сфере государственного управления.

Деятельность образовательного консорциума “АВРОРА” направлена на реализацию “Комплексной программы развития и сохранения человеческого капитала” — (комплексная программа дополнительного образования детей) в соответствии с Концепцией развития дополнительного образования детей до 2030 года [Распоряжение Правительства от 31 марта 2022 г. № 678-р], разработанной на основе приоритетных целей стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года и государственной образовательной политики в сфере дополнительного образования детей в части определения ценностного статуса и социокультурной роли дополнительного образования, как важного фактора устойчивого развития страны.

В данном случае Россия выступает инициатором международных образовательных проектов с позиции дружбы в многополярном мире для развития личных и межкультурных профессиональных коммуникаций.

Список литературы:

1. Межкультурная коммуникация и цифровизация: вопросы подготовки кадров к глобальному сотрудничеству: коллективная монография / под общ. ред. М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. Брянск: Изд-во Брянского филиала РАНХиГС, 2021, 144 с. [*Intercultural communication and digitalization: issues of personnel training for global cooperation: a collective monograph* / ed. by M. V. Rezunova and O. A. Ovchinnikovova. 2021. Publishing house of the Bryansk branch of RANEPA.]
2. Гутарева Н. Ю. Проблемы межкультурной коммуникации в современном социуме / Н. Ю. Гутарева, Н. В. Виноградов. Молодой ученый. 2015. № 9 (89). С. 1274–1276. URL: <https://moluch.ru/archive/89/17982/> [Gutareva, N. Y. Problems of intercultural

- communication in modern society / N. Y. Gutareva, N. V. Vinogradov. *A young scientist*. 2015. No.9 (89). pp. 1274–1276. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/89/17982/>
3. Использование информационных технологий в обучении межкультурной коммуникации. URL: http://www.rusnauka.com/4_SND_2012/Pedagogica/5_100440.doc.htm (дата обращения 01.09.2023) [*The use of information technology in teaching intercultural communication*. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/4_SND_2012/Pedagogica/5_100440.doc.htm]
 4. Межкультурная коммуникация и когнитивная лингвистика: URL: https://ozlib.com/1112715/iskusstvo/mezhkulturnaya_kommunikatsiya_kognitivnaya_lingvistika [*Intercultural communication and cognitive linguistics*. [Online] Available from: https://ozlib.com/1112715/iskusstvo/mezhkulturnaya_kommunikatsiya_kognitivnaya_lingvistika]
 5. Как генеративный ИИ изменит онлайн образование в ближайшем будущем: URL: <https://vc.ru/u/1778608-evgeny-popov/673882-kak-generativnyy-ii-izmenit-onlayn-obrazovanie-v-blizhayshem-budushchem>. [*How Generative AI will Change online Education in the near Future*. [Online] Available from: <https://vc.ru/u/1778608-evgeny-popov/673882-kak-generativnyy-ii-izmenit-onlayn-obrazovanie-v-blizhayshem-budushchem>]

Сведения об авторе:

Абилова Гюнай Видадиевна, к. филол. н.,
президент образовательного консорциума АВРОРА,
Директор Международной Школы БРИКС+, Россия;
email: brics_school@mail.ru

**INTERCULTURAL PROFESSIONAL COMMUNICATIONS
DEVELOPMENT PROBLEMS AND MECHANISMS IN A HOLISTIC**

COGNITIVE-COMMUNICATION SPACE BASED ON DIGITAL LINGUISTICS

Gunay V. Abilova

Candidate of Philology, President of the Aurora Educational Consortium, Russia, Director of the International School BRICS+
email: brics_school@mail.ru

Abstract

In the context of global digitalization and the growing dynamics of international cooperation, the problems of developing innovative educational technologies in the process of intercultural professional communications in order to optimize the management of cross-cultural processes, the formation of special skills for the implementation of global cooperation and the improvement of the system of training personnel for global interaction in the modern information society are becoming essential.

Keywords: intercultural professional communications, cognitive linguistics, digital linguistics, intercultural communication skills, intelligent technologies, digital educational technologies, generative AI, digital linguodidactics.

Влияние английского на немецкий и русский языки в эпоху глобализации

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.111

А. В. Витошнова

Аннотация

Статус английского языка как мирового признаётся всеми безоговорочно. Обеспечение понимания между странами в условиях глобализации диктует необходимость унифицирования общения. Восприимчивость к данному процессу у всех языков разная: этот фактор определяет цель исследования: выявить, один ли русский язык восприимчив к подобному влиянию до степени, которая вызывает опасения у его носителей. Материалом исследования послужило языковое наполнение русско- и немецкоязычных сайтов и социальных сетей как основных платформ взаимодействия членов современных лингвокультурных коллективов. При изучении интернет-ресурсов нами применялся метод сплошной выборки, анализ и сопоставление данных. Мы пришли к выводу, что влияние английского на русский и немецкий языки примерно одинаково. Однако, сопоставив развитие взаимоотношений между данными парами языков, мы увидели, что темпы и этапы этих взаимоотношений совершенно разные. Это обусловлено социально-экономическими, политическими факторами: американизация немецкого языка происходила плавно, в несколько этапов в течение XX–XXI веков, в то время как русский язык сегодня испытывает на себе в известном смысле первую и, возможно, самую мощную волну американизации.

Ключевые слова: английский язык, англицизмы, немецкий, русский, языковая интеграция.

Сегодня влияние языка международного общения на остальные является одним из главных предметов дискуссий по всему миру. Различные государства стараются противостоять (на уровне повседневного общения) наплыву англицизмов и (на национальном уровне) “империализму” английского языка в сфере экономики, рекламы, торговли и др. Показательна в этом плане языковая политика Франции, направленная на укрепление позиций французского языка как в мировом сообществе, так и в рамках собственно Франции. В некоторых странах Северной Европы также растёт беспокойство, вызванное тем, что английский язык в университетах и научных исследованиях практически вытеснил национальные языки [The Economist. <https://www.economist.com/culture/2023/08/04/in-northern-europe-a-backlash-against-english-is-under-way>, 04.08.23]. Основное опасение вызывает тот факт, что по мере замещения английским языком языков национальных, их лексический фонд, не используясь, со временем рискует устареть и ослабнуть. В датской англоязычной газете “Копенгаген Пост” приводятся слова профессора копенгагенского университета, лингвиста Хенрика Готтлиба, о досадности замещения датского выражения *tag det roligt* выражением *rolig nu*, по образцу английского *easy now* [Christian Wenande. Super fedt or f*****g lort? English invading the Danish language CPH Post. <https://cphpost.dk/2019-01-18/news/super-fedt-or-fg-lort-english-invading-the-danish-language>, 18.01.19]. По мнению Готтлиба, влияние английского языка на датский достигло беспрецедентного размаха за последнее десятилетие. В российских СМИ регулярно звучат призывы к борьбе против наплыва англицизмов, например: *Губернатор Курганской области призвал отказаться от “рофлов” и “кринжа”* [Коммерсантъ <https://www.kommersant.ru/doc/6081354> 30.06.23].

Безусловно, помимо истории английского как *lingua franca*, у него (как и у некоторых других языков) есть “локальная” история отношений с национальными языками в каждой европейской стране. И этот факт необходимо учитывать, чтобы объяснить глубину и степень влияния английского языка на каждый национальный язык в отдельности.

Наглядно разнородность отношений английского языка с другими демонстрирует, например, статистика переводов. По данным “Index Translationum ЮНЕСКО” в период с 2000 по 2013 год с английского языка на русский было переведено 27 740 произведений, на немецкий — 64 164. В тот же период на английский с русского было переведено всего 1466 произведений, с немецкого — 10 951. Эти данные говорят как о масштабности роли английского языка в современном мире, так и о разной степени отношений его с русским и немецким языками.

Споры о степени влияния, уместность замещения немецких или русских лексем их английскими эквивалентами, борьба пуристов с распространением англицизмов — всё это имеет место как в России, так и в Германии. Но истории взаимоотношений английского с языками Германии и России настолько разные, что проводить между ними знак равенства не представляется возможным; стоит проследить этапы этих отношений, прежде чем давать какую-либо оценку ситуации в настоящем и делать прогнозы на будущее.

В немецких грамматических школах английский язык как обязательный второй иностранный изучался с 1901 года; изучение шло планомерно, с некоторым ослаблением в период правления Третьего Рейха, когда изучение иностранного языка в принципе потеряло значимость — культивировался только немецкий язык и немецкая культура [Дофф 2020]. Следующим после английского иностранным языком

в школах был французский, который окончательно отходит на второй план в 1938 г. по идеологическим соображениям: таким образом, к середине XX века английский укрепляет свои позиции в немецких школах. После Второй мировой войны он продолжает оставаться главным иностранным языком в школах за исключением школ ГДР, где стали изучать русский как иностранный, но и там английский остался — как иностранный второй.

В русских школах в XIX веке и вплоть до революции основным иностранным языком в школах был французский язык, за ним шёл немецкий. В СССР основным иностранным становится немецкий, во многом благодаря идеологии нового государства: классики коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс были немцами. Английский язык как язык классового врага, американских капиталистов, в плане изучения едва ли рассматривался. Достаточно прочная позиция немецкого языка была ожидаемо подорвана после Второй мировой войны. Потребовалось время, чтобы английский язык появился в педагогической практике — постепенно, к 1970 году с тем, чтобы окончательно закрепиться в российских школах как второй иностранный лишь к середине 1990-х годов.

Помимо статуса английского языка как второго иностранного в образовательной среде, его внедрение происходило разными путями и в лингвокультурологическую историю Германии и России. Первая волна американизмов “пришла” в Германию в конце Второй мировой войны вместе с американскими войсками. Профессор Ганноверского университета, М. Шрёдер, пишет о том времени как о периоде преклонения перед всем американским, включая язык [Клиппель 2020]. Первая волна объёмного пласта лексических заимствований из английского в немецкий язык, обусловленная экономическими и социокультурными фактора-

ми, приходится именно на этот период [Хильгендорф 2007]. Вторая волна, ещё более масштабная, пришла в немецкий язык с объединением Германии. По времени это почти совпало с мировой цифровой революцией, с массовым внедрением интернета во все сферы общественной жизни европейских государств: с тех пор английский язык в Германии прочно держит свои позиции. Эти позиции настолько непоколебимы, что один из членов трёхсторонней комиссии выступил с предложением ввести английский язык как второй официальный язык в Германии [Мэйр 2020]. Предложение принято не было, однако, этот факт сам по себе хорошо демонстрирует роль и статус английского языка в Германии.

В России ситуация совершенно иная. По идеологическим соображениям, а затем и вследствие политики страны, английский язык вплоть до распада СССР на русской лингвокультурной арене едва ли появлялся. Однако, с падением железного занавеса в 1990-е годы на Россию обрушилась запоздалая волна американизации; уже упомянутая цифровая революция удвоила этот эффект. Русская лингвокультура, ожидаемо отставшая от европейского (уже американизированного) лингвокультурного сообщества, сейчас всеми силами адаптируется к новым реалиям.

Англицизмы и американизмы, хлынувшие в последние десятилетия безудержным потоком на постсоветское пространство, до сих пор “перевариваются” русским языком. Разногласия в произношении и написании некоторых из них, а также нескончаемые разногласия по поводу их статуса в русском языке подтверждают относительную новизну англоамериканизмов как явления.

На первых порах почти любые заимствования чувствуют себя “неуверенно” в чужом языке. Так, транслитерированные *ресепи/е/н*, *продакш/е/н*, *промоуш/е/н* встречаются как с соеди-

нительной *e* так и без неё; русский язык, в традициях которого соединительный гласный присутствовать всё-таки должен, пока осваивает транслитерацию некоторых заимствований. В немецком языке “освоение” заимствований касается, помимо всего прочего, артиклей: например, *der/das Tattoo*.

Безусловно, общность алфавита упрощает отношения немецкого языка с английским. Так, слово *die Party* входит в немецкий язык уже давно и активно участвует в формировании новых словосочетаний: *Geburtstags-Party*, *Party-Gänger* и др. Примечательно, что слово *party* в начале XX века было знакомо немцам только по литературе, описывающей жизнь англоязычного общества. В воспоминаниях Клауса Манна о его посещении США слово *parties* пишется со строчной буквы и взято в кавычки, что говорит об экзотичности его для немецкоязычного читателя на тот момент: *Nach dem Theater gab es Geselligkeit im Hause des Authors; ich erinnerte mich sehr genau daran, vielleicht weil e seine der ersten grossen “parties” war...* [Розен 2000]

В русском языке слово *пати* (англ. *party*) появилось в конце 1990-х и сразу вошло в молодёжный обиход, практически вытеснив на некоторое время слово *вечеринка*. Отдельным предметом дискуссий является вопрос о том, насколько языку нужны иноязычные слова, замещающие уже имеющиеся номинации. Это явление касается в основном лексического уровня, который всегда и во всех языках был наиболее проницаемым и восприимчивым к заимствованиям.

Аналитичность английского языка и наличие у него признаков агглютинативного типа часто ставит перед русским и немецким языками необходимость дальнейшей трансформации заимствованных слов; особенно это касается разговорной речи. К корням англоамериканского происхождения присоединяются исконные русские морфемы. Немецкий язык, помимо морфем, добавляет артикли:

‘*Freak*’ (англ.), ‘*der Freak*’ (нем.) → ‘*freakig*’ (нем.), ‘*фрук*’ (рус.) → ‘*фриковатый*’ (рус.)

Количество лексических заимствований в обоих языках в последние годы всё труднее отследить; они являются важнейшим социолингвистическим фактором формирования экологии языка. Однако, длительность и интенсивность отношений английского с каждым из языков, сам характер этих отношений обуславливает различную глубину интеграции англоамериканской лингвокультуры в каждом отдельном случае.

Русский язык пока осваивает изменения на лексическом и морфологическом уровнях, в то время как в немецком языке изменения проникают гораздо глубже. Влияние языка международного общения оказывается наиболее активных в тех сферах, где общение происходит наиболее интенсивно: это, в первую очередь, молодёжная среда и сфера массовой культуры. В немецкой лингвокультуре американизмы ассимилировались настолько, что универсальный словарь Дудена, например, фиксирует четыре значения слова *cool*; при том, что данное слово раньше словарями не фиксировалось в принципе.

Интернационализация речевого общения в немецкоговорящем сообществе и её масштаб приводят к тому, что нормативный вариант английского языка в молодёжной среде сам по себе уже не является средством социализации или маркером принадлежности к некоему субкультурному сообществу. В немецкой хип-хоп культуре, например, активно используется афроамериканский английский (African American Vernacular English) — особая разновидность английского языка, сочетающая признаки диалекта и социолекта, который используется афроамериканцами.

“*Wir sind noch nicht tot, nein/ Fährt der Benz auf Chrom, ist Showtime / Bin ein Superstar so wie 2Pac, ja / Voll auf MDMA und*

*der Mond scheint / Hose und **Pullover in Oversized** / So komm' ich in' Club mit Pistole rein/ Brauch' nur **Weedstrains** und 'nen Beat von Dave und ein Mikrofon/ Penn' auf der Reeperbahn ein, wache auf in ei'm **Infinity-Pool**/ Neue PlayStation 2, **unser Life sweet, Cinnamon-Roll*** [Bonez MC & Gzuz, Cinnamon Rolls].

Глубина, с которой английский язык проникает в немецкую лингвокультуру, определяется не только его вариативностью в употреблении представителями молодёжных субкультур. Так, слово *Ressourcen*, заимствованное из французского языка (бывшего главным языком-донором для немецкого), и неизменно произносившееся по правилам французской фонетики /*resursən*/, в последнее время всё чаще произносится на английский манер /*resorsən*/.

Под влиянием языка международного общения немецкие существительные стали терять свою яркую особенность: в комментариях на Ютубе, например, немецкоязычные пользователи всё чаще пишут существительные со строчной буквы. Таким образом, английский язык изменяет всю систему одного из старейших европейских языков изнутри, меняя незыблемые, казалось бы, правила. Это не кажется неожиданным в свете того, что, по данным западных исследователей, английский стал использоваться в повседневном общении немцев сразу после окончания Второй мировой войны [Мэйр 2020]. На фоне этого влияние английского языка на русский носит характер первых шагов и едва ли на данном этапе проникает в слои более глубокие, чем лексический; хотя специфика английского языка проявляется и тут.

Пришедшему из молодёжных субкультур слову *true* (англ. *true*) в значении 'настоящий' не удалось присоединить благозвучную морфему, чтобы стать "полноценным" русским прилагательным. Это привело к тому, что оно используется

в чистой транслитерации, что противоречит правилам русского языка, однако, соответствует грамматике английского:

“Тру Китай тинсы — красота без вреда” [из рекламного проспекта].

‘Тру-блэкер’ (поклонники норвежского блэк-метала), *‘тру-металлист’*, *‘тру или не тру’* и т. д.

Вероятно, наиболее яркие примеры следует искать в социокультурных феноменах больших городов. Собственно говоря, мегаполисы сами по себе являются социокультурными феноменами: они вбирают и отражают новейшие тенденции во всех областях — с учётом национальной специфики. Одной из наиболее востребованных и динамичных сфер сегодня является, в числе прочих, кофейная индустрия; здесь разница влияния английской лингвокультуры на русское и немецкое национальные сообщества совершенно очевидна. Так, например, позиции в меню одной из известных берлинских кофеен обозначены следующим образом:

Long Black (double shot, Wasser),

Poached Eggs Bowl (Pochierte Glory-Eier, griechischer Joghurt, Salsa Macha, eingelegte Zitrone, Brot),

French Toast (mit Erdnusbutter and Erdbeermarmelade gefüllt, dazu Vanilleis) и т. п.

Интегрированность английской лингвокультуры в меню немецких кофеен убедительна и безапелляционна, хотя в пояснении к названиям напитков и блюд наблюдается забавная комбинация двух языков. Подобное явление давно привычно жителям немецких городов, в особенности Берлина, города во всех отношениях поликультурного и полиязычного. В меню московских кофеен английские звучания позиций также завоевали своё место (*‘флэт уайт’*, *‘скрэмбл с беконом’*, и т. д.), но лишь недавно стали появляться наименования на английском языке:

Новинки сезона:

Бабушкин чай,

Апельсиново-медовый flat white,

Berry Cheesy.

Кофейная индустрия, как один из наиболее актуальных трендов на сегодняшний день, ярко демонстрирует внедрение английской лингвокультуры в реалии практически всех европейских национально-этнических сообществ.

“Неизбежность” английского языка и его влияние на все мировые языки сегодня уже факт. Грамотная языковая политика каждого отдельного государства, обеспечение плавной интеграции иноязычных номинаций в национальный язык — залог сохранения национально-культурной специфики каждого языка и народа, который вовлечён сегодня в процессы лингвореволюции. Русский язык, по наблюдениям исследователей, всегда был исключительно толерантен к заимствованиям [Колесов 2006]: о “чистоте” его говорить не приходится, поэтому оптимальным решением в эпоху “глобанглизации” [Кабакчи, Белоглазова 2012] является разумное и плавное освоение англоязычной лингвокультуры вместе с заботой о сохранении русского языка.

Список литературы:

1. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2012. 252 с. [Kabakchi, Viktor V. & Beloglazova, Elena V. 2012. *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu (Introduction to Interlinguoculturology)*. St.Petersburg : St. Petersburg State University of Economics and Finance Press]
2. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение. 2006. 489 с. [Kolesov, Vladimir. 2006. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste (Russian*

mentality in language and text). St. Petersburg : St. Petersburg Oriental Studies.]

3. Розен Е. В. На пороге XXI века: новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Издательство “Менеджер”, 2000. 190 с. [Rozen, Evgeniya V. 2000. *Novye slova I slovosochetaniya v nemetskom yazyke* (New words and word combinations in the German Language). Manager publ.]
4. Doff, Sabine. 2020. English Language Education in Germany after 1945. In Raymond Hickey (ed.) *English in the German-Speaking World*, 96–114. Cambridge : Cambridge University Press.
5. Duden Wörterbuch Online <https://www.duden.de/woerterbuch> (accessed: 02.08.2023). Hilgendorf, Susanne K. 2007. English in Germany: Contact, Spread and Attitudes. *World Englishes* (26), 131–148.
6. Klippel, Friederike. 2020. The History of English Instruction in the German-Speaking World. In Raymond Hickey (ed.) *English in the German-Speaking World*, 77–96. Cambridge : Cambridge University Press.
7. Mair, Christian. 2020. English in the German-Speaking world: an Inevitable Presence. In Raymond Hickey (ed.) *English in the German-Speaking World*, 13–31. Cambridge : Cambridge University Press.
8. UNESCO Index Translationum. URL: <https://www.unesco.org/xtrans/bsform.aspx> (accessed: 13.07.2023).

Сведения об авторе:

Витошнова Анна Михайловна, ст. преподаватель НИТУ МИСИС, Москва, Россия; email: annafox@inbox.ru

THE INFLUENCE OF ENGLISH ON THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Anna M. Vitoshnova

Senior lecturer, NUST MISIS, Moscow, Russia;
email: annafox@inbox.ru

Abstract

The status of English as the world language is accepted by everyone and is no longer debated. The ensuring of understanding between countries in terms of globalization calls for communication unification. Languages differ in the susceptibility to this process; this factor defines the aim of the research — to find out if the Russian language is the only one so susceptible to the influence, that it raises concerns among its speakers. The research material is the contents of Russian and German sites and social nets, since they are the main platforms where modern linguocultural communities are interacting. When studying internet resources, we applied the methods of continuous sampling, analysis and comparing results. We have come to the conclusion, that the influence of English on German and Russian languages is approximately the same. Nevertheless, by comparing the development of relationships between these two pairs of languages, we have discovered that the paces and stages of these relationships are completely different. It is due to social, economic and political factors that the americanization of the German language has been arriving smoothly in series of steps during XX–XXI centuries, whereas the Russian language is now experiencing the first and probably the most massive attack of americanization.

Keywords: English, anglicisms, German, Russian, linguistic integration.

Бытовые поклоны в невербальной культуре современного Вьетнама

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 316.772.2

С. Е. Глазунова, Е. Б. Морозова

Аннотация

Несмотря на огромный научный интерес к невербальной коммуникации, жестовое этикетное поведение современных вьетнамцев является мало изученным, а существующие исследования практически не анализируют этикетные жесты вьетнамской культуры, такие как поклон. В отличие от Китая, Южной Кореи или Японии, поклон не является широко распространённым жестом во Вьетнаме. Задачами данного исследования является анализ бытовых вьетнамских поклонов, правил их употребления и отношения к ним в современном вьетнамском обществе на материале научных статей и публикаций во вьетнамских медиа. Целью исследования является определение роли и видов бытовых поклонов. В результате анализа собранных данных описаны ситуации и некоторые правила употребления бытовых поклонов. Установлено, что в последние годы значимость поклонов в повседневном этикете Вьетнама начала расти, особенно в деловой и академической средах.

Ключевые слова: Вьетнам, культура поклонов, поклон, ритуал, традиция.

В последние десятилетия наблюдается рост научного интереса к невербальной коммуникации, особенно жестовому поведению разных народов, которое отражает национальные и историко-культурные особенности их развития. Для невербального поведения многих народов Юго-Восточной и Вос-

точной Азии (Таиланд, Индия, Индонезия, Япония, Китай, Южная Корея и др.) характерно использование поклонов, которые по праву привлекают внимание исследователей невербальной коммуникации и этикетного поведения во всём мире. На данный момент в научной литературе подробно описаны китайские, корейские, индийские, тайские, японские поклоны [Челнокова 2019; Самсонов 2013; Ван Дань 2019; Takeda, Kamagahara et al. 2016 и др.] и другие виды этикетных жестов. Однако невербальное этикетное поведение вьетнамцев остаётся мало или совершенно не описанным.

Из анализа материалов, посвящённых культуре современного Вьетнама, видно, что вьетнамцы, так же как и китайцы и японцы, исполняют поклоны в ряде этикетных ситуаций, но упоминания таких случаев в научной литературе несистемны и неинформативны [Аносова 2014; Кнорозова 2020; Марченко 2011, Степанова 2018; Lý Khắc Cung 2004; Đào Văn Ngoạn 2022; Đặng Nghiêм Vạn 1996 и др.]. В связи с этим было решено провести исследование, задачами которого является анализ материалов, включая фото- и видеопубликации, в современных вьетнамских медиа, посвящённых бытовому, исполняемому в повседневных этикетных ситуациях, поклонам. Целью исследования является определение роли и видов бытовых поклонов в современной вьетнамской культуре.

Кратко рассматривая историю Вьетнама, чтобы понять роль поклонов в вьетнамской культуре, следует отметить несколько важных фактов. В прошлом поклоны составляли неотъемлемую часть жизни страны. Приход к власти коммунистической партии в Северном Вьетнаме в 1945 г. кардинально изменил политический и экономический курс государства, его культуру и этикет. Новое правительство провело ряд реформ с целью создания социалистического государства

и нового облика вьетнамского народа. Одной из таких реформ в 1945 г. стал запрет использовать традиционные способы приветствия, в том числе поклоны. Хотя последующие реформы затронули многие аспекты жизни вьетнамцев, поклоны, связанные с отправлением религиозных культов, продолжали использоваться — государство не регулировало ритуалы в этой сфере.

В 1986 г. к власти пришли реформаторы во главе с Нгуен Ван Линем, и страна взяла курс на политику демократизации общественной жизни и переход к большей открытости, в результате чего снова стали актуальными праздники и ритуалы дореволюционного периода [Endres 1999]. Продолжающееся и сегодня возрождение традиционной культуры привело к тому, что бытовые поклоны постепенно возвращаются в повседневный этикет Вьетнама.

Во вьетнамском языке нет специальных терминов для различных форм поклонов. Вьетнамцы используют три слова: *cúi* ('куй'), *vái* ('вай') и *lạy* ('лаи') (реже — *lễ* ('лэ')). *Cúi* — наиболее нейтральное слово, широко используемое для обозначения наклона головы или тела [НБВРС 2012]. *Vái* ('вай') означает 'кланяться, сложив ладони перед собой'; а *lạy* ('лаи') — '[низко] кланяться или выполнить prostиpание'. Последние два глагола обозначают два базовых вида поклона, характерных и для современной вьетнамской религиозной и ритуальной культуры — **вай** (неглубокий поклон со сложенными перед собой ладонями) и **лаи** (глубокий поклон, часто переходящий в prostиpание или с опусканием на землю). При этом сами вьетнамцы зачастую не проводят большого различия между этими словами, употребляют их как синонимы.

В повседневном деловом и бытовом общении вьетнамцы предпочитают рукопожатие для приветствия и прощания. Среди городского населения поклоны почти не совершаются,

а в сельской местности люди иногда могут приветствовать друг друга с помощью традиционного **вай**. Также весьма распространён лёгкий, характерный для европейских и других стран, поклон, по форме соответствующий **кивку** головой или ниже, иногда с последующим похлопыванием по плечу.

Стоит отметить, что хотя сегодня среди вьетнамцев нет одинакового понимания роли поклонов в сфере бытового этикета, а главное — их форм, вопросу о возрождении культуры поклонов уделяется довольно большое внимание. В приведённых ниже примерах употребления поклонов важны, как нам кажется, две составляющие. Первое — сам факт использования поклонов в этих ситуациях. И второе — отношение к этому окружающих. Исполнение поклонов оценивается положительно, вызывает высокую оценку; часто именно факт использования этого жеста выносится в заголовки статьи о событии.

К примеру, крупнейшая компания Вьетнама “Vietnam Postsand Telecommunications Group” в 2019 г. провела эксперимент, введя обязательное исполнение поклонов сотрудниками компании в адрес клиентов. В этом же году был зафиксирован случай использования поклонов в адрес пассажиров работниками “Vietnam Airlines” за задержку рейса [см. подробнее Глазунова, Морозова 2023].

Поклоны начинают исполнять не только рядовые граждане страны. Так, в 2017 г. в перерыве матча между командами футбольных клубов “Хошимин” и “Шонглам Нгеан” исполняющий обязанности президента клуба Хошимина Ле Конг Винь поклонился перед публикой, таким образом принеся извинения за плохую игру своих футболистов. В первом тайме “Хошимин” проиграл с разницей в три гола, что вызвало яростный гнев болельщиков клуба, которые даже свернули флаги команды, не дождавшись окончания тайма.

Иллюстрация 1. Премьер-министр Фам Минь Чинь и представители вьетнамской диаспоры в США

Иллюстрация 2. Дети обучаются делать “детский поклон” в детском саду

Иллюстрация 3. Пример поклона в старшей вьетнамской школе

Иллюстрация 4. Выпускники колледжа кланяются родителям и преподавателям

С VIP-трибуны Конг Винь заметил реакцию публики. Сразу же после объявления овертайма он спустился к болельщикам и, совершая многочисленные поклоны, обратился к ним с извинениями и объяснениями [Thiên Lộc 2017].

Также из анализа фото- и видеоматериалов видно, что представители многочисленных вьетнамских диаспор в разных странах используют **вай** по отношению к лицу с более высоким социальным статусом, например, премьер-министру Вьетнама [Thủ tướng... 2022].

Активно возвращаются поклоны и в образовательную среду, начиная с детского сада. Дети исполняют в основном так называемый ‘детский поклон’ (‘сложенные руки’): это легкий наклон головы со сложенными определённым образом руками (см. Ил. 2). Обучение этому поклону начинается в дошкольном возрасте и продолжается в школе. Далеко не все учебные заведения Вьетнама внедряют в учебный процесс культуру поклонов, но количество таких заведений неуклонно растёт. Например, в 2022–2023 учебном году Департамент образования и обучения района Лонгбьен г. Ханой поставил перед школами задачу по формированию и внедрению культуры приветствия внутри и за пределами школы “Сложенные руки — Улыбка — Поклон”. Учителя рассматривают обучение учащихся такому приветствию не только как профессиональную, но и как образовательную задачу [Đình Trung 2022].

Анализ собранных нами фотоматериалов показывает, что в старшей и высшей школе учащиеся переходят на взрослую форму поклона: легкий наклон туловища и голову под углом не более 45 градусов.

Показательный пример исполнения поклонов в академической среде был недавно описан вьетнамскими СМИ. На выпускном вечере сотни выпускников Вьетнамско-амер-

риканского колледжа склонили головы в знак благодарности своим родителям и учителям [Ngọc Minh 2022].

Вьетнамские СМИ фиксируют и курьезные случаи исполнения поклонов, число которых растёт с каждым годом. Так, в 2023 г. описывался случай, когда мальчик, который переезжал дорогу в неполюженном месте и которого водитель грузовика чудом не сбил, успев вовремя затормозить, дважды поклонился водителю прежде чем уехать дальше [Mạnh Dũng 2023]. В этом же году в г. Дананге один из трёх преступников, которые обокрали местный магазин, поклонился на камеру традиционным поклоном **вай** и только потом скрылся с места преступления [Đạt sử... 2023]. Такие, казалось бы, незначительные случаи исполнения поклонов в самых разных повседневных ситуациях свидетельствуют о возрождении этого класса жестов во вьетнамской повседневной культуре.

По-видимому, возвращение культуры поклонов происходит по ряду причин. Вьетнам активно восстанавливает старые обряды, традиции и праздники. Вероятно, это связано с желанием сохранить свою национальную идентичность в условиях глобализации. К тому же, Вьетнам находится под сильным культурным влиянием Китая, Японии и Южной Кореи, в культуре которых поклоны играют важную роль. На данный момент трудно сказать, насколько быстрым и успешным будет возрождение поклонов, но можно уверенно предположить, что в ближайшие годы мы увидим, что роль поклонов в бытовых этикетных ситуациях будет только увеличиваться.

Выводы

В результате анализа собранного материала становится очевидно, что поклоны начинают играть всё бóльшую роль во вьетнамской повседневной культуре. Хотя именно быто-

вые поклоны больше всего пострадали в ходе коммунистических реформ и практически вышли из употребления, мы видим, что в настоящее время вьетнамское общество возвращается к своим корням и всё чаще использует поклоны, хотя их форма, в отличие от религиозных и ритуальных поклонов, пока не устоялась. Выводы, сделанные в рамках данного исследования, носят предварительный характер, поскольку масштабное исследование видов и роли поклонов во вьетнамской культуре, с учётом возможных региональных особенностей, возможно провести только в формате полноценного полевого исследования.

Список литературы:

1. Аносова Л.А. Вьетнам на пути Doi Moi — обновление // Экономика и управление, 2014. № 6 (104). С. 4–9. [Anosova, Ludmila A. 2014. V'etnamnaputi Doi Moi — obnovlenie (Vietnam Pursuing Doi Moi — Renewal), *Ekonomika I upravlenie (Economics and Management)*, 6, 4–9.]
2. Ван Дань. Эволюция китайского этикета приветствия до Синьхайской революции // Общество: философия, история, культура. 2019. № 8 (64). С. 176–182. [Van, Dan'. 2019. Evolyuciya kitajskogo etiketa privetstviya do Sin'hajskoj revolyucii (Evolution of Chinese Greeting Etiquette before the Xinhai Revolution). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura (Society: Philosophy, History, Culture)*, 8, 176–182.]
3. Глазунова С.Е., Морозова Е.Б. Виды поклонов и их роль в современной вьетнамской культуре // Концепт: философия, религия, культура, 2023. Т. 7 № 2, С. 83–103. [Glazunova, Svetlana E., Morozova Elena B. 2023. Vidy poklonov i ih rol' v sovremennoj v'etnamskoj kul'ture (Types of Bows and Their Role in Modern Vietnamese Culture). *Koncept: filosofiya, religiya, kul'tura (Concept: Philosophy, Religion, Culture)*, v. 7 #2, 83–103.]

4. Кнорозова Е. Ю. Духовная культура Вьетнама. Традиционные религиозно-мифологические воззрения вьетнамцев. СПб: БАН, 2020. 507 с. [Knorozova, Ekaterina YU. 2020. *Duhovnay-akul'tura V'etnama. Tradicionnyereligiozno-mifologicheskievozzreniyav'etnamcev (Spiritual Culture of Vietnam. Traditional Religious and Mythological Views of the Vietnamese)*. St. Petersburg: BAN.]
5. Марченко Е. А. Традиционные основы вьетнамского общества в современных условиях // Вьетнамские исследования. Выпуск 1. Вьетнам сегодня и вчера. Москва: ИДВ РАН, 2011. С. 90–108. [Marchenko, Evgeniya A. 2011. Tradicionnye osnovy v'etnamskogo obshchestva v sovremennyh usloviyah (Traditional Fundamentals of Vietnamese Society in Modern Conditions). *V'etnamskieissledovaniya. Vypusk 1. V'etnam segodnya I vchera (Vietnamese Studies. Vol. 1. Vietnam Today and Yesterday)*, 90–108. Moskva: IDV RAN.]
6. НБВРС — Новый большой вьетнамско-русский словарь: ок. 80 000 слов и выражений. В 2 т. / отв. ред. В. А. Андреева, Нгуен Туэт Минь. Москва: Вост. лит., 2012. [Andreeva, Vera, A., Nguen Tuet Min'. 2012. *Novyj bol'shoj v'etnamsko-russkij slovar': ok. 80000 slov i vyrazhenij: v 2 tomah (New Large Vietnamese-Russian Dictionary: app. 80 000 Words and Collocations: in 2 volumes)*. Moscow: Vostochnaya literatura.]
7. Самсонов Д. А. Корейский этикет: опыт этнографического исследования. СПб.: Наука, 2013. 144 с. [Samsonov, Denis A. 2013. *Korejskij etiket: opyt etnograficheskogo issledovaniya (Korean Etiquette: Experience of ethnographic research)*. St. Petersburg: Nauka.]
8. Степанова Н. А. Особенности невербальной коммуникации российских и вьетнамских народов // Актуальные вопросы современной психологии: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). Казань: Молодой ученый, 2018. С. 22–27. [Stepanova, Nataliya A. 2018. Osobennosti neverbal'noj kommunikacii rossijskih i v'etnamskih narodov (Peculiarities of Nonverbal

- Communication in Vietnamese Peoples). In: *Aktual'nyevoprosysovremernojpsihologii: materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2018 g.) (Current Issues of Modern Psychology: Materials of Scientific Conference (Kazan, May 2018))*. 22–27. Kazan': Molodoj uchenyj.]
9. Челнокова А.В. Индийский этикет: речевой и невербальный аспекты: учебник. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2019. 104 с. [Chelnokova, Anna V. 2019. '*Indijskij etiket: rechevoj ineverbal'nyj aspekty: uchebnik*' (*Indidan Etiquette: Verbal and Nonverbal Aspects*). St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta.]
 10. Đặng Nghiêm Vạn. *Về ton giáo tín ngưỡng Việt Nam hiện nay*. Nhà xuất bản Khoa học xã hội. Hà Nội, 1996. 494 p.
 11. Đào Văn Ngoạn. *Văn hóa phong tục tập quán Việt Nam*. Nhà xuất bản Xây dựng, 2022. 534 p.
 12. Đập cửa kính siêu thị trộm cắp rồi vái lay trước khi bỏ đi. 24.05.2023 Available from: <https://vtv.vn/phap-luat/dap-cua-kinh-sieu-thi-trom-cap-roi-vai-lay-truoc-khi-bo-di-20230524171514424.htm> (Accessed 05 July 2023).
 13. Đình Trung. Văn hóa học đường: Bắt đầu từ việc mỉm cười, cúi chào. 22.10.2022. Available from: <https://tuoitrethudo.com.vn/van-hoa-hoc-duong-bat-dau-tu-viec-mim-cuoi-cui-chao-208593.html> (Accessed 01 March 2023).
 14. Endres K.W. Beautiful Customs, Worthy Traditions: Changing State Discourse on the Role of Vietnamese Culture // *Internationales Asien forum*. 2002. vol. 33, #3–4. 303–322.
 15. Lý Khắc Cung. Hà Nội — Văn Hoá Và Phong Tục. Nhà xuất bản Hồng Đức, 2004. 581 p.
 16. Mạnh Dũng. Cậu bé 2 lần cúi đầu cảm ơn tài xế vì biết mình đi sai. 30.06.2023. Available from: <https://vietnamnet.vn/cau-be-2-lan-cui-dau-cam-on-tai-xe-vi-biet-minh-di-sai-2160300.html> (Accessed 01.07.2023).
 17. Ngọc Minh. Nghi thức cảm ơn đặc biệt trong lễ tốt nghiệp ở trường Cao đẳng Việt Mỹ. 08.04.2022. Available from: <https://vietnamnet.vn>

- vn/nghi-thuc-cam-on-dac-biet-trong-le-tot-nghiep-o-truong-cao-dang-viet-my-2007107.html (Accessed 02 September 2023).
18. Takeda T., Kamagahara Y., Lu X., et alia. A Comparative Study of Instructing Methods Regarding Japanese Bowing. // In: Duffy, V. (ed.) *Digital Human Modeling: Applications in Health, Safety, Ergonomics and Risk Management. DHM 2016. Lecture Notes in Computer Science*, vol. 9745. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-40247-5_50.
 19. Thiên Lộc. Giá trị từ cái cúi đầu của quyền chủ tịch CLB TP HCM Lê Công Vinh // BÁO LAO ĐỘNG. 23.06.2017. Available from: <https://laodong.vn/the-thao/gia-tri-tu-cai-cui-dau-cua-quyen-chu-tich-club-tphcm-le-cong-vinh-544307.ldo>. (Accessed 03 March 2023).
 20. Thủ tướng Phạm Minh Chính gặp gỡ cộng đồng người Việt tại Campuchia. 09.11.2022. Available from: <https://cand.com.vn/su-kien-binh-luan-thoi-su/thu-tuong-pham-minh-chinh-gap-go-cong-dong-nguoi-viet-tai-campuchia-i673728> (Accessed 01 February 2022).

Сведения об авторах:

Глазунова Светлана Евгеньевна, ст. преподаватель,
МГИМО МИД России, Москва, Россия,
email: svtln.glazunova@gmail.com

Морозова Елена Борисовна, к. филол. н., доцент, МГИМО
МИД России, Россия, email: morel@mail.ru

EVERYDAY BOWS IN MODERN NONVERBAL VIETNAMESE CULTURE

Svetlana E. Glazunova

Senior Lecturer, MGIMO University, Moscow, Russia,
email: svtln.glazunova@gmail.com

Elena B. Morozova

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University,
Moscow, Russia, email: morel@mail.ru

Abstract

Recent decades have seen a drastic increase of academic interest in non-verbal communication of various ethnic groups. However, gestural behaviour of the Vietnamese, particularly in the sphere of etiquette, has been rarely analyzed by modern scholars. Research papers on this topic describe etiquette gestures of Vietnamese culture, especially bows, vaguely and sketchily. Although in the past bows were quite wide spread in Vietnam, nowadays the gesture seems to have lost its popularity. The goals of the paper are to analyze the descriptions of modern everyday Vietnamese bows, rules and situations of their use, in Vietnamese media. The objective of the research is to identify role and types of bows in modern Vietnamese culture. The results of the analyses show that bows, banned by the Vietnamese Communist Party several decades ago, are gradually starting to acquire more significance in modern society.

Keywords: culture of bows, cult of ancestors, bow, ritual, tradition, Vietnam.

Англоязычный медиадискурс и его психолингвистические особенности функционирования в первой четверти XXI столетия

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`23 психолингвистика

А. В. Гусякова

Аннотация

Цель настоящего исследования заключается в оценке степени влияния англоязычного медиадискурса на сознание вторичной языковой личности (человека, владеющего английским языком как иностранным), взаимодействующей с англоязычными электронными СМИ в современном Интернет-пространстве. Материалом исследования послужили разнообразные медийные ресурсы ведущих англоязычных информационных платформ США, Великобритании, Канады и др. Ключевым методом исследования в работе выступил психолингвистический ассоциативный эксперимент, позволивший эмпирическим путём оценить уровень воздействия англоязычного медиадискурса на индивидов, не носителей английского языка (молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет), которые выступают активными пользователями англоязычных информационных ресурсов, тем самым прямо или косвенно оказываясь объектом влияния англоязычного медиадискурсивного пространства. Результаты проведённой опытно-экспериментальной работы выявили наличие положительных или нейтральных реакций на лексемы-стимулы, характеризующие англоязычный медиадискурс, у респондентов настоящего исследования. Это может свидетельствовать о стремлении испытуемых оставаться в непрерывном взаимодействии с медиа реальностью разнообразных англоязычных электронных СМИ, информационный контент ко-

торых привлекает репрезентацией актуальных проблем, вызовов и новых возможностей, стоящих перед человеческой цивилизацией сегодня и в будущей перспективе.

Ключевые слова: англоязычный медиадискурс, психолингвистика, функционирование, ассоциативный эксперимент, слова-ассоциаты.

Современные реалии глобализации, в которой уже не один десяток лет проживает всё человечество, побуждает этот сложный международный общественный механизм искать и находить общие точки соприкосновения большей части населения планеты с целью ещё большего объединения и популяризации идеологии о едином лингвокультурологическом пространстве существования человека в первой половине XXI столетия. Подобной объединяющей субстанцией на текущий момент исторического времени оказывается англоязычный медиадискурс, который может быть назван наиболее влиятельным механизмом функционирования общественной мысли в различных регионах планеты, а также весьма активным инструментом множества общественно-политических, экономических и иных трансформаций современной эпохи [Guslyakova 2023: 424–446].

Основная цель настоящего исследования заключается в том, чтобы рассмотреть и проанализировать психолингвистические особенности функционирования англоязычного медиадискурса и степени его воздействия на вторичную языковую личность — человека, владеющего английским языком как иностранным и взаимодействующим с англоязычным медиадискурсом прямым или косвенным образом.

Англоязычный медиадискурс представляет собой целостную медиасистему, которая строится на принципах оп-

2. Как вы оцениваете влияние англоязычных СМИ в современном мире?

303 ответа

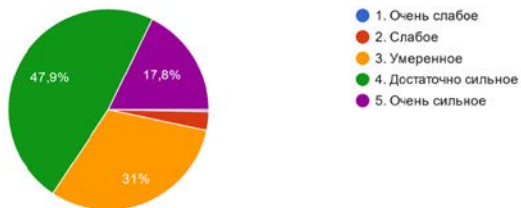

Рисунок 1. Оценка степени влияния англоязычных СМИ в современном мире у российской медиа аудитории в возрасте от 18 до 30 лет

3. Читаете ли Вы англоязычные медиа издания (печатные, электронные СМИ, видеоблоги, новостные каналы, социальные медиа)?

303 ответа

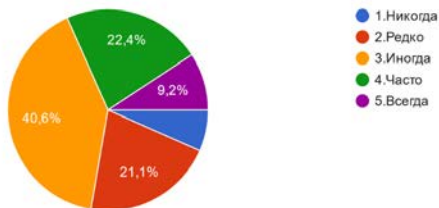

Рисунок 2. Статистические показатели вовлеченности российских респондентов в чтение англоязычных медиа изданий

тимального сочетания четырёх базовых “столпов” эффективного медиа воздействия, устоявшегося в медиа мире англосаксонской цивилизации: priming (предварительный отбор новостного контента), agenda-setting (продвижение наиболее значимой информации), framing (языковое и знаково-символьное оформление публикуемого материала) и cultivation (внедрение в массы) [Media effects 2011].

Успешность и влияние англоязычного медиадискурса подтверждается результатами проведённого нами исследования, в котором приняло участие 303 испытуемых, проживающих на территории Российской Федерации, преимущественно в возрасте от 18 до 30 лет. Большинство респондентов позитивно отреагировали на вопрос о том, что степень влияния англоязычных СМИ в современном мире достаточно сильная и очень сильная (более 65% участников опроса, см. рис. 1).

Более того, первичная обработка статистических данных также наглядно продемонстрировала высокий процент респондентов, читающих англоязычные медиа издания в их печатном и электронном форматах представления новостного контента (см. рис. 2).

Вышепредставленная статистика указывает на то, что 31% испытуемых всегда или довольно часто читают англоязычные медиа издания, в то время как более 40% респондентов делают это иногда. Суммируя полученные показатели, можно прийти к выводу о том, что более 70% граждан РФ, принявших участие в настоящем опросе, тем или иным образом взаимодействуют с современным англоязычным медиaprостранством. Таким образом, можно предположить, что достаточно большое количество российских граждан (не носителей английского языка, но владеющих последним) довольно часто соприкасаются с новостным контентом англоязычного медиадискурса. Соответственно, подобное взаимодействие не может не оказывать воздействие на сознание человека, находящегося в непрерывном или частом контакте с последним.

Для более содержательной и глубинной оценки степени влияния исследуемого феномена на вторичную языковую личность, был проведён свободный ассоциативный психо-

лингвистический эксперимент. Ассоциативный эксперимент в научном знании рассматривается как один из наиболее эффективных методов психолингвистического исследования и анализа, широко использующийся с целью всестороннего изучения языкового сознания, его структуризации и моделирования [Борисова 2019: 265–275].

В рамках настоящего исследования суть ассоциативного эксперимента заключалась в том, чтобы изучить те вербальные ассоциаты, которые возникают в сознании человека, контактирующего с англоязычным медиадискурсом. В эксперименте не ставились ограничения по грамматическим формам или иным языковым средствам репрезентации собственных образов англоязычного медиадискурса, которые могли произвольно возникнуть в сознании русскоязычного респондента как лексическая реакция на стимул, связанный с миром англоязычных печатных и электронных СМИ.

Подобный подход позволил оценить ключевые лексемы, которые способны охарактеризовать понятие “англоязычный медиадискурс” сквозь призму слов-ассоциаций, к которым склонны обращаться респонденты, когда им необходимо описать интересующее нас явление.

Статистические данные ассоциативного эксперимента позволили выявить следующие ключевые лексемы-реакции, ассоциируемые с феноменом англоязычного медиадискурса среди российских респондентов: *Англия, Лондон, королева Елизавета, королевская семья, язык, будущее, коммуникация, новые возможности, необходимость, глобализация, многофункциональность, доминирование, сила и власть, идеология, бизнес, контроль, дипломатия, обучение, распространение, универсальность, стратегия, уверенность, бизнес, развитие, интеллект, целеустремлённость, успешность и саморазвитие, деньги, доход, валюта, права человека, равенство полов, демо-*

кратия, социальное устройство, мужчины, женщины, толерантность, прогресс, рост, постепенность и др.

Невозможно не отметить перечень номинативных лексических единиц, перечисленных респондентами психолингвистического эксперимента, обладающих положительными либо нейтральными коннотациями. Превалирование номинаций в качестве ассоциативных образов в сознании испытуемых могут свидетельствовать о существовании устойчивых понятий, связанных со столь влиятельным феноменом современности, которым выступает англоязычный медиадискурс в первой половине XXI столетия. Тем не менее, наряду с положительными лексемами-реакциями ряд испытуемых оценили англоязычный медиадискурс и более критически, выделив такие лексем-ассоциаты, как *вседозволенность, утопия, борьба без победителей, угнетение других, ненависть, фашизм, жестокость, дискриминация, геноцид, ограничения, предрассудок* и др.

Из этого следует, что сознание респондентов настоящего психолингвистического ассоциативного эксперимента воспринимает англоязычный медиадискурс как международную общественно-политическую медиа систему, в которой есть место и положительным и отрицательным свойствам, что наглядно проявляется в языковой форме в виде ярких лексем-ассоциатов.

Отдельной красной нитью образного восприятия англоязычного медиадискурса проходят номинативные структуры, характеризующие экологические проблемы современной планеты. Множественные дискуссии и дебаты, посвящённые эоактивизму и популизму, изменению климата и курсу на устойчивое развитие, непрерывно пропагандируемые в англоязычных СМИ, не могут не отразиться на восприятии “зелёного” эомира в сознании вторичной языковой личности.

Соответственно, англоязычный медиадискурс также ярко ассоциируется у респондентов данного эксперимента с такими лексемами-реакциями, как *глобальное потепление, экология, загрязнение, опасность, кризис, бедствие, экологическая катастрофа, катаклизмы, экологические проблемы, таяние ледников, температура, повышение уровня моря* и др. Ряд респондентов, стремясь, очевидно, подчеркнуть универсальный и глобальный характер экологической повестки в мире, транслировали свои слова-ассоциаты и словосочетания на английском языке. Например, *global warming (глобальное потепление), change of the temperature (изменение температуры), economic reasons (экономические причины), the greenhouse effect (парниковый эффект), fumes (газы), exhaust (выхлопные газы), pollution (загрязнение)* и др. Некоторые респонденты также обратились к образу юной шведской экологической активистке Грете Тунберг (Greta Thunberg), инициативно призывающей все мировые правительства обратить внимание на потенциальную экологическую катастрофу современной цивилизации. Благодаря своим действиям и молодости, девушку назвали “великим символом климатической справедливости” (a great symbol for climate justice) [Michael H. Fuchs. Greta Thunberg showed the world what it means to lead. The Guardian. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/sep/25/greta-thunberg-showed-the-world-what-it-means-to-lead>, 25.09.2019]. Соответственно она даже была приглашена в Голливуд, чтобы рассказать о своей экологической миссии в мире и привлечь ещё большую медиа аудиторию к проблемам изменения климата и глобального потепления (Greta Makes New Friends in Hollywood. The teen climate activist visits Los Angeles) [Neal Colgrass. Greta Makes New Friends in Hollywood. The teen climate activist visits Los Angeles. Newser. <https://www.newser.com/story/282548/greta-thunberg-hits-hollywood.html>, 02.11.2019].

Упомянув лексему *Голливуд*, необходимо отдельно остановиться на этом понятии в рамках настоящего исследования. Результаты психолингвистического ассоциативного эксперимента продемонстрировали наличие лексем-ассоциатов, устанавливающих взаимосвязь между феноменом англоязычного медиадискурса и Голливудом, как характерным инструментом продвижения релевантных на повестке дня глобальных идей в современном глобальном сообществе, в первую очередь подконтрольном англоязычным СМИ и Интернету, и, прежде всего, через киноискусство и музыку. Респонденты выделили ряд номинативных ассоциаций, отражающих влияние Голливуда на общественную мысль и идеологические ценности современной цивилизации. Например, *качество, достижение, признание, талант, символ, кино, богатство, киноиндустрия, популярность, улыбка, вершина, далёкая сказка, фильмы, мечты, конкуренция, звезда, кинематограф, шоу-бизнес, заработок, развлечение, Аллея Славы, Оскар, борьба бизнеса и искусства, город в городе* и др.

Очевидно, что сознание русскоязычных испытуемых настоящего исследования фиксирует положительные образы, связанные с Голливудом, который давно, как справедливо отмечают респонденты, превратился в “город в городе” (подобно итальянскому государству-анклаву Ватикану) на североамериканском континенте, “верша” судьбы миллиардной медиа аудитории в различных регионах планеты. Как справедливо отмечают американские журналисты, “мягкая” сила Голливуда заключается в том, что она всегда умеет выходить за собственные границы и говорить с людьми различных этносов на разных языках, не забывая обращать внимание на мировые рейтинги и статистику (Hollywood ... speaks more than one language. And it always ... checks the numbers first) [Rob Long. The soft power of Hollywood is, in fact, pretty mushy

.The National News. <https://www.thenationalnews.com/opinion/the-soft-power-of-hollywood-is-in-fact-pretty-mushy-1.47076>, 31.08.2023], что является значимым фактором существования не только самого Голливуда как уникального общественного и культурно-развлекательного феномена современности, но и непосредственно англоязычного медиадискурса в эпоху глобализации и цифровизации.

Резюмируя всё вышесказанное, отметим, что современный англоязычный медиадискурс может быть действительно охарактеризован как психолингвистический фактор воздействия на сознание индивида, говорящего на английском языке как инструменте межкультурной коммуникации. Это воздействие, прежде всего, отражается в виде цепочки характерных образов в психике человека, дающих надежду на развитие, сотрудничество, достижение целей, материальное благополучие и талант, а также иных номинативов, мотивирующих личность ставить перед собой цели и стремиться их осуществлять, вопреки существующим проблемам в социуме, которые необходимо решить, чтобы в итоге достичь устойчивого благополучия внутри собственного Я и вне его, в глобальном цифровом сообществе современности.

Список литературы:

1. Борисова Ю.А. Ассоциативный эксперимент в современных психолингвистических исследованиях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 1А. С. 265–275. [Borisova, Yu.A. 2019. Assotsiativnyi eksperiment v sovremennykh psikholingvisticheskikh issledovaniyakh (Association experiment in the modern psycholinguistic research). *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya (Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches)*. 8 (1A), pp. 265–275].

2. Guslyakova, A., Guslyakova, N., Valeeva, N., Vashunina, I. 2023. English-language media discourse in the era of digitalisation: Special mission and functional potential. *Studies in English Language and Education* 10 (1). 424–446.
3. Media effects. Public sphere. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qvgURfZMGoQ>. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=qvgURfZMGoQ> (Accessed: 05.09.2023).

Сведения об авторах:

Гусякова Алла Викторовна, к. филол. н., доцент,
Российский университет дружбы народов им. Патриса
Лумумбы; Московский педагогический государственный
университет, Москва, Россия; email: guslyakova_av@pfur.ru

**ENGLISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE AND ITS
PSYCHOLINGUISTIC FUNCTIONING IN THE FIRST QUARTER
OF THE 21st CENTURY**

Alla V. Guslyakova

Candidate of Philology, Associate Professor, RUDN University
named after Patrice Lumumba, Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia; email: guslyakova_av@pfur.ru

Abstract

The purpose of this study is to evaluate the degree of influence of the English-language media discourse on the consciousness of a secondary linguistic personality (i.e., a person who speaks English as a foreign language) interacting with English-language electronic media on the Internet at present. The research material included a variety of media resources from leading English-language information platforms in the USA, Great Britain, Canada, etc. The key research method applied in

this study is a psycholinguistic associative experiment, which made it possible to empirically assess the impact level of the English-language media discourse on individuals who are not native speakers of English (young people aged 18 to 30 years, receiving basic and specialized higher education in leading Russian universities), but who are active users of English-language information resources, thereby directly or indirectly becoming the object of influence of the English-language media discourse space. As a result of the experimental work, it was possible to establish the presence of positive or neutral reactions to the words — stimuli characterizing English-language media discourse among the respondents of this study. This may indicate the desire of the respondents to remain in continuous interaction with the media reality of the English-language digital media, the information content of which is attractive by representing current social problems, challenges and new opportunities facing human civilization today and in the future.

Keywords: English-language media discourse, psycholinguistics, functioning, associative experiment, words — associates.

Использование лингводидактического потенциала детективных текстов при обучении межкультурной коммуникации на занятиях английским языком

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 37.02

Е. В. Дворецкая

Аннотация

“Домашнее чтение” аутентичных художественных текстов как способ развития языковых навыков обучающихся давно и хорошо зарекомендовало себя в преподавании иностранных языков. Помимо расширения словарного запаса, чтение художественной литературы развивает межкультурную компетенцию учащихся, так как через литературу они знакомятся и с реалиями быта и культуры стран изучаемого языка, и с функционированием культурно-маркированных языковых единиц. Однако для достижения результата необходимо, чтобы тексты соответствовали уровню знаний студентов и вызывали интерес у читающих. Лингводидактический потенциал детективных текстов обусловлен их жанровыми особенностями: коммуникативностью, что позволяет изучать живую речь; стереотипностью ситуаций и четкой моральной оценкой ситуаций и персонажей, что дает возможность рассматривать текст с точки зрения ценностных ориентиров и типичных моделей поведения людей в обществе. В статье рассматриваются примеры использования текстов Й. Рэнкина, Т. Френч, Дж. Гришема на занятиях английским языком.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, обучение, детективный жанр, англоязычная литература.

Введение

Чтение художественных текстов в значительной мере способствует развитию языковых навыков обучающихся, именно поэтому в преподавании иностранных языков давно и хорошо зарекомендовал себя такой вид учебной деятельности как “домашнее чтение” — внеклассное самостоятельное чтение довольно объёмных произведений художественной литературы или отрывков из них. Как правило, для домашнего чтения выбираются тексты, построенные на пройденном материале, но в новых контекстуальных комбинациях. Домашнее чтение преследует цель обучения беспереводному чтению, лексике, грамматике, а также устной речи путем обсуждения прочитанного материала [Максимова, Митюшина 2019].

Думается, роль домашнего чтения в расширении словарного запаса учащихся не требует пояснений. В процессе чтения может развиваться бессловарное понимание текстов, контекстуальная догадка. Широкий контекст позволяет отбирать и закреплять грамматические и словарные единицы. Активному усвоению лексики и грамматических структур должны способствовать целевые задания, направленные на подготовку к пересказу и обсуждению прочитанного.

Как отмечается исследователями, эффективность домашнего чтения в большей степени зависит от выбора книги, которая предлагается студентам, и задача преподавателя — подобрать такой текст, который был бы значим для студентов и с точки зрения языкового материала, и в плане содержания [Рудакова 2019; Самохина 2019]. Важно, чтобы процент нового, незнакомого материала был не слишком велик, поэтому в зависимости от уровня знаний обучающихся на домашнее чтение можно выбрать как аутентичные, так и адаптированные тексты.

Однако чтение художественных текстов преследует и другую задачу — знакомство с культурой носителей изучаемого языка. Наряду с освоением лексических и грамматических особенностей иностранного языка студенты могут изучить и лингвокультурологические особенности страны изучаемого языка, окунуться в атмосферу жизни народа, критически осмыслить культурологические различия. Развивается межкультурная компетенция учащихся, так как через литературу они знакомятся и с реалиями быта и культуры стран изучаемого языка, и с функционированием культурно-маркированных языковых единиц. С этой точки зрения предпочтительней именно оригинальные, не адаптированные художественные тексты. Вместе с тем, для достижения наилучшего результата необходимо, чтобы тексты соответствовали уровню знаний студентов (или, по меньшей мере, не слишком превышали их уровень) и вызвали интерес у читающих. Соответственно, оптимальным выбором для занятий домашним чтением будет не слишком сложный в когнитивном плане текст, написанный живым, современным языком, с интересным сюжетом, вызывающим эмоциональный отклик у читателя. Всем этим критериям отвечают произведения детективного жанра.

Особенности произведений детективного жанра

Детектив — один из самых популярных жанров в мировой литературе. Как пишет британский историк Люси Уорсли в своей книге “Чисто британское убийство”, каждая третья продаваемая сегодня книга — криминальный роман [Уорсли 2021: 12]. Популярность детективов обусловлена несколькими факторами. Во-первых, детективные романы предлагают увлекательные и запутанные сюжеты, которые заставляют читателя размышлять и пытаться разгадать загадку вместе

с героями. Это создает напряжение и вызывает интерес у читателя. Во-вторых, детективы часто представляют собой комбинацию разных жанров, таких как криминальный триллер, мистика и даже романтика. Это позволяет удовлетворить различные вкусы и предпочтения читателей.

В. А. Байко отмечает, что детективные тексты большей частью относятся к разряду массовой литературы: “Эта ориентация на массовую аудиторию способствовала выработке устойчивого набора внутрижанровых лингвистических и экстралингвистических средств” [Байко 2013]. В большинстве случаев, это обеспечивает лёгкое восприятие текста даже у обучающихся непродвинутого уровня. Язык детективных романов часто характеризуется следующими особенностями:

1. В детективах часто используют краткие и динамичные фразы, чтобы создать эффект неожиданности и удерживать внимание читателя.
2. Детективные романы обычно содержат детальные описания места действия и персонажей для создания атмосферы.
3. Язык диалогов между персонажами может быть более разговорным и естественным.
4. В зависимости от тематики, детективные романы могут содержать профессиональную лексику, связанную с полицейской работой, судебными процессами и научными методами расследования. Это помогает создать атмосферу реализма и достоверности, “погрузиться в среду”.

Общий стиль языка детективных романов может варьироваться в зависимости от автора и жанра, но эти особенности обычно присутствуют для создания атмосферы и передачи сюжета.

Коммуникативная ориентированность и в известной мере стереотипность сюжетов (детективная загадка — поиск разгадки), а также чёткая моральная оценка ситуаций и пер-

сонажей, обуславливает лингводидактический потенциал детективных текстов. Всё это даёт возможность рассматривать текст с точки зрения ценностных ориентиров и типичных моделей поведения людей в обществе.

Что почитать?

Рассмотрим некоторых англоязычных авторов детективов с точки зрения использования их произведений на занятиях “домашним чтением” с целью обучения межкультурной коммуникации.

1. Йен Рэнкин (Ian Rankin, 1960–). Действие романов Й. Рэнкина происходит в Шотландии, и Эдинбург и другие города Шотландии являются не просто фоном, но и зачастую действующими лицами его произведений. В его книгах мы сталкиваемся с примерами шотландского диалекта английского языка, и с проявлениями “противостояния” англичан и шотландцев. Так, тема шотландского национализма и радикальных националистических группировок затрагивается в романе “Плоть и кровь” (*Mortal Causes*, 1994). В книге “Black and Blue” (1997, не переводилась) рассказывается о нефтедобыче на севере Шотландии. Интересны отсылки Рэнкина к значимым для шотландской культуры авторам и текстам, к примеру, повести Р.Л. Стивенсона “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда”, которая служит лейтмотивом романа “Кошки-мышки” (*Hide and Seek*, 1991). Регулярные упоминания особенностей правовой системы Шотландии будут полезны для студентов международно-правового профиля.
2. Тана Френч (Tana French, 1973–). Для Т. Френч, ирландской писательницы американского происхождения, казалось бы, не столь важна география действия её книг. Но и в них можно почувствовать ирландский колорит. Так,

в романе “Фейтфул-Плейс” (*Faithful Place*, 2010) описываются настроения в ирландском обществе на фоне сначала экономического подъёма 1990-х гг., а затем глубокого кризиса 2008 г. А в романе “Искатель” (*The Searcher*, 2020) детективный сюжет — всего лишь фон для исследования быта суровой ирландской глубинки, где описания великолепной природы сочетаются с колоритным языком и самобытными персонажами. Также тексты Т. Френч позволят затронуть тематику гендерного неравенства, сложностей адаптации женщин в мужском коллективе (*The Trespasser*, 2016, рус. пер. “Тень за спиной”) или раздельного обучения мальчиков и девочек в частных школах (*The Secret Place*, 2014, рус. пер. “Тайное место”).

3. Джон Гришэм (John Grisham, 1955-). В прошлом адвокат, Дж. Гришэм известен как мастер “юридических триллеров”. В его романах довольно подробно описывается подневотная работы юриста в США, что может быть полезно студентам юридических специальностей.

Заключение

Благодаря многообразию современных детективных произведений можно познакомиться с речевыми и поведенческими особенностями, реалиями жизни разных англоязычных стран. Лингводидактический потенциал детективных текстов обусловлен такими их жанровыми особенностями как коммуникативностью (большое количество диалогов, использование преимущественно разговорных выражений), и стереотипностью ситуаций (детективная загадка — поиск разгадки), что, вкупе с четкой моральной оценкой ситуаций и персонажей, дает возможность рассматривать текст с точки зрения ценностных ориентиров и типичных моделей поведения людей в обществе.

Список литературы:

1. Байко В.А. Основные жанровые признаки детективной прозы // Лингвокультурология. 2015. №9. С. 7–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-zhanrovyye-priznaki-detektivnoy-prozy> (дата обращения: 28.09.2023). [Baiko, Valeriya A. 2015. *Osnovnyye zhanrovyye priznaki detektivnoi prozy (The Main Genre Features of Detective Prose)*. *Lingvokulturologiya (Linguoculturology)* 9. 7–16. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-zhanrovyye-priznaki-detektivnoy-prozy> (Accessed: 28.09.2023).]
2. Рудакова Ю.И. Домашнее чтение как аспект обучения иностранному языку на младших курсах вуза // Иностранные языки: лингвистические и лингводидактические аспекты: Материалы конференции преподавателей по итогам НИР за 2018 год и 73 смотра студенческих научных трудов (Иркутск, 27 марта 2019 г.). Иркутск: Репроцентр А1, 2019. С. 160–164. [Rudakova, Yulia I. 2019. *Domashneye chtenie kak aspekt obucheniya inostrannomu yazyku na mladshih kursah vuza (Home Reading as an Aspect of Teaching Foreign Language to Junior University Students)*. In: *Inostrannyye yazyki: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty (Foreign Languages: Linguistic and Linguodidactic Aspects)*, 160–164. Irkutsk: Reprotsentr A1.]
3. Самохина Н.П. Совершенствование навыков чтения студентов в рамках самостоятельной работы посредством домашнего чтения // Проблемы преподавания профессионально-ориентированного иностранного языка в вузе: материалы Международной научно-практической конференции (Рязань, 25 апреля 2019 года) / отв. ред. Е.Е. Сухова; Т.В. Ризина. Рязань: Издательство “Концепция”, 2019. С. 83–84. [Samokhina, Nina P. *Sovershenstvovanie navykov chteniya studentov v ramkah samostoyatelnoi raboty posredstvom domashnego chteniya (Improving Students’ Reading Skills as Part of Independent Work*

through Home Reading). In: Elena Sukhova & Tatiana Rizina (eds.), *Problemy prepodavaniya professionalno-orientirovannogo inostrannogo yazyka v vuze (Problems of Teaching a Professionally Oriented Foreign Language at a Higher Educational Institution)*, 83–84. Ryazan: Kontseptsiya Publishing.]

4. Уорсли Л. Чисто британское убийство / Удивительная история национальной одержимости. М.: Синдбад, 2021. 320 с. [Worsley, Lucy. 2021. *Chisto britanskoye ubiystvo. Udivitel'naya istoriya nacionalnoi oderzhimosti (A Very British Murder)*. Moscow: Sindbad.]

Сведения об авторах:

Дворецкая Екатерина Валерьевна, к. филол. н., доцент,
Тамбовский государственный технический университет,
Тамбов, Россия;
email: dvkaterina@yandex.ru

**HARNESSING THE LINGUODIDACTIC POTENTIAL
OF DETECTIVE TEXTS IN TEACHING INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN ENGLISH CLASSES**

Ekaterina V. Dvoretzkaya

Candidate of Philology, Associate Professor, Tambov State Technical
University, Tambov, Russia;
email: dvkaterina@yandex.ru

Abstract

“Home reading” of authentic fiction texts as a way of developing learners’ language skills has long been recognised as a valuable tool in foreign language teaching. In addition to expanding vocabulary, reading fiction develops students’ intercultural competence, as through literature they get acquainted with the realities of everyday life and culture of the countries of the

target language, and with the functioning of culturally labelled language units. However, in order to achieve the result it is necessary that the texts correspond to the students' knowledge level and arouse the interest of the readers. The linguodidactic potential of detective texts is conditioned by their genre features: communicative orientation, which makes it possible to study live speech; stereotypical situations and clear moral evaluation of situations and characters, which gives an opportunity to consider the text from the point of view of value orientations and typical patterns of people's behaviour in society. The article considers examples of using texts by I. Rankin, T. French, and J. Grisham in English classes.

Keywords: intercultural communication, teaching, detective genre, English-language literature.

Наименования предметов гардероба как маркер этноязыковой картины мира

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.111

В. П. Джиеова

Аннотация

Настоящая работа посвящена изучению происхождения и особенностей образования наименований предметов гардероба в современном осетинском языке и выявлению некоторых закономерностей формирования лексики данной семантической группы в английском языке. Исследование проводится на материале дальнеродственных языков — осетинского и английского. Исследование проводится с использованием методов этимологического, сопоставительного и структурно-семантического анализа и анализа словарных дефиниций. В выборке представлена лексика, образованная преимущественно аффиксальным способом и словосложением. Примечательно наличие в составе лексики гибридных образований, а также единиц, образованных путём семантической деривации. Семантические параллели удаётся проводить с опорой на русский язык. Лексика искомого семантического ряда в английском языке отчасти происходит от общего с осетинским языком праязыка — праиндоевропейского.

Ключевые слова: наименования предметов гардероба, этимологический анализ, семантические параллели, способы словообразования, структурно-семантический анализ, гибридные образования.

Наименования предметов гардероба носят лингвоспецифичный характер и отражают особенности взаимодействия

носителей этнокультуры с представителями других народов в ходе исторического развития и становления этнической общности и её языка.

Поскольку изучающие осетинский язык испытывают недостаток в лексикографических, в том числе терминологических, источниках, исследование лексики, используемой для обозначения предметов одежды в современном осетинском языке, представляется достаточно актуальным.

В исследовании проводится изучение лексики выбранного ряда с точки зрения мотивированности, рекуррентности и происхождения. Анализ эмпирического материала базируется на данных этимологических словарей осетинского и английского языков.

Когнитивный анализ лексико-семантической группы наименований предметов гардероба позволяет выделить и осмыслить их когнитивные признаки. Межъязыковое сопоставление способствует выявлению сходств и различий в процессах концептуализации схожих фрагментов мира в различных лингвокультурах.

Представители различных лингвокультур на протяжении всей истории по-особому относились к предметам одежды, придавая ей особую значимость, храня её из поколения в поколение и представляя её в качестве атрибута этнической самоидентификации [Рабинович 1988: 127].

Наименования предметов гардероба современных осетин образованы на основе исконно осетинской и заимствованной лексики, функционирующей согласно правилам осетинской грамматики, фонетики, и имеют древние индоевропейские или индоиранские этимологии. Некоторый пласт специальной лексики имеет более позднее происхождение, что является результатом влияния исторического соседства носителей языка с другими народами.

Хронология заимствования искомой лексики в осетинский язык отражает географию её распространения. Согласно исследованиям, наиболее ранняя лексическая единица, служащая для наименования одежды в осетинском языке — существительное *нысул* *rusul* — ед. ч. ‘тряпка’, мн. ч. *нысултæ* ‘одежда, платье’ то же, что *ныскъуыл* *rusk’ul* ‘тряпка’ имеет тюркское происхождение и заимствовано в осетинский язык предположительно из карачаевского языка в начале XX века, учитывая, что литературный карачаевский язык сформировался в 1917 г. [Абаев 1973: 246]. Немногим позже появилось осетинское слово *къаба* ‘платье женское’ в иранском языке *караһ* ‘плащ’; *каппа* ‘сбруя’, восходя к и.е. *кар* ‘обхватывать’ [Абаев 1958: 615].

Слово *дарæс* ‘одежда, платье’ (досл. ‘носимая или носильная одежда’) от *dar-* (*dar-un* ‘держатъ, носить’); *-æс* от *wæst* ‘одетый, одежда’ из *vasta* (др. инд. *vas*, др. иран. *vah-* ‘одевать’)) → *dar-* + *wæst* > *daræс* (выпадение *w* после согласного и утрата конечного *-t*) имеет значение множественности, являясь денотативно тождественным лексеме *нысул-тæ* ‘предметы одежды’ (мн. ч. от *нысул*) [Абаев 1958: 344].

Слово *дæллаггуыр* ‘юбка’ (досл. ‘платье для нижней части туловища’): образовано сложением *dællag* ‘нижний’ от иранского *adari* с закономерным чередованием *r*→*l* перед *i* [Абаев 1958: 352] и *guræ* ‘туловище’ → *dællagguræ*. Слово предположительно вошло в употребление в осетинском обществе примерно одновременно с *дарæс* ‘одежда, платье’.

Слово *хæлаф* ‘штаны’ исследователи сопоставляют с цыганским *xolluf* ‘штаны’, *xallova* ‘чулки’ от древнеиндийского *kalapa* ‘колчан, пояс, украшение, павлиний хвост’ [Pott 1964: 169]. Первое упоминание о слове встречается в языковедческой литературе в 1823 г. [Klaproth 1823: 92]. Рефлексы данной лексемы в разных языках зависят от характера и источ-

ника заимствования. В обоих языках когнаты опознаваемы, обладают семантическим изоморфизмом.

Название головного убора *худ* ‘шапка, папаха’ (иран. *xauda*, ср. перс. *hoi*, *hod* ‘шлем’, др. перс. *xauda*), согласно точке зрения В. И. Абаева, первоначально зафиксировано в древнеперсидском языке [Абаев 1989: 244] и может быть когнатом существительному *hood* ‘покрытие, покров’, используемому для обозначения предметов, похожих на капюшоны, или частей животных с XVII в. В древнеанглийском *hod* ‘капюшон, мягкое покрытие для головы’ впервые зафиксировано в древнесаксонском, возможно, от индоевропейского *kadh-* ‘покрывать’ [<https://www.etymonline.com/search?q=hood>]. Нет достоверных сведений о первоисточнике ни в одном случае.

Слово *хадон* ‘рубаша’ заимствовано из греческого *хитон* ‘натальная одежда преимущественно из льняной ткани’ предположительно в скифо-сарматское время от греческих колонистов Северного Причерноморья [Абаев 1989: 157].

Собирательное наименование предметов гардероба *дзума* ‘вещи, орудия, утварь, одежда’ от перс. *jama* ‘платье одежда’; перс. *jamadan* → ос. *zamadon* ‘вместилище одежды’ → русск. *чемодан* представляет собой многозначное слово [Абаев 1958: 390].

Среди англоязычных лексем, обозначающих предметы одежды, в данном исследовании рассматриваются мотивированные слова, соответствующие генерализованному понятию ‘одежда, предмет гардероба’, а также некоторые наименования, обладающие изоморфными семантическими характеристиками с лексикой выбранного семантического ряда в осетинском языке.

Лексема *clothes* ‘одежда, одеяние’ в др. англ. — *clad̄as* (мн. ч. от *clad̄* ‘ткань’), в XIX в. — форма мн. ч. *cloths*, с 1846 г. — *clothespin* ‘прищепка для белья’; *clothing* ‘одежда, платье, спе-

одежда, костюм, наряд' — с 1200 г. [<http://www.вокабула.рф/словари/ааэс/clothes>]. Лексема *clothes* мотивирована названием ткани, которая служила для изготовления предметов одежды *cloth* и обладает значением множественного числа как морфологически, так и семантически.

Существительное *attire* 'снаряжение вооруженного человека; одяние, платье, одежда' (1300 г.) предположительно произошло путем субстантивации от глагола *attire* → *atiren* 'одевать, снаряжать; одеваться в наряд, украшать', → ст. фр. *atirer*, ранее *atirier* 'снаряжать, готовить' от *a-* 'к, в' (*ad-*) + *tire* 'порядок, ряд, платье' [<https://www.etymonline.com/search?q=attire>].

Существительное *dress* 'одежда или совокупность предметов одежды' (XVII в.), первоначально 'любая одежда, особенно подходящая для ранга или какой-либо церемонии'; специфический смысл 'женской одежды, состоящей из юбки и талии', зафиксирован в 1630-х годах, с подтекстом 'сделано не только для одежды, но и для украшения' [https://www.etymonline.com/word/dress-up#etymonline_v_54116].

Существительное *garment* 'предмет одежды' (XV в.) в значении 'любой предмет одежды', уменьшенная форма украшения (начало XIV в.), от ст. фр. *garnement* 'одежда, одяние' (XII в.) [<https://www.etymonline.com/search?q=garment+>].

Существительное *outfit* 'акт оснащения (корабля и т.д.) для экспедиции' от *out-* и *fit* (1787 г.), в значении 'предметы и оборудования, необходимые для экспедиции' в американском английском (XVIII в.), с XIX в. — в значении 'одежда человека' [<https://www.etymonline.com/search?q=outfit>].

Следует отметить, что существительное *vest* начало использоваться в XVII в. для детерминации таких значений, как 'свободная верхняя одежда' от индоевропейского *wes-* 'одевать', расширенная форма корня *eu-* 'одеваться' [<https://www.etymonline.com/search?q=vest>].

Выводы

Таким образом, обозначения основных предметов одежды в осетинском языке уходят корнями в глубокую древность и имеют древние индоевропейские или индоиранские этимологии или имеют тюркское, греческое или южнокавказское происхождение.

Исходя из того, что первые письменные памятники о современном осетинском языке датируются концом XVIII в., когда возникла необходимость обучать учащихся церковных школ, то определить период введения лексемы *дарæс* в активное употребление проблематично.

В. И. Абаев не исключает, что осетинское *худ* и лексема *hood* могут происходить от одного этимона.

Приведённые в материале иранские этимологии позволяют сделать вывод о том, что эти предметы одежды существовали уже в скифские времена и использовались в составе наименований предметов гардероба представителей скифских племен. Тюркское влияние выразилось в названии *pysul*, выступающем одним из наиболее рекуррентных, наиболее нейтральных вербальных средств обозначения одежды в современном осетинском языке.

Арабо-персидские этимологии выступают в таких словах, как *zawta*, *zawtaw* и *k'aba*, обозначающих 'платье, одежда' и 'платье женское' соответственно. Последнее, по мнению Bailey, имеет древнюю индоевропейскую этимологию.

Примечательно, что одно из слов выборки *хæлаф*, согласно исследованиям, выступает общим достоянием осетинского, цыганского и славянских языков. Таким образом, пространственно-временные рамки введения слова в обиход проследить не представляется возможным.

Список литературы:

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Северо-осетинское книжное издательство, 1959. 168 с. [Abaev, V. I. 1959. *Grammaticheskij ocherk osetinskogo jazyka* (*Grammatical review of Ossetian language*). Ordzhonikidze: Severo-osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo.]
2. Рабинович М. Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. 350 с. [Rabinovich, M. G. 1988. *Ocherki material'noj kul'tury russkogo feodal'nogo goroda* (*Review of material culture of Russian feudal city*). Moscow.]
3. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Изд-во "Наука", 1958. Т. I. А-К. 654 с.; 1973. Т. II. L-R. 450 с.; 1979. Т. III. S-T. 360 с.; 1989. Т. IV. U-Z. 327 с. [Abaev, Vassily. I. 1958. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' osetinskogo jazyka* (*Historical-etymological dictionary of Ossetian language*)]. Leningrad: Nauka.]
4. Английский этимологический словарь. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/ааэс/clothes> (дата обращения: 22.09.2023). [*Anglijskij jetimologicheskij slovar'* (*Etymological dictionary of the English language*)]. [Online] Available from: <http://www.вокабула.рф/словари/ааэс/clothes> (Accessed: 22.09.2023).]
5. Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q> (Accessed: 08.09.2023).
6. Klaproth, J. H.: *Asia Polyglotta*. 1823. 152 s.
7. Pott, A. F. *Die Zigeuner in Europa und Asien; ethnographischlinguistische Untersuchung, vornehmlich ihrer Herkunft und Sprache*. Edition Leipzig. 1964. 585 s.

Сведения об авторе:

Джиоева Варвилина Павловна, к. филол. н., доцент, Юго-Осетинский государственный университет
им. А. А. Тибилова, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия;
email: jio.varvilina@mail.ru

NAMES OF ITEMS OF CLOTHING AS A MARKER OF ETHNOLINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Varvilina P. Dzhioeva

Candidate of Philology, Associate Professor, South Ossetia State
University, Tskhinval, Republic of South Ossetia;
email: jio.varvilina@mail.ru

Abstract

The present paper deals with the analysis of the origin and peculiarities of formation of the names of clothes in modern Ossetian language. The paper considers identification of some mechanisms of formation of the lexis of the semantic group under study in English. The investigation is performed with the material of distantly related languages — Ossetian and English. The methods used are: etymological, comparative, structural-semantic and dictionary definitions analysis. The material comprises words, formed mostly by compounding and affixation. The remarkable trait of the lexis is presence of hybrid lexical units built by semantic derivation. Semantic parallels are revealed with the help of Russian language. The lexis of the target semantic group partly originates from the parent language for both Ossetian and English — proto-Indo-European.

Keywords: names of items of clothing, etymological analysis, semantic parallels, ways of word-building, structural-semantic analysis, hybrid lexical units.

Парадигмы обучения межкультурной коммуникации: новые акценты

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 37.018.1

К. С. Лелюшкина

Аннотация

Актуальность статьи определяется новыми тенденциями в образовании, обусловленными вызовами времени. В современных условиях существует объективная необходимость дальнейшей разработки теоретических и методических аспектов обучения студентов иноязычному общению в поликультурном образовательном пространстве. Целью настоящего исследования является утверждение новой парадигмы обучения иноязычной межкультурной коммуникации. Автор фокусирует внимание на приоритетном осмыслении ценностей собственной лингвокультуры как объекта обучения в иноязычном образовании. Концептуально важное внимание уделяется содержанию обучения, которое включает лингвистический материал и речевые средства, предметное содержание, корпус разноплановых текстов. Описываются приёмы и способы обучения. В соответствии с содержанием обучения предложены образцы творческих заданий, а также методические комментарии. Анализируя теорию и исследуя педагогический опыт и существующие практики, мы выявляем перспективу реализации парадигмы обучения иноязычной коммуникации в учебной работе со студентами различных направлений подготовки и оптимизации языкового образования в современном социально-экономическом контексте.

Ключевые слова: иноязычное общение, содержание обучения, ценности культуры.

Основная миссия образования на каждом историческом этапе менялась в зависимости от изменений системы социальных ценностей. Динамика экономико-политических процессов сегодня диктует необходимость перехода к иным парадигмам иноязычной подготовки. В современных условиях аннигиляции отечественной культуры и настойчивых попыток отменить российское искусство главной задачей языкового образования становится культурно-просветительская деятельность. Цель исследования заключается в актуализации и внедрении новой парадигмы обучения межкультурной коммуникации, в основу которой заложена концептуальная идея приоритетного переосмысления значимости собственной лингвокультуры в образовательном пространстве. Классическая парадигма обучения межкультурной коммуникации сопряжена с изучением фактологического материала, ментальных пространств, познанием иной культуры [Шимчев 2016]. В настоящее время при формировании позитивных познавательных, оценочных, эмоциональных отношений учащихся к иным культурам ведущим принципом становится восприятие иноязычной культуры через призму родной, что предполагает актуализацию отечественных культурных феноменов. Утверждение такой парадигмы промотирует решение ряда теоретических и практических задач: “пересмотр актуальных педагогических позиций в аксиологическом аспекте” [Лелюшкина 2023: 112] в контексте единства процессов обучения и воспитания; повышение поликультурной компетентности преподавателя; актуализация содержания обучения; оптимизация приёмов и способов, организационных форм обучения.

Культурная ориентация проявляется в целях: обучение иноязычной культуре, соизучение языка и культуры, обучение иностранному языку на основе сопоставления иноязыч-

ной и родной культур, овладение языковой картиной мира, формирование социокультурной компетенции. Однако в настоящий момент как никогда возрастает потребность “акцентирования внимания на роли традиционных национальных ценностей в образовательной сфере” [Яценко 2022: 207]. Аксиологический аспект не должен оставаться на периферии методики преподавания иностранного языка. При инкорпорации иноязычной культуры принципиально важно фокусировать внимание на собственной самобытности и системе ценностей. Речь идёт о формировании вторичного лингвокультурного фона на основе обращения к своему культурно-историческому наследию. В этой связи увеличивается роль поликультурной компетентности преподавателя, что предполагает вариативность используемых форм и способов реализации актуализированного содержания обучения.

Культура вводится как объект обучения иностранному языку и рассматривается как основное содержание обучения наряду с языком. Включение в содержание обучения аутентичных текстов, отрывков из классических произведений с их ментальным пространством, культурных концептов является стратегически оправданным и методически эффективным. Согласно концепции нами обосновывается актуальность включения в содержание обучения идейно-познавательного потенциала отечественной литературы, принадлежащей к классическому культурному фонду, текстов, отражающих квинтэссенцию собственной лингвокультуры. В рамках исследования текст используется в качестве ориентировочной основы как речевой стимул. Важное назначение текста состоит в том, что он содержит предмет говорения, задаёт коммуникативную целенаправленность и мотивирует активную ответную реакцию. На первый план выходит вторичная информативность текста, субъективная часть

коммуникативно-познавательного потенциала [Карих 2005], которая отражает единый комплекс смыслового и идейного содержания, когнитивной и воспитательной ценности текста, его коммуникативной значимости. Нами выделяются два основных типа коммуникативных задач: сообщение информации и побуждение обучающихся к продуктивным речевым действиям.

В рамках исследования промотируется проведение историко-литературоведческих параллелей. На практике реализуется генеральная идея изучения иноязычной лингвокультуры на основе приобретения и фундирования знания собственной культуры. Например: *‘Расстались мы; но твой портрет Я на груди моей храню: Как бледный призрак лучших лет, Он душу радует мою. И новым преданный страстям, Я разлюбить его не мог: Так храм оставленный — всё храм, Кумир поверженный — всё бог!’* (М.Ю. Лермонтов. Расстались мы...). *‘We parted; but your portrait I keep on my chest: Like a pale ghost of better years, He brings joy to my soul. And devoted to new passions, I couldn’t stop loving him: So an abandoned temple is still a temple, A defeated idol is still God!’* (Дж. Байрон. Когда мы расстались...).

Фоновые знания, концептуальные структуры, культурные феномены [Пименова 2019] также важны при наполнении содержания обучения для исследования и сравнения, мотивации устно-речевого общения. Например: *‘Many works of Russian art came to the Tretyakov Gallery from former private collections. The National Gallery of Art was created in Washington D. C. in 1937. It started with the gift of the financier and art collector’.*

При разработке основного компонента содержания обучения, а именно предметного плана, обосновывается эффективность принципа ситуативности, альтернативного традиционной конкретизации содержания обучения иностранно-

му языку через темы. Ситуации предполагают идею, концепт или экстралингвистическую информацию в виде внутренних побуждений и обстоятельств лингвистического и экстралингвистического плана, реально существующих и провоцирующих спонтанную беседу. Различные формы речевой активности позволяют повысить “степень интерактивности традиционной работы” [Соловова 2013: 69]. В ракурсе культурно-просветительской деятельности и сравнительно-сопоставительного анализа лингвокультур нами разработан комплекс приёмов обучения и творческих заданий. Например: *‘Предложите репродукции иностранных и отечественных художников, представленных в Третьяковской галерее. Подготовьте комментарии!’*. *‘Прорекламируйте в группе маршрут будущего путешествия и посещения объектов культуры. Выступите с сообщениями о выбранных городах стран изучаемого языка, значимых российских центрах, а так же своих родных городах!’*. “Роль преподавателя заключается в организации форм общения и внешней стороны интерактивности, а также заострении выявленной проблемы, то есть актуализации проблемы, неоднозначности её решения, и обращении к субъектному опыту учащихся” [Лелюшкина 2009: 118]. Например: *‘После просмотра художественного фильма ‘Великий Гэтсби’ по одноименному произведению Ф. С. Фицджеральда сравните роль и значимость ‘зеленого огонька’ у американского писателя и русского драматурга и классика мировой литературы А. П. Чехова. Что в Вашей жизни является ‘зеленым огоньком’, мотивирующим фактором?’*

Целесообразные групповые проекты для интернациональных команд способствуют благоприятной психологической атмосфере межкультурной коммуникации. Вне аудитории так же формируется пространство образовательной и социокультурной деятельности. В поликультурной вузов-

ской среде оптимально реализуются разнообразные виды коллективной учебной и внеучебной работы, например, лингвострановедческие викторины, конкурсы и т.д. В контексте межкультурного подхода адекватные формы организации обеспечивают взаимонаправленную социокультурную адаптацию студентов и мотивированное общение.

Представленный комплекс упражнений и коммуникативных заданий ориентирован на интеллектуализацию образовательного процесса, эффективное обучение содержательно-смысловому синтезу. Необходима активная ответственная позиция обучающегося, мобилизация всех его способностей, опыта эмоциональных переживаний, ассоциаций, образных представлений. Интерпретация на уровне концептов и корректная формулировка речевого стимула предполагают обязательную коммуникацию студентов. ***В ходе творческого мыслительного процесса создаются условия для привлечения нужных знаний и понятий, обогащения субъектного опыта, то есть апеллирования к системе ценностей иноязычной и русской культуры и личности обучающегося.***

Такая парадигма обучения позволяет реализовать иноязычную подготовку специалиста, способного участвовать в равностатусном международном взаимодействии и достойно представлять свою лингвокультуру. Практическая значимость исследования видится в эффективном применении теоретически и методически обоснованной, экспериментально апробированной стратегии обучения студентов личностно-ориентированному, социально-культурному, академическому, профессиональному общению в мультилингвальном контексте. Экспериментальные данные подтверждают значительный коэффициент повышения уровня мотивированности студентов, сформированности умений

иноязычной межкультурной коммуникации, информированности в области иноязычной и отечественной самобытной культуры.

Список литературы:

1. Карих Т.В. Коммуникативно-познавательная модель овладения технологией текстовой деятельности. Учебник. М.: Тезаурус, 2005. 115 с. [Karih, Tatyana V. 2005. *Kommunikativno poznavatel'naya model ovladeniya tehnologii tekstovoi deyatel'nosti (The Communicative-Cognitive Model of Realization of Text Activity Technology)*. Textbook. M: Tesaurus Publ.]
2. Лелюшкина К.С. Концептуальные положения и технология обучения иноязычному личностно-ориентированному общению. Томск: Изд-во ТПУ, 2009. 137 с. [Lelyushkina, Kira S. 2009. *Konceptualnie polozeniya i tehnologiya obucheniya inoyazichnomu lichnostno_orientirovannomu obscheniyu (Conceptual Aspects and Technology of Foreign Language Communication Teaching)*. Tomsk: TPU Publ.]
3. Лелюшкина К.С. Моделирование языкового образования в поликультурной вузовской среде // Профессиональное образование в современном мире. 2023. Т.13. № 1. 111–116. [Lelyushkina, Kira S. 2023. *Modelirovanie yazykovogo obrazovaniya v polikulturalnoi vuzovskoi srede (Modelling the Language Education at Multicultural University)*. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire (Professional Education in the Modern World)* 13 (1), 111–116.]
4. Пименова М.В. Языковая картина мира. М.: Флинта, 2019. 106 с. [Pimenova, Marina V. 2019. *Yazykovaya kartina mira (Language Picture of the World)*. Moscow: Flinta Publ.]
5. Соловова Е.Н. Перспективные направления развития вузовской методики преподавания иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 67–71. [Solovova, Elena N. 2013. *Perspektivnie napravleniya razvitiya vuzovskoi metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* // *Vestnik MGIMO*. 2013. № 6 (33). С. 67–71.]

- ya inostrannih yazikov (Promising Directions in Foreign Language Teaching at Tertiary Level). *Vestnik MGIMO (MGIMO Review of International Relations)* 33 (6), 67–71.]
6. Шимчев А.С. Формирование грамматической компетенции студентов по направлению подготовки Лингвистика: Межкультурный подход: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Н. Новгород, 2016. 23 с. [Shimchev, Andrey S. 2016. *Formirovanie grammaticheskoi kompetencii studentov po napravleniyu podgotovki Lingvistika: Mejkulturnii podhod (The Formation of Grammatical Competence of Students/ Linguistics Direction: Intercultural Approach)*. Abstract of Ped. Cand. Diss. N. Novgorod.]
 7. Яценко М.П. Опора на традиционные ценности в образовательной сфере как залог субъектности России // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 2. 203–210. [Yacenko, Mihail P. 2022. Opora na tradicionnii cennosti v obrazovatelnoi sfere kak zalog subektnosti Rossii (Reliance on traditional values in the educational sphere as a guarantee of the subjectness of Russia). *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire (Professional Education in the Modern World)* 12 (2), 203–210.]

Сведения об авторе:

Лелюшкина Кира Сергеевна, к. пед. н., доцент,
Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Томск, Россия;
email: l_kira73@mail.ru

PARADIGMS OF TEACHING INTERCULTURAL COMMUNICATION: NEW ACCENTS

Kira S. Lelushkina

Candidate of Pedagogics, Associate Professor, National Research
Tomsk State University, Tomsk, Russia; email: l_kira73@mail.ru

Abstract

Subject of the article is actual associated with new educational trends and challenges. The importance of the problem demands the necessity of further theoretical and practical aspects development in multicultural education. The research is aimed at paradigms statement. The priority of linguacultural values meaning in foreign language education has been emphasized. The content and methods of foreign language communication teaching are of vital significance. The content of teaching includes classic and new components, linguistic material, texts. The model involves creative tasks. Analyzing theory and pedagogical practices we reveal perspectives of paradigms realization and optimization of language education at multicultural university. Research results can be used in the framework of building learning process in the context of different directions.

Keywords: foreign language communication, the content of education, cultural values.

Когнитивные аспекты связи перцептивной и эмоциональной сфер в русской языковой картине мира

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.161.1

А.Л. Лось

Аннотация

В статье исследуется репрезентация взаимодействия перцептивной и эмоциональной сфер в русском языке. Цель работы — выявление когнитивных областей и точек пересечения перцептивной и эмоциональной сфер на основе анализа сочетаемости слов, описывающих наименования репрезентантов эмоций, с перцептивными признаками. Для выявления когнитивных областей и точек пересечения перцептивной и эмоциональной сфер изучалась выборка контекстов из Национального корпуса русского языка, описывающих наименования репрезентантов эмоций *душа, сердце, ум, мысли, воспоминания, характер, смех, голос, тон, взгляд, улыбка, шутка, глаза, чувства, эмоции, страх, любовь, ненависть, злоба* и других перцептивных признаков. Установлено, что в основе синестетического переноса лежит когнитивный механизм, регулирующий связи между разными типами восприятия и эмоциональной сферой. Показаны разные по наполненности и наличию асимметричных / симметричных высказываний в положительной и отрицательной зонах оценки когнитивные области пересечения перцептивной и эмоциональной сферы в русском языке. Самая обширная когнитивная область пересечения — тактильная, далее по наполненности идет зрительная, менее обширная — вкусовая / ольфакторная область и самая узкая область пересечения — слуховая.

Ключевые слова: когнитивный механизм, перцепция, эмоциональная сфера, синестезия, асимметрия.

Взаимодействие перцептивной и эмоциональной сфер в разных языках реализуется в метафорическом переносе качества, связанного с одним из органов чувств, на обозначение эмоций, переживаний или их репрезентантов. Ряд учёных называет такой перенос вторичной синестезией (см. [Воронин 2006; Свистова 2010]), в отличие от собственно синестезии, которая отвечает за репрезентацию взаимодействия разных сфер восприятия, при котором “слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств [Ульман 1970], например, *шелковый голос, кричащие краски, пустой взгляд*.

Накопленный опыт в изучении языковой репрезентации синестезии позволяет не только описать этот познавательный процесс, но и выявить закономерности, лежащие в его основе. При этом когнитивные механизмы, регулирующие синестетические образования, остаются недостаточно изученным и требуют дальнейшего осмысления.

О том, что синестезия представляет собой когнитивный процесс, который по функции сходен с любым другим мыслительным процессом, отмечается в работе Л. П. Прокофьевой. Автор считает, что синестезия “не просто отражает природное соединение одной системы восприятия с другой, но может быть посредником и / или воздействовать в качестве символического / понятийного уровня репрезентации” [Прокофьева 2010: 7]. Когнитивный синестетический механизм действует подобно тому, как явления из идеальной сферы описываются материальными признаками: *взять идею, поставить вопрос, мысль вылетела из головы* и др.

Говоря о слиянии перцептивной и эмоциональной сфер, необходимо отметить, что в ряде случаев можно говорить об образовании когнитивной области пересечения (когда имеется много сочетаний, в которых репрезентанты эмоциональной сферы описываются с помощью признаков, характерных для одного из типов восприятия), а в некоторых случаях создается только когнитивная точка пересечения (когда встречаются одиночные сочетания, описывающие эмоциональную сферу перцептивными признаками).

Репрезентантами эмоциональной сферы в русском языке, наряду с другими, являются *душа, сердце, ум, мысли, воспоминания, характер, смех, голос, тон, взгляд, улыбка, шутка, глаза, чувства, эмоции, страх, любовь, ненависть, злоба* и др. Для поиска и уточнения использования перцептивных номинантов для описания этих слов использовался Национальный корпус русского языка [<http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> 05.05.2023]. В рамках настоящего исследования проводился поиск нормированных общеупотребительных выражений, которые закреплены в речи, то есть уже осмыслены и когнитивно обобщены.

Самая большая группа сочетаний слов, описывающих или так или иначе связанных с проявлением эмоций, включает тактильные перцептивные признаки:

твёрдый характер / взгляд / голос / тон; жёсткий характер / голос / тон; жёсткий человек / конфликт / выяснение отношений; жёсткое сердце; мягкий характер / человек / взгляд; сухой человек / голос / тон; сухие слова; ровный характер / голос / отношения;

бархатный шёлковый голос; металлические нотки в голосе / голос / смех; тонкий голос / ум; тонюсенький голосок; колючий голос; колючие глаза / взгляд / слова; острый ум / слово / шутка; гладкая речь (гладко говорить / сочинять / петь); плоская шут-

ка; крепкие чувства / нервы; острый ум / взгляд / шутка / слово; влажные / колючие / пустые / холодные глаза глубокие чувства / отчаянье / взгляд / мысль / разочарование / ненависть; бездонные глаза / взгляд; мелкие стремления; пустой взгляд / глаза; холодный взгляд / глаза / улыбка (холодно улыбнуться);

При этом в ряде случаев выражения с тактильными перцептивными признаками, описывающие эмоциональную сферу, асимметричны: *сухой человек — *мокрый человек* (здесь и далее неправильные высказывания будут отмечены знаком “*”); *ровный характер / голос / отношения — ? неровный (*выпуклый) характер / голос / отношения; жёсткий конфликт / выяснение отношений — *мягкий конфликт / выяснение отношений; глубокие чувства / отчаянье / взгляд / мысль — мелкие чувства / отчаянье / взгляд / мысль; холодный взгляд / глаза / улыбка — *горячий (?тёплый) взгляд / глаза / улыбка.*

Есть и симметричные примеры: *твёрдый характер / взгляд / голос / тон — мягкий характер / взгляд / голос / тон; жёсткий человек / характер / голос / тон — мягкий человек / характер / голос / тон: жёсткое сердце — мягкое сердце; крепкие нервы — слабые нервы.*

Репрезентантам эмоциональной сферы приписываются также и визуальные качества:

ясная душа / человек / мысль / улыбка / глаза / взгляд / смех / ум; ясный голос (в этом примере лексема *ясный* также описывает и аудиальное качество); *тусклая улыбка / взгляд / глаза / голос; потухшие / бесцветные / блёклые глаза; бесцветная улыбка; яркая мысль / человек / улыбка / глаза / ум / голос / смех / характер / чувства / эмоции ; сияющие глаза / улыбка / взгляд / лицо; ослепительная улыбка; блистательный ум; блестящая идея; бледная / туманная улыбка: бледный голос; светлая душа / человек / мысль / улыбка / глаза / взгляд / смех / ум / любовь / чувства / стремления / помыслы; светлый журчащий голосок;*

чёрная ненависть / злоба / зависть; мрачный человек / мысли / улыбка / взгляд / глаза / смех / предчувствие; чистая душа / помыслы; грязная душонка.

Качества *грязный* и *чистый* относятся как к визуальной, так и тактильной сфере восприятия. Имеются также примеры участия цветовых качеств в описании индивида, помимо оттеночных прилагательных *бледный, яркий, блёклый, светлый*, употребляемые в разговорном стиле: *мне это как-то фиолетово (всё-равно, неинтересно, не волнует)*; *он — серость непроглядная (не оригинальный, банальный, слишком простой)*; *ну ты и темнота (совершенно не сведущий)!*

При присвоении репрезентантам эмоциональной сферы визуальных качеств в большинстве случаев наблюдается асимметрия положительной и отрицательной зон оценки: *ясная душа / человек / мысль / ум — *тусклая душа / человек / мысль / ум; светлая душа / человек / мысль / улыбка / глаза / взгляд / смех / ум / любовь / чувства / стремления / помыслы — *тёмная душа / человек / мысль / улыбка / глаза / взгляд / смех / ум / любовь / чувства / стремления / помыслы*. В отдельных случаях встречаются симметричные высказывания: *ясная улыбка / глаза / взгляд — тусклая улыбка / глаза / взгляд*.

Следующими по представленности качеств, которые могут присваиваться репрезентантам эмоциональной сферы, являются вкусовая и ольфакторная перцепции:

кислое настроение / мысли / улыбка (кисло улыбнуться) / смех / лицо; горькие мысли / смех / плач / улыбка (горько улыбнуться) / разочарование / слова / правда; сладкие мысли / мечты; сладкая женщина; слащавая улыбка; сладко улыбаться (во сне); сладко петь / говорить; жгучий стыд; постное лицо / улыбка.

Показательны также примеры описания индивида с помощью вкусовых качеств: *Ты мой сладкий / сладенький! / Медовенькая моя! (устар.)*.

Вкусовое качество *сладкий* при описании репрезентантов эмоциональной сферы имеет положительную оценку, за исключением выражения *слащавая улыбка*. Качество *кислый* приобретает дополнительное фигуративное значение ‘унылый / тоскливый / недовольный’: *Как-то сегодня кисло все / Какой-то ты кислый / Что вы скисли сегодня! / Он совсем раскис*.

Примеры описания эмоциональной сферы аудиальными качествами единичны: *тихий / громкий / шумный человек; тихий / спокойный нрав; тихая грусть / тихий ужас*. Тем не менее, с помощью аудиальных качеств можно описать непосредственные эмоции *грусть* и *ужас*, что не встретилось у зрительных, вкусовых и ольфакторных качеств, с помощью которых в русском языке могут быть описаны только репрезентанты эмоциональной сферы.

Таким образом, выявлены разные по наполненности и наличию симметричных высказываний в положительной и отрицательной зонах оценки когнитивные области пересечения перцептивной и эмоциональной сферы в русском языке. Самая обширная когнитивная область пересечения — тактильная, далее по наполненности идёт зрительная, менее обширная — вкусовая / ольфакторная область и очень узкая область пересечения — слуховая.

В качестве перспективы исследования предлагается изучить репрезентацию синестетических характеристик перцептивной и эмоциональных сфер в других языках. Сопоставительное исследование поможет выявить культурно-специфические особенности и универсальные представления связи перцептивной и эмоциональной сфер в разных языках.

Список литературы:

1. Воронин С.В. Синестезия и звукосимволизм. Психолингвистические проблемы семантики. М.: КДУ, 2006. 184 с. [Voronin,

- Stanislav V. 2006. *Sinesteziya i zvukosimvolizm (Psikholingvistiicheskiye problemy semantiki (Synesthesia and sound symbolism Psycholinguistic problems of semantics))*. Moscow: University Book House Publ.]
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения 05.05.2023) [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. (The Russian National Corpus).] [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>. (Accessed: 05.05.2023).
 3. Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. / Сер. Филология / Журналистика. 2010. № 1. С. 3–10. [Prokof'yeva, Larisa P. 2010. Sinesteziya v sovremennoy nauchnoy paradigme (Synesthesia in the modern scientific paradigm). *News of Saratov University. New Series. Philology / Journalism*. #1. 3–10.]
 4. Свистова А.К. Вторичная синестезия как один из способов развития полисемии (на материале русской поэзии XX–XXI веков) / Вестник Челябинского государственного университета. № 34 (215). 2010. С. 113–116. [Svistova, Anna K. 2010. Vtorichnaya sinesteziya kak odin iz sposobov razvitiya polisemii (na materiale russkoy poezii XX–XXI vekov) (Secondary synesthesia as one of the ways of polysemy development (based on the Russian poetry of the XX–XXI centuries)). *Chelyabinsk State University Bulletin Publ.* # 34 (215). 113–116.]
 5. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. 1970. Вып. 5. С. 250–299. [Ul'man, S. 1970. Semanticheskiye universalii (Semantic universals). *New in linguistics*. V. 5. 250–299.]

Сведения об авторе

Лось Александра Львовна, к. филол. н., доцент,
Национальный исследовательский университет МИЭТ,
Москва, Россия, email: al_los24@mail.ru

**COGNITIVE ASPECTS OF THE CONNECTION
OF THE PERCEPTUAL AND EMOTIONAL SPHERES
IN THE RUSSIAN LANGUAGE WORLD PICTURE**

Alexandra L. Los'

Candidate of Philology, Associate Professor, National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia, email: al_los24@mail.ru

Abstract

The article considers the representation of the interaction of perceptual and emotional spheres in the Russian language. The aim of the work is to identify intercepting cognitive areas and points of perceptual and emotional spheres based on the analysis of the compatibility of words describing the names of emotion representatives with perceptual features. To identify cognitive areas and points of intersection of perceptual and emotional spheres, a sample of contexts from the National Corpus of the Russian language, describing the names of representatives of emotions: *soul, heart, mind, thoughts, memories, character, laughter, voice, tone, look, smile, joke, eyes, feelings, emotions, fear, love, hate, malice* and others by means of perceptual features was studied. It was stated that synesthetic transference is based on a cognitive mechanism that regulates the relations between different types of perception and the emotional sphere. The study showed that the cognitive areas of intersection of perceptual and emotional spheres in the Russian language are different in terms of fullness and the presence of asymmetric / symmetrical utterances in the positive and negative evaluation zones. The most extensive cognitive area of intersection is tactile, followed by visual area, less extensive is gustatory / olfactory area and the narrowest area of intersection is auditory.

Keywords: cognitive mechanism, perception, emotional sphere, synesthesia, asymmetry.

Концепт ДРУГ в отражении фразеологизмов как компонент русской и английской картины мира

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

А. И. Лызлов

Аннотация

Статья посвящена изучению концепта ДРУГ в английских и русских фразеологизмах. В работе анализируется оценочная составляющая когнитивных моделей исследуемых единиц. В работе представлены данные об объективации исследуемых единиц в текстах художественной и публицистической литературы. В работе использован когнитивный, дискурсный, сопоставительный анализ. Материалом исследования послужили данные, взятые из англоязычных и русскоязычных словарей, фразеологизмы, а также корпусные источники. Представленные в статье материалы позволяют объективно оценить аксиологический потенциал концепта ДРУЖБА. Исследование велось в рамках двух направлений: фразеологизмы изучались вначале как единицы языка путём анализа современных словарей, а затем они стали основой анализа современных литературных источников с целью поиска активно действующих фразеологизмов в русском и английском языке; и фразеологизмов, которые по ряду причин не используются современными и классическими авторам.

Ключевые слова: фразеологизм, оценка, модель, дискурс.

В статье рассматриваются механизмы реализации концепта ДРУГ в английском и русском языке. Данный концепт объективируется во фразеологизмах (далее — ФЕ), механизмы его реализации исследуются на примере текстов художе-

ственной и публицистической литературы, взятых из корпусных источников.

Концепт, рождаясь как абстрактный феномен и пройдя обработку в сознании, наделяется способностью отражать в языке конкретные структурированные явления [Croft and Cruise 2004: 48]. Концепты отражают базовые элементы картины мира, она начинает осознаваться как отдельным человеком, так и языковыми сообществами как набор ценностей. [Карасик 2021; Тер-Минасова 2020; Телия 1999: 13].

Аксиологический потенциал ФЕ отмечен в современных работах [Бредис, Ломакина, 2020]. Не меньший интерес наблюдается к вопросу изучения семантики и синтаксиса ФЕ [Dobrovolski 2023; Podoliuc 2021; Козеренко и Крейдлин 2021].

Когнитивные модели дискретны, их значения разложимы на простые поддающиеся анализу элементы, анализ моделей позволяет определить аксиологический потенциал ФЕ [Карасик 2021; Langlotz 2006; Kövecses 2006: 8].

На первом этапе работы концепт ДРУГ исследуется в рамках реализации значений ФЕ, так концепт исследуется на базе ФЕ с применением метода когнитивного моделирования. На втором этапе ФЕ рассматриваются в речи с применением контекстного анализа и его современного проявления — корпусного анализа, изучаются аксиогенные ситуации, реализующие оценочный потенциал ФЕ.

Модели в содержании ФЕ, анализируются по принципу фиксации концепта в модели. Они описывают различные типы оценки (интеллектуальные, эмоциональные оценки, эстетические, моральные, социальные, субъективные оценки, утилитарные, физиологические) [Арутюнова 1999].

В работе проанализированы английские ФЕ, в содержании которых присутствует концепт ДРУЖБА. Значение ФЕ

рассматривается в отражении произведений английской художественной литературы и публицистических текстов.

Использование ФЕ в контексте говорит о том, что они являются частью современного лексикона и отражают релевантные проблемы картины мира.

Затем в статье изучаются ФЕ русского языка, отражающие концепт ДРУЖБА. Русские ФЕ анализируются по той же схеме, что и английские: изучаются значения ФЕ русского языка, выделяются их содержательные модели. Затем значения ФЕ изучаются на примере текстов литературы и публицистики.

Завершающим этапом работы будет сопоставительный анализ русских и английских ФЕ с целью выявления преобладающего типа содержательных моделей того и или иного языка.

Модель “дружба важнее денег” репрезентирована в единице *a friend in court is better than a penny in purse* (ODP) и сопоставляет ценности духовные и материальные. Духовная сторона описывается как более ценная. В данной ФЕ описывается утилитарный аспект дружбы.

Модель “предательство должно быть подвергнуто осуждению” относится к моральной оценке. Мотивация неискренней дружбы представлена в ФЕ *a fair-weather friend* (ODP). Данная ФЕ встроена в контекст с целью негативной оценки политики США: “*Failure in Iraq would have ... the perception among reformers in the region that America is a fair-weather friend, not to be depended on*” (COCA).

Модель “преданная дружба не будет прежней” является примером утилитарной оценки во ФЕ *broken friendship will never be sound* (WDP), в которой для описания нарушения законов дружбы используется метафора, описывающая разрушение, слом. Данная ФЕ цитируется в произведении У. Блейка: “*It is easier to forgive an enemy than to forgive a friend*” (COCA).

Модель “враги могут причинить меньший вред, чем друзья” является моделью объективирующую как моральную, так и социальную оценку. Она отражается в ФЕ *God defend me from my friends and I will keep from my enemies* (WDP).

Утилитарная модель “дружба нуждается в проверке” объективирована во ФЕ *a friend in need is a friend indeed* (ODP): “*There is an old saying that a **friend in need is a friend indeed***”. *We see now that the Chinese government is not our friend at all* (СОСА). В данном контексте, взятом из газеты “Хьюстон Кроникл”, описывается ситуация, в которой автором указывается на отсутствие дружеских отношений между китайской и американской стороной.

Анализ моделей, представленных в русских ФЕ с концептом ДРУГ, начнём с модели “старые друзья являются ценностью”. Она имеет социальный характер, в ней элемент “старый” относится не к возрасту, а к продолжительности и качеству отношений. Так, данная модель объективирована в русской ФЕ *старый друг лучше новых двух* (СППРН) и в английской ФЕ — *old friends and old wines are the best* (ODP). В английских ФЕ концепт ДРУЖБА сопоставляется с гастрономической реалией, в русской ФЕ наблюдается количественная градация в сочетании с временной маркированностью. Английская ФЕ репрезентирует ещё и гедонистическую оценку.

В 1862 г. Островский издаёт пьесу, название которой воспроизводит ФЕ *старый друг лучше новых двух* (СППРН).

Модель “дружба нуждается в проверке” объективирована как в английской ФЕ *a friend in need is a friend indeed* (ODP), так и в русской ФЕ *друг познается в беде* (СППРН) (в английской единице задействуется понятие необходимости, а русской речь идёт уже о несчастье). Например, “*Друг познаётся в беде! И... я неоднократно имел возможность в этом убедить*” (НКРЯ).

К числу моральных моделей относится модель “укреплять дружбу важнее, чем делать деньги” во ФЕ *“не имей сто рублей, а имей сто друзей”* (СППРН). В данной аксиогенной ситуации равное количество сопоставляемых объектов не обладает равной ценностью. Автор Н.Н. Златовратский в рассказе “Красный куст” (1881) воспроизводит устную речь, которая изобиловала в те времена ФЕ: “— *Спасибо, не забываешь старика... — Зачем забыть!.. Сказано — не имей сто рублей, а имей сто друзей*” (НКРЯ).

Примером социальных моделей в русских ФЕ не встречающаяся в английских ФЕ, служит модель “долг важнее дружбы”. Она подчёркивает характер официальных отношений, продиктованных воинской службой, и отношений дружеских. Данную модель реализует ФЕ *“дружба дружбой, а служба службой”* (СППРН). Датированный 1830 годом роман М.Н. Загоскина “Рославлев, или Русские в 1812 году” дословно цитирует ФЕ: “*Прошу не погневаться! ... дружба дружбой, а служба службой*” (НКРЯ).

Подводя итоги, отметим, что в английском языке наблюдается превалирование отрицательных аксиогенных ситуаций, реализуемых во ФЕ с концептом ДРУГ. Анализ моделей содержания ФЕ говорит о скептическом отношении английской картины мира к дружбе, отрицательной оценке предательства. В русской культурной традиции наблюдается больше положительно оцениваемых аксиогенных ситуаций. Во ФЕ русского языка дружба рассматривается как ценность. Причем долг выше дружбы. Дружба дороже денег. Общими для двух языков являются аксиогенные ситуации, которые говорят о том, что друг познаётся в беде и призывают нас ценить старых друзей выше новых. Русские и английские ФЕ объективируют модели разных типов оценки; превалируют моральные и социальные оценки, но встречаются гедонистические оценки.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с. [Arutyunova, Nadezhda D. 1999. *Yazyk i mir cheloveka (Language and human world)* М.: *Yazyki russoj kul'tury.*]
2. Карасик В. И. *Языковая пластика общения*. М. Гнозис. 2021. 536 с. [Karasik, Vladimir I. 2021. *Yazykovaya plastika obshcheniya (Language plasticity of communication)*. М.: Gnozis.]
3. Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога // Вопросы языкознания. 2021, №2. С. 53–65. [Kozerenko, Alexander D., Krejdlin, Grigoriy E. 2021. *Frazeologicheskie oboroty kak pokazateli nekooperativnogo povedeniya uchastnikov dialoga (Phraseological units as markers of noncooperative behavior of dialogue participants)*. *Voprosy yazykoznaniya (Topics in the study of language)*, 2. 53–65.]
4. М. А. Бредис, О. В. Ломакина *Паремиология без границ* М. РУДН. 2020. 242 с. [Bredis, Mihail A., Lomakina, Olga V. 2020. *Paremiologiya bez granic (Paremiology without borders)*. Moscow: RUDN].
5. НКРЯ: Национальный корпус русского языка: URL: <http://www.ruscorpora.ru>. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 15.07.2023).
6. СППРН: Даль В. И. *Сборник пословиц и поговорок русского народа*. В 2 т. Т. 1. М. Художественная литература, 1989. 341 с. [SPPRN: Dal', V. I. 1989. *Sbornik poslovic i pogovorok russkogo naroda*. V 2 t. Т. 1. М. Hudozhestvennaya literature.]
7. Телия В. Н. *Фразеология в контексте культуры*. М. Наука. 1999. 333 с. [Teliya, Valentina N. 1999. *Frazeologiya v kontekste kul'tury (Phraseology in the context of culture)*. М.: Nauka.]
8. Тер-Минасова С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово. 2020. 624 с. [Ter-Minasova, Svetlana G. 2020. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya (Language and intercultural communication)*. М.: Slovo.]

9. COCA: Corpus of Contemporary American URL: <https://corpus.byu.edu/coca>. Corpus of Contemporary American [Online] Available from: <https://corpus.byu.edu/coca> (Accessed: 20.07.2023).
10. Croft, W., Cruise, D. (2004). *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004.
11. Dobrovol'skij, Dmitriy. 2023. Between lexicon and grammar: on the syntax of idioms. *Research on Language and Social Interaction*, 2. P. 85–99.
12. Kövecses, Z. (2006). *Language, Mind, and Culture. A Practical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
13. Langlotz, A. (2006). *Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.
14. ODP: Speakes, J. *The Oxford dictionary of proverbs.*, 5th edition., Oxford University press, NY., 2008. 388 p.
15. Podoliuc, Tatiana. 2021. The functions of idioms in a sentence Intertext. *Research on Language and Social Interaction*, 2, P. 90–97.

Сведения об авторе:

Лызлов Алексей Игоревич, д. филол. н., доцент, ст. преподаватель, Военная академия войсковой противовоздушной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации, Смоленск, Россия; email: aleksej-lyzlov@yandex.ru

THE CONCEPT “FRIEND” IN THE REFLECTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS A COMPONENT OF THE RUSSIAN AND ENGLISH WORLDVIEW

Alexei I. Lyzlov

Doctor of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer, RF AF AAD MA, Smolensk, Russia; Military Academy of Air Defense of the Armed Forces of the Russian Federation; email: aleksej-lyzlov@yandex.ru

Abstract

The paper is aimed at the study of the concept FRIEND in Russian and English phraseologisms. The paper gives the analysis of the evaluative component of cognitive models of the given units. In the work the data are submitted concerning the realization of the studied units in fiction and publicist texts. In the work cognitive, discourse, comparative analysis is applied. The data taken from Russian and English dictionaries and corpus sources served the material of the research. The data in the work enable to objectively assess the axiological capacity of the concept FRIEND. The work was carried out within two trends: phraseological units were studied primarily as the units of the language by means of analysis of modern lexicographic sources, then the given units served the basis of the analysis of modern fiction sources aiming to single out phraseological units actively applied in Russian and English languages; and phraseological units which for some reason or other are not used by modern and classical authors.

Keywords: phraseologism, evaluation, model, discourse.

Идейно-тематическое своеобразие в разносистемных языках

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

А. Н. Магомедова

Аннотация

Впервые в научный оборот вводится паремиологический материал аварского языка. Работа выполнена в лингвокультурологическом аспекте. Такой анализ паремиологических единиц, являющихся источником этнокультурной информации, даёт возможность выявить и описать их национально-культурные особенности. Материал связан с проблемой “этнос — язык — культура — менталитет”, что делает полученные результаты значимыми не только собственно для лингвистики, но и для пограничных с лингвистикой наук. Рассмотрены концептообразующие лексические единицы, являющиеся символами единства, тепла и уюта, формирующие соответствующие паремиологические образы и актуализирующие понятия СЕМЬЯ и ДОМ. Обращается внимание на различные коды культуры, являющиеся основой формирования паремиологических образов. Полученные результаты являются новыми в силу того, что аварские паремиологические единицы, выражающие концепты ДОМ, СЕМЬЯ, ОЧАГ, не были предметом специального исследования. Достоверность полученных результатов обеспечивается лингвистическим анализом фактического материала, извлечённого из соответствующих словарей. Анализ соответствующих аварских паремиологических единиц осуществляется путем сплошной выборки из книги “Аварские пословицы и поговорки”. Материалом для исследования послужили аварские паремиологические единицы. При исследовании паремиологических единиц применяется описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Ключевые слова: язык, этнос, мышление, самобытность, паремиологические единицы, паремиологические образы.

Аварская паремиологическая картина мира представляет собой яркий и многогранный пласт. В языковой картине аварского народа можно наблюдать большое количество паремий, касающихся жизнедеятельности человека, его образа жизни, уклада, в которых запечатлены богатство и жизненный опыт поколений, обусловленные его национально-культурной спецификой и менталитетом горцев. Аварские паремиологические единицы охватывают все стороны сурового быта горцев. Соответственно, аварская паремиология заставляет обращать на себя внимание и в исследовательском плане в связи с тем, что она мало изучена и представляет собой особый интерес.

Понятие — это простое обобщение сведений о чем-либо. Понятия и определения занимают заметное место в мире идей и сознания каждого разумного существа.

Широкоизвестный учёный-филолог В. Н. Телия в своих научных трудах расширяет смысловое значение термина “понятие/концепт”: “концепт — это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности. Из этого следует, что концепт должен получить культурно-национальную окраску” [Телия 1996: 154].

Анализируя и обобщая мнения многих специалистов и учёных в области лингвокультурологии о термине “понятие/концепт”, можно резюмировать следующее: понятие или концепт представляет собой единичный элемент в конструкции группового или общественного сознания, которое обладает лексическим проявлением и также содержит традиционные ценности нации и культуру этноса.

Этническая особенность познания всякой национально-культурной группы зиждется на национальном своеобразии, образе поведения, психологии и деятельности каждого этноса. Этнокультурная идентичность также отражается в лексике семантической композицией лингвистических единиц.

Каждый народ или цивилизация обладает свойственным только ему составом комплекса понятий. Такие понятия и концепты отражаются в лексическом и речевом менталитете и имеют тесную связь с сознанием каждого представителя того или иного этноса.

Этнический концепт привязан к идентичности каждой нации и имеет тесную связь с национальными традиционными ценностями каждого народа.

Акцентирование внимания на таких понятиях, как СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ, ДОМ, СЕМЬЯ, как основы для изучения и познания, обусловлено тем, что в любом обществе брачные узы, семейно-родственные взаимоотношения, условия жизни и быта при любых обстоятельствах выступают как фундамент и основной элемент в миропонимании и менталитете каждого народа и народности, в языковой картине мира. Развитие любого общества и эволюция его культуры всегда находится в тесной взаимосвязи с этими понятиями. Очевидным является тот факт, что просто немислимо исследовать и изучить развитие, историю и эволюцию любого этноса, игнорируя такие понятия, как СЕМЬЯ, ОЧАГ, ДОМ. Этим и продиктовано то, что в этих концептах заложен национально-культурный компонент.

И в связи с изложенным изучение и анализ образов семейного очага, бытовых условий и взаимодействия субъектов общественных отношений различных народов, выделение особенностей и общих признаков является весьма акту-

альным в исследовании этнических культур, идентичности и самобытности представителей каждого этноса.

С того момента как каждый человек появился на свет, независимо от пола, расы, вероисповедания, он нуждается в домашнем уюте/очаге. Ему необходима семья, необходим дом. Иными словами, каждый имеет потребность в такой системе или организации, которая формировала бы его и готовила к дальнейшему индивидуальному развитию жизненного пути.

Семья является первым местом, где каждый, кто появился на свет, получает свои первые уроки и общественные знания. Тут человек приобретает свои умения, навыки. Именно в семье начинают закладываться нравственные ценности, человек начинает осваивать и усваивать этнические обычаи и традиции. Таким образом, семья закладывает фундамент социализации каждого человека.

Именно эти понятия привязаны к очень значимым областям жизнедеятельности человека. Например, такие сферы, как экономика, культура, образование и духовная жизнь. Несмотря на то, что эти сферы являются очень важными в человеческой жизнедеятельности, в настоящий момент им не отведена роль в “метаязыке культуры”.

Эмпирические и исследовательские методологии являются в настоящее время основными источниками получения сведений о живом языке. Определение комплекса ассоциаций и смысловых значений различных носителей лексических единиц при реальной параллельной фиксации философского образа этносознания может дать определённый результат при исследовании и изучении концептуального образа общественного бытия.

Термины и понятия ДОМ, СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ являются главными и основополагающими концептами в картинах мира на многих языках, в том числе на аварском и русском.

Эти понятия вполне могут быть образцом, а также представлять другие мировосприятия. Например, западную или восточную культуру, потому что ДОМ — это первое место, где начинает свою жизнедеятельность каждый человек. Но, вместе с тем, некоторые этносы могут изъясняться не только на родном, но и на другом говоре или наречии [Гачев 1995: 38].

Например, в русской паремиологической картине мира:

*В гостях хорошо, а **дома** лучше.*

*Нет ничего милее и краше **дома**.*

*Вся **семья** вместе, так и душа на месте.*

*В родной **семье** и каша гуще.*

В аварской паремиологической картине мира:

*“**Рукъ** къваридав чи — лъади квешав чи” — У кого **дом** тесный, того жена плохая [Алиханов 1973: 121].*

*“**Рукъалъул** аслу — къучI, **къизаналъул** аслу — чIужу” — Основа **дома** — фундамент, основа **семьи** — жена [Алиханов 1973: 121].*

*“**Рукъоб** къир-къир бугони, дунял къварилъула” — Если **дома** неполадки, то и мир для них тесным станет [Алиханов 1973: 121].*

*“**Рукъ** гъабулареб жоялъ къватI гъабулареб” — Кто не хочет **дом** обустроить, тот и улицу в порядок не приведёт [Алиханов 1973: 22].*

*“**Рукъалда** бетIергъанчи **гуро** берцин гъавулев, бетIергъанчияс **рукъин**” — Не **дом** красит хозяина, а хозяин — **дом** [Алиханов 1973: 22].*

*“**Рукъ** гъечIесда чи лъала, чед гъечIесда мацI лъала” — У кого нет **дома**, тот людей лучше знает, а тот, кто хлеба не имеет, тот просить лучше умеет [Алиханов 1973: 86].*

*“**Рукъалъул** кIудияв мехтичIони, бертин бетулареб” — Если не опьянеет хозяин **дома**, то и свадьба не свернётся [Алиханов 1973: 86].*

Лексическая единица СЕМЬЯ выступает в роли многофункциональной парадигмы, которая выражается в двух разных измерениях. Первая парадигма — это общечеловеческий аспект, т. е. родственные взаимосвязи и отношения, и вторая парадигма — национальная сторона. Чтобы более подробно выразить смысл национального аспекта в аварском этническом менталитете рассмотрим несколько значений определённых понятий.

Хъизан — рукъ — семейные взаимоотношения и бытовые условия.

Супруг или супруга, т. е. вторая “половинка” — “*гЛумру-ялбул гьудул*”, что означает “спутник на всю оставшуюся жизнь”. Это подчёркивает, что согласие и мир — основа долголетней семейной жизни.

“Рос-лъади цолъичИони, рукъ бехе балагьула” — *Когда в семье раздор, дом смотрит только вниз* [Алиханов 1973: 120].

“Росасул къадру-къимат лъадудасан букIунеб” — *Уважение (= достоинство) мужа от жены зависит* [Алиханов 1973: 121].

Исследование семейных отношений с точки зрения истории, демографии и этнографии, а также изучение психологической и социальной стороны семьи побуждает исследователей познать всю взаимосвязь и взаимоотношения, которые имеют связь с родством и брачными отношениями.

В настоящей статье автор ставит перед собой задачу выявить лексические единицы и системы, отражающие особенность взаимоотношений в семье. Главной особенностью таких внутренних семейных отношений является их замкнутость.

У аварцев принято, чтобы женщина до замужества жила в доме родителей, а после замужества — в доме своего мужа.

Если на русском языке родители мужа и жены именуется по-разному, на аварском — они звучат одинаково. Например,

на русском — *свекровь* и *тёща*, на аварском языке — *якъад*; на русском — *свёкор* и *тесть*, на аварском языке — *вакъад*.

В русской литературе, да и вообще в культуре, чаще всего упоминание *тёщи* больше связано с неприятностями и проблемными вопросами, а в аварской литературе и культуре с неприятностями и проблемными вопросами больше связано упоминание “*якъад*” — в смысловом значении *свекровь*, а не *тёща*.

Подытоживая вышесказанное, можно сказать, что, если в русской культуре понятия *тёща* и *зять* стали темой для анекдотов, смешных и не очень смешных историй, то аварцы больше предпочитают высмеивать взаимоотношения *свекрови* и *невестки* с их постоянными разногласиями и взаимном недопонимании.

Проведённый анализ наглядно демонстрирует, что изучение аварских и русских паремиологических единиц представляет многообразный и интересный аспект, несущий назидательный характер. Данная паремиологическая проблема требует внимания для систематизированного, комплексного изучения разнообразных концептов в лингвокультурологическом ракурсе.

Список литературы:

1. Алиханов З.А. Авар кицаби ва абиял. [Аварские пословицы и поговорки]. На ав. яз. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 332 с. [Alihanov, Zairbeg A. Avar kicabi va abiyal. *Avarskie poslovicy i pogovorki (Avar Proverbs and Sayings)*. Na av. yaz. Makhachkala: Dagknigoizdat.]
2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс, Культура, 1995. С. 38. [Gachev, Georgij D. 1995. *Nacional'nye obrazy mira. Kosmo-Psiho-Logos (National Images of the World. Kosmo-Psycho-Logos)*. Moscow: Progress, Cul'tura.]

3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 154. [Teliya, Veronika N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* (Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguo-cultural Aspects). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury.]

Сведения об авторе:

Магомедова Адигат Нурахмагаджиевна, к. филол. н., доцент, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия; email: an-dsu@mail.ru

**IDEOLOGICAL AND THEMATIC ORIGINALITY
IN LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS**

Adigat N. Magomedova

Candidate of Philology, Associate Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia; email: an-dsu@mail.ru

Abstract

For the first time, paremiological material of the Avar language is introduced into scientific circulation. The work is carried out in a linguoculturological aspect. Such analysis of paremiological units, which are the source of ethnocultural information, makes it possible to identify and describe their national-cultural characteristics. The material of the research is associated with the problem of “ethnos – language – culture – mentality”, which makes the results obtained significant not only for linguistics itself, but also for the sciences bordering on linguistics. The paper considers the concept-forming lexical units, which are symbols of unity, warmth and comfort, forming the corresponding paremiological images and updating the concepts of FAMILY and

HOME. Attention is drawn to various culture codes, which are the basis for the formation of paremiological images. The obtained results are new due to the fact that the Avar paremiological units expressing the concepts HOME, FAMILY, OCHAG were not subject of a special study. The reliability of the obtained results is ensured by linguistic analysis of the actual material extracted from the corresponding dictionaries. The analysis of the corresponding Avar paremiological units is carried out by a continuous sample from the book "Avar Proverbs and Sayings". The material for the study were Avar paremiological units. When examining paremiological units, a descriptive and comparative method is used.

Keywords: language, ethnos, thinking, identity, paremiological units, paremiological images.

Экспрессивная этнономинация в испанском языке: формирование метаобраза в “(не)диалоге” культур

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.134.2

Е. А. Попова

Аннотация

В статье рассматриваются метаобразы, формирующиеся посредством этнонимов с оценочными коннотациями в аспекте лингвистической имагологии. Мониторинг испаноязычных СМИ, блогов, современной литературной публицистики и киноиндустрии позволяет выявить механизмы появления и распространения экспрессивных мета-этнонимов и стоящих за ними ассоциаций. Делается вывод о том, что метаобразы, развиваясь благодаря семантическим сдвигам в связи с экстралингвистическими факторами, постепенно меняют резко отрицательное отношение к определённым социальным группам, а знание лингвокультурных особенностей исследуемых языковых единиц позволяет успешно поддерживать межкультурное общение, избегая коммуникативных неудач.

Ключевые слова: экспрессивные этнонимы, испанский язык, лингвистическая имагология, метаобраз, культура.

Архетипическое противопоставление “свой vs. чужой” и формирование соответствующих образов в концептуальной и языковой картинах мира является объектом исследования ряда гуманитарных наук, в частности — лингвистической имагологии. Данное научное направление трактует образы с точки зрения их выражения и интерпретации в языке; его представители обращают внимание на языковые

средства, которые используются для создания и передачи образов — метафоры, метонимии, символы и др. (см. работы А.В. Зеленина, Л.П. Ивановой, С.Д. Камаловой, Т.А. Кожевниковой, А.Р. Ощепкова, Д. Сун). Лингвистическая имагология также исследует роль образов в коммуникации: они играют важную роль в передаче эмоций, создании визуальной и эмоциональной структуры текстов, формировании идентичности и культурных стереотипов, а также влияют на восприятие и понимание дискурса.

Поскольку лингвистическая имагология изучает вербальное воплощение образа “другого” — народа, страны, этноса, культуры и отражает коллективные, групповые или индивидуальные представления в форме мифов или стереотипов [Иванова 2013; Зеленин 2013], одним из языковых средств подобного рода, на наш взгляд, можно считать экспрессивные этнонимы. Согласно широкой трактовке термина “этноним” [Апанасенко 2009], экспрессивными являются особые обозначения, которые используются для идентификации национальной, этнической, расовой, территориальной (региональной), социальной, религиозной или иной культурной общности, исходя из субъективных эмоций. В отличие от нейтральных этнонимов, представляющих общепринятое обозначение этнической принадлежности, экспрессивные этнонимы часто носят эмоциональную или негативную окраску. Они могут возникать в результате стереотипов, предрассудков, политической конфликтности, исторически сложившихся отношений в обществе и иных форм “(не)диалога” культур.

Лингвоимагологический подход предполагает исследование экспрессивных этнонимов применительно к формированию авто-, гетеро-, мета- и контробразов в контексте культурных и социальных процессов. Первые и вторые раз-

виваются, исходя из восприятия “своих” и “чужих” соответственно; мета- и контробразы возникают в результате переосмысления представлений или смены культурно-исторического контекста.

Цель данной статьи — анализ механизмов создания метаобразов посредством экспрессивных этнонимов в испаноязычных культурах. Под метаобразом, вслед за Й. Леерсенем, одним из основоположников имагологии, мы понимаем представление носителей одной культуры о том, как их воспринимают носители другой [Leerssen 2007]. С.Д. Камалова передаёт суть понятия метаобраз через утверждение “мы знаем, что вы считаете нас такими-то” и считает, что метаобразы “обладают мощной силой разобщения” [Камалова 2020: 124], поскольку в формирующих их лексических единицах содержится указание на этнические предубеждения и негативные стереотипы в явном или имплицитном виде. Тем не менее можно утверждать, что, будучи переосмысленными адресатом, такие образы придают репрезентирующим их лексемам добавочные смыслы ироничного или даже положительного характера.

Одним из механизмов формирования метаобраза выступает использование и переосмысление экспрессивных этнонимов в СМИ. Ярким примером такой репрезентации является вышедшая в 2016 г. резонансная статья кубинского журналиста Хосе Фернандеса, живущего в Майами, о смысле номена *gusano* (букв. “червяк”) по отношению к кубинцам, которые не поддерживают официальную политику страны и/или эмигрировали в США.

Словари живой кубинской разговорной речи дают указанной лексеме следующие определения: широкое — ‘контрреволюционер, предатель’ (*contrarrevolucionario, traidor*) [Glosario popular Cubano...] и более конкретное — ‘кубинцы-про-

тивники правительства, [слово] обычно используется для обозначения диссидентов' (*cubanos que están en contra del gobierno, usualmente usado para disidentes del país*) [MetaEspañol]. Словарь MetaEspañol приводит следующий пример использования данной лексемы: *Rafael es un gusano, no va a ninguna actividad política* — 'Рафаэль — предатель, он не участвует ни в какой политической деятельности' (Здесь и далее перевод наш. — Е.П.). Как видно из примера, к вышеупомянутым значениям добавляется компонент трусости, нежелания каких-либо политически активных действий, что позволяет сделать вывод о метафорическом переносе, лежащем в основе экспрессивного этнонима.

Х. Фернандес в статье “¿Te sientes bien cuando te llaman gusano?” на портале Diario de Cuba резко раскритиковал подобную номинацию, освещая “попытку публичных дебатов” между тогдашним президентом Боливии Эво Моралесом и Исмаэлем Калой, кубинским журналистом в изгнании, и последовательно отвечая на вопрос: “Должны ли мы, кубинцы, чувствовать себя обиженными, когда какой-нибудь реакционер-фиделист называет нас *gusanos*?” [Fernández 2016].

Автор характеризует “предателя” Калу как человека, обладающего явным моральным превосходством над обидчиком-Моралесом и сравнивающего людей, которые используют экспрессивный этноним *gusano*, с нацистами. Присвоение людям имени животного, предположительно отвратительного, ставит своей целью дисквалификацию их идей, действий и мнений. Следовательно, по утверждению Фернандеса, если невозможно исключить такие этнофолизмы из лексикона “других”, нужно начать со смены к ним собственного отношения: “Прежде всего, *gusano* — это тот, кто не действует, не думает и не выражает себя в соответствии с указа-

ниями режима. Это оскорбление до такой степени было усвоено коллективным бессознательным, что неудивительно видеть, как многие из тех, к кому оно применяется, первыми признают себя ‘червями’, причём делают это даже с определённой гордостью”. Именно так и поступает журналист Кала, отвечая Моралесу: “Поверьте, вы не оскорбляете меня, называя ‘кубинским червем’ (*Créame que no me insulta al llamarme “cubano gusano”*) [там же].

За речью Калы и статьей Фернадеса последовал ряд мемов с подписью (*Soy*) *100% gusano* — с червячками, либо раскрашенными в цвета кубинского флага, либо гордо несущими его через границу. В данном случае этноним *gusano* стал частью метаобраза невинно оскорбленных гуманистов, исповедующих плюрализм мнений.

В испаноязычных культурах метаобразы также формируются благодаря литературе и кинематографу. Например, фильм *Biutiful* А. Гонсалеса Иньярриту (2009) и книга *Yo, charnego* Х. Лопеса Меначо (2020) посвящены феномену *charnegos* — приезжим (т. н. “экономическим мигрантам”) из других регионов Испании в Каталонию (от каталонского *lucharniego* — ‘собака, выходящая на ночную охоту’). Образы, созданные в них, призваны вскрыть “нарывы” испанского общества, связанные с внутренней миграцией, изменить резко отрицательное отношение каталонцев к *charnegos* и восстановить диалог культур, прерванный в ходе истории страны.

В одном из интервью изданию *El País* А. Иньярриту называет свой фильм “духовной рвотой” (*vómito espiritual*), настолько неприглядной оказывается правда о жизни *charnegos* в нетуристическом районе Барселоны *El Raval*. Режиссер также объясняет историческую подоплёку появления данного этнонима: в 60-е годы Франко, задавшись целью разрушить

каталонскую культуру и идентичность, организовал массовое переселение каталонцев в другие регионы Испании (преимущественно — в Андалузию, Экстремадуру и Мурсию) и запретил им говорить на родном языке; таким образом, их потомки, вернувшиеся в Каталонию в разгар экономического кризиса и говорившие на кастильском испанском, почувствовали себя отверженными чужаками в родной стране [Iñarritu 2010]. Главный герой фильма Уксбаль, типичный “чарнего”, вызывает у зрителя сочувствие: будучи нарушителем закона для правоохранительных органов, он становится добрым ангелом для нелегальных иммигрантов, которым помогает получить работу.

Х. Меначо, автор мемуаров *Yo, charnego*, описывает личный опыт иммиграции в Каталонию, помещая на обложке книги аннотацию, которая начинается словами: “Они приехали, лишённые всего, и завоевали право на собственное будущее ... которое отобрала у них история” (*Llegaron despojados de todo y conquistaron su futuro ... que la historia les había reservado*). В данном случае создаваемый метаобраз заставляет читателя книги испытывать не жалость или симпатию, а восхищение силой духа её героев: “*Charnego* — максимально амбивалентное понятие. Оно возникает в результате миграции и является синонимом изгнания, боли и забвения, но также адаптации, памяти и свободы. Одни презирают его, другие считают, что оно не соответствует реальности; тем не менее многие переосмыслили его, сделав отличительной чертой своей идентичности, плодотворных отношений и классовой гордости” [Menacho 2020]. На наш взгляд, приведённая цитата в полной мере отражает суть метаобраза как средства, позволяющего наладить культурный диалог.

В рамках статьи были выделены лишь общий алгоритм формирования метаобразов, основанный на переосмысле-

нии экспрессивных этнонимов лидерами мнений в публичном пространстве. “Площадками” для их распространения выступают СМИ, блоги, художественная литература и литературная публицистика, киноиндустрия. Созданные образы влияют на самоощущение этнических, социальных, территориальных и иных групп, мотивируют на борьбу со стереотипами и, в конечном итоге, могут повлиять на взаимодействие между “своими” и “чужими” в положительном ключе. Вышесказанное позволяет увидеть перспективы для дальнейших исследований.

Список литературы:

1. Апанасенко Э.Г. Россия — Восток — Запад в зеркале русских этнонимов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 21 с. [Apanasenko, Elvira G. 2009. *Rossiya — Vostok — Zapad v zerkale russkikh etnonimov (Russia — East — West in the Mirror of Russian Ethnonyms)*. Abstract of PhD in Philology. Vladivostok.]
2. Зеленин А.В. Немцы в русской культуре (лингвистическая имагология) // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 63–72. [Zelenin, Aleksander V. 2013. *Nemcy v russkoj kul'ture — lingvisticheskaya imagologiya (Germans in the Russian Culture — Linguistic Imagology)*. *Russkiy Yazyk v Shkole (Russian Language at School)*. № 4. С. 63–72.]
3. Иванова Л.П. Лингвоимагология как синтезирующее направление современного языкознания // Вестник Витебского государственного университета. 2013. № 1. С. 140–144. [Ivanova, Ludmila P. 2013. *Lingvoimagologiya kak sinteziruyushchee napravlenie sovremennogo yazykoznaniya (Linguomagology as a Synthesizing Branch of Modern Linguistics)*. *Vestnik of Vitebsk State University (Bulletin of Vitebsk State University)*. No. 1, 140–144.]
4. Камалова С.Д. Образ “чужих” в мультикультурной литературе

- с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературе о палестино-израильском конфликте): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 189 с. [Kamalova, Sofia D. 2020. *Obraz "chuzhiih" v mul'tikul'turnoj literature s pozicii lingvisticheskoi imagologii — na materiale angloyazychnoj hudozhestvennoj literature o palestino-izrail'skom konflikte (Image of "Aliens" in Multicultural Literature from the Point of View of Linguistic Imagology — Based on English-Speaking Fiction about the Israel-Palestine Conflict)*. PhD in Philology. Moscow.]
5. Fernández, José H. 2016. ¿Te sientes bien cuando te llaman gusano? *Diario de Cuba*. Available from: https://diariodecuba.com/cuba/1468998604_23935.html (Accessed: 30.09.2023).
 6. Glosario Popular Cubano, la forma de hablar de los cubanos. Available from: https://www.directoriocubano.info/glosario/?dir=6&name_directory_startswith=G#name_directory_position6 (Accessed: 30.09.2023).
 7. Iñarritu, Alexandro G. 2010. "Biutiful es un vómito espiritual". *El País*. Available from: https://elpais.com/cultura/2010/08/03/actualidad/1280786403_850215.html (Accessed: 30.09.2023).
 8. Leerssen, J. 2007. *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey*. Amsterdam: Rodopi. 429 p.
 9. Menacho, Javier L. 2020. Yo, charnego: Memoria personal de la emigración a Cataluña. *Txalaparta*. Available from: <https://www.txalaparta.eus/es/libros/yo-charnego> (Accessed: 30.09.2023).
 10. MetaEspañol. Jergas. Cuba. Available from: <https://www.metaespanol.com/jergas/pais/cuba/gusano> (Accessed: 30.09.2023).

Сведения об авторе:

Попова Евгения Андреевна, к. филол. н., доцент,
Московский государственный лингвистический
университет, Москва, Россия;

email: o-genia@yandex.ru

**EXPRESSIVE ETHNONOMINATION IN THE SPANISH
LANGUAGE: FORMATION OF A META-IMAGE
IN THE “(NON)DIALOGUE” OF CULTURES**

Evgeniya A. Popova

Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic
University, Moscow, Russia;

email: o-genia@yandex.ru

Abstract

The article deals with meta-images formed with the help of evaluative ethnonyms in the aspect of linguistic imagology. Monitoring Spanish-language media, blogs, modern literary journalism and film industry allows us to identify the mechanisms of the emergence and spread of expressive meta-ethnonyms and the associations which lie behind them. We conclude that meta-images develop due to semantic shifts and extralinguistic factors, gradually changing a sharply negative attitude towards certain social groups, and that knowledge of linguistic and cultural characteristics of the linguistic units under investigation allows to successfully maintain intercultural communication, avoiding communicative failures.

Keywords: expressive ethnonyms, Spanish language, linguistic imagology, meta-image, culture.

Комплексная природа речевого акта извинения

(на примере английской лингвокультуры)

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

Е. Б. Скворцова

Аннотация

Целью статьи является определение комплексной природы РА извинения, в котором имплицитно или эксплицитно реализуется целый ряд интенций, таких как признание вины, выражение сожаления, обещание впредь не совершать подобного проступка и т. п. В то время как минимальным материальным воплощением РА извинения в английском языке является речевая формула извинения, в реальности его объём может существенно увеличиваться в зависимости от количества речевых действий, дополняющих речевую формулу; при этом выдвигается точка зрения, согласно которой в коммуникативной ситуации извинения указанные речевые действия утрачивают статус самостоятельных РА и становятся частью РА извинения.

Ключевые слова: речевой этикет, функциональный спектр, речевая ситуация, коммуникант, речеактный комплекс.

Извинение может быть определено как корректирующее действие, функция которого состоит в том, чтобы “изменить значение, которое могло бы быть приписано некоторому поступку” [Ратмайр 2003: 17]. Ввиду ритуализованного характера РА извинения его материальным воплощением в тексте являются не свободно конституируемые синтаксические единицы, но устойчивые обороты, называемые речевыми формулами извинения (далее — РФИ) и нередко сопровожда-

емые дополняющими стереотипными выражениями (*It's (all) my fault; I didn't mean it* и т. п.).

Единой точки зрения относительно статуса указанных дополняющих выражений в коммуникативной ситуации извинения не существует: в то время как одни лингвисты, например, [Holly 1984; Rehbein 1976], предлагают считать указанные речевые действия самостоятельными РА, другие исследователи настаивают на том, что они являются частью РА извинения [Трофимова 2008; Valkova 2013].

Сложность определения границ РА извинения заключается, видимо, в комплексной природе, отличающей его от других РА и представляющей большой интерес для исследования английской лингвокультуры.

Речевой этикет в английском языке отличается значительным количеством РФИ: (*I'm / I am*) *sorry; Excuse me; I / We apologise* и т. д., при этом они отличаются друг от друга по частотности использования и широте функционального спектра [Ларина 2009; Owen 1983]. Кроме того, наблюдается связь между характером извинения и формулировкой, используемой коммуникантом [Ларина 2009; Ратмайр 2003].

Целью исследования является определение комплексной природы РА извинения, что должно помочь прояснить перспективы дальнейшего изучения указанного РА в рамках английской лингвокультуры.

Согласно Дж. Серлю, минимальным условием для материального воплощения указанного РА будет наличие соответствующей речевой формулы [Searle 1969]. При этом, однако, очевидно, что, принося извинение, коммуникант далеко не всегда считает достаточным ограничиться лишь её использованием. Объём формулировки извинения зависит от ситуации и во многом определяется степенью серьезности

проступка [Ратмайр 2003: 50–51]. Соответственно, тогда как в случае незначительного проступка (оговорка, незначительная физическая помеха) будет достаточно лишь произнесения РФИ, в случае серьёзного проступка РФИ с высокой долей вероятности будет сопровождаться объяснением, оправданиями и т. п. Рассмотрим следующий пример:

I'm really very sorry that I had to leave you with my mother. Now I understand it was a bad decision. I had no idea how old and crotchety she'd become over the last few years.

В данном примере адресант просит прощения у жены за то, что вынужден был оставить ту надолго наедине со свекровью, отличающуюся крайне трудным характером. Высказывание адресанта может быть разбито на несколько частей:

1. *I'm really very sorry*
2. *that I had to leave you with my mother.*
3. *Now I understand it was a bad decision.*
4. *I didn't know... I had no idea how old and crotchety she'd become over the last few years.*

Первая часть представляет собой непосредственно употребление РФИ *I'm sorry*, усиленной наречиями *really* и *very*; вторая и третья часть являются РА самопорицания; в четвёртой части адресант пытается оправдаться (РА оправдания). Таким образом, принося извинение, коммуникант фактически прибегает к нескольким РА. Последние три речевых действия не являются обязательным условием реализации РА извинения, однако, используемые по усмотрению адресанта в сочетании с РФИ, также оказываются включёнными в коммуникативную ситуацию извинения.

Использование речевых действий, дополняющих РФИ, носит отработанный характер [Трофимова 2008; Ogiermann 2009]. При этом их применение является типичным для коммуникативной ситуации извинения: например, анализ тек-

стовых фрагментов, взятых путём сплошной выборки из корпуса современного американского английского, показывает, что в более чем половине случаев речевые формулы ***I / We apologise*** и ***Forgive me*** в РА извинения используются вместе с другими речевыми действиями, дополняющими РФИ [Скворцова 2016].

В связи с указанной стереотипностью использования подобных речевых действий в коммуникативной ситуации извинения логично возникает вопрос об их статусе по отношению к РА извинения.

С одной стороны, указанные речевые действия могут использоваться вне коммуникативной ситуации извинения как независимые РА; с другой стороны, условия реализации прототипического РА извинения, описанные Дж. Серлем, подразумевают целый ряд интенций, пусть и не обязательно выраженных эксплицитно [Трофимова 2008].

На комплексную природу РА извинения одними из первых указали исследователи А. Коэн и Э. Олштейн, предложив вместо термина “речевой акт” термин “речеактный комплекс” (speech act set) [Olshtain, Cohen 1983]. Идея речеактного комплекса заключается в том, что некоторые РА, такие как, например, извинение или благодарность, в действительности могут представлять собой совокупность нескольких РА, которые воспроизводятся последовательно в рамках одной коммуникативной ситуации.

Вместо того, чтобы оперировать привычным понятием РА, А. Коэн и Э. Олштейн выделяют ряд речевых действий, называемых ими стратегиями, включая использование непосредственно РФИ, которые могут применяться по отдельности или в сочетании друг с другом с целью принесения извинения [Там же]. Позже эта концепция была развита и другими исследователями [Ogiermann 2009; Valkova 2013].

А. Коэн и Э. Олштейн выделяют пять основных стратегий: выражение извинения (*I'm sorry, I apologise* и т. п.); признание ответственности (*It's my fault*); оправдание или объяснение ситуации (*The train was late*); предложение компенсации (*I'll pay for the broken glass*); обещание исправиться (*I will not do this again*) [Olshtain, Cohen 1983].

А. Коэн и Э. Олштейн проводили исследования в области социолингвистики, отыскивая подход к анализу речевого поведения, применимый к разным языкам, а не только к английскому языку, на который была ориентировала классическая теория РА. Поскольку мы проводим исследование в рамках одного языка, то не считаем необходимым уходить от понятия РА извинения — однако принимаем точку зрения, согласно которой РФИ и произносимые с нею дополняющие речевые действия образуют некое единство, выполняющее функцию извинения в коммуникативной ситуации извинения.

Сочетаемость такого рода компонентов РА извинения, осуществляемого как в виде одной лишь РФИ, так и в сочетании её с дополняющими речевыми действиями, представляет большой интерес в рамках исследования английской лингвокультуры. С помощью анализа большого количества текстовых фрагментов может быть выведен ряд основных схем реализации РА извинения, что позволит получить представление о реальном функционировании англоязычных РФИ.

Список литературы:

1. Бочкарев А. И., Скворцова Е. Б. Комбинаторные характеристики речевого акта извинения “sorry” // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6, ч. 2. С. 48–52. [Bockarev, Arsentij I., Skvorcova, Elena B. Kombinatornye harakteristiki rechevogo akta izvineniya “sorry” (Combinatorial characteristics

- of the apology speech act “sorry”) // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philological sciences. Questions of theory and practice)*. 6 (2), 48–52.]
2. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с. [Larina, Tat'yana V. 2009. *Kategoriya vezhlivosti i stil' kommunikacii: sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij (Politeness category and communication style: comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions)*. Moscow: Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi Publ.]
 3. Ратмайр Р. Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003. 252 с. [Ratmajr, Renate. 2003. *Pragmatika izviniyi: sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoj kul'tury (Pragmatics of apology: a comparative study based on the Russian language and Russian culture)*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.]
 4. Скворцова Е.Б. Извинение как первичная функция периферийных формул извинения apologise/ze, forgive me, pardon при исследовании их комбинаторных характеристик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. №9/2 (63). С. 154–158. [Skvorcova, Elena B. Izvinenie kak pervichnaya funkciya periferijnyh formul izviniyi apologise/ze, forgive me, pardon pri issledovanii ih kombinatornyh harakteristik (Apology as the primary function of the peripheral speech formulas apologise/ze, forgive me, pardon in the study of their combinatorial characteristics). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki (Philological sciences. Questions of theory and practice)*. 9/2 (63), 154–158.]
 5. Трофимова Н.А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография. СПб.: ВВМ, 2008. 376 с. [Trofimova

- va, Noella A. 2008. *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskij, pragmaticheskij, grammaticeskij analiz: Monografiya (Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis: Monograph)*. Saint-Petersburg: VVM.]
6. BYU — COCA (Brigham Young University — The Corpus of Contemporary American English). Available from: <http://corpus.byu.edu/coca/> (Accessed 4 April 2021).
 7. Holly, W. 1984. Sprachhandlungen im Wörterbuch. Zur lexikographischen Beschreibung sprachhandlungsbezeichnender Ausdrücke // *Wiegand H. (Hg.): Studien zur neuhochdeutschen Lexikographie IV*. Hildesheim u.a. 12–31.
 8. Ogiermann, E. 2009. On apologising in negative and positive politeness cultures. *Pragmatics & Beyond New Series*.
 9. Olshtain, Elite and Cohen, Andrew D. 1983. Apology. A speech act set // *In Sociolinguistics and Language Acquisition, Nessa Wolfson and Elliot Judd (eds)*. Rowley, MA: Newbury House Publishers, 18–35.
 10. Owen, M. 1983. *Apologies and Remedial Interchanges: A study of Language Use in Social Interaction*. Berlin; N. Y.; Amsterdam: Mouton Publishers.
 11. Rehbein, J. Entschuldigungen und Rechtfertigungen. 1972. Zur Sequenzierung von kommunikativen Handlungen. // *Wunderlich D. (Hg.): Linguistische Pragmatik*. Frankfurt a.M. 288–317.
 12. Searle, J.R. 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. N. Y.: CUP.
 13. Valkova, S. 2013. Speech acts or speech act sets: Apologies and compliments. In: *Linguistica Pragensia*. Vol. 23 (2). 44–57.

Сведения об авторе:

Скворцова Елена Борисовна, ст. преподаватель,
Новосибирский государственный технический
университет, Россия; email: neon-999@mail.ru

COMPLEX NATURE OF APOLOGY SPEECH ACT (BASING ON THE ENGLISH LANGUAGE)

Elena B. Skvortsova

Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk;
email: neon-999@mail.ru

Abstract

The purpose of the article is to determine the complex nature of the apology speech act, in which a number of intentions are implicitly / explicitly implemented, such as guilt admission, regret, promise of forbearance, etc. While the minimum condition of an apology speech act realisation is using the apology speech formula, in reality, the length of apology can increase significantly. The author suggests that in the communicative situation of apology, speech acts similar to those mentioned above lose their independent status and become part of the apology speech act.

Keywords: speech etiquette, functional spectrum, speech situation, communicant, speech act set.

Социолингвистические проблемы диалога культур и интеграция стран Великого Шёлкового пути

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

И. Н. Сухоручкина, А. А. Сухоручкина

Аннотация

Предмет исследования — лингвистические проблемы лингвокультурной интеграции и коммуникации стран Шёлкового пути (ШП) с 121 г. до н. э. Цель — анализ интеграции языков и культур на основе глобальных систем транспорта и связи и сотрудничества международных организаций, ООН, академий наук и регуляторов языков для преодоления лингвокультурных проблем общения стран ШП. Методы — статистический, модельный, институциональный и сравнительный анализ в динамике. Результаты: анализ значения ШП в сотрудничестве стран, интеграции систем транспорта, связи, языков и культур, атласов языков и “Дорожной карты” ЮНЕСКО. Представлена лингворегиональная классификация 62 стран ШП по регионам — 27 стран Азиатско-Тихоокеанского региона с 28 официальными языками, 12 стран Европы с 11 официальными языками, 20 арабских стран с официальным арабским языком и 4 другими языками, 3 страны Африки с 5 официальными языками с указанием количества говорящих, регуляторов языков, годов их создания, местоположения и сайтов. Интеграция языков, связи, транспорта и экономик обеспечивает диалог культур стран ШП.

Ключевые слова: Великий Шёлковый путь, глобальная система связи, языковой атлас, языковая глобализация, лингворегиональная классификация.

Современный Шёлковый путь (ШП) интегрирует языки и культуры стран, где проживает две трети населения, и обеспечивается треть производства в мире. Работа впервые отражает развитие лингвокультурного обеспечения систем связи и транспорта для сотрудничества стран ШП, СНГ, БРИКС, Евразии и мира с участием России. Барьеры лингвокультурной коммуникации ШП недостаточно исследованы. Цель — анализ интеграции языков и культур, сотрудничества международных организаций, ООН, академий наук (АН) и регуляторов языков, транспортной инфраструктуры с сухопутными, морскими и спутниковыми системами связи Евразии со всеми континентами через сети связи и транспорта РФ для преодоления лингвокультурных барьеров. Используются документы ООН, международных организаций, регуляторов языков, законодательство о языковой политике, государственных языках и нацменьшинств. Сотрудники институтов РАН и университетов исследуют экономическое сотрудничество, а сотрудники МГЛУ анализируют лингвокультурные проблемы коммуникации ШП [Silk Road Programme, <https://ru.unesco.org/silkroad/node/11181>, 12.08.2023]. Гипотеза исследования: взаимосвязаны интеграция языков и культур, связи и транспорта, решение социолингвистических проблем и диалога культур стран ШП. Методы: статистический, модельный, институциональный и сравнительный анализ в динамике.

Проанализировано значение ШП в интеграции систем языков и культур, транспорта и связи, сотрудничество стран в соответствии с “Дорожной картой для сохранения наследия ШП” ЮНЕСКО и Всемирной туристской организации ООН с 2013 г., внесением ШП 22.06.2014г. в список Всемирного наследия ЮНЕСКО и атласы языков ШП. Через ШП более двух тысячелетий обеспечивается экономический, научно-техно-

логический и лингвокультурный обмен между Китаем и Европой, Евразией со всеми континентами, глобализация торговли и мировой языковой системы. Языки общения на ШП со Средних веков: латинский в Европе до 476 г., китайский с соседями Китая в VI–XIV вв., согдийский в Средней Азии до IX в., иранские на Ближнем Востоке, арабский в Арабском халифате (632–1252), Евразии и Африке, османский в Османской империи (1299–1924), монгольские, тюркские и персидский языки в Монгольской империи (1206–1368). Мировая языковая система сложилась благодаря распространению китайского, хинди, арабского, немецкого и русского языков по суше, и испанского, английского, португальского, французского и японского языков по морю в XV–XX в.

Лингвокультурное пространство ШП развивается на основе английского, китайского, русского и региональных языков. Английский язык колониальной империи Великобритании, крупнейшей экономики США — 1,5 млрд говорящих, официальный язык 59-ти стран, международных организаций и миссий ООН. Китайский язык — 1,3 млрд говорящих, официальный язык 4-х стран и международных организаций. Русский язык — самый распространённый в Европе, 258,2 млн говорящих, государственный язык Российской Федерации, стран бывшего СССР и международных организаций.

Лингворегиональная классификация 62-х стран ШП представлена нами по четырём регионам — Азиатско-Тихоокеанский регион, Европа, арабские страны и Африка. Указаны регуляторы языков, их местоположение, годы создания, веб-сайты, официальные языки, количество говорящих или население стран. В Азиатско-Тихоокеанском регионе — 27 стран с 28-ю официальными языками. В Афганистане — пушту и дари, Академия наук (АН). В Брунее — малайский, Бюро языка и литературы. В Вьетнаме — вьетнамский, Институт линг-

вистики. В Израиле — иврит, Академия языка (АЯ). В Индии — хинди, Центральный директорат, и английский. В Индонезии — индонезийский, Институт языка (ИЯ). В Иране — персидский, АЯ. В Казахстане — казахский, Министерство культуры, и русский — в государственных организациях. В Камбодже — кхмерский, Королевское общество. В КНР — китайский, Комитет государственного языка. В КНДР — корейский, ИЯ. В Кыргызстане — киргизский, Нацкомиссия по языковой политике, и русский. В Малайзии — малайский, Институт перевода. В МНР — монгольский, Совет языковой политики. В Мьянме — бирманский, Комиссия по языку. В Непале — непали, Комиссия непали. В Пакистане — урду, Управление нацязыка, и английский. В Ю. Корее — корейский, АЯ. В Сингапуре — тамильский, Совет по языку, английский, китайский и малайский. В Таджикистане — таджикский, ИЯ, и русский. В Таиланде — тайский, Королевское общество. В Узбекистане — узбекский, Ташкентский госуниверситет узбекского языка и литературы. В Туркменистане — туркменский, ИЯ. В Турции — турецкий, Лингвистическое общество. В Филиппинах — филиппинский, Комиссия по языку, и английский. В Шри-Ланке — тамильский, Департамент языка, и сингальский, Хела Хавула. В Японии — японский, ИЯ.

В Европе — 12 стран с 11-ю официальными языками. В Азербайджане — азербайджанский, Национальная академия наук (НАН). В Армении — армянский, НАН. В Беларуси — белорусский, НАН, и русский. В Германии — немецкий, Совет по правописанию. В Греции — греческий, Центр языка. В Грузии — грузинский, Министерство образования и науки. В Испании — испанский, Ассоциация академий языка. В Италии — итальянский, Академия делла Круска. В Португалии — португальский, Международный ИЯ. В РФ — русский, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. В Великобрита-

нии — английский, Оксфордский словарь. Во Франции — французский, Высший совет по языку.

В 20-ти арабских странах — официальный арабский язык, регулятор — Организация Лиги арабских государств по вопросам образования, культуры и науки. Один арабский язык — в Египте, АЯ; в Иордании, АЯ; в Йемене, Министерство высшего образования и науки; в Катаре, АН; в Ливии, АЯ; в Палестине, АЯ; в Саудовской Аравии, Глобальная АЯ; в Сирии, АЯ, а также в Ливане, ОАЭ и Омане. По два официальных языка: в Алжире — арабский, Верховный совет по языку, и берберский, Верховный совет по делам берберов; в Ираке — арабский, АН, и курдский, ИЯ; в Марокко — арабский, НИИ арабизации, и берберский, Королевский институт берберской культуры; в Судане — арабский, Международный ИЯ, и английский; в Сомали — арабский, Региональная АЯ, и сомалийский, Региональная АЯ; в Тунисе — арабский, АН, и французский; в Кувейте — арабский и английский. В Танзании — арабский, английский и суахили, Национальный совет суахили. В Африке — 3 страны с 5-ю официальными языками.

Сотрудничество международных организаций и регуляторов языков стран ШП обеспечивается системами языков и культур, транспорта и связи с участием России, наземными сетями связи через РФ — ТЕА NEXТ из Европы в Азию, из Европы в Японию, Супер Транзит ШП и TRANSKZ, подводными системами “Полярный экспресс” Мурманск — Владивосток, трансарктическими системами Хельсинки — Токио, Межконтинентальным каналом квантовой связи БРИКС, спутниковыми системами Глобалстар, Евтелсат, Интелсат, Инмарсат, Иридиум, Орбкомм, Турайя (Globalstar, Eutelsat, Intelsat, Inmarsat, Iridium, Orbcomm, Thuraya). Железнодорожная и морская транспортная система ШП включает Транссибирскую магистраль с 1916 г., железнодорожный маршрут Новый

ШП с 1990 г. между портами в Европе, РФ и КНР, Северо-восточный железнодорожный и морской коридор с 2006 г. между США, Канадой и КНР через Атлантический океан и РФ, Новый ШП с 2013 г. с наземным Экономическим поясом ШП и Морским ШП XXI в.

На маршрутах ШП образовалось 66 языковых анклавов из-за войн и депортаций, ряд языковых границ исчез или сошел с новыми государственными рубежами. Языковые атласы ШП: “Атлас романских языков” (2001), “Атлас языков Китая” (1987, 2012), “Диалектологический атлас русского языка” ИРЯ РАН (1986–1996), “Атлас языков межкультурной коммуникации” (1996), “Атлас кавказских языков” (2006) и “Тюбингенский атлас Ближнего Востока” (1977–1994). 13–15 февраля 2023 г. в Дубае на VIII Международной конференции ШП, организованной Международной ассоциацией исследований ШП IASS и “Сетью университетов ШП” SUN обсуждалась роль университетов в эпоху искусственного интеллекта и больших данных [2]. В сети ШП — 79 университетов в 28-ми странах, включая 5 университетов в России — МГЛУ (организатор V конференции IASS 2019), МГИМО МИД России, УрФУ, Иркутский НИТУ и Омский государственный институт сервиса.

Таким образом, на социолингвистическое пространство и диалог культур стран ШП влияет интеграция транспортной инфраструктуры с сухопутными, морскими и спутниковыми сетями связи Евразии со всеми континентами, сотрудничество стран, международных организаций, ООН, Академий наук и Регуляторов языков, глобализация языков при использовании английского, китайского и русского языков для преодоления социолингвистических проблем диалога культур.

Перспективы социолингвистической интеграции стран ШП — развитие систем машинного перевода документов и речи, онлайн платформ и приложений для изучения язы-

ков; законодательная поддержка многоязычия, языкового образования мигрантов и беженцев; сохранение памятников; развитие туризма; проведение форумов, конференций и фестивалей; сотрудничество университетов, культурных центров и стран в проекте ШП “Один пояс — один путь”.

Список литературы:

1. Celebration of the 35th anniversary of the Silk Road Programme. URL: <https://ru.unesco.org/silkroad/node/11181>. Available from: <https://www.ru.unesco.org/silkroad/node/11181> (Accessed: 12.08.2023).
2. The Role of Higher Education in the Era of Artificial Intelligence and Big Data: Challenges and Opportunities. URL: <https://sun2022.cud.ac.ae>. Available from: <https://sun2022.cud.ac.ae/> (Accessed: 12.08.2023).

Сведения об авторах:

Сухоручкина Ирина Николаевна, к. тех. н., ст. научный сотрудник, Всероссийский институт научной и технической информации РАН, Москва, Россия;
email: insukhoruchkina@mail.ru

Сухоручкина Анна Алексеевна, соискатель, Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия; email: aasukhoruchkina@mail.ru

SOCIOLINGUISTIC PROBLEMS OF DIALOGUE OF CULTURES AND INTEGRATION OF THE GREAT SILK ROAD COUNTRIES

Irina N. Sukhoruchkina

Candidate of Technical Sciences, Senior Staff Scientist, Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
email: insukhoruchkina@mail.ru

Anna A. Sukhoruchkina

Postgraduate Student, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; email: aasukhoruchkina@mail.ru

Abstract

The research subject is the linguacultural communication integration of the Silk Road (SR) countries since 121 BC. The research purpose is analysis of global transport, communication and language systems integration, cooperation between international organizations, the UN, academies of sciences and language regulators of the SR countries. Methods are statistical, model, institutional and comparative analysis in dynamics. Results: the SR significance in integration of transport and communications systems, languages and cultures, cooperation of countries in accordance with the “Roadmap for Development: SR Heritage Conservation” by the UNESCO, language atlases have been analyzed. Linguo-regional classification proposal of 62 countries of the SR by regions such as Asia-Pacific, Europe, Arab countries, Africa with official languages, numbers of speakers, language regulators, establishment years, location and websites have been presented.

Keywords: Great Silk Road, global communication system, language atlas, language globalization, linguo-regional classification.

Русская литература на уроках английской грамматики

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 378.881.1

А. Н. Третьюхин

Аннотация

В статье предлагается при обучении грамматическим явлениям дополнять примеры из английских источников примерами из русской классической литературы. Этот источник обучающего иллюстративного материала совершенно выпал из поля зрения современных российских составителей учебников и разнообразных пособий. Полезность примеров из русской классики заключается не только в том, что эти примеры касаются литературных ситуаций, знакомых жителям России со школьной скамьи, но и в том, что тексты, из которых они взяты, многократно переводились на английский язык разными переводчиками, и поэтому отобранные примеры можно представить в разных английских вариантах. Разнообразии переводов открывает доступ к интересным сравнениям. В статье излагаются некоторые наблюдения за особенностями английских условных предложений, полученные в результате сравнений оригинала и вариантов перевода. Практически осуществить системный подход к отбору примеров одновременно из оригинала и нескольких переводов возможно при помощи интернета.

Ключевые слова: русская литература, условные предложения, сослагательное наклонение.

По давно установившейся традиции учебники или учебные пособия по грамматике иностранного языка, написанные носителями изучаемого языка, используют в качестве

иллюстративного материала примеры, взятые из разнообразных источников страны изучаемого языка, в том числе — из учебников, написанных носителями языка (таких как, скажем, *New Headway* [Liz and John Soars 2009], *Fast Track to CAE* [Stanton, Morris 2004] и др.). В дальнейшем те же примеры, преобразованные в русские эквиваленты, предлагаются учащимся для перевода. Отнюдь не отрицая полезность такого подхода, в данной статье я хочу обратить внимание на совершенно недооценённые в наших учебниках ресурсы русской литературы, заключённые как в самих исходных текстах, так и в многочисленных английских переводах одного и того же произведения.

Благодаря интернету не составляет труда читать и сопоставлять несколько переводов одного и того же произведения, что, в частности, открывает интересные перспективы для обучения грамматике. Для экспериментального сравнительного описания была выбрана одна грамматическая тема — условные предложения в английском языке, а именно: четыре типа условных предложений (нулевого, первого, второго и третьего типов). Смешанные типы условных предложений остались за рамками исследования. Первичным материалом для наблюдения послужили русские условные предложения с союзами *если, ежели, кабы, коли, когда, буде, раз*, и без них в текстах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Выборка первичного материала была сопоставлена с некоторыми из существующих переводов. Рассмотрим по отдельности каждый тип условных предложений.

В английских условных предложениях нулевого типа условие, как правило, в равной мере относится к настоящему и к будущему; союз *if* может заменяться словами *when/whenever* (*когда/ всякий раз*). Примеры из учебников типа

Fast Track to CAE, New Headway полезны тем, что они типичны для современного разговорного языка: *You lose weight if you exercise regularly (Fast Track to CAE) — ‘Вы избавляетесь от лишнего веса, если регулярно занимаетесь физическими упражнениями’*. Примеры из русской классики хорошо знакомы русскоязычной аудитории и написаны ярким художественным языком: *Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать*. (Н. Гоголь. Мёртвые души). А вот та же ситуация в двух разных переводах: а) *‘At this point Chichikov remembered that when a friend invites you to call on him in his village, only ten miles out of town, it means that it must certainly be twenty miles distant.’* [перевод Б. Герни// https://archive.org/details/deadsouls0000niko_q4m2/page/n3/mode/2up]. б) *‘At this point Chichikov remembered that if a friend invites one to his village twelve miles away, it usually means that there’ll actually be twenty-five miles to go.’* [перевод Э. Макэндрю// <https://archive.org/details/gogolnikolaidead0000unse/page/n5/mode/2up?view=theater>]. Сравнение двух переводов даёт основание предположить, что *when/whenever* хотя бы частично компенсирует отсутствие категории вида в английском языке. Ведь фразу *‘if a friend invites you’* можно понять двояко: и *‘если приятель приглашает’*, и *‘если приятель пригласит’*.

В английских условных предложениях первого типа (first conditional) сказуемые коррелируют с такими русскими сказуемыми, которые **не** сопровождаются частицей *б/бы*. Иными словами, сказуемые употребляются в изъявительном, а не сослагательном наклонении, а действие в главном предложении с большой вероятностью может произойти. Типичная иллюстрация из английского учебника: *We’ll come and see you on Sunday if the weather’s good. (Headway) — ‘Мы приедем к вам*

в воскресенье, если погода будет хорошая'. Пример из русской классики: *Лопухин. Если ничего не придумаем и ни к чему не придём, то двадцать второго августа и вишневый сад, и все имение будут продавать с аукциона.* (А. Чехов. Вишнёвый сад). Два возможных варианта перевода: а) *LOPAKHIN. If we don't make a plan and get something decided, that orchard — and the whole estate with it — is going to be auctioned — on the twenty-seventh of August...* [перевод Р. Хингли в: Anton Chekhov. Five Plays — Oxford University Press — 1998- 294pp.]; б) *LOPAKHIN. If we can't think of anything and don't make up our minds to anything, then on August 22, both the cherry orchard and the whole estate will be up for auction.* [перевод Д. Веста // <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/chorch2.htm>].

Ещё один пример из русской классики: *Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж в последствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки...* (А. Пушкин. Капитанская дочка.) В этом предложении, из-за того, что в русском языке отсутствует правило согласования времён, употреблённые грамматические формы ('если не переспорю, ...трудно будет') предугадывают first conditional. Однако в переводе обойти жёсткое правило согласования времён не удаётся: а) *'I felt that unless I made the obstinate old man give in to me at this decisive moment, I would thereafter find it difficult to free myself of his tutelage...*' [перевод Е. Телфер // [https://en.wikisource.org/wiki/Russian_Romance_\(Pushkin\)/The_Captain%27s_Daughter](https://en.wikisource.org/wiki/Russian_Romance_(Pushkin)/The_Captain%27s_Daughter)]; б) *'I told myself that if I did not get the upper hand of the obstinate old fellow at this critical moment, it would be difficult for me in future to shake off his tutelage...*' [перевод Т. и А. Литвиновых в: Alexander Pushkin-Selected Works of Prose — Raduga Publishers — Moscow — 1999 — 270pp.] Тем не менее, оба перевода остаются в рамках первого типа условных предложений.

Большинство условных предложений второго типа в согласительном наклонении (second conditional) выражают редко осуществимое действие при едва ли исполнимых желаниях. По-английски такое языковое поведение можно назвать *pipe-dreaming*: *If I won some money, I would go around the world. (New Headway)* — ‘Если бы я выиграл достаточно денег, я бы отправился путешествовать по свету’. А по-русски самое подходящее слово — маниловщина, по имени гоголевского персонажа. Вот как Н. Гоголь описывает своего героя: *[...куря трубку (sic!) ...] ...говорил он [Манилов] о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки... впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. (Н. Гоголь. Мёртвые души). Перевод: ‘[...as he puffed away at his pipe...] ... he [Manilov] would get to talking of what a good thing it would be if one were to up and tunnel an underground passage leading out of the house, or build a stone bridge across the pond, on both sides of which there would be shops...However, these projects ended, after all, with mere talk.’ [Б. Герни//op cit.]*

Между first и second conditionals порой трудно провести границу. Так, следующее пушкинское предложение трактуется переводчиками по-разному. [Иван Кузмич жене:] “...даром что ты старуха, а посмотри, что с тобою будет, коли возьмут фортецию приступом” (А. Пушкин. Капитанская дочка.) Толкование сквозь призму second conditional: а) ‘...think what might happen to you were your fortress to be taken by assault.’ [перевод М. Зилинской// <https://www.gutenberg.org/cache/epub/4344/pg4344-images.html>]. Толкование сквозь призму first conditional: ‘...You’re an old woman, but who knows what may happen to you if the fortress is taken by storm.’ [перевод Т. и А. Литвиновых//op cit.]

В условных предложениях третьего типа в сослагательном наклонении (third conditional) говорится о действиях в прошлом, которые не могут быть изменены, например: *She wouldn't have left if she had been promoted (Fast Track to CAE)*. Благодаря специальным грамматическим формам в главном и придаточном предложениях это высказывание однозначно указывает на отнесённость к прошлому. Однако при переводе на русский язык ('Она бы не ушла с работы, если бы её повысили в должности') однозначность может размываться, поскольку русские эквиваленты second и third conditionals грамматически чаще всего оформляются при помощи одних и тех же средств (форма прошедшего времени глагола + б/бы). Поэтому для тех, кто только начинает знакомиться с английской грамматикой, приведённый выше русский перевод может прозвучать и как желаемое условие в будущем. Для того, чтобы учащийся однозначно понял суть third conditional, желательно начинать знакомство с этим явлением через русские примеры, в которых описываются хорошо известные исторические эпизоды и к которым приложима расхожая истина: история не терпит сослагательного наклонения, поскольку что было, того не изменить. Типичный пример находим у Толстого: *Многие историки говорят, что Бородинское сражение не выиграно французами потому, что у Наполеона был насморк, что ежели бы у него не было насморка, то распоряжения его до и во время сражения были бы ещё гениальнее, и Россия бы погибла, et la face du monde eut ete changee.* (Л. Н. Толстой. Война и мир.) Перевод: '*Many historians assert that the French failed at Borodino because Napoleon had a cold in his head; that if he had not had a cold the orders given by him before and during the battle would have been even more remarkable for their genius, and Russia would have been lost and the face of the world would have been changed.*' [перевод Констанс Гарнетт <https://>

archive.org/details/warpeace01tols_0/page/n7/mode/2up?view=theater]. Но наибольшую пользу при знакомстве со своеобразными правилами построения third conditional могут принести русские примеры, в которых русский язык подчиняется своим, не менее своеобразным, правилам. Так, в лермонтовском предложении: *Не будь на то господня воля, // Не отдали б Москвы!*” (переводы: а) *Had it not been God's will alone, Old Moscow should have stood!* [перевод П. Соловьёв // <https://ruverses.com/mikhail-lermontov/borodino/1830/>]; б) *But for God's will, unless He dealed, Old Moscow would have stood!* [перевод Дм. Бек-Лемешев // <https://ruverses.com/mikhail-lermontov/borodino/1829/>]) — форма повелительного наклонения ‘не будь’, как и многие другие подобные формы, выражает условие, а не призыв, повеление (*‘Будь готов всегда и во всём!’*); ведь и в выражении ‘*if he had not had*’ (в переводе толстовского предложения) использовано не предпрошедшее время (the Past Perfect Tense), а лишь совпадающая с ним форма.

Однако, как уже было отмечено, в большинстве случаев для построения условных предложений в сослагательном наклонении русский язык прибегает к одним и тем же грамматическим формам в главном и придаточном предложениях; причём, они же используются при переводе английских условных предложений как второго, так и третьего типов. Из-за этого при толковании русских примеров могут возникать спорные случаи. Рассмотрим два примера.

Первый пример взят из разговора Онегина с Ленским: *Неужто ты влюблён в меньшую? //— А что? — Я выбрал бы другую, //Когда б я был как ты поэт...* (А. Пушкин. Евгений Онегин.) Переводы: а) ‘*What, does the younger one allure you? //’ Well? ‘Were I poet, I assure you //I’d pick the other...*’ [Alexander Pushkin *Yevgeny Onegin* — Everyman-1995 edited, with revised translation,

by A. D. P. Briggs, based on a translation by Oliver Elton]. b) *'Can it be it's the younger one// that you're in love with?' 'Why not?' 'I'd have chosen // the other, had I been like you a poet.'* [В. Набоков. // <http://nabokov-lit.ru/nabokov/stihi/eugene-onegin/onegin-3.htm>]. Интересно отметить, что в схожей ситуации: “...если бы я была поэтом, я бы другие брала сюжеты” (И. С. Тургенев. Первая любовь.) — переводчица Кларенс Гарнетт отдаёт предпочтение второму типу условных предложений, как в условной, так и в главной части: *'If I were a poet, I would select other subjects.'* [https://docs.igihe.com/IMG/pdf/first_love_by_turgenev_ivan_sergeyevich_translator_constance_garnett_.pdf]. Вполне вероятно, что на выбор переводчиков может влиять вид глагола, а именно: *'выбрать'* (совершенный вид) и *'брать'* (несовершенный вид). Тогда в случае с пушкинским примером более оправданным представляется вариант В. Набокова, но только для главного предложения. А вот в условном предпочтении, пожалуй, надо отдать английским переводчикам. В результате исходный текст предполагает смешанный тип условного английского предложения.

Второй пример — чеховская ремарка из “Вишнёвого сада”: *Любовь Андреевна угнетена; она упала бы, если бы не стояла возле кресла и стола.* Эту ремарку два разных переводчика с одинаковым успехом рассматривают как сквозь призму второго, так и третьего типов условных предложений без искажения смысла: а) *LUBOV ANDREYEVNA is overwhelmed; she would fall if she were not standing by an armchair and a table.* б) *MRS. RANEVSKY is overwhelmed and would have fallen if she had not been standing near an armchair and a table.*

Как видим, наблюдения за корпусом переводческих вариантов исходного русского литературного источника позволяют прийти к ряду интересных заключений. Предлагаемый метод накопления иллюстративного и исследователь-

ского материала в целях обучения грамматике можно успешно применять для работы над самыми разнообразными темами, например, над темой модальности.

Список литературы:

1. Liz and John Soars. New Headway Intermediate Student's Book—Oxford university Press. 2009.
2. Alan Stanton, Susan Morris. Fast Track to CAE, Coursebook. Longman. 2004.

Сведения об авторе:

Третьюхин Александр Николаевич, к. филол. н., доцент
МГИМО МИД России, Москва, Россия; email: trelana40@list.ru

**RUSSIAN LITERATURE AT THE LESSONS OF ENGLISH
GRAMMAR**

Alexander N. Tretjukhin

Candidate of Philology, Associate Professor, MGIMO University,
Moscow, Russia; email: trelana40@list.ru

Abstract

The article focuses on the proposition that certain rules of English grammar in a class of Russian-speaking students may be illustrated not only by the examples culled from English primary sources, which is indispensable, but, ironically, also by the examples drawn from Russian classical literature. This source of teaching examples has been completely overlooked in the contemporary textbooks put together by non-native Russian-speaking instructors of English. The article is looking to show that the usefulness of such examples goes far beyond the fact that the majority of them sound familiar to any Russian. Given that all

Russian classical texts have been translated into English many times over by different translators, the most valuable thing about these examples is that they allow a comparative grammar analysis of different translations of the same Russian literary episode. The article describes a few observations thus made concerning English conditional sentences. In practical terms, the task of building a body of the sought-after examples from the original text along with a few translations is possible through the internet.

Keywords: Russian literature, conditional sentences, subjunctive mood.

Vietnamese-Russian Mutual and Self-Perceptions: Results of an Intercultural Research

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81`23

I. Lenart, I. Yu. Markovina, A. A. Matyushin,
N. V. Hiep, H. Pham

The research was supported by grant the Russian Foundation of Basic Research (RFBR) and the Vietnam Academy of Social Sciences (VASS), project number 21-512-92001\23

Abstract

The article sums up the major outcome of a research aiming to draw the national / ethnic portraits and self-portraits of the Russian and the Vietnamese nations. Vietnamese-Russian mutual and self-perceptions were investigated in the frame of a questionnaire-based research conducted with Russian and Vietnamese university students (N=100 in each country) which was complemented by a corpus linguistic analysis. Data were collected in two categories: characteristic as well as personified (anthroponymic) traits; whereas firstly lexical units descriptive of the Vietnamese and the Russian people were gathered, secondly names of well-known personalities of the two nations were called for. Results shed light on differences as well as similarities between how members of both nations see themselves vis-à-vis how member of the other nation see them. Semantic asymmetries were pinpointed in the case of overlapping descriptions of national characteristics. Negative (critical) traits of mutual and self-perceptions were pinpointed. Results of the research may effectively contribute to the better understanding of Russian-Vietnamese intercultural communication and can hopefully be conducive to prevent intercultural misunderstandings and miscommunication in this relation.

Keywords: characteristic and anthroponymic traits, intercultural communication, mutual and self-perceptions, Psycholinguistics.

Introduction

The investigation of intercultural communication is more timely and relevant than ever. Intercultural dialogue can be conceptualized in numerous ways and can be scrutinized with different research methods in order to better understand how actors conduct this dialogue, to be able to predict their future behavior as well as to effectively prevent intercultural misunderstandings and miscommunication. In this article, the authors analyze Russian and Vietnamese culture-bearers' mutual and self-perceptions relying on the concepts and results of the Russian School of Psycholinguistics [Sorokin 2007; Ufimtseva 2014; Leonard et al. 2019].

Since the 1960s, intercultural studies have been attempting to gain an insight to intercultural communication by the application of different approaches including value theories [Kluckhohn and Strodtbeck 1961; Schwartz 1992], as well as measurable cultural dimensions [Hofstede 1980; Trompenaars and Hampden-Turner 1999], followed by theories originating from intercultural psychology [Triandis et al. 1971; Berry 1980; Li et al. 2019] to mention but a few conceptual frameworks. In this study, the authors focus on the concepts of national / ethnic portraits and self-portraits [Sorokin 2007; Markovina et al. 2021] that root from the Russian School of Psycholinguistics. Sorokin (2007) reconstructed ethnic portraits and self-portraits through the identification of characterological and personified (anthroponymic) traits. This study aims to better understand and explain Russian-Vietnamese mutual and self-perceptions with the purpose of raising the effectiveness of bilateral

communication, to avoid intercultural misunderstandings and miscommunication.

Methods

Primary data collection was performed in the form of a questionnaire-based survey conducted with Russian and Vietnamese university students (100–100 respondents in each country) and complemented by a corpus linguistic analysis with the online research tool Sketch Engine [Kilgarriff et al. 2014].

Questionnaires were created firstly in the Russian language followed by their Vietnamese translation and were distributed online via Google Forms platform. Respondents were homogeneous in both countries in terms of age (17–25 years), social status (university students), and mother tongue (the Russian or the Vietnamese language, respectively). Data was collected in Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia) and in the University of Social Sciences and Humanities of the Vietnam National University (Hanoi, Vietnam). Participation was voluntary, questionnaires were approved by the Ethical Committee of Leontiev Center for Cross-Cultural Research (Institute of Linguistics, Russian Academy of Science). A total number of 109 Russian and 112 Vietnamese respondents filled out the questionnaires, out of which 100–100 were randomly selected for analysis. The questionnaires consisted of two major parts, the first one requesting description of the Russian and the Vietnamese people, the second one collecting names of famous or well-known personalities from each nation. Results were arranged into frequency lists by native Russian- and Vietnamese-speakers in order to draw the ethnic/national portraits and self-portraits of the two nations.

Primary analysis was complemented by a secondary investigation with corpus linguistic methods. Two large-scale

linguistic corpora were selected for data analysis: the Russian language was investigated by *ruTenTen11*, an Internet-based corpus of the Russian-language from 2011 consisting of approximately 18 billion words; while Vietnamese was analyzed by *VietnameseWaC*, a similar Internet-based corpus from 2010, a corpus comprising approximately 106 million words. Both online corpora were searched for keywords and analyzed with the Sketch Engine corpus linguistic tool for thesauri, frequencies, keyword in context, and investigation of semantic fields.

Results and Discussion

As a result of the questionnaire-based survey, both characteristic traits (descriptive nouns and adjectives) and personified (anthroponymic) traits (names of well-known personalities) were collected from the respondents from four directions: 1. Russian self-portraits; 2. Russians' portrait (perception) about Vietnamese; 3. Vietnamese self-portraits; 4. Vietnamese's portrait (perception) about Russians. A total number of 675 characteristic traits were gathered from the Russian respondent group (437 traits of Russian and 238 of Vietnamese people), meanwhile 579 characteristic traits from the Vietnamese participants (308 characteristics of Vietnamese people and 271 traits of Russians).

Chart 1 displays the top-3 characteristic traits of the Russian and the Vietnamese self-portraits, divided into two semantically different groups by the authors, namely into characteristics with positive vs. negative (critical) meaning. The top-3 results suggest a different self-perception of the two nations, Russians describing themselves as *kind*, *patient*, and *courageous*, while Vietnamese mainly see themselves as *united*, *hard-working*, and *patriotic*. Russian characteristic traits seem to be more closely connected to personal good qualities, to benevolence, solidarity

Chart 1

Top-3 positive and negative (critical) characteristic traits of the two nations

	Russian self-portrait		Vietnamese self-portrait	
	Positive traits	Negative traits	Positive traits	Negative traits
1	<i>kindness</i> (доброта)	<i>passivity</i> (пассивность)	<i>unity</i> (đoàn kết)	<i>being indomitable</i> (bất khuất)
2	<i>patience</i> (терпеливость)	<i>sadness</i> (грусть)	<i>hard work</i> (cần cù)	<i>naivety</i> (chất phác)
3	<i>courage</i> (смелость)	<i>heavy drinking</i> (пьянство)	<i>patriotism</i> (yêu nước)	—

Chart 2

Overlapping characteristic traits of Russians and Vietnamese

Russian original	Vietnamese original	English equivalent
<i>смелость</i>	<i>dũng cảm</i>	<i>courage</i>
<i>гостеприимство</i>	<i>hiếu khách</i>	<i>hospitality</i>
<i>трудолюбие</i>	<i>cần cù</i>	<i>hard work</i>
<i>ум</i>	<i>thông minh</i>	<i>intelligence</i>
<i>доброта</i>	<i>tốt bụng</i>	<i>kindness</i>

and compassion to their fellow countrymen, while a stronger reference to the country/nation can be grasped in the Vietnamese dataset marked by words as *đoàn kết* (*unity*) or *yêu nước* (*patriotism*). Respondents described both Russians and Vietnamese by an overwhelmingly high proportion of positive nouns and adjectives, however, some sporadic examples of negative (critical)

traits were also mentioned. Russians criticize themselves with *passivity* (*пассивность*), *sadness* (*грусть*), and *heavy drinking* (*пьянство*), while Vietnamese self-perception includes being *indomitable* (*bất khuất*) and *naïve* (*chật phật*).

The collected characteristic traits displayed several overlapping items that were evoked by both Vietnamese and Russian respondents (Chart 2). After compiling all the obtained data in all four investigated directions (Russian and Vietnamese self-descriptions and mutual descriptions of the two nations), the following five overlapping characteristics emerged from the survey: 1. *courage* (*смелость/dũng cảm*); 2. *hospitality* (*гостеприимство/hiếu khách*); 3. *hard work* (*трудолюбие/cần cù*); 4. *intelligence* (*ум/thông minh*); and 5. *kindness* (*доброта/tốt bụng*). It must be noted that although these traits can be considered as linguistic (translational) equivalents, their semantic structure may vary in the Russian and the Vietnamese languages (for a more detailed description of the common traits see [Markovina et al. 2022]).

Although the aforementioned five pairs of overlapping characteristics — five Russian and five Vietnamese words — can be considered as dictionary-equivalents, their semantic structure were contrasted with the aim of gaining a more precise picture of the culturally different denotations and connotations of the words *смелость* and *dũng cảm* (*courage*); *гостеприимство* and *hiếu khách* (*hospitality*); *трудолюбие* and *cần cù* (*hard work*); *ум* and *thông minh* (*intelligence*); as well as *доброта* and *tốt bụng* (*kindness*). The authors chose corpus linguistic methods to semantically compare these pairs of words, with the aid of the thesauri function of the Sketch Engine online analytical tool [Kilgarriff 2014]. The thesauri function identifies quasi-synonymic expressions in the selected language (Russian and Vietnamese) based on context of these words within the massive amount of texts in the compared reference corpora (*ruTenTen11* and *VietnameseWaC*).

Chart 3

**Semantic comparison of an overlapping trait:
hard work (трудолюбие/cần cù)**

	Russians		Vietnamese	
	Value	Freq.	Value	Freq.
1. <i>целе- устремленность</i> (purposefulness)	0.495	2864	<i>chăm chỉ</i> (hard work, assiduousness)	0.41 1237
2. <i>настойчивость</i> (persistence)	0.486	5401	<i>cực khổ</i> (being miserable)	0.21 684
3. <i>порядочность</i> (moral rectitude)	0.462	3443	<i>giỏi giang</i> (proficiency)	0.2 332
4. <i>добро- желательность</i> (benevolence)	0.448	2960	<i>cực nhọc</i> (difficulty)	0.19 558
5. <i>аккуратность</i> (tidiness)	0.44	3454	<i>cần mẫn</i> (industriousness)	0.19 469
6. <i>честность</i> (honesty)	0.426	8625	<i>năng động</i> (dynamism)	0.16 2503
7. <i>упорство</i> (perseverance)	0.415	6434	<i>tắc trách</i> (negligence)	0.16 146
8. <i>дисциплинирован- ность</i> (discipline)	0.402	1008	<i>hiếu khách</i> (hospitality)	0.16 331
9. <i>смелость</i> (courage)	0.401	10108	<i>chịu khó</i> (hard work)	0.15 1707
10. <i>внимательность</i> (attentiveness)	0.393	3235	<i>nặng nhọc</i> (being heavy, hard work)	0.15 521

In this paper — due to limitations in length — only one pair of words: *трудолюбие* and *cần cù* (*hard work*) are being compared (Chart 3). As displayed on Chart 3, strongly different thesauri / synonyms were identified in the two cases. The Russian word *трудолюбие* is mainly associated with the qualities of a noble, benevolent, sincere person appearing in such expressions as *порядочность* (*moral rectitude*), *доброжелательность* (*benevolence*), *аккуратность* (*tidiness*), *честность* (*honesty*) and *внимательность* (*attentiveness*). Thesauri of the Vietnamese term *cần cù* refer on the one hand to the difficulties and hardship — even misery — of Vietnamese people as connected to *hard work* taking form in such words as *cực khổ* (*being miserable*), *cực nhọc* (*difficulty*), and *nặng nhọc* (*being heavy, hard work*). On the other hand, the semantic structure of the Vietnamese word seems to refer to a more active, dynamic approach to work appearing in the expressions *giỏi giang* (*proficiency*) and *năng động* (*dynamism*).

As mentioned above, primary data collection was complemented by a subsequent corpus linguistic analysis. Based on two large linguistic corpora of the Russian and the Vietnamese languages (*ruTenTen11* and *VietnameseWaC* respectively), the contexts of the words *Russian* (*русский, Nga*) and *Vietnamese* (*вьетнамский, Việt*) were investigated in two word classes, nouns and adjectives, with the top-10 most frequent contexts as displayed in Chart 4. The core of the national self-portraits in both the Russian and the Vietnamese cases incorporate the following three notions: 1. „country” embodied in such words as *России* (*Russia*), *nước* (*country*), and *quốc* (*country*); 2. “nation/people” of the country marked by contexts as *народа* (*nation*), *человек* (*man*), *người* (*people*), and *dân* (*people*); 3. “language” appearing in words including *язык* (*language*), *tiếng* (*language*). In the Russian self-perception *history* (*истории* and *историче-*

Chart 4

**Russian and Vietnamese self-portraits,
based on a corpus linguistic comparison**

	Russian self-portrait		Vietnamese self-portrait	
	Noun	Adjective	Noun	Adjective
1	<i>Россия</i> (Russia)	<i>русский</i> (Russian)	<i>người</i> (people)	<i>Việt</i> (Vietnamese)
2	<i>язык</i> (language)	<i>новый</i> (new)	<i>dân</i> (people)	<i>trung</i> (central)
3	<i>время</i> (time)	<i>английском</i> (English)	<i>tiếng</i> (language)	<i>chính</i> (main)
4	<i>году</i> (year)	<i>российской</i> (Russian)	<i>nước</i> (country)	<i>mỹ</i> (American)
5	<i>истории</i> (history)	<i>великого</i> (great)	<i>năm</i> (year)	<i>mới</i> (new)
6	<i>народа</i> (nation)	<i>других</i> (other)	<i>quốc</i> (country)	<i>pháp</i> (French)
7	<i>жизни</i> (life)	<i>народные</i> (national)	<i>nhà</i> (house)	<i>đại</i> (great)
8	<i>человек</i> (man)	<i>православной</i> (Orthodox)	<i>việc</i> (job)	<i>bằng</i> (equal)
9	<i>культуры</i> (culture)	<i>разных</i> (various)	<i>đất</i> (soil)	<i>lớn</i> (great)
10	<i>место</i> (place)	<i>исторической</i> (historical)	<i>phương</i> (way)	<i>ngôn</i> (language)

ской), *culture* (культуры), and the *Orthodox* (православной) Christian religion appear in the top-10 results, meanwhile *house* (nhà), *job* (việc) and *soil* (đất) take central place in the Vietnamese self-portrait.

Chart 5

Russian and Vietnamese anthroponymic self-portrait (top-3 groups with examples)

Category	Examples	Share
Writers	<i>Pushkin (39); Tolstoy (14); Dostoevsky (11)</i>	29.91%
Political leaders	<i>Peter the Great (29); Putin (14); Lenin (7)</i>	23.17%
Scientists	<i>Mendeleev (20); Lomonosov (16); Sechenov (11)</i>	19.65%
Political leaders	<i>Ho Chi Minh (98); Quang Trung (16); Nguyen Xuan Phuc (12)</i>	51.93%
Military leaders	<i>Vo Nguyen Giap (81); Vo Thi Sau (13); Le Loi (3)</i>	29.08%
Writers	<i>Nguyen Du (22); Nguyen Trai (19); Xuan Dieu (1); Le Quy Don (1)</i>	12.76%

Besides characteristic traits, personified (anthroponymic) portraits of Russia and Vietnam were also reconstructed by requesting respondents to evoke famous Russian and Vietnamese persons. Russians named 341 well-known Russian and 94 Vietnamese individuals, while the Vietnamese respondents gave account of 343 Vietnamese and 335 Russian persons (Chart 5). Nearly three fourths (72.73%) of the Russian anthroponymic self-portrait contain writers (*Pushkin, Tolstoy, Dostoevsky, etc.*), political leaders (*Peter the Great, Putin, Lenin, etc.*), and scientists (*Mendeleev, Lomonosov, Sechenov, etc.*) while 93.77 percent of the Vietnamese anthroponymic self-portrait is composed of political leaders (*Ho Chi Minh, Quang Trung, Nguyen Xuan Phuc, etc.*), military leaders (*Vo Nguyen Giap, Vo Thi Sau, Le Loi, etc.*), and writers (*Nguyen Du, Nguyen Trai, Xuan Dieu, and Le Quy Don*).

Conclusion

This questionnaire-based research effectively shed light not only on dissimilarities between the Russian and Vietnamese perceptions and self-perceptions but also on common / overlapping characteristic traits of the two nations including the notions of *courage, hospitality, hard work, intelligence* and *kindness*. The further investigation of these terms with the aid of corpus linguistic methods delineated semantic, culture-bound differences in the meaning of the Russian and Vietnamese expressions.

Although respondents seemed to describe both their native country and the other investigated country with an overwhelmingly high proportion of positive traits, a handful of negative or critical characteristics appeared including Russians characterized by *passivity (пассивность)*, *sadness (грусть)*, and *heavy drinking (пьянство)*, or Vietnamese seeing themselves as *being indomitable (bất khuất)*, and *naivety (chất phác)*. The further investigation and possibly a complementary research on only negative perceptions might yield valuable additional results.

Based on the top-10 results of Russian and Vietnamese self-perceptions, the cores of the two national self-portraits were delineated, defining both self-perceptions with the notions “country”, “nation/people”, and “language”. The Russian self-portrait was found to be strongly connected to *history (историю/ исторической)*, *culture (культуры)*, and to the *Orthodox (православной)* Christian religion, while the Vietnamese results suggest a close connection with *house (nhà)*, *job (việc)* and *soil (đất)*. Some terms — e.g. *đoàn kết (unity)* or *yêu nước (patriotism)* worth to be further investigated in a subsequent study.

All in all, the investigation of mutual and self-perceptions in the Russian-Vietnamese context proved to be a fertile area of intercultural research. The results further sophisticated our knowledge on conscious and subconscious shades of meanings,

differences in self-perception compared to how others see us, and eventually without doubt can contribute to a more effective communication and the avoidance of intercultural misunderstandings between members of the observed nations.

References:

1. Berry, J. W. (1980) Acculturation as varieties of adaptation. in: Padilla A. *Acculturation: Theory, models and findings*. Westview, Boulder, Co. 1980. 9–25.
2. Hofstede, G. (1980) *Culture's Consequences: International differences in Work-Related Values*. Sage Publications, London, Beverly Hills.
3. Kilgarriff, A., Baisa, V., Busta, J., Jakubicek, M., Kovar, V., Michelfeit, J., Rychiy, P. & Suchomel, V. (2014) The Sketch Engine: ten years on. *Lexicography, Vol. 1, No. 1*, 7–36.
4. Leonard, S. P., Ufimtseva, N. V., Markovina, I. Yu. (2019) Language, consciousness and culture: some suggestions to develop further the Moscow school of psycholinguistics. *Yazik i Kultura [Language and Culture]*. 2019. 111–130.
5. Li, Wendy Wen, Hodgetts, Darrin, Foo, Koong Hean (2019) *Asia-Pacific Perspectives on Intercultural Psychology*. Routledge, Abingdon, UK.
6. Markovina, I. Yu, Matyushin, A. A., Lenart, I., Pham, H. Perception of Russians and Vietnamese by Russian respondents: an experimental study. *Journal of Psycholinguistics*, No. 2 (June 30, 2021): 74–85.
7. Markovina, I. Yu., Lenart, I., Matyushin, A. A., Pham, H. (2022) Russian-Vietnamese mutual perceptions from linguistic and cultural perspectives. *Heliyon*. 2022 Jun 20;8(6).
8. Sorokin, Yu. A. (2007) *Etnicheskaya konfliktologiya (Teoreticheskije I Eksperimental'nye Fragmenty) [Ethnoconflictology (Theoretical and Experimental Fragments)]*. Institute for Problems of Risk. Moscow.

9. Triandis, H. C., Malpass, R. S., Davidson, A. R. (1971) *Cross-cultural psychology*. Bienn. Rev. Anthropol. 1971. 7: 1–84.
10. Trompenaars F., Hampden-Turner, C. (1999) *Riding the Waves of Culture. Understanding Cultural Diversity in Global Business*. Nicholas Brealey Publishing, London.
11. Ufimtseva, N. V. (2014) Russian psycholinguistics: contribution to the theory of intercultural communication. *International Communication Studies, XXIII (1)*, 1–13.

About the authors

Irina S. Markovina

Doctor of Philology, Professor, Sechenov First Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
email: markovina_i_yu@staff.sechenov.ru

Nguyen Van Hiep

PhD, Professor, Hanoi University of Industry, Hanoi, Vietnam;
email: nvhseoul@gmail.com

Istvan Lenart

PhD, Associate Professor, Sechenov First Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
email: istvan.lenart@sechenov.ru

Hien Pham

PhD, Associate Professor, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi, Vietnam;
email: phamhieniol@gmail.com

Alexey A. Matyushin

Candidate of Pharmaceutical Sciences, Associate Professor, Sechenov First Moscow State University, Moscow, Russian Federation;
email: matyushin@sechenov.ru

Investigating Intercultural Pragmatics in International and Local English Textbooks: a Cross-Cultural Comparative Analysis

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 81'42

Z. Rahbarmah, H. Allami, A. Dehghan

Abstract

Given its transformative impact on learners' language proficiency and intercultural competence, cross-cultural communication has become an indispensable aspect of language teaching. However, successful cross-cultural communication is a complex endeavor that requires understanding intercultural pragmatics—the study of interactions between interlocutors from diverse cultures through the lens of pragmatics [Kecskes 2014]. As a result, this study investigates the cross-cultural knowledge embedded in international English textbooks' content compared to the local ones. In this sequential exploratory study, two sets of English teaching textbooks, including *Prospect English books 2, 3, Vision 1* (local textbooks), and *American English File Starter and Book 1* (international textbooks), were subjected to rigorous scrutiny regarding cross-cultural knowledge. Cross-cultural knowledge in internationally and locally developed textbooks was examined with five levels: famous names, names of cities and countries, names of famous places and buildings, customs, and ceremonies. A chi-squared test of independence indicated a significant difference ($p < 0.05$) among these categories regarding the type of textbooks. The findings highlighted the American English File series's superiority in emphasizing international cultures. This study's findings will assist curriculum developers, teachers, students, and policymakers in enhancing the adequacy of current textbooks' cross-cultural knowledge required for successful interaction.

Keywords: cross-cultural communication, English textbooks, intercultural pragmatics, language teaching.

Introduction:

Various materials can be used for second language learners in ELT classrooms. However, textbooks play a pivotal role; learning another language seems implausible without their assistance. Recently, a copious amount of research has been conducted to assess and analyze well-published textbooks from various viewpoints, including pragmatic competence reflected in English textbooks [Vellenga 2004; Soozandehfar and Sahragard 2011; Kohandani et al. 2014, Jalilian and Roohani 2016]. Pragmatic competence was initially defined by Crystal [1985] as “the study of language from the point of view of users, especially of the choices they make, the constraints they encounter in using language in social interaction, and the effects their use of language has on other participants in the act of communication” [Crystal 1985: 240]. As a result of globalization, English is generally accepted as an international language, used by roughly 427 million native speakers and 750 second or foreign language speakers [Crystal 1997]. However, all these culturally different societies do not share the same culture.

On the other hand, ever-increasing cross-cultural communication is why different people with different cultures and first languages can live in the same society. One way to sustain successful cross-cultural communication is to acquire intercultural pragmatics [Putz, Neff-van Aertselaer 2008]. As a relatively new field of inquiry, intercultural pragmatics delves into how language is employed during social interactions among individuals with diverse native languages and distinct cultural backgrounds engaging in communication through a shared language [Kecskes 2013].

Kasper and Blum-Kulka [1993] believed cross-cultural pragmatics to be the study of linguistic acts used by users with different cultural backgrounds. Within the purview of pragmatics, culture is indefinable without a user [Mey 2008]. Language user's values, beliefs, cultural assumptions, and communication strategies demonstrate clearly in cross-cultural pragmatics [Locastro 2003].

One way to enhance student's ability to communicate cross-culturally is closely related to the amount of intercultural pragmatic knowledge incorporated in the textbooks. So, English textbooks developed recently in Iran should be analyzed regarding intercultural pragmatics to see whether they can prepare students for successful cross-cultural communication. Limited studies investigating pragmatics knowledge exist in these books. Gholami [2015] explored pragmatic knowledge incorporation into Iranian EFL textbooks by analyzing specifically based on speech acts, four politeness strategies, lexical, syntactic classification, tense in temporal deixis, adjacency pairs, and hesitation marks. Besides, Gholami and Ghasemi [2018] examined the recently introduced English Language Teaching (ELT) textbooks in Iranian junior high schools. Their investigation focused on assessing the representation of cultural elements within these textbooks and evaluating the extent to which they contribute to developing intercultural competence in learners. Jamshidian [2023] also attempted to discover the extent to which pragmatic knowledge was considered in Iranian high school English textbooks (*Vision Series*) by analyzing the subcategories of functional knowledge and sociolinguistic knowledge. Culture reflected in these books was investigated to some extent; however, more in-depth investigation is needed to ascertain how intercultural pragmatic knowledge is incorporated into Iranian EFL textbooks. Besides, comparing them

with well-published English textbooks designed for ESL learners worldwide can give us more profound insight into the efficiency of intercultural pragmatic knowledge reflected in Iranian English textbooks.

Methodology:

This study follows a sequential exploratory design. “The sequential exploratory strategy involves the first phase of qualitative data collection and analysis followed by a second phase of quantitative data collection and analysis that builds on the results of the first qualitative phase” [Creswell 2009: 211].

Procedure:

Firstly, *Prospect English Books 2, 3, and Vision 1*, taught in Iranian schools, and *American English File Starter and Book 1*, taught in English institutes worldwide, were examined based on intercultural pragmatics. John’s [2005] framework was adopted to analyze the cultural knowledge in the textbooks. Based on that, the cultural knowledge was divided into different categories with two levels for local textbooks: source culture and target international culture, and five levels for both local and international textbooks: names of famous people, names of cities, names of places, customs, and ceremonies.

Data analysis:

Having done the qualitative analysis of the material regarding the intercultural pragmatic content, the frequency of different areas of intercultural pragmatic knowledge at each level was counted. Then, a series of chi-squared tests were conducted. Two coders (two M.A. students of TEFL) independently reviewed and coded a randomly selected portion of the dataset. The Kappa statistic measures the level of agreement between two raters be-

Table 1

The frequency of cultural knowledge in locally developed textbooks regarding content

	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Source culture	109	58.9	58.9	58.9
International culture	76	41.1	41.1	100.0
Total	185	100.0	100.0	

Table 2

The Frequency of Cultural Knowledge in Locally Developed Textbooks Regarding Content

	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Names of Famous People	29	15.7	15.7	15.7
Names of Cities	57	30.8	30.8	46.5
Names of Famous Places	48	25.9	25.9	72.4
Customs	46	24.9	24.9	97.3
Ceremonies	5	2.7	2.7	100.0
Total	185	100.0	100.0	

yond what would be expected by chance; the Cohen’s Kappa coefficient obtained for this study was 0.76, showing substantial agreement between the coders according to established guidelines [Landis, Koch 1977].

Table 3

**The Frequency of Cultural Knowledge
in Internationally Developed Textbook Content**

	Frequency	Percent	Valid Percent	Cumulative Percent
Famous People	91	33.2	33.2	33.2
Names of Cities	54	19.7	19.7	52.9
Names of Places	31	11.3	11.3	64.2
Customs	84	30.7	30.7	94.9
Ceremonies	14	5.1	5.1	100.0
Total	274	100.0	100.0	

Table 4

**The Relation Between Local and International Textbooks
Regarding Cultural Knowledge**

	Value	df	Asymp. Sig. (2-sided)
Pearson Chi-square Test	85.453 ^a	4	.000
Likelihood Ratio	82.333	4	.000
Linear-by-Linear Association	9.017	1	.003
N of Valid Cases	1105		

Results:

The data shown in Table 1 demonstrates that in locally developed textbooks *Prospect1*, *Prospect2*, and *Vision1*, source culture (N = 109, 58.9%) gained a higher proportion than international target culture (N = 76, 41.1%).

As shown in Table 2, cultural knowledge involved in locally developed textbooks was investigated from another viewpoint in which categories would be of five types, namely, names of famous people (N = 29, 15%), names of cities all around the world (N = 57, 30.8%), names of famous places (N = 48, 25.9%), customs (N = 46, 24.9%), and ceremonies (N = 5, 2.7%).

Then, all lessons of *American English File Starter* and *American English File 1* were examined regarding cultural knowledge. As highlighted in Table 3, the highest cultural knowledge embedded in the textbook content goes for presenting information about famous people (N = 91, 33.2%) and customs (N = 84, 30.7%), followed by names of cities all around the world, and names of famous places (N = 31, 11.3%) while ceremonies (N = 14, 5.1%) received less attention than other cultural categories.

As illustrated in Table 4, a chi-square test of independence was carried out to explore the relation between locally developed and internationally developed textbooks considering the frequency of cultural knowledge in each category to see whether there was a significant difference. Results indicated a significant difference among these categories regarding the type of textbooks, $\chi^2(4, n = 1105) = 85.45, p = 0.000$.

Discussion and Conclusion:

This study attempts to investigate the cross-cultural knowledge represented in *American English File Starter and Book 1* as international textbooks compared to *Prospect English Books 2, 3, and Vision 1* as the local ones. To this end, content analysis was done on these books, and results were compared to better understand the cross-cultural knowledge embedded in these books.

Our findings revealed that limited attention has been paid to incorporating cultural knowledge, especially the target culture. *Prospect English books 2, 3, and Vision 1* mainly contain the source

culture. However, students must be culturally aware to communicate cross-culturally [Byram 2008]. Without efficient cultural insight, students may gain a one-sided and biased worldview in which some communities, genders, nationalities, and races are superior to others [Kobia 2009]. This finding is consistent with Gholami and Ghasemi's [2018] findings, which reported that the series is rather limited in incorporating different cultural topics and issues. They also pointed out that the *Prospect series* lacks a comprehensive coverage of elements related to the target language culture or international cultures, aligning with the present study results. Lack of sufficient cultural knowledge can be due to the textbook writers' perspectives, political limitations forced on publishers, or cultural constraints of the society [Hamiloğlu, Mendi 2010]. However, being interculturally competent requires some degree of target or international culture [Tajeddin, Teimourizadeh 2014].

The results of examining the international English textbooks revealed that international cultural knowledge seems indispensable in these textbooks since information about famous people, customs, names of cities all around the world, and names of places received enough attention. It is worth mentioning that cultural knowledge about ceremonies receives the least attention in both types of books. It may be due to the unbiased perspective of the writer and publisher about religion.

Comparing locally and internationally developed textbooks has shown a significant difference between these two books regarding the amount of cultural knowledge reflected in them. It indicates that the American English File series are more concerned about raising students' cultural awareness. As Byram [1989] stated, language awareness and cultural awareness are inseparable; language is connected to culture.

In conclusion, the paucity of intercultural pragmatics knowledge in Iranian ELT textbooks compared to international ones

gives us a better understanding of why students fail to communicate cross-culturally after finishing their education. It seems indispensable to foster a more balanced perspective toward developing textbooks involving more information about other countries and their culture. Such an approach can give students a more comprehensive and authentic insight into life that extends beyond their own nation, broadening their perspectives to encompass diverse global cultures and lifestyles.

The findings of this study hold significance for curriculum developers in revising curriculum, for teachers to use additional materials to compensate for the lack of cultural knowledge in the local books, for policymakers and publishers to develop textbooks or revise the current ones to meet the student's need for having cultural awareness which leads to successful communication.

References:

1. Byram, M. (1989). *Cultural studies in foreign language education* (Vol. 46). Multilingual Matters.
2. Byram, M. (2008). *From foreign language education to education for intercultural citizenship: Essays and reflections*. Clevedon: Multilingual Matters.
3. Creswell, J.W. (2009). Mapping the field of mixed methods research. *Journal of mixed methods research*, 3(2), 95–108.
4. Crystal, D. (1985). *A Dictionary of Linguistics and Phonetics*. Blackwell, Oxford.
5. Crystal, D. (1997b). *English as a global language*. Cambridge: Cambridge University Press
6. Darali, G. (2007). *Pragmatics dimension in Spectrum textbooks*. Unpublished master's thesis, Shiraz University, Iran.
7. Gholami, J. (2015). Is There Room for Pragmatic Knowledge in English Books in Iranian High Schools?. *English Language Teaching*, 8(4), 39–51.

8. Gholami Pasand, P., & Ghasemi, A.A. (2018). An intercultural analysis of English language textbooks in Iran: The case of English Prospect Series. *Apples: Journal of Applied Language Studies*, 12(1).
9. Hamiloğlu, K., & Mendi, B. (2010). A content analysis related to the cross-cultural / intercultural elements used in EFL coursebooks. *Sino-US English Teaching*, 7(1), 16–24.
10. Jalilian, M., & Roohani, A. (2016). Evaluating speech acts in ELT textbooks: the case of compliments and complaints in the touchstone series. *Research in English Language Pedagogy*, 4(1), 101–114.
11. Jamshidian, F., Tabatabaei, O., Salehi, H., & Vahid Dastjerdi, H. (2023). Reflection of Pragmatic Knowledge in Iranian High School English Textbooks (Vision Series). *Research in English Language Pedagogy*, 11(3), 398–422.
12. Jung, J.Y. (2005). Issues in Acquisitional Pragmatics. *Working paper in TESOL and applied linguistics*, 2(3), 1–34. Teachers college, Columbia University.
13. Kasper, G., & Blum-Kulka, S. (Eds.). (1993). *Interlanguage pragmatics*. Oxford University Press, USA.
14. Kecskes, I. (2013). Why do we say what we say the way we say it?. *Journal of Pragmatics*, 48(1), 71–83.
15. Kecskes, I. (2014). *Intercultural pragmatics*. Oxford University Press, USA.
16. Kobia, J. M. (2009). Femininity and masculinity in English primary school textbooks in Kenya. *The International Journal of Language Society and Culture*, 28, 57–71.
17. Kohandani, M., Farzaneh, N., & Kazemi, M. (2014). A critical analysis of speech acts and language functions in Top Notch series. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 98, 1009–1015.
18. Landis, J.R., & Koch, G.G. (1977). An application of hierarchical kappa-type statistics in the assessment of majority agreement among multiple observers. *Biometrics*, 363–374.

19. LoCastro, V. (2003). *An introduction to pragmatics: Social action for language teachers*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.
20. Mey, J.L. (2012). Anticipatory pragmatics. *Journal of Pragmatics*, 44(5), 705–708.
21. Putz, N., & Neff-Aertselaer, J. (2008). Introduction: developing contrastive pragmatics in M. Putz, & J. Neff-Aertselaer (Eds.), *Developing contrastive pragmatics: Interlanguage and cross-cultural perspectives*, (pp. ix-xviii). Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
22. Soozandehfar, S.M.A., & Sahragard, R. (2011). A textbook evaluation of speech acts and language functions in Top-Notch series. *Theory and Practice in Language Studies*, 1(12), 1831–1838.
23. Tajeddin, Z. & Teimourizadeh, S. (2014). Exploring the hidden agenda in the representation of culture in international and localised ELT textbooks. *The Language Learning Journal*, 42(1), 1–14.
24. Vellenga, H. (2004). Learning Pragmatics from ESL & EFL Textbooks: How Likely?. *Tesl-Ej*, 8(2), n2.

About the authors

Zahra Rahbarmah

M.A., Ph.D. candidate, Yazd University, Yazd, Iran;
email: z.rahbarmah@gmail.com

Hamid Allami

PhD, Associate Professor, Tarbiat Modares University, Tehran, Iran;
email: h.allami@modares.ac.ir

Amin Dehghan

Ph.D, Lecturer, Yazd University, Yazd, Iran;
email: aminnima@gmail.com

Validating Cultural Identity: Comparative Approach to EFL Teaching

DOI: 10.24833/2949-6357.2024.GEO.1

УДК: 811.111

E. E. Sokolova, L. I. Tararina

Abstract

The importance of integrating comparative strategies of using L1 minimally and with a clear purpose into the EFL classroom are discussed in the article. In the current diverse and inclusive environment, connecting with learners on cultural levels that can enhance their learning often results in missing important opportunities. The authors analyze a usage-based approach to EFL teaching based on sociocultural theory where L1 is understood as a beneficial cognitive tool to be employed in the process of teaching as a cultural agent constructing knowledge within unique local environments. With cultural practices in L2 unknown in L1, sometimes explaining becomes too time-consuming. L1 application contributes to teaching and building rapport, eases apprehension and breaks down barriers. The conclusion is made that to avoid misunderstanding in intercultural communication and to interpret the idea expressed in L2 one should get an insight into the native speakers' vision of the world, their mindset.

Keywords: foreign language, native language, EFL, cultural identity, comparative approach.

The debate over whether to use or not to use the learners' native language (L1) inside the classroom has always been the topic of discussion for the reason of its being considered a serious obstacle in building a bridge in cross-cultural learning. The ban on the native language in the classroom was imposed until

1990-s being promoted as the best way to foster the foreign language (L2) acquisition.

There is a certain sense in the fear of using too much L1 when teaching L2. According to L.S. Vygotsky, people, while learning their non-native language, are consciously working with the application of language elements and their combinations in various communicative situations [Vygotsky 2014]. In addition, they build a system in their mind that can serve to convey various non-linguistic elements or meanings. So, using the principle of reliance on L1 can also cause problems in the process of learning L2. For example, a new foreign word may not have an equivalent in the native language, thereby establishing an erroneous connection between words in two languages. It should be also noted that the native language will always dominate in speech, being the cause of language interference.

However, “Languages have strong, inseparable, and complex ties to culture” [Jenkins 2010: 943]. Thus, in current diverse and inclusive environment it seems to be a miss of important opportunities to connect with learners on cultural levels that can enhance students’ learning. When teachers work with students who share one language and one culture, the lack of L2 culture integration in a classroom environment appears to be a terrible miss since sometimes it is more important for students to understand a concept than it is for that concept to be explained exclusively in English.

That is why today a great deal of teachers agree that conscious application of L1 in teaching L2 opens good opportunities for the successful achievement of learning goals, and bilingualism, used as an unavoidable situational necessity in order to master grammatical and lexical material, in certain cases can be a more effective means of achieving a positive result of the educational process, than a monolingual approach.

A reasonable combination of L1 and L2 ensures the unity of actualizing the following functions of the studied language: communicative, cultural and pragmatic. The learning process should become a basis for the dialogue of cultures due to comprehensive consideration of the interrelationships between language, thinking, and culture.

The authors have tried to define cross-cultural tools and techniques for encouraging students to identify and develop conceptual links between L1 and L2 vocabulary “in order not to make them feel their identity threatened” [Hopkins 1988:18]. Auerbach believes that L1 “provides a sense of learners’ security, allowing them to express themselves freely. The learner is then willing to experiment and take risks with English” [Auerbach 1993: 19]. In sociocultural theory [Lantolf 2000; Vygotsky 1978, 1986] L1 is understood as one of the beneficial cognitive tools to be employed in the process of teaching a student as a cultural agent constructing knowledge within unique local environments. The main idea of such an approach is that integrating contrastive strategies of using L1 minimally and with a clear purpose into the EFL classroom can contribute to teaching and building rapport, which eases apprehension and breaks down barriers. The main idea that lies behind teaching EFL in particular contexts is based on the stance that every learner-teacher relationship is unique, and every context is unique [Brown 2000]. Thus, incorporating L1 can be helpful and relieve tension, which is sure to arise while studying foreign concepts.

So, it can be stressed that correlation between a native language and a foreign language is vital in teaching EFL since the world is globalized, which forces methodologists think in terms of integrating linguistic phenomena of other countries in local context, comparing, evaluating and understanding cultural differences reflected in the language. While learning L2, the stu-

dents, relying on L1, design their own language system including the main features of both, their native language and a foreign language. This native linguistic and cultural experience contributes to better understanding of foreign language peculiarities.

Considering that social practice theories prove that misunderstanding in intercultural communication often occurs due to the lack of cultural diversity knowledge we believe that in order to interpret the idea expressed in a foreign language one should get an insight into the native speakers' vision of the world, their mindset. Thus, Ufimtseva reveals that self-image and the language consciousness of Russians is different with the English and Russian speakers. The author pays attention primarily to the lexicalized content of consciousness of Russians on lexical associations. In her article *Ethnic character, Self-Image and Linguistic Consciousness of Russians* the author reveals the contrast between associations caused by stimuli between the English and the Russian native speakers. The analysis shows that the images of the world of Russians and English speakers differ significantly primarily in their consistency [Ufimtseva 1998]. For example, the first place in the English associative range is taken by the word *me*, whereas in the Russian associative mentality it is obviously not at the top. The Russian mentality is represented by the word *man*, which displays the tendency of the Russian speakers to think big, generalize through global statements of a declarative character. The English speakers being more egocentric seem to be more specific, precise and laconic. In this regard the Russian mentality is very poor in idioms containing parts of the body in comparison with the English language and it seems to be the reason why students experience difficulties in finding allusion to similar expression in their native language. With cultural practices in L2 that are foreign in L1, sometimes explanation can take a tremendous amount of time. Incorporating L1

can be helpful and relieve tension which is sure to arise while studying foreign concepts.

For example, the English idiomatic comparison *as drunk as a lord* is difficult for acquisition for a Russian student because the word *lord* has a positive connotation while analogical expression in Russian has a negative connotation *as drunk as a shoemaker / swine*.

But idiomatic and phraseological units reflect the cultural specifics of the language and play an important role in intercultural communication. Their understanding greatly facilitates the perception of modern journalistic and artistic works. However, it is often impossible to understand L2 phraseological meaning without searching for its analogue in the students' L1. For example, the expression *don't haloo till you out of the wood* in Russian has nothing to do with the wood, but sounds as *не говори гон, пока не перепрыгнешь*.

Another category of words, hardly understood without translation, are pseudo-international words, or the so-called "false friends of the translator". It is quite difficult and time-consuming to explain to students that *complexion* is not 'комплексия', but 'цвет лица', and *комплексия* will be 'body shape'; that *decade* is 'ten years' for the English speaker, and *декада* is only 'ten days' for the Russian speaker; that English *angina* is 'стенокардия', and Russian *ангина* is 'tonsillitis' in English, although both originate from Latin.

A good example of an incorrect meaning application was translation of the word *sabotage* (a polysemic word) as 'саботаж' in many Russian mass media after the explosion of Nord Stream 2. When discussing this fact in the classroom with the students in L2, we realized that they could not see any mistake, referring to the Cambridge Academic Content Dictionary which gives two meanings: "1. *the act of damaging or destroying equip-*

ment, weapons or buildings in order to prevent the success of an enemy or competitor; 2. the act of intentionally preventing the success of a plan or action”. The English *sabotage* and the Russian *саботаж* seemed 100 percent equivalent to them. Only turning to L1 helped to show the difference between 1. ‘*диверсия*’ and 2. ‘*саботаж*’.

Therefore, we may note that translation exercises when getting acquainted with both idiomatic expressions and phraseology, as well as with the “translator’s false friends “ are quite effective in choosing language means adequate to the communicative task.

So, the conclusion can be made that using L1 has no risk of preventing students’ effort to find the meaning from explanations or contexts. Vice versa, it facilitates critical thinking through comparative analysis of concepts given in L1 and L2.

References:

1. Vygotsky, L.S. (2014) *Myshleniye i rech [Thinking and Speech]*. Monograph. Moscow: Direct Media.
2. Vygotsky, L.S. (1978) *Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes*. In: M. Cole, V. John-Stern, S. Scribner and E. Souberman. Eds. and trans. Cambridge, MA: Harvard University Press.
3. Ufimtseva, N. V. (1998) *Etnicheskyi kharacter, obraz sebya i yazykovo soznanie russkikh [Ethnic Character, Self-Image and Linguistic Consciousness of Russians]*. *Yazykovo soznanie: formirovanie i funkcionirovanie – Linguistic Consciousness: Formation and Functioning*. Moscow, 135–170.
4. Auerbach, E. R. (1993) *Reexamining English Only in the ESL Classroom // TESOL quarterly*. V. 27 (1), 9–32.
5. Brown, H. D. et al. (2000) *Principles of Language Learning and Teaching*. New York: Longman. V. 4.

6. Cambridge Academic Content Dictionary. [Online] URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sabotage>. Available from: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/sabotage>. (Accessed: 15.09.2023).
7. Jenkins, H. (2010) Transmedia Storytelling and Entertainment: An Annotated Syllabus. *Continuum: Journal of Media and Cultural Studies*, 6 (24), 943–958.
8. Hopkins, A., Dudley-Evans, T. (1988) A genre-based investigation of the discussion sections in articles and dissertations. *English for specific purposes*. V. 7 (2), 113–121.
9. Lantolf, J. P. (ed.) (2000) *Sociocultural Theory and Second Language Learning*. Oxford University Press. V (4).

About the authors

Elena E. Sokolova

Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow Institute of Physics and Technology, Moscow, Russia;
email: selena12@mail.ru

Larisa I. Tararina

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Moscow Institute of Physics and Technology,
Russian State Social University, Moscow, Russia;
email: lt31@mail.ru

Научное электронное издание

МАГИЯ ИННО:
ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОДИДАКТИКА
В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Электронный сборник
научных трудов

Том 6, № 1 (2024)

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Компьютерная верстка и художественное оформление *А. С. Туманова*

Подписано в печать 25.02.2024. Формат 60x84¹/₁₆
Усл. печ. л. 37,8. Уч.-изд. л. 24,5.

Издательство "МГИМО–Университет"
119454, Москва, пр. Вернадского, 76